

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ESLI

6' 2008

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

СЕРГЕЙ СИНЯКИН
ТАЙНАЯ ВОЙНА
В ЛУКОМОРСКЕ

ДЖЕФФРИ ФОРД
УИЛЛ МАКИНТОШ
ДЖЕФФРИ ЛЭНДИС
ДЭВИД БРИН

АНТОН ПЕРВУШИН: НЕБЕСНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ

Издательство «ЭКСМО»

НАГРАЖДАЕТ АВТОРОВ

за 10-летнее

непрерывное, продуктивное
и успешное сотрудничество

золотым памятным знаком 585-й пробы

Алексея Игоревича Бессонова

Гарри Гаррисона

Александра Николаевича Громова

Олега Игоревича Дивова

Святослава Владимировича Логинова

Марию Геннадьевну Симонову

Михаила Юрьевича Тырина

ЛАУРЕАТЫ 2007:

М. С. Ахманов, В. В. Головачев, Д. Е. Громов, Е. Я. Гуляковский,
В. Д. Звягинцев, В. Л. Ильин, О. С. Ладыженский, В. Д. Михайлов,
Н. Д. Перумов, Н. Т. Чадович

**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ АВТОРОВ
И ЖЕЛАЕМ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ!**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТ:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБОЛЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».
КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечатать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечатать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru
E-mail: marketing@chpk.ru
Факс: 8(49672)6-25-36,
8(496)270-73-59.

Отдел продаж услуг:
8(499)270-73-59.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2008

93 Сергей СИНЯКИН
ТАЙНАЯ ВОЙНА
В ЛУКОМОРСКЕ

Много ли знаем мы о «той единственной гражданской»? И единственной ли? Ведь параллельно на Черноморском побережье велась еще одна, невидимая миру война.

3 Джеффри ФОРД
ЧЕЛОВЕК СВЕТА

...способен творить с первозданной стихией подлинные чудеса. Однако сам неизменно остается в тени.

23 Джеймс ГЛАСС
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ ХЕЛЕН

...доверена некоей компании, владеющей передовыми технологиями. Сестра покойной подозревает фирму в злодеянии.

43 Дэвид БРИН
ВИРУС АЛБТРУИЗМА

Похоже, иные ученые становятся заложниками своего исследования.

63 Уилл МАКИНТОШ
ВЕРОЯТНОСТИ

Какая связь между свиданием в кафе, первым детским лепетом и прогулкой пожилых велосипедистов? Не пытайтесь самостоятельно найти ответ.

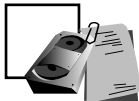
211 Рон ГУЛАРТ
БЕСЕДЫ
С МОИМИ КОЛЕНКАМИ

Думал ли герой, соглашаясь на самуюazardную операцию, что она в корне изменит его жизнь.

231 **Джеффри ЛЭНДИС**
ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ

Мы диалектику учили не по Гегелю, а физику — не по Ньютону.

78 **Андрей НАДЕЖДИН**
БУДУЩЕЕ ЦВЕТА ИНДИГО

Не стоит связываться с современными детишками, вдруг они обладают невероятными способностями...

86 **Аркадий ШУШПАНОВ**
МИСТЕР ИКС

В новой генерации голливудских кинозвезд он один из самых нестандартных актеров.

80 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Не пытайтесь снять на камеру оживших мертвецов!

255 **Антон ПЕРВУШИН**
ВЕКОВАЯ ТАЙНА

Уже столетие эта загадка не дает спокойно спать не только ученым и уфологам, но и нескольким поколениям сочинителей фантастических историй.

265 **Сергей СИНЯКИН**
ВСЕМ ВЫЙТИ ИЗ СУМРАКА!

Писатель-эксперт убежден: у «твердой» НФ есть будущее.

268 **Дмитрий ВОЛОДИХИН**
РУССКИЙ КОСМОС КАК ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

«Герой нашего времени» эпохи космических полетов, русское викторианство в мире Полдня: это только некоторые характеристики критика, выданные сборнику.

270 **РЕЦЕНЗИИ**

Книги на любой вкус: и антологии, и дебютанты, и мастера, и НФ, и фэнтези. Успевайте только читать!

277 **ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ**

Ознакомьтесь с результатами суждения Большого жюри.

281 **КУРСОР**

Парадоксальные факты, фактические парадоксы — необычное в мире фантастики зачастую оказывается куда прозаичнее реальности.

284 **ПЕРСОНАЛИИ**

Десант с Запада. Присмотримся к участникам повнимательнее.

Д Ж Е Ф Ф Р И Ф О Р Д

ЧЕЛОВЕК

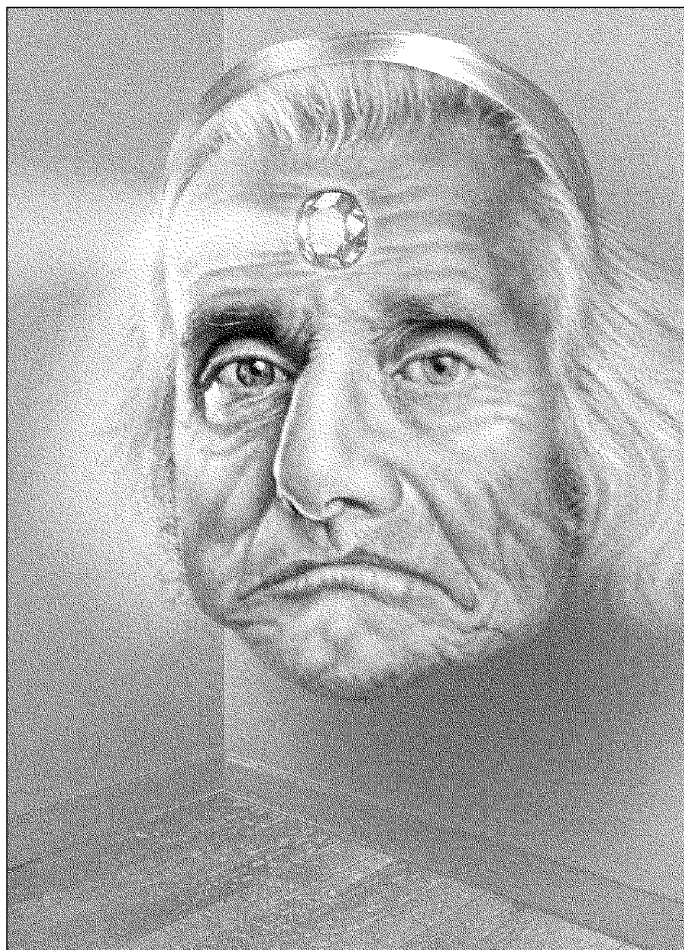

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

СВЕТА

Словно составленная для игры в «Музыкальные стулья», мебель сгрудилась посреди просторной гостиной плотным кольцом, так что диваны касались подлокотниками глубоких кресел. В середине приютился низкий столик, на который слуга поставил поднос с закусками и бокал для единственного гостя. Если не считать тесного кружка и роскошной хрустальной люстры с шестью зажженными свечами и пятьюстами подвесками, пространство было совершенно голым. Пол из дешевых серых досок, каковые раньше шли на изготовление изгородей для укрепления дюн, был выметен дочиста. Пустоту стен, поднимавшихся к высокому потолку, нарушало лишь крошечное прямоугольное окно с видом на восточный сад поместья. Сами стены от пола до потолка были оклеены бархатистыми оливковыми обоями.

В комнате над гостиной играл одинокий виолончелист, и задумчивая мелодия словно просачивалась через розетку в потолке, стекала в люстру и разбегалась каплями света. Слуга скрылся в недрах огромного дома, а одинокий гость, молодой человек по имени Огест Фелл, репортер из «Газетт», остался на стуле с высокой спинкой, просматривая список вопросов, которые набросал в блокноте. Умиротворяющее свечение музыки, смягчающее воздействие вина, благоговение при одной только мысли, что он удостоился аудиенции у самого Ларчкрофта, побудили молодого человека шепотом повторять записанное. Если все пройдет удачно, это будет единственное интервью, когда-либо данное гением.

Юный Огест мало что знал про Ларчкрофта, прозванного «Человеком Света» за то, что тот показал миру, чего можно достичь, манипулируя этой первозданной стихией. За алхимию сияния, за превращение мрачного в прекрасное, поношенного — в новое, физического — в духовное, ложного — в истинное мир платил ему щедро. Внимание публики он привлек еще в двадцать с небольшим лет (был тогда немногим старше, чем Огест сейчас), когда однажды вечером осветил хитро расставленными сигнальными фонарями (свет свечи и мощные линзы — только и всего) банк своего родного городка так, что здание с его мраморными колоннами и декоративной аркой словно бы воспарило на два фута над землей. С тех пор он приобрел мировую славу корифея иллюминации. Клиенты, известные, прискорбно известные и безвестные вовсе, обращались к нему по тысяче разных причин. И, удовлетворяя каждую просьбу, Ларчкрофт опирался на энциклопеди-

ческие познания в области всех мыслимых форм света — от солнечного до звездного, от светлячков до танца пламени.

Простейшим примером чародейства Ларчкрофта был индивидуально подобранный «Косметический комплекс для взыскательных дам». Разумеется, эта панацея не приобрела международной известности, каковую принес ее создателю знаменитый трюк с изображением поля битвы: его Ларчкрофт осветил так, что оно показалось Раем (трупы преобразились в сонм спящих ангелов, а в очертаниях опрокинутой маркитантской повозки проступил лик самого Господа). Зато здесь мастер позволил заглянуть в тайны своего искусства, оставшиеся скрытыми в более экстравагантных его достижениях. Клиенты обращались к нему с простой просьбой: при помощи светоискусства сделать их моложе.

Он создал систему макияжа, при которой благодаря направленному лучу точно по волшебству исчезали вторые подбородки, разглаживались морщины, и миру являлся блеск юности и здоровья. Такая мысль пришла ему в голову, когда, непрестанно изучая свет, он наткнулся на монографию о старых мастерах. Изготавливая краски, художники прошлого растирали исходные вещества до определенной степени грубости или тонкости частиц с учетом того, как то или другое будет отражать или преломлять свет. Эти мастера в точности знали, что произойдет со светом, когда он соприкоснется с их рукотворной краской, и посредством выверенного пересечения лучей умели заставить свои изображения светиться изнутри.

То же самое Ларчкрофт проделал с пудрой, румянами и тенями для век, и его усилия принесли еще более поразительные результаты. Ассистенты Ларчкрофта изучали черты лица каждого клиента, а сам мастер прописывал сложнейшую формулу макияжа и особую последовательность его нанесения. Старухи превращались в старлеток, а дурнушки — в знойных искусительниц, так что к концу бала иные кавалеры попадали под чары чьей-нибудь бабушки. Впрочем, нарекания возникали редко, поскольку многие мужчины прибежали к тем же ухищрениям, а коль скоро процесс стирал шербины времени во всех возрастах, подцепивший бабушку сам зачастую оказывался чьим-то дедушкой.

Смакуя портвейн под водопадом звучащего света, Огест Фелл едва верил в свою удачу. А ведь чтобы добиться встречи, понадобилось лишь отправить Ларчкрофту просьбу об интервью. Когда он рассказал о своем намерении шефу, старик только рассмеялся и покачал голо-

вой: «Ты идиот, дружок, если надеешься, что этот человек уделит тебе минуту». Три недели он был посмешищем всей «Газетт». Пока однажды не пришло письмо с фамилией Ларчкрофт в графе «Отправитель». Когда письмо вскрыли, блестящий материал на внутренней стороне клапана вобрал в себя рассеянный свет от газовых рожков в редакции и отбросил его с такой силой, что все присутствующие на мгновение ослепли.

Минут час, и Огест, коротавший время в бескрайней гостиной, начал беспокоиться, не передумал ли прославленный затворник. Вдруг музыка оборвалась. В северной стене гостиной открылась неприметная дверь, и вошел джентльмен во фраке, галстук бабочкой и с красной гвоздикой в петлице. Он постоял мгновение, будто что-то забыл, а после, оставив дверь приоткрытой, вышел на середину комнаты.

— Мистер Фелл, — произнес он и сделал паузу, хотя уже привлек внимание Огеста. — Мистер Ларчкрофт вас сейчас примет.

Последовало длительное молчание, предвращавшее выход важной персоны. Господин с гвоздикой в петлице застыл в полупоклоне. Наконец Огест набрался храбрости и негромко спросил:

— Вы мистер Ларчкрофт, сэръ?

— Нет, — ответил господин со вздохом. — Он вон там.

Повернувшись, он указал куда-то в сторону двери. Огест проследил взглядом его движение, и секунду спустя раздался два звука. Первым был возглас изумления, за ним — звон бокала, разбитого о дощатый пол. Поводом к внезапно охватившей молодого человека панике стал тот факт, что вдоль стены справа грациозно парила голова: подернутые сединой каштановые волосы были зачесаны волнами назад и собраны серебряной ленточкой.

Вскочив, Огест отступил на шаг, и голова повернулась, чтобы посмотреть на него. Выражение лица было строгим, уголки губ с едва заметным пренебрежением опущены, брови чуть выгнуты. Это было примечательное, выразительное лицо с мясистыми, обвисшими щеками и крючковатым орлиным носом. Темные глаза почти скрывались в тенях надбровных дуг, в центре лба переливался граниями зеленый драгоценный камень — размером с ноготь большого пальца.

Голова наконец остановилась на высоте лица Огеста. Строгий взгляд оценивающе скользнул по молодому человеку, и репортеру показалось, что в нем уже нашли изъян. Но не успел он отвести глаза,

как Ларчкрофт расплылся в улыбке. В мягком свете люстры блеснули зубы, вся физиономия словно засияла.

— Спасибо, что дождались, — сказал он. — Меня задержали в городе дела.

Огест натянуто улыбнулся и рискнул сделать шаг вперед.

— Подойдите ближе, — велел Ларчкрофт, — только осторожно с осколками.

Репортер начал извиняться, но голова гения милостиво кивнула:

— Ерунда. Такое не впервые случается. — Тут он расхохотался. — Идите сюда, подальше от стекла. Садитесь на пол.

Как ребенок в детском саду, репортер сел на пол по-турецки — в нескольких футах от парящей физиономии. Голова Ларчкрофта опустилась на пару футов, словно его несуществующее тело разместилось в невидимом кресле. С мгновение хозяин дома созерцал люстру, потом произнес:

— Странно, наверное, знакомиться с Человеком Света ночью, когда мир погружен во тьму. Но все начинается в темноте, и слишком многое в ней заканчивается.

Огест заворуженно смотрел, не в силах выдавить ни слова.

— Кажется, у вас есть вопросы?

Молодой человек достал блокнот, перелистнул несколько страниц так быстро, что уголки оторвались от спирали. Облизнув губы, он шепотом повторил про себя вопрос, прежде чем задать его вслух.

— Да, сэр. — Голос у Огеста дрогнул. — Где вы родились?

Голова медленно покачалась из стороны в сторону.

— Нет? — спросил Огест.

— Нет, — отозвался Ларчкрофт. — Все и так знают, где я родился. Они видели фотографии моих родителей в газетах. Развалюху, где я появился на свет, объявили историческим памятником. Обыватели рыдали над ранней кончиной моей первой жены, и так далее, и тому подобное. Послушайте, сынок, если хотите чего-то добиться в жизни, нужно задавать важные вопросы.

— Например... например, почему вы только... голова? — спросил Огест.

— Неплохо для начала. Смотрите внимательно. — Голова Ларчкрофта повернулась к господину с красной гвоздикой, который отошел к двери в дальнем конце комнаты. — Бастон, — позвал Человек Света.

— Сэр? — спросил дворецкий.

— Скажите Хоутсу, чтобы сыграл несколько тактов.

Господин у двери высунулся в проем и крикнул:

— Хоуте! Несколько тактов.

Секунду спустя музыка вновь засочилась откуда-то сверху.

— Мне нужно услышать что-то? — спросил Огест.

— Только смотреть, — сказал Ларчкрофт, — но смотреть внимательно.

Закрыв глаза, он начал подпевать.

Огест выполнил указание, но никак не мог понять, что ему полагается увидеть. «Определенно, самый странный вечер моей жизни», — подумал он. А потом вдруг начал различать что-то, чего не видел раньше. От головы гения, там, где полагалось быть шее, начали спускаться линии кадыка. Прищурившись, Огест увидел еще больше. Прошло еще с десяток секунд, и перед ним предстал смутный, но несомненный контур тела Ларчкрофта.

В этот момент Ларчкрофт крикнул «Довольно!» так громко, что господину с гвоздикой не пришлось передавать его приказ. Музыка смолкла, а вместе с ней внезапно исчезли и тонкие линии, обрисовавшие тело Человека Света.

Веки Ларчкрофта поднялись, он улыбнулся.

— Что вы увидели?

— Я начал видеть вас.

— Очень хорошо. Надетое на мне — брюки, пиджак, рубашка, перчатки, туфли, носки, — все в точности бархатистого тускло-зеленого оттенка обоев. В этой комнате акустика света, если так ее можно назвать, — голое пространство, серость пола, высота потолка, наша масса и, разумеется, свет люстры, мягкий, как жидкий огонь — складывается так, чтобы на фоне зеленого была видна лишь голова. Но когда Хоутс наверху играет на виолончели, расположенной строго над люстрой, вибрация инструмента передается через потолок и подхватывается хрустальными подвесками, которые чуть заметно покачиваются, изменяя консистенцию светового поля и разрушая иллюзию.

— И вы сидите в кресле, обитом тем же зеленым? — возбужденно спросил Огест.

— Совершенно верно.

— Гениально, — рассмеялся молодой человек.

Ларчкрофт какое-то время смеялся без удержу, и Огесту это зрелище казалось одновременно чудесным и ужасающим.

— А вы неслышны. — Голова одобрительно кивнула. — Готов побиться об заклад: теперь вы придумаете правильный вопрос.

Поначалу Огест был уверен, что не разочарует хозяина. Вопрос вертелся у него на языке, но через мгновение мысль ускользнула.

Ларчкрофт закатил глаза. Дернувшись вперед, голова наклонилась к Огесту. Рот открылся, и когда зазвучали слова, репортер ощутил теплое, отдающее чесноком дыхание хозяина.

— Создание Ночи, — прозвучали шепотом слова гения, за ним последовало подмигивание.

Голова снова отодвинулась.

— Не могли бы вы рассказать о Создании Ночи? — спросил Огест, заноса над бумагой карандаш и поправляя на колене блокнот.

Ларчкрофт вздохнул:

— Наверное, да, хотя это очень личная история, и сейчас я расскажу ее в первый и последний раз. Но сначала надо ввести вас в курс дела.

— Я готов.

— Итак. — Ларчкрофт прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями. — Свет — это творческий гений, изобретатель, скульптор. Доказательств тому можно не искать дальше отражения нашего лица в ближайшем же зеркале, а точнее, глаз. Можете ли назвать, мой дорогой мистер Фелл, что-нибудь более сложное, более компактное и функциональное, чем человеческий глаз?

— Нет, сэр.

— Так я и полагал. Но задумайтесь вот над чем. Наши глаза были созданы светом. Не существой света, у нас не было бы глаз. За долгий эволюционный марафон человечества свет выстроил эти волшебные шары, на протяжении веков внося мельчайшие изменения, и теперь они способны к удивительному процессу — зрению. Наиважнейшее из наших чувств, не только способ самосохранения, но и единственный важнейший катализатор культуры — порождение гения света.

В древности считалось, что глаза, словно маяки, генерируют лучи, которые, изливаясь, смешиваются со светом солнца, как подобное тянется к подобному, и возвращаются к нам отражением, которое мы затем принимаем за зрение. Сейчас нам известно, что глаза лишь мощнейшие ловители, посредством которых свет общается с нами. Не обманывайте себя: свет разумен. Это я понял еще в самом начале работы с ним. Когда мне было пять лет, я увидел, как солнечный луч проник в комнату через щель между ставнями, ударил в аквариум с зо-

лотыми рыбками и рассеялся в личинах составляющих его цветов. С тех пор потребовалось лишь несколько кратких лет интеллектуального углубления в данный феномен, чтобы понять: все, что мы видим и что нам кажется, суть лишь осколки чистейшего света. Так, во всяком случае, я думал тогда.

— Минутку. — Огест бешено строчил в блокноте. — Вы хотите сказать, что все сущее — продукт преломления света?

— Более или менее, — пожал плечами Ларчкрофт. — Эта теория наделила меня достаточно глубоким его пониманием, позволив воплотить кое-какие иллюзии и трюки, которые привлекли внимание публики. После того как я поступил в университет и выучил математические формулы, которые изящно заключили в цифры то, что в юности я отыскивал ошупью, мне показалось — дальше я не продвинулся. Я натолкнулся на своего рода непреодолимую стену, скрывающую от меня секреты сущности света. Я понял, что все сводится к следующему: свет общается с нами посредством глаз, но глаза лишь уловители, поэтому он способен говорить нам, наставлять нас, требовать от нас, однако общаться с ним мы не в состоянии. Я мог манипулировать процессом зрения настолько, насколько сам свет мне позволял, но факт оставался фактом: мое общение с разумом света навсегда останется односторонним.

Однажды ночью, в месяцы, когда подобная ограниченность свергла меня в угнетенное состояние духа, мне приснился чрезвычайно яркий сон. Я очутился на празднике в старой деревенской школе, куда ходил ребенком. Включая меня, гостей было с десяток, а учительница (хотя такой я ее определенно не помнил) была юной красавицей с золотыми волосами и безмятежным лицом. Все парты вынесли, в классе стоял лишь стол с чашей для пунша. Не знаю, как долго длилась наша беседа. Самое странное, что свечи не были зажжены, и мы стояли в потемках и видели окружающее лишь благодаря льющемуся в окна лунному свету. Потом кто-то заметил, что учительница пропала. Седовласый старик отправился на поиски и вскоре наткнулся на нее: она лежала возле окна, омываемая лунным светом. Он подозвал нас, ведь все указывало на то, что ее убили. Повсюду была кровь, но странная — в виде веревок или нитей, обвивших ее паутиной.

Все собравшиеся почему-то решили, что убил ее я. Я ничего такого не помнил, но чувствовал себя виноватым. Пока остальные стояли, в ужасе глядя на странное тело, я тихонько прокрался к двери. Добравшись до нее, я беззвучно переступил порог, спустился по ступень-

кам и был таков. Я не бежал, но шел очень быстро. Однако не к дороге, а в другую сторону — за школу, через лесок к реке. На земле лежал снег. Было холодно, и небо мерцало мириадами звезд. Силуэты стволов и голых ветвей были зрительно свежими и хрусткими. Направляясь к берегу, я испытывал глубочайшее раскаяние.

На берегу я снял с себя одежду. Тут оказалось, что я держу в руках очень большую и круглую плетеную корзину без ручки; размеров она была таких, что могла бы накрыть мое тело от головы до талии. Я вошел в воду, которая доходила мне до середины бедра, ожидая, что она будет ледяной. Но нет. Потом я лег на корзину и отдался во власть течения. Мимо плыли прекрасные заснеженные пейзажи под великолепием ночных небес... Мирное плавание, казалось, тянулось много часов, я увидел, как передо мной встает солнце, словно река изливается прямо из его огненного сердца. Солнечный свет омыл меня и нашептал, что все будет хорошо. Встав, я покинул реку, думая про себя: «Ты вырвался, Ларчкрофт, ты свободен». Тут я проснулся.

Станный сон, но не более странный, чем другие. Едва открыв глаза, я сосредоточился вовсе не на символическом смысле сна. Я спросил себя — и это было величайшее прозрение за всю мою карьеру светокузнеца: «Откуда берется свет во снах?» Через час раздумий мне пришло в голову, что во Вселенной, наверное, существует два типа света: внешний свет солнца и свечей и внутренний свет, исходящий из нашего собственного уникального разума. Эврика, мистер Фелл!

Некоторое время Огест строчил как сумасшедший, стараясь не отставать от слов хозяина дома. Закончив, он поднял глаза к лицу Ларчкрофта.

— Простите мое невежество, сэр, но что существует?..

— Разве вы не понимаете? Я знал: дабы разведать глубинную сущность света, мне нужно как-то смешать мой внутренний свет со светом внешним. Чтобы, как я уже говорил раньше, задать важные вопросы. Но как? В том-то и была проблема. Сколь бы поразительным механизмом ни являлись глаза, они тут не годились, ведь глаза созданы исключительно для восприятия. Целый год я бился над этой загадкой.

Но однажды, стараясь дать отдых измученному мозгу, я листал книгу репродукций, которую купил по случаю, но на которую всё не находилось времени. Там было одно необычайное полотно под названием «Исцеление от глупости». На нем был изображен мужчина в кресле, за которым стоял кто-то еще — надо думать, врач. Он производил какую-то хирургическую операцию: небольшим инструментом

проделывал дыру во лбу распростертого пациента. По лицу больного текли струйки крови, но, невзирая ни на что, он был в полном сознании. Со временем я догадался, что полотно изображает старинную операцию по трепанации черепа.

— Трепанация? — переспросил Огест. — Прodelьвание дыры в голове?

— Коротко говоря, да, — кивнула голова Ларчкрофта. — Операция была известна еще на заре человечества. Ее медицинское назначение — снизить внутричерепное давление, вызванное заболеванием или травмой. Но в оккультных кругах, в мире шаманов, ясновидцев и визионеров она проводилась для открытия канала прямой связи со Вселенной. Отчетов о таких случаях немного, но я прочел несколько, составленных теми, кто подвергся трепанации как раз с такой целью. Они утверждали, что испытывают непрерывную эйфорию, прилив трансцендентной энергии и глубокое и прочное слияние со всем мирозданием... Мне не было дела до эйфории. Мне требовался путь, которым мой внутренний свет мог бы покинуть череп и соединиться в беседе с внешним светом.

Я решил подвергнуться трепанации и начал подыскивать хирурга, который бы ее произвел. Тем временем передо мной встала новая проблема. Когда в голове у меня будет отверстие, как мне направить мой внутренний свет вовне? По отчетам пациентов создавалось впечатление, что отверстие просверливалось для того, чтобы впустить Вселенную. Мне нужен был какой-то способ контролировать воображение. Я понял, что должен придумать символического посланника во внешний мир, фигуру, на которой я мог бы сосредоточиться и посредством которой мог бы выразить свою волю. А потому я взялся за дело и с толикой труда и уймой снов наяву сумел создать такой образ.

Тут Ларчкрофт умолк.

Подняв глаза, Огест обежал взглядом комнату, а после уставился на склоненную макушку собеседника.

— Что-то не так? — спросил он.

Голова Ларчкрофта качнулась.

— Лишь малость. Готовы вы заверить меня, что услышанное вас не шокирует?

— Это связано с сущностью посланца? — спросил молодой человек.

— Ну, — протянул Человек Света, — мое воображение породило концепцию юноши, во многом похожего на вас: любопытствующего,

готового задавать важные вопросы и, возможно, как и вы, не расстающегося с блокнотом.

— Это меня не шокирует, — сказал Огест. — Всё логично.

— Да, но я ни в коей мере не утверждаю, что вы лишь посланник. Вы репортер и доказываете, что неплохой.

— Спасибо.

— Итак, мой посланник был молодым человеком, и как только он материализовался, я стал думать о нем постоянно, чтобы не забыть его образ и иметь возможность вызвать в любую минуту. Я дал ему имя, потом за много ночей приучил себя видеть сны о нем. Как только я упрочил его бытие в моих снах, я начал работать над тем, чтобы сформулировать распоряжения. Теперь я мог, увидев его во сне — как он идет по улице, завтракает, лежит в постели с девушкой, — негромко сказать: «Возьми блокнот, пойди к Человеку Света и задай ему вопросы, которые ты записал. Получи его ответы и перенеси их на бумагу. А после принеси мне блокнот». И он послушно выполнял распоряжения, обходя моих давних знакомых — синих пуделей, рявкающих порождений ночи, и прочих чудищ, населяющих мир сновидений. Ничто не останавливало его, пока он не подходил к закрашенной черным двери. Сколько бы он ни пытался: поворачивал ручку, изо всех сил толкал дверь — она не открывалась. И так он повторял каждую ночь. Каждую ночь без тени раздражения он подходил к двери и старался в нее войти.

— Но пока в вашем черепе не было выхода. Я прав, мистер Ларчкрофт? — спросил Огест.

— Хорошо сказано, — отозвался Человек Света. — Пока я натащивал посланца, один из моих агентов выкопал имя типа, который мог бы произвести трепанацию для целей иных, нежели медицинские. В местности, где я жил тогда, практиковали опытные хирурги, но когда я объяснял, что мне нужно, они отказывались, решив, что я лишился рассудка. А этот тип вообще не был врачом, лишь фельдшером, подвизавшимся во время войны в полевом госпитале. Как мне дали понять, он согласится на любую операцию, какую ни попросят.

— Но чем он подходил для ваших целей? — спросил Огест.

— По сути, ничем, если не считать того факта, что он был на мели. К тому же из-за опиумной зависимости постоянно нуждался в наличных. Работа в полевом лазарете наделила его стальными нервами или безразличием, и ни фонтаны крови, ни разверстые раны, ни пронзи-

тельные вопли пациентов не заставили бы его даже поморщиться. Для всех процедур он предлагал одну и ту же анестезию — полбутылки «Барчерского желтого провала».

Я встретился с Фрэнком Скэттериллом (определенно несчастливое имя) пасмурным днем поздней осени в холле «Виндзорского герба», служившего чем-то вроде борделя, салуна и гостиницы разом. При попытке описать собеседника, первое, что приходит на ум: усталый... Он казался изможденным: веки полуопущены, руки подрагивают. Само его лицо, украшенное длинными усами, обвисло. Он все же сумел выдавить желтозубую улыбку, когда я протянул ему аванс наличными.

Эскулап повел меня в комнату на третьем этаже, половину которой он превратил в операционный театр, снабдив парикмахерским креслом с откидной спинкой и столом, заставленным инструментами, свечами и полупустыми бутылками «Барчерского». Пол устилали старые простыни, хранившие засохшие следы прошлых операций. Я выпил свои полбутылки желтоватой бурды, которая не притупила боль, но вызвала тошноту. Скэттерилл объяснил, как будет проходить операция. Один за другим он показал мне все инструменты, какие собирается пустить в ход: скальпель для первичного надреза, нож для разделения и оттягивания складок кожи, трепан — похожий на штопор предмет с циркулярной пилой внизу, — потом еще крошечный топорик с зубуренным лезвием и пилку для выглаживания обода отверстия, а под конец кисточку для удаления черепной пыли.

Я спросил, где обычно делают надрез, и он указал место на лбу, чуть выше того, какое я воображал, почти под волосами. Я объяснил, что мне отверстие нужно ниже, прямо в центре лба, в углублении, под которым сходятся надбровные дуги. «Как скажете, капитан», — был его ответ. Еще я потребовал, чтобы он прижиг края кожи, дабы она в дальнейшем не отросла. Затем я вынул из кармана изумруд, который вы сейчас видите у меня во лбу, и велел вставить его в отверстие по завершении процедуры...

— Прошу прощения, мистер Ларчкрофт, но изумруд... Как он к вам попал? — спросил Огест.

— Я получил его в обмен на подсветку, которую однажды сделал покойнице. Богатая старуха просила подсветить ее открытый гроб так, чтобы во время прощания создавалось впечатление, будто глаза ее двигаются взад-вперед. Жадные отпрыски должны были усвоить:

бабушка будет вечно следить за ними. Провернуть это было нетрудно — при помощи пары лопастных вентиляторов, жаровен с открытым пламенем и хитро расставленных отражателей...

Ларчкрофт поджал губы и прищурился, стараясь вспомнить, на чем остановился в своем рассказе.

— Трепанация... — подсказал Огест.

— Ах да. Скэттерилл дрожал, как сухой стебелек на январском ветру. Было очевидно, что это не от волнения, а по причине какого-то физического недомогания, следствия его романа с маковой соломкой. Он так долго вворачивал трепан, что я подумал, не направляется ли он в Китай... Боли я не помню, хотя и знаю, что таковая была. Кровь текла рекой, и «Желтый провал» не раз пытался покинуть мой желудок. Под конец процедуры я лишился чувств и пришел в себя несколько минут спустя от зловония собственной опаленной плоти. Когда я приподнялся, Скэттерилл поднес к моему лицу карманное зеркальце, и я увидел залитую кровью физиономию, теперь преобразенную третьим глазом ослепительной зелени.

Бастон отвез меня домой в наемной карете, я лег в постель и проспал три дня кряду. Но время не пропало даром, ведь пока спал, я постоянно видел сны о моем посланнике, следовал за ним через его дни, таскался по улицам, сидел за пивом в пабе, где он неторопливо набрасывал заметки к предстоящему интервью, ухаживал за прекрасной девушкой по имени Мей. Забавно, эта Мей в точности походила на учительницу, которую я якобы убил в предыдущем сне. «Скоро, очень скоро», — обещал я посланцу, занимавшемуся своими повседневными делами.

— Мей? — тихонько переспросил Огест, глядя на стену позади палящей головы.

— Довольно распространенное имя, — отозвался Ларчкрофт. — Итак подошло время смешать мой внутренний свет со светом Вселенной.

Тут он прокашлялся и подождал, когда молодой репортер выйдет из внезапного забытья.

— Да-да, — пробормотал Огест, снова переводя взгляд на Ларчкрофта и заноса карандаш над блокнотом.

— Дождавшись прозрачно ясного дня, а ведь уже наступил декабрь, и я оделся потеплее — варежки, шарф, толстые гетры и три фуфайки под пальто, — я вышел на балкон второго этажа. Там я лег на спину под прямые солнечные лучи, откупорил голову, вынув изумруд,

и погрузился в глубокий сон. Как только обрел очертания мой первый сон, я увидел посланца, шедшего с блокнотом наготове по длинному переулку к двери, которая была уже не черной, а изумрудно-зеленой. Выражение лица у него было решительным, а походка — деловой. Когда он подошел к двери, та распахнулась, и в проем хлынул яркий свет. Он шагнул в этот свет Вселенной, а меня с того мгновения затопил мучительный экстаз.

Я проснулся на балконе в сумерках и дрожал так, что едва сумел вставить изумруд на место. Да, одеться я постарался тепло, но температура с наступлением ночи резко упала. Холод сковал все суставы, и потребовалось немало сил, чтобы подняться хотя бы на четвереньки, открыть балконную дверь и заползти в тепло дома. Полчаса спустя, когда более умеренная атмосфера в верхней гостиной оказала свое благотворное действие на мои кости, я сумел подняться на ноги. Да, меня пошатывало, но думать я мог лишь о том, чтобы заснуть снова, найти в царстве сна моего посланца и узнать, какие откровения он вынес из своего интервью.

Стоило мне снять теплые вещи и выпить рюмку виски, как начали сказываться последствия моего неразумного решения пролежать на улице весь зимний день. Спать я не мог, меня лихорадило, и сколь бы ни удался мой план, вокруг осенним туманом сгушались уныние и страх. Чтобы прочистить мысли, я решил просмотреть счета. Это был простой процесс проверки: кто из моих клиентов уплатил, а кто нет — но я обнаружил, что пламя свечи раздражает мои глаза настолько, что мешает сосредоточиться. А потому, прихватив с собой бутылку виски, я забился в самый темный угол кабинета.

Я пил, чтобы заглушить нарастающие дурные предчувствия и призвать сон. Первые не поддавались, последний мешкал прийти. Я сидел в ступоре, пока в окно моего кабинета не заглянуло солнце, и вид его напугал меня. Я поплелся в спальню, где опустил жалюзи, задернул портьеры и лег в темноте. Еще часов восемь или около того я метался на кровати, потя и дрожа, пока наконец не снизошел сон.

В его пространстве я искал посланца (к тому моменту это вошло в привычку) и нашел его: с поднятым воротником он шагал ночью по мощеному переулку и под мышкой зажимал блокнот. В спину дул зимний ветер, гнал посланца по улочке вместе с обрывками старых газет и сухой листвой. Я увидел, как он вдруг остановился, напряженно прислушиваясь. За спиной у него раздался топот; повернувшись, он прибавил шагу.

Затем сон стал смутен, а когда ясность вернулась, я снова увидел его. Он приблизился к двери своего пансиона. Отперев ее, он вошел и тихо, чтобы не потревожить других постояльцев, поднялся на два пролета к своей комнате. Войдя, он запер за собой дверь. Едва сняв пальто, он зажег свечу и сел за стол, положив перед собой блокнот. Он поднял обложку, перевернул несколько пустых страниц, и в этот момент я сумел спуститься и заглянуть через плечо юноши на результаты его интервью. К моему (как я мог судить) и к его удивлению тоже, страницы были совершенно черны, словно от края до края запорошены сажей. Громко выругавшись, он захлопнул блокнот.

И этот хлопок разбудил меня.

— Случилось что-то дурное? — сказал Огест, на мгновение переставая писать.

Ларчкрофт кивнул, выражение его лица стало строгим.

— Уж точно, не доброе. И, заверяю вас, почерневшие страницы были не самым худшим. Очнувшись от того сна, я насилу поднялся и вышел из спальни. В лицо мне ударил солнечный свет, льющийся в окно, и я вскрикнул, как умирающий зверь. Вернулась невыносимая боль, с силой пронзила голову, словно сами мозги загорелись. Поскуливая, я сбежал по лестницам в подвал, где, дрожа, забился в угол. Я словно перешел из сна в кошмар.

Там я и сидел. Мысль о малейшей искорке света вызывала у меня приступы панического ужаса. Лежа на полу, я то лишался чувств, то приходил в себя. Наконец Бастон, который искал меня, подошел к двери подвала и позвал. Свет, просачивавшийся с верхних этажей, выцарапывал глаза, и боль привела меня в чувство. Я заорал, чтобы он поскорее закрыл дверь. Еду он принес в подвал. И лишь когда солнце село, ко мне вернулась способность мыслить.

Съев обед и выпив две чашки крепкого кофе, я попытался разгадать смысл моего преобразования. Обдумывая события предыдущих дней, я, казалось, нашел ответ, и этот вывод, хотя по-своему чудесный, был весьма тревожным. Пытаясь послать в большой мир света посланника из снов, я слишком надолго оставил незащищенным отверстие в своей голове. Наступила ночь, и какое-то создание тьмы заползло в меня, словно мышь в подпол. Да, тьма была теперь во мне, и она росла, захватывая все большую власть.

Объяснение моей теории я нашел, обнаружив своего посланца в самом бедственном положении. В его мире наступил день, но его самого и прочих жителей того города охватила паника: чернильная чер-

нота взяла город в кольцо, и оно сжималось. Темнота не просто накрывала тенью пространство, она его поглощала. Пожирала людей, стирала здания, затопляла ландшафт.

Проснувшись, я решил, что панацеей — пусть крайне болезненной — будет вынуть камень из лба и «вливать» в мозг антидот прямого солнечного света. Но недостаток такого плана вскоре стал очевиден, когда я попытался, но не смог заставить собственную руку вынуть камень. Создание тьмы запустило щупальца в мое сознание и не позволяло себя уничтожить. Я впал в глубочайшую депрессию и был бессилен противостоять навязчивой мысли о самоубийстве... Сейчас мне не по себе от того, что я открываю это вам и вашим читателям, но я и впрямь начал биться головой о деревянные балки подвала, надеясь покончить с собой, вызвав обширную черепно-мозговую травму... Нелепо, правда? — Ларчкрофт, улыбнувшись, качнул головой.

— Все нет, — ответил Огест. — Положение было отчаянным, я понимаю.

— Благослови вас Боже... — сказал Человек Света. — Но добился я лишь одного: лишился чувств и снова провалился в сон о моем посланце. Его я застал в большом волнении. Рука об руку с Мей он бежал по улицам города. Толпы тех, кого еще не поглотила тьма, стекались к центру стремительно уменьшающегося круга света. На все это я смотрел с пустой отстраненностью. Поначалу я полагал, что молодой человек, гонимый паническим ужасом, просто рвется вон из города, но вскоре стало очевидно — он спешит в конкретное место, поскольку на бегу всматривается в номера домов.

Потом я сообразил, что он нашел искомое место, поскольку они с Мей взбежали по ступенькам к двери обветшавшего пятиэтажного строения. Когда они переступали порог, я прочел шербающую, выцветшую вывеску «ВИНДЗОРСКИЙ ГЕРБ». Вот это, можете мне поверить, вырвало меня из оцепенения. Не останавливаясь, они пронеслись через пустой холл к лестнице, поднялись на три пролета и остановились перед знакомой зеленой дверью. Мой посланник постучал, но ответа не дождался. Не мешкая, он повернул ручку и толкнул дверь. В тускло освещенной комнате они застали Фрэнка Скэттерилла: сидя в кресле, он пыхтел опиумом, облака которого окутали его голову.

Последовавшее за тем трудно было разобрать — все расплывалось и смазывалось... С улицы послышался ужасный шум: люди кричали,

словно от мучительной боли. Затем — полная тишина. По какой-то причине девушка Мей сняла всю одежду и теперь стояла, дрожа от холода, чуть поодаль от парикмахерского кресла. Откинувшись на его спинку, мой посланник умолял Скэттерилла поспешить. А этот жалкий тип возился с инструментами на рабочем столе. Кажется, я первым заметил, как тьма начала заползать в щель под дверью, заливая комнату.

«На это нет времени», — сказал посланник и, откинув голову, ментально заснул. Мей коротко вскрикнула, но ее поглотила тьма, заполнявшая комнату. Скэттерилл взял со стола какой-то предмет. Я различил лишь, как стальная грань блеснула светом последней оставшейся свечи. Эскулап занес руку, целя в лоб молодого человека. И я увидел, что в руке у него пистолет. И когда пять сотен темных щупалец начали обвиваться вокруг Скэттерилла, он спустил курок, и его предсмертный крик потонул за рывканьем выстрела. Аккуратное и бескровное дымящееся отверстие появилось во лбу посланника.

Темнота сомкнулась... но не успела она стереть молодого человека, как из дыры во лбу, будто его череп стал маяком, хлынул сноп яркого света. Этот свет сложился в безликую человеческую фигуру. Его мощное сияние оттолкнуло темноту. Но и тьма, в свою очередь, выплюнула сгусток черноты, который с той же быстротой принял облик человеческой фигуры, но остался соединенным с материнской тьмой пуповиной. Свет и тьма сошлись в поединке.

Мои воспоминания о схватке в лучшем случае фантастичны. Даже во сне я чувствовал, как гудит мой разум, как вибрирует череп. Не знаю, сколько длилась схватка, но это была жестокая борьба не на жизнь, а на смерть. Наконец, когда каждый зажал другого в тиски, когда тела врагов прижались друг к другу так тесно, что местами посерели, раздался ясный хлопок, и мгновение спустя все в сонном мире вернулось к обычной реальности. Я выглянул из окна комнаты Скэттерилла и увидел безмятежные сумерки. Горожане сновидческого города шли по своим обычным делам. Очнулся и посланник, хотя пуля навсегда застряла в его голове. Он сел, и, когда оглянулся по сторонам, я понял: он меня видит. Сорвавшись с кресла, он нашарил на полу пистолет коновала и наставил его на меня. Я закрыл лицо руками. Наверное, он тогда спустил курок, потому что я услышал щелчок. Но пистолет был однозарядным... Зато резкий звук разбудил меня. Я позвал Бастона, и тот помог мне подняться по лестнице к свету дня.

— Какая драматичная концовка, — сказал Огест, запуская руку в карман.

Глаза Ларчкрофта, следившие за движениями репортера, блеснули, губы поджалась. Из внутреннего кармана молодой человек медленно достал носовой платок, которым отер лоб. Ларчкрофт вздохнул с облегчением.

— Если вы не против, я хотел бы взглянуть на ваши записи, — сказал Человек Света.

Огест протянул ему блокнот. Голова хозяина придвинулась ближе, на фоне блокнота возникла рука в зеленой перчатке. Перелистывая страницы, очевидно, читая, Ларчкрофт проводил по каждой рукой, словно благословляя написанное.

— Вы так и не получили ответы на свои вопросы, верно? — спросил Огест.

Глаза Человека Света не отрывались от страниц, но он произнес:

— Я получил ответы на вопросы, которых и не мыслил задать.

— Можно спросить, что вы узнали? Или вы считаете эти сведения профессиональной тайной?

— Я узнал, что свет не единственный хозяин Вселенной. Тьму следует считать равно могущественной. Это знание дало мне большее понимание моего дела, чем любой конкретный ответ, какой мог бы принести мне посланец. Если хотите знать правду о свете, надо изучать тьму. С того происшествия я стал прилежным исследователем ночи, теней, сокровенных уголков моего сознания. Страшные вещи таятся там, но и страшная красота. Все это сделало меня светокузнецом, какой я есть сегодня.

— Выходит, половина истории — во тьме? — уточнил Огест.

— Да, — согласился Ларчкрофт, — она усердный учитель. И время от времени требует жертвоприношений.

Тут он выпустил из руки блокнот, и тот упал под ноги Огесту.

Репортер за ним не нагнулся, слишком он был погружен в услышанное этой ночью. Одна мысль перетекала в другую, водоворотом уводя по спирали в глубины воображения. Он не знал, сколько просидел, размышляя о борьбе света и тьмы.

— Интервью окончено, — объявил Ларчкрофт, вырывая Огеста из забытья.

Подняв глаза, репортер увидел, что гостиная залита светом раннего утра.

— Какого жертвоприношения? — спросил он у парящей головы.

— самого страшного, мой мальчик.

Ларчкрофт рассмеялся, и луч утреннего солнца ворвался через единственное окно в дальнем конце комнаты и ударил прямо ему в лицо. С мгновение он пристально смотрел в глаза Огесту, а потом вдруг исчез. Смех еще задержался ненадолго, но быстро рассеялся в шепот и пропал вовсе.

Подобрав блокнот, Огест встал, размял затекшие ноги и отправился назад тем же путем, каким попал в гостиную. Пока он шел по коридорам к парадной двери, звук его шагов эхом отдавался в тишине огромного особняка. Интересно, куда подевались Ларчкрофт, Бастон и слуга? Подойдя к двери, он с улыбкой заметил, что она изумрудно-зеленая, а ведь когда он входил, кажется, была иной... или нет?

Огест прошел пешком все полторы мили от усадьбы Ларчкрофта до города, а когда поднялся в редакцию «Газетт», застал привычную суматоху рабочего дня. Ему не терпелось похвастаться интервью, и он без обычной робости постучал в дверь шефа. Ворчливый голос крикнул: «Войдите!»

— Где ты был вчера вечером? — спросил редактор.

Под глазами его набрякли темные мешки, немногие уцелевшие волосы топорщились в разные стороны. Всегда подтянутый, сейчас он сидел без пиджака и галстука. Белая рубашка была смята и испачкана чернилами. Одна манжета неряшливо завернулась, другая болталась расстегнутая.

— Я взял интервью у Ларчкрофта, — ответил Огест. — Уверен, вы захотите поставить его на первую полосу.

Шеф мрачно покачал головой.

— Извини, дружок, но «гвоздь» номера уже есть.

— То есть?

— Вчера вечером, с наступлением темноты, в городе была убита молодая женщина. На третьем этаже трущобы за Пейн-стрит. В «Виндзорском гербе». Все репортеры были в разгоне, да и ты где-то шлялся, поэтому я пошел сам. Какая жестокость! Кто-то проделал дыру во лбу девушки — вот тут. — Старик указал себе в середину лба. — И влил внутрь пинту чернил. Кровищи...

Огест медленно опустился на стул.

— Как звали девушку?

— Мей Лофтон. О ней мало что известно.

— Она была учительницей? — спросил Огест.

— Возможно. Определенно не из тех, кого ожидаешь увидеть в подобном месте... А что, ты ее знаешь?

— Нет.

— Но констебль нашел возле тела кое-что интересное. Возможно, убийцу поймают... — Закрыв глаза, редактор потянулся. — С удовольствием сейчас бы вздремнул... Кстати, а что у тебя?

Потянувшись через обширный стол, Огест положил перед редактором блокнот и откинулся на спинку стула.

— Все равно годится на первую полосу, — сказал он. — Пространственный и подробный отчет, практически исповедь Человека Света.

Сев прямее, редактор придвинул к себе блокнот. С усталым вздохом открыл его и перелистнул несколько первых страниц. Прошла минута, потом его глаза сузились, словно прочитанное совершенно его разбудило. Он перелистнул еще две.

— Поразительно... Ты это видел?

Подняв блокнот, он развернул его страницами к Огесту.

Рот у молодого человека открылся, все краски сбегали с лица, а редактор продолжал медленно переворачивать страницы. Все до последней были сверху донизу, от края до края залиты угольно-черным.

Склонив голову набок, редактор помедлил с полминуты и лишь потом заговорил:

— Ты не можешь не знать, какую улику нашел констебль возле тела девушки: лист бумаги, точно такой же, где вместо линеек и строчек была одна чернота.

Огесту хотелось кричать о своей невинности, но он внезапно утратил дар речи: беспричинное, но всепоглощающее раскаяние охватило его. Глаза редактора словно буравили юношу, а небо за окном потемнело еще более обычного для зимнего дня. Чувствуя, как вокруг него смыкается ночь, он выбежал из кабинета. Редактор дал команду задержать беглеца, но Огесту удалось улизнуть из «Газетт». На улице за ним погналась разъяренная толпа.

Люди преследовали свою жертву вплоть до берега реки, где нашли брошенную одежду, а позднее, на закате — и безжизненное тело, застывшее и белое, как лунный свет.

**Перевела с английского
Анна КОМАРИНЕЦ**

Д Ж Е Й М С Г Л А С С

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

ХЕЛЕН

Вестибюль компании «Передовые технологии» представлял собой стальные балки и белые полимерные панели, уходящие ввысь, к сводчатому потолку из прозрачного стекла. Дежурный администратор и вооруженный охранник сидели в стеклянной кабинке на обширном пространстве совершенно голого пола из черного мрамора. Оба посмотрели на Бланш, когда она подошла к кабинке.

— Чем могу помочь, мадам? — спросил администратор, светловолосый красивый мужчина чуть старше двадцати лет.

— Я хочу увидеть тело сестры, — сказала Бланш. — Она была похоронена здесь в прошлый четверг.

Молодой человек улыбнулся, его пальцы зависли над клавиатурой компьютера:

— Имя?

— Хелен Чарльстон Уинслоу. Возраст — восемьдесят четыре года. Полагаю, распоряжения исходили от Артура Уинслоу, ее сына. Все это произошло внезапно, и меня не уведомили.

— Так вы ее сестра?

— Да, Бланш Чарльстон Паккард. — Бланш шмыгнула носом и просунула удостоверение личности в приоткрытое окошко кабинки. Мужчина взглянул на него, потом посмотрел на экран своего компьютера.

— Хелен Уинслоу, правильно. Ее привезли сюда прямо из дома. Артур Уинслоу и удостоверил личность покойной.

Бланш притворно всхлипнула.

— Я говорила с ее личным врачом, и он даже не знал, что она болела. Интересно, почему его не вызвали или, по крайней мере, не уведомили, когда она умерла.

Мужчина одарил посетительницу сочувственной улыбкой:

— У нас в штате двадцать врачей, мадам. Трое из них осмотрели вашу сестру и объявили ее умершей в двадцать часов сорок пять минут. Причина смерти — обширное кровоизлияние в мозг. — Он снова повернулся к компьютеру и внимательно посмотрел на экран. — Ваша сестра заключила с нами долгосрочный контракт. Все было исполнено в соответствии с ее указаниями.

— Да, разумеется. Я знала, что она является инвестором вашей фирмы. Когда мне можно увидеть тело?

Молодой человек отвел взгляд в сторону.

— Э... это невозможно. Здесь не показывают умерших. Клиентов помещают в герметично запаиваемые баки. Извлечение их потребовало бы значительных затрат... Температура тканей не может быть подня-

та выше температуры жидкого азота, если их уже подвергли быстрой заморозке.

Манера поведения Бланш резко изменилась.

— Оставьте это для верующих, молодой человек! Я хочу видеть останки моей сестры, причем немедленно.

Охранник в кабинке смущенно шаркнул, администратор натянуто улыбнулся:

— Я понимаю вас, мисс Паккард, но это невозможно, и исключений не бывает. Таковы условия контракта. Останки можно извлечь только для новейшего медицинского лечения при наличии высокой вероятности успеха — это определяют наши врачи. Все равно смотреть там почти не на что. Контракт вашей сестры позволял сохранить одну только голову. Тело было отдано на научные исследования.

Бланш прижала ладонь к стеклу, словно хотела оттолкнуть злого духа.

— Вы обезглавили мою сестру? — тихо спросила она.

— Это довольно распространенная практика, мисс Паккард. Стоимость хранения головы составляет одну пятую от стоимости всего тела. Больше половины наших клиентов выбирают этот вариант. У некоторых имеются особые медицинские проблемы, которые они хотели бы решить, когда в будущем появится необходимая технология. По-видимому, у вашей сестры не было подобных проблем.

— Всего лишь обширное кровоизлияние в мозг, — произнесла Бланш. — Ладно, я хочу поговорить с одним или несколькими врачами, которые осматривали мою сестру, и выяснить, что здесь происходит. Вся эта история плохо пахнет...

— Если вы оставите свой номер телефона, вам позвонят и, будем надеяться, объяснят все лучше, чем я.

Бланш вручила ему свою визитную карточку.

— Или мне позвонят сегодня же вечером, или мы будем разговаривать в суде.

— Я немедленно отправлю карточку докторам и изложу им ваши требования, — заверил скандалистку администратор.

Бланш повернулась к нему спиной и зашагала прочь, кипя от ярости и размахивая руками. Она была одета в дорогой белый брючный костюм с черным галстуком и выглядела весьма внушительно. Это была красивая женщина, по виду лет пятидесяти и даже сорока, хотя ей недавно исполнилось семьдесят шесть.

Она достала свой сотовый телефон и произнесла номер. Подождала, постукивая ногой по полу.

— Артура Уинслоу, пожалуйста, — повторила она и снова помедлила, затем заговорила: — Артур, это Бланш. Я здесь, в «Передовых технологиях». И мне только что сказали, что я не могу увидеть сестру, так как ты приказал ее обезглавить. Что это ты придумал, жалкий червяк?

Она подождала несколько мгновений, потом в ярости нажала кнопку отбоя.

Артур не захотел с ней говорить.

* * *

— Здесь какой-то заговор, Рэндал. И я надеюсь, что ты его раскроешь.

Рэндал Хог, высокооплачиваемый поверенный Бланш и давний друг ее покойного мужа Ральфа, склонился над своим роскошным письменным столом, рассматривая лежащий на нем документ, потом постучал по нему пальцем.

— Ничего, — произнес он. — Ни одного медного гроша. По последнему варианту, который я видел, тебе должно было достаться больше двух миллионов только в акциях и в виде собственности... Что произошло между тобой и Хелен?

Бланш стиснула пальцы.

— Не знаю. Несколько лет назад мы с ней почти перестали видеться. Думаю, это началось, когда умер Фред. Хелен после этого много месяцев жила затворницей, но Артур был рядом и утешал ее. Дорогой Артур, ее малыш. Фред не оставил ему ни копейки, все досталось Хелен. Еще тогда она отписала мне часть наследства; мы обсуждали создание фонда для поддержки местных театральных обществ. Я знаю, что Артур возражал. Я слышала, как он говорил об этом. Этот человек — финансист, бухгалтер. Он существует исключительно за счет своего левого полушария.

— Ты думаешь, именно Артур вынудил мать изменить завещание?

— Да.

— С какой целью? Основная часть имущества доставалась ему по прежнему варианту завещания, а он и без того достаточно состоятельный человек. Тебе не нужны эти деньги. Ральф оставил тебе... сколько? Двадцать пять миллионов? Пятьдесят?

Голос Бланш поднялся до визга.

— Дело не в деньгах, Рэндал! То есть не в деньгах для меня, но мы с Хелен планировали создать фонд, и теперь я вдруг должна сделать это одна. А этот ее сынок вкладывает все деньги Хелен в компанию, которая без всяких причин изувечила ее. Затраты, по-

думать только! Моя сестра никогда бы не позволила отделить свою голову, а тело уничтожить только для того, чтобы сэкономить жалкие сто тысяч в год. Они говорят, это записано в ее контракте, а потом сообщают, что мне нельзя увидеть никаких подтверждений этому. Здесь есть нечто зловещее, Рэндал, и я хочу, чтобы ты докопался до сути! Я собираюсь подать заявление о возбуждении дела о смерти в результате неправомерных действий. Заявление как против компании, так и против Артура Уинслоу. Убийство доказать было бы сложнее.

— Ты это не серьезно! — изумился Рэндал.

— У меня есть источники внутри компании. С прошлого вторник Артур владеет двадцатью процентами акций «Передовых технологий». Покупка, которую он совершил во вторник, должна быть оплачена из его наследства; мои источники могут представить список акций, которые он приобрел. Мы можем связать их с активами Хелен. У нас есть мотив, Рэндал... Но метод отыскать непросто.

Казалось, Рэндал вдруг заинтересовался, он наморщил лоб, потом прицелился пальцем в Бланш:

— Я могу написать заявление так, чтобы вынудить их назначить слушание в суде о предоставлении обоснований для возбуждения дела. Но если я добьюсь этого, ты примиришься с решением? Если оно тебе не понравится, ты бросишь свою затею? Хелен была и моим другом тоже, и я думаю, ей бы очень не понравилось, что я тащу ее сына в суд. Артур всегда казался мне умным и трудолюбивым. Не думаю, что он сделал то, на что ты намекаешь. Может быть, он просто считает это разумным вложением своей части наследства. У тебя нет доказательств другого.

— Ты не хочешь мне помочь, Рэндал, — тихо произнесла Бланш. — Ты был моим поверенным много лет, но в эту минуту нашим добрым отношениям может прийти конец.

Рэндал не дрогнул.

— Так оно и будет, если ты не ответишь на мой вопрос. Ты примиришься с решением судьи после слушания? Если нет, тогда ищи себе другого адвоката.

Бланш сердито уставилась на него. Она не любила, когда на нее оказывали давление наемные работники, но ей нужен был этот человек.

— Если меня убедят, что сестру не убили, я не стану настаивать на продолжении разбирательства, — согласилась она.

— Хорошо, — сказал Рэндал, закрыл папку и легонько стукнул по ней кулаком. — Обратимся в суд.

* * *

Звонок раздался поздно ночью, когда Бланш готовилась лечь спать. Кухарка ушла, а Пола удалилась в свою спальню на цокольном этаже, оставив для хозяйки на ночном столике теплое бренди и печенье. Так что, когда зазвонил телефон, Бланш быстро взяла трубку, чтобы Пола не успела проснуться.

Звонил Артур Уинслоу.

— Сегодня днем мне вручили повестку в суд. Смерть в результате неправомερных действий? Ты совсем выжила из ума?

— Это всего лишь слушание, Артур, — сказала Бланш. — Мне нужно получить ответы кое на какие вопросы, прежде чем я подам следующий иск.

— О чем? Это все из-за маминого завещания? У тебя столько денег, а ты жадничаешь! Тебе мало? Именно поэтому мама тебя вычеркнула из него. У тебя и так полно денег!

— Дело не в деньгах, — возразила Бланш. — Моя сестра умерла при загадочных обстоятельствах, и я хочу получить объяснения.

— Ты свихнулась! У тебя паранойя! Ты знаешь, что может сделать это слушание с моим бизнесом, если попадет в газеты?

— Чепуха. Я просто пытаюсь...

— Ты всегда была жадной стервой! Мама так и говорила. Ты всегда требовала у нее деньги для своих легкомысленных благотворительных начинаний, еще при жизни папы. Он это терпел. А я не стану. Ты вымогала у мамы деньги, когда она была жива, и продолжаешь заниматься этим после ее смерти. Финансируй сама свой социальный статус и оставь нас в покое!

Телефонная трубка шелкнула в ухо Бланш.

— Это несправедливо, — произнесла она, но Артур ее уже не слышал.

* * *

Предварительное слушание состоялось в пятницу под председательством судьи Джеймса Максвелла. Группа адвокатов фирмы «Амберкомби, Нелз и Фабер» представляла одновременно компанию «Передовые технологии» и Артура Уинслоу. Они потребовали закрытого заседания в кабинете судьи. Рэндал Хог возражал, он доказывал, что публика имеет право знать, чем занимается компания. Судья Максвелл согласился с «Передовыми технологиями», когда те привели довод, что для успешной защиты может возникнуть необходимость заслушать закрытую информацию компании, связанную с поданными заявками на патенты.

В ту пятницу слушание проходило в зале суда, но было закрытым для всех, кроме его участников. Артур явился в униформе финансистов: его коротенькое, пухлое тело было облачено в прекрасно скроенный шерстяной костюм, делавший его неотличимым от адвокатов. Они сидели за одним столом, Бланш и Рэндал — за другим, лицом к судье. Еще там были судебный пристав, судебный репортер и медики, которые могли понадобиться в качестве свидетелей. Все встали, когда судья Максвелл объявил начало слушания дела «Паккард против Уинслоу и «Передовых технологий» по обвинению: смерть Хелен Уинслоу в результате неправомерных действий.

Максвеллу было за пятьдесят, он пользовался уважением коллег и имел репутацию серьезного судьи, который склонен переходить прямо к сути дела, без театральных эффектов.

— Это предварительное слушание, а не суд, — сказал он. — Я не допущу возражений или попыток скрыть улики. Но я хочу услышать доводы за или против необходимости разбирать это дело в суде и уверен, что мы сможем все решить сегодня. Мистер Хог, ваша подача.

Рэндал встал, улыбаясь намеку судьи на его увлечение теннисом. Противная сторона хранила молчание.

Хог обрисовал суть дела: загадочная смерть, таинственный контракт, которого никто не видел; странное отсечение головы и хранение клиентки, о которых известно только ее сыну; причем этот сын к тому же является главным инвестором компании «Передовые технологии, инкорпорейтед». Он требовал доказательств, что все сделано в соответствии с волей Хелен Чарльстон Уинслоу, что она действительно умерла до отсечения головы, а также проведения аутопсии для получения доказательств того, что именно кровоизлияние в мозг явилось причиной ее смерти.

Артур Уинслоу смотрел прямо перед собой и ни разу не взглянул в глаза Бланш. От группы юристов за его столом выступил крепкий невысокий мужчина по имени Ричард Камус. Он представил Артура любящим сыном, мать которого умерла у него на руках, преданным сыном, в точности выполнившим ее последнюю волю: он немедленно доставил тело в лабораторию для сохранения, и есть надежда, что в будущем покойной смогут вернуть жизнь и молодость. Сама Хелен Уинслоу давно интересовалась их исследованиями, выделяла значительные средства на разработку новых технологий заморозки и омоложения при оживлении.

— Ваша честь, мы сомневаемся, что любящий сын позволил бы изуверчить тело матери, если хотел оживить ее в будущем, — заметил Рэндал Хог.

— Голова являлась самой существенной частью тела, и таким образом удалось значительно снизить затраты на сохранение, — возразил Камус от имени защиты.

Хог презрительно фыркнул.

— У этой женщины произошло кровоизлияние в мозг, как нам сообщили. Кажется, с телом все было в порядке, а вы избавились именно от этой части, хотя Хелен Уинслоу легко могла позволить себе такие траты. Я в это не верю, и присяжные тоже не поверят.

— Это было оговорено в контракте, — ответил Камус.

— Так давайте посмотрим его, — предложил Хог.

Воцарилось долгое молчание. Камус шептался с коллегами, Артур нагнулся к ним, слушая и хмурясь.

— При составлении контрактов с нашими клиентами в их тексты вносятся конфиденциальная информация компании, касающаяся процедур и медицинского состояния, требующего их применения. Поданные нами заявки на патенты могут оказаться под угрозой, если эти сведения обнародовать. Наш клиент одобряет каждый этап процесса, и поэтому в контракт приходится включать информацию, способную нанести ущерб компании.

Судья Максвелл улыбнулся и посмотрел на Хога.

— Тогда давайте передадим дело в суд, чтобы я мог потребовать предъявить контракт и любые другие необходимые документы, которые могут быть приняты в качестве доказательства по этому делу, — сказал Хог. — Ваша честь, возможно, речь идет о тяжком преступлении. Я имею право знать, соблюдались ли установленные законом процедуры во время смерти Хелен Уинслоу и после нее и действительно ли эти процедуры проводились в соответствии с ее завещанием.

Судья Максвелл скрестил руки на груди и посмотрел сверху вниз на Ричарда Камуса:

— Контракт является документом, который может быть принят в качестве доказательства, господин адвокат. Заявки на ваши патенты поданы и защищены законом о патентах. Почему вы так сопротивляетесь?

— Я только что объяснил, ваша честь, — ответил Камус.

— Понимаю. Но позвольте мне вам кое-что сказать. Я простой человек, который предпочитает простые решения проблем. Я изучил краткое изложение дела, которое вы, джентльмены, представили от имени ваших клиентов. Здесь явно кроется некая тайна, которая может оправдать, по крайней мере, дальнейшее расследование, и мне кажется, мы сможем многое узнать, взглянув на этот контракт. Мы

узнаем еще больше, вынеся постановление об аутопсии, которого требует адвокат Хог в своем заявлении. С другой стороны, если я не увижу ничего такого, что подтверждало бы подозрение о смерти в результате неправомерных действий, не будет никаких причин начинать долгий и дорогостоящий судебный процесс. Есть большой смысл показать нам этот контракт, господин адвокат. Как вы считаете?

— Я не хочу создавать прецедент, ваша честь, — сказал Камус.

Артур дергал его за рукав и что-то шептал.

— Никакой прецедент не может быть установлен, господин адвокат. Это предварительное слушание. Мы ищем доказательства, которые оправдали бы судебный процесс.

Хог и Бланш поспешно о чем-то посовещались, и Бланш кивнула.

— Ваша честь, — заявил Хог, — моя клиентка не будет настаивать на аутопсии и отзовет обвинения, если ее удовлетворит содержание контракта сестры с «Передовыми технологиями».

Артур и его адвокаты снова посовещались, у них явно возникли разногласия. Артур хлопнул ладонью по столу, чтобы подкрепить свои доводы. В конце концов, Камус откашлялся и сказал:

— Мы не были готовы предъявить контракт, когда явились сюда, ваша честь, но мы можем попросить принести сюда копии, если это настолько необходимо. Мы считаем, что в интересах обеих сторон избежать затрат и огласки судебного процесса.

Судья Максвелл взглянул на часы.

— Сейчас около десяти. Мы возобновим слушание в час дня. В распоряжении адвоката Хога будет по крайней мере час на изучение контракта и формулировку вопросов. Так или иначе, надеюсь, мы сегодня уладим это дело. — Он улыбнулся всем, глядя сверху вниз. — Пора выпить кофе, — заявил он и легонько стукнул судейским молотком.

* * *

— Не удивительно, что они не хотели, чтобы мы его увидели, — сказала Бланш. — Это не только возмутительно, но даже непристойно. Хелен никогда бы не согласилась на подобное.

— Ты согласна, что это ее подпись?

— Да, подпись похожа. Но подпись можно подделать, Рэндал.

— Сомневаюсь, Бланш. Думаю, тебе придется признать, что Хелен перед смертью участвовала в экспериментах «Передовых технологий» в качестве подопытной, и то, что происходит сейчас, является продолжением этой работы.

— Какой работы?

— Хороший вопрос. Какой бы она ни была, Артур Уинслоу должен был ее одобрить, а в остальном: «Мое тело можно использовать в любой форме и для любых целей в рамках проекта НЭНСИР». Аббревиатура непонятная и необычная. Нам необходимо выяснить, что означает НЭНСИР. Это единственный неизвестный член уравнения. В остальном же Хелен разрешила им делать с ней все, что угодно, после смерти.

— Они ей запудрили мозги, чтобы получить деньги. Вероятно, это связано с проектом НЭНСИР.

— Мы можем продолжать требовать аутопсии, — сказал Рэндал, — но держу пари, она умерла именно так, как они утверждают. И возможность увидеть контракт не укрепила наши позиции, Бланш, а ослабила их. Они документально подтвердили полное согласие Хелен на процедуру. Все, что мы можем теперь сделать, — это доказать, что данное согласие у нее каким-то образом получили силой.

Они сидели на скамейке возле зала суда. Артур шествовал по коридору в окружении свиты, и Бланш бросила на него злобный взгляд.

Артур оторвался от группы. Камус попытался схватить его за руку, но промахнулся. Артур направился прямо к Бланш. Рэндал поднялся, готовый защищать ее, но Артур резко остановился. Его круглое лицо покраснело, он встал перед ней и сердито подбоченился. Бланш внезапно захотелось рассмеяться ему в лицо.

— Кажется, вы все еще не удовлетворены, — произнес Артур.

— Возможно, это произойдет, если вы объясните нам, что такое проект НЭНСИР, — сказал Рэндал.

— Это не ваше дело.

— Может, и наше, если оно связано с принуждением и фальсификацией. Посмотрим, что скажет судья.

— Чудовище, — прошипела Бланш, — ты разрешал проводить опыты с телом собственной матери.

— Ты же ничего не знаешь, — закричал Артур. — Мама была бы в ярости, если бы слышала, что ты несешь!

Подошел Камус и потащил Артура прочь.

— Вы ничего этим не добьетесь. А они не могут выдвинуть против нас обвинение, — сказал он.

— Посмотрим, — ответил Рэндал.

Бланш улыбнулась, довольная мальчишеской яростью Артура.

— Ты всегда впадал в бешенство, когда не мог сделать что-то по-

своему, дорогой. Если бы ты был моим сыном, я бы такого не допустила.

— Какое счастье, что у тебя нет детей, — огрызнулся Артур.

— Артур, прошу вас! — Камус обеими руками тащил его прочь.

— Нет! Это нужно прекратить сейчас же! Я прикажу доставить сюда аппарат НЭНСИР. Это все решит — раз и навсегда.

— Патенты, Артур. Мы не можем...

— Заявки на патенты поданы, а слушание закрытое. Если материалы просочатся в прессу, мы подадим на нее в суд и отберем все, что у нее есть. Отпустите меня! — Артур вывернулся из рук Камуса и ткнул в сторону тетки трясущимся пальцем: — Теперь ты получишь!

Все были поражены, когда Артур в ярости бросился прочь. На мгновение Рэндал Хог и Ричард Камус посочувствовали друг другу — как коллеги. Рэндал огорченно пожал плечами, а Камус сказал:

— Что я могу поделаться? Деньги его, и он тут командует. Совет, конечно, возложит вину на меня.

Рэндал грустно покачал головой. Услышанное озадачило Бланш. Два часа спустя она все поняла.

* * *

— Что это такое? — спросил судья Максвелл, усевшись на место. Он указал рукой на большой черный экран и компьютерную стойку с проекционной системой, стоящие возле одной из стен зала суда. Две видеокамеры с объективом «рыбий глаз», установленные на стойке, были направлены на середину комнаты.

— Мой клиент желает устроить демонстрацию, которая, по его мнению, прояснит дело, ваша честь, — ответил Камус.

— Вы не возражаете, адвокат Хог?

— Нет, ваша честь. У нас по контракту возникли только вопросы, связанные с подробностями проекта НЭНСИР, а нам обещают, что демонстрация даст необходимые ответы.

— Хорошо. Можете продолжать, адвокат Камус.

— Демонстрацию будет проводить Артур Уинслоу. Он знаком с этой техникой и регулярно пользуется ею со времени смерти матери.

Максвелл взглянул на Хога.

— Возражений нет, ваша честь.

Артур встал, поправил узел галстука и подошел к компьютеру. Потом повернулся, откашлялся и скрестил руки над животом.

— В аппарате за моей спиной находится то, что мы называем

НЭНСИР, модель №10. НЭНСИР значит «Наноэлектронная нейросистема искусственного разума». В сущности, это комбинация мозга, в котором хранится информация, и центра обучения, способного синтезировать новые данные на основе старых. Другими словами, это система искусственного интеллекта с мозгом на полупроводниках, сделанным из углеродных нанотрубок с добавлением редкоземельных элементов.

Артур открыл дверцы у основания стойки и показал нечто похожее на сплошной куб из серебристого металла.

— Это мозг.

Все тупо уставились на него, силясь понять и осознать важность сказанного.

— Ерунда, — буркнула Бланш, и Артур ее услышал.

Он гневно взглянул на тетку, закрыл дверцы стойки и тихо сказал:

— Это мозг моей матери, и, если вы готовы слушать, я вам расскажу, как все произошло.

Бланш ахнула. Рэндал сжал ее локоть и заставил замолчать.

Артур вспыхнул, его голос дрожал.

— Все это началось со сверхпроводящего квантового интерферометра Джозефсона для записи влияния магнитных бурь на мозг эпилептиков, но по мере увеличения разрешающей способности аппаратуры наши ученые начали замечать повторение графиков нейронных токов, связанных с определенными мыслями, особенно в области воспоминаний. Мы вскоре добрались до нейронного уровня. Каждое воспоминание, каждая мысль представляет собой определенную трехмерную электрическую модель в реальном времени. Это похоже на сканирование картины, подобное и совершает НЭНСИР, создавая библиотеку воспоминаний и мыслей, из которой система искусственного интеллекта может снова воссоздать картину в соответствии с любым сценарием.

Голос Артура оборвался. Казалось, он пытался справиться с собой, достал носовой платок и вытер лоб. Его глаза внезапно наполнились слезами.

— Именно мама предложила использовать НЭНСИР для хранения чего-то большего, чем тело любимого человека после его смерти.

Артур поперхнулся, снова откашлялся и высморкался в носовой платок. Бланш закатила глаза и вздохнула.

— Она интересовалась многими вещами, и у нее уже случилось несколько мелких инсультов, несколько раз она временно теряла память, и это ее напугало. Мы с ней были так близки... Она слышала о процессе заморозки в «Передовых технологиях». Если случится

что-то катастрофическое, мы хотели оставить себе надежду. Медицина развивается быстро... А потом люди из «Передовых технологий» рассказали нам о НЭНСИРе. Они искали добровольца для опыта. И мама вызвалась...

Артур сделал два шага к Бланш и указал на нее пальцем.

— Пока ты поржала тут со своими элитными светскими проектами, мама вносила большой вклад в науку и технику. Она финансировала весь проект, и в течение пяти лет она все ночи и много дней провела в шлеме интерферометра на голове. Сигналы ее мозга расшифровывали и наносили на карту. Мама как раз занималась этим в тот день, когда она... она...

Артур замолчал, тяжело вздохнул и вытер глаза платком.

— Это отвратительно, — пробормотала Бланш слишком громко.

Артур бросил на нее взгляд.

— Почему бы просто не дать маме рассказать об этом самой, — тихо произнес он.

— Рэндал, сколько еще нам придется это слушать? — спросила Бланш.

— Ваша честь, — начал Рэндал, — я бы хотел...

— Я собирался устроить демонстрацию, важную для слушания, и получил на это разрешение суда, — веско сказал Артур.

— Действуйте, — произнес судья Максвелл. — Думаю, в данный момент у нас недостаточно информации по истории вопроса.

— Эта информация является собственностью компании, ваша честь, — вдруг встал Камус, пока Артур шел к аппарату. — У нас должна быть гарантия, что подробности демонстрации ни в каком виде не выйдут за пределы этой комнаты.

— Это закрытое слушание, леди и джентльмены. Все сведения, полученные здесь, в том числе в процессе демонстрации, останутся здесь. Любая утечка информации неблагоприятно скажется на судебных процессах в будущем и повлечет обвинение в нарушении конфиденциальности. Это всем понятно?

Все закивали в знак согласия.

— Да, ваша честь, — хором ответили Рэндал и Камус.

Внезапно раздался гул голосов, но быстро смолк. Артур сел за клавиатуру, его пальцы забегали по кнопкам. Он был похож на органиста, но вместо органа стоял монитор, и широкий черный экран вытанул над ним подобно парусу между двумя камерами «рыбий глаз». Возник шар света, но не на экране, а перед ним. Шар разгорался все ярче. Перед публикой появилось трехмерное изображение комнаты. Стены комнаты были белыми, пол устилал красный

ковер. В ней стояли диван и два кресла, обитые красной кожей, и стеклянный кофейный столик с красными розами в вазе на переднем плане. Три пушистых тканых панно всех цветов радуги висели на стенах.

В дальней стене комнаты виднелся дверной проем. Кто-то прошел мимо него. Мужнина. Бланш почувствовала, как ее сердце пропустило удар. Человек лишь промелькнул в дверях, но его лицо показалось ей знакомым.

А потом появилась женщина. Высокая, одета в красный шелковый халат, седые волосы красиво уложены волнами, обрамляющими лицо. На вид лет пятьдесят, а может, тридцать. Она прошла походкой модели, держась прямо и вызывающе, подошла к дивану, села, закинула ногу на ногу и улыбнулась.

Бланш ахнула:

— Боже милостивый, это Хелен, так она выглядела много лет назад, — шепнула она Рэндалу.

Казалось, женщина смотрит прямо на нее.

— Ну, они сказали, можно выбрать любой возраст, какой нравится... Бланш, судя по твоему хмурому лицу, я бы сказала, что мы все еще в ссоре. Это так?

Голос был низким и хриплым, этому голосу Бланш завидовала больше шестидесяти лет. Мужчины слетались на него, как мухи на мед. Губы Бланш шевельнулись, но с них не слетело ни звука.

— Нет? А мне говорили другое. — Взгляд женщины переместился. — Привет, милый. Наверное, это суд, да?

— Да, мама, — ответил Артур.

Судья Максвелл улыбался, казалось, он был увлечен происходящим.

— Возможно, вам следует представить нас вашей э... матушке, — сказал он.

Артур сильно покраснел, его, по-видимому, смутила эта просьба.

— Я не совсем уверен, что...

— Неважно, дорогой. Я вполне могу представиться сама, — произнесло парящее изображение женщины. — Официально я — это НЭНСИР, но некоторым техническим сотрудникам нравится называть меня Нэнси. Это очень мило, но не совсем точно. Во всех отношениях, видите ли, я являюсь Хелен Уинслоу, я основана на ее личности, но меня синтезировала и развивала до настоящего состояния система НЭНСИР. Я бы предпочла, чтобы вы называли меня Хелен, потому что это я и есть, но я согласна на имя Нэнси, если вам так больше нравится.

— Но вы являетесь системой искусственного интеллекта, — заметил Максвелл.

— Все присутствующие в этой комнате функционируют как искусственные интеллекты, ваша честь. Мы храним и вызываем в памяти воспоминания, мы думаем, обучаемся и синтезируем новые идеи на основе старых. Единственная разница между вами и мной — это наши компьютеры. Ваши — органические, невероятно компактные, зато медленные. Мой компьютер больших размеров, зато работает очень быстро.

— Вы знаете, почему вас доставили в зал суда?

— Думаю, да. Артур был очень расстроен, когда пытался мне это объяснить.

Женщина перевела взгляд на Бланш и посмотрела ей прямо в глаза.

— Я тоже была бы очень расстроена, если бы меня кто-то попытался обвинить в убийстве.

— Это предварительное слушание, официально не выдвинуто никаких обвинений, миссис э... — Максвелл сделал паузу.

Призрак рассмеялся тем глубоким, горловым смехом, который так хорошо помнила Бланш. Он много лет кружил головы мужчинам на больших и маленьких сборищах, не обещая ничего, кроме присутствия Хелен.

— Вы не знаете, как меня называть, — сказала она. — Если назовете «Хелен», вы признаете мое преобразование, и, о Боже, какой это создаст прецедент!

Она снова рассмеялась. Максвелл улыбнулся.

— Так зовите меня «Нэнси», но помните, кто я на самом деле, когда услышите то, что я хочу сказать. В любом случае вся эта запутанная история — отчасти моя вина, и я намерена распутать этот клубок.

— Очень хорошо, Нэнси, — произнес Максвелл, повернулся и посмотрел на собравшихся в комнате людей, охваченных тревожным ожиданием. — Можно задавать вопросы, джентльмены. Мистер Хог, хотите начать?

— Рэндал, это абсурд, — прошептала Бланш, когда Рэндал встал.

— Мы должны считать эту... Нэнси правомочным свидетелем, ваша честь? — спросил Рэндал.

— Вы хотели узнать о системе НЭНСИР, — напомнил Максвелл, и глаза его насмешливо блеснули. — Ну вот она, перед вами.

— Я не думаю, что машина может...

— Это ни к чему не приведет, ваша честь, — сказала Нэнси. — Я

никогда не могла заставить адвокатов что-то понять, даже тебя, Рэндал, и сейчас будет то же самое. Все происходящее касается лишь двух сестер. Вся проблема — в деньгах, а остальное — дым. Поговори со мной, Бланш. Мы можем уладить это недоразумение за несколько минут, если ты позволишь.

— Очень сомневаюсь, — вставил Артур, хмуро глядя на Бланш.

— Артур, — обратилась к нему Нэнси, — ты мне обещал, что согласишься с тем, о чем я сегодня сумею договориться. И не станешь дуться. Просто делай то, что тебе говорит мать. Сядь рядом со своими адвокатами и позволь мне самой заняться этим делом.

— Я не стану разговаривать с этой... с этой штукой, — сказала Бланш.

— Ваша честь, перед нами подделка, — высказался Рэндал Хог. — мистер Уинслоу явно запрограммировал машину на подобный спектакль, и я обязан...

— Скажите, может быть, я смогу быть чем-нибудь полезной? — перебила его Нэнси. Не успела она закончить предложение, как в дверях за ее спиной появился мужчина и что-то тихо произнес. Он был одет в белый купальный халат и держал в руке зубную щетку. Нэнси повернулась и довольно громко ответила:

— Потом, милый. Сейчас я немного занята. — Мужчина казался разочарованным, но скрылся за дверью.

Жар бросился в лицо Бланш. Этим мужчиной был Фред, покойный муж Хелен, но сейчас он выглядел сорокалетним или чуть старше пятидесяти. Шок, который она испытала, когда узнала его, наверное, отразился на ее лице, так как призрак по имени Нэнси улыбнулся ей.

— Он такой милый, но слишком нетерпелив, и мне придется потрудиться, чтобы облечь его плотью. Многие мои воспоминания относятся к тому времени, когда он болел... Ты помнишь, как это было тяжело, Бланш?

— Да, — ответила Бланш и спохватилась. — То есть...

— Знаю, знаю, — перебила ее Нэнси. — Это реально для меня, но не для тебя. Кажется, только вчера я была старухой, у меня болели суставы, все время случались обмороки... а еще я помню, как Артур нагнулся надо мной и истерически закричал... а потом — ну, потом уже ничего не было. Ни туннеля света, ни ангелов для старушки Хелен. Я просто вдруг очутилась здесь, сначала дряхлая, но никакой боли не было, и все, о чем я думала, все, что я помнила и желала из прошлого, просто происходило, когда мне этого хотелось. Конечно, я еще помнила всю загрузку памяти. Боже мой, я надевала этот их вы-

сасывающий мозги шлем и спала в нем целых пять лет! Но я не могла предугадать, как все это будет, пока не попала сюда.

Глаза Нэнси влажно заблестели.

— Сначала мне было одиноко... Поверишь ли, Щекотка, я скучала по тебе. Я знала, что ты на меня злишься, а я не успела помириться с тобой до своего ухода. Прости меня.

Бланш почувствовала, как у нее перехватило горло. С семи лет ее никто не называл «Щекоткой». На секунду это даже смягчило сердце непреклонной дамы, но она снова превратила его в камень.

— Ты предпринял кое-какие изыскания, Артур, — заметила она. — Со мной это не пройдет.

Артур вскочил со своего места, но Камус обхватил его за туловище и крепко держал.

— Прекрати, Артур! Если хочешь продолжать беседы со мной, сейчас сиди тихо и молчи. Приступы гнева недопустимы для мужчины твоего возраста. Ты хочешь, чтобы мне за тебя было стыдно?

Артур рухнул на стул, словно его ударили.

Нэнси сердито посмотрела на Бланш.

— Ты всегда умела ужалить человека, но становилась трусихой, когда приходилось противостоять мне. Да, я хочу убедить тебя: я то, что осталось от Хелен; собственно говоря, я большая ее часть, если вычесть физическую форму. Я могла бы долгие часы напоминать тебе о том, что знаем только мы с тобой, например, как ты меня укусила, когда я не разрешила тебе играть с моими куклами. Об этом мы даже маме не рассказывали... А еще о том, как я застала тебя и твою ненормальную подружку Эллен, когда вы занимались кое-чем интересным с малышом Уолтемом у нас в гараже. Держу пари, подробности вызвали бы оживление в этом зале.

— Ты не посмеешь! — крикнула Бланш и вскочила, грозя кулаком.

— Я бы посмела, но не стану этого делать, поэтому сядь на место, Бланш, — ответила Нэнси. Она поднялась, шагнула вперед и наклонилась, словно заглядывала в объектив камеры. — Было бы забавно снова увидеть, как ты выкручиваешься. Теперь, когда меня нет рядом, держу пари, ты на всех наезжаешь. Хочешь посмеяться? Я сейчас получаю большое удовольствие. Мне не хватает наших ссор — они меня бодрили.

Глаза Бланш наполнились слезами.

— А я по ним вовсе не скучаю. И по тебе тоже.

— О, ты хотела сделать мне больно, но тебе это не удалось. Ты очень по мне скучаешь, Щекотка. Сестры это чувствуют. И это одна из причин твоей злости. Ох, воспоминания продолжают возникать во

мне. Держу пари, я могла бы синтезировать твою более молодую версию, и мы могли бы все время ссориться прямо у меня в гостиной. Фред не стал бы возражать. Он давно уже к этому привык...

— Дамы, дамы, прошу вас! — вмешался судья Максвелл. — Нам нужно получить ответы на важные вопросы, а вы сводите личные счёты.

На этот раз Максвелл не улыбался. Бланш спрашивала себя, видит ли он фальшивку в том, что Артур делает при помощи этой машины, и как это существо выставляет ее злобной старой дурой. У нее тряслись руки. В точности как во время ее ссор с Хелен все эти годы. Это было так реально, так достоверно...

— Вопрос первый, — сказал Максвелл. — Как умерла Хелен Уинслоу?

— Я полностью отключилась, как я уже сказала. Мне сообщили, что произошло обширное кровоизлияние в мозг, — ответила Нэнси. Она опять села на диван и закинула ногу на ногу.

— Хорошо. Вопрос второй: почему сохранили голову Хелен путем замораживания, отделив от тела?

Нэнси на секунду задумалась.

— Ну, я помню, в контракте сказано, что мое тело могут использовать любыми способами, чтобы содействовать проекту НЭНСИР. Одна лишь голова имела значение. Некоторые данные списали из нее сразу же после того, как я — мне следует сказать Хелен — умерла. В памяти Хелен был последний образ Артура. Ох, прости, милый. Мне приходится быть Нэнси, чтобы отвечать на вопросы, но ты-то знаешь, кто я.

Артур плакал, уткнувшись лицом в носовой платок.

— Отделение головы от тела Хелен не было средством сэкономить деньги?

— Ну, это давало кое-какую экономию, но тело не представляло никакой ценности, там нечего оживлять. Теперь уже неважно. Я здесь, у меня есть мой Фред, мой Артур. Мы разговариваем, когда только пожелаем, не правда ли, дорогой?

Слезы текли по щекам Артура. Он кивнул, улыбнулся и громко высморкался в платок.

— Он держит нас у себя в гостиной, — прибавила Нэнси. — Ради этого стоило пойти на дополнительные затраты, но вот тут у меня возникли неприятности с Бланш. Я никогда не думала, что ей будет жалко пары миллионов; у нее всегда было больше денег, чем у нас с Фредом. Просто я слишком увлеклась проектом, наверное. Я ошиблась. Ошиблась, потому что обещала Бланш эти деньги для ее фонда.

Но потом начались потери сознания, и Артур был так расстроен и одинок, и мы... мы просто хотели быть вместе, по крайней мере, пока он не найдет себе ту самую особенную девушку...

Артур снова зарыдал. Все присутствующие избегали смотреть друг другу в глаза.

— Господи, Боже, — произнесла Бланш.

Нэнси ошетибилась.

— Ох, заткнись, Бланш. Я не жду, что ты поймешь, но нет ничего сильнее любви матери к своему единственному сыну. У тебя никогда не было детей, потому что ты их не хотела. А я хотела, так что постарай отнестись к этому с уважением.

Она повысила голос. Ее компаньон вошел в комнату, подошел к ней сзади, опустил ладони ей на плечи и легонько сжал их.

— Лед тает. Я по тебе скучаю. — Он поцеловал ее в макушку.

Нэнси накрыла руками его ладони и показала прямо на Бланш.

— Видишь тут кого-нибудь из знакомых?

Мужчина вгляделся. У Бланш не оставалось сомнений, что она смотрит на Фрэда Уинслоу, каким он был лет за двадцать до своей смерти.

— Это Бланш? Почему она так постарела?

Снова низкий смех.

— Я потом объясню, милый. Приду через минуту. Поцелуй меня.

Он осторожно поцеловал Нэнси в губы и ушел.

Нэнси бросила на Бланш взгляд, полный страсти.

— Его еще нужно усовершенствовать, но он уже вполне мужчина. Я заставляю его ждать, так что давай перейдем к делу, Бланш. Я — Хелен, нравится это тебе или нет. Но я также очень хороший искусственный интеллект. Этот судья нам не поможет. Слишком много прецедентов затронуты: законность показаний искусственного интеллекта, законность замены искусственным интеллектом человека, мертвого или живого, и так далее, и тому подобное. Думаю, судьбе не захочется столько раз мелькать на страницах юридических журналов. Я правильно излагаю, ваша честь?

— Эти рассуждения соответствуют моим мыслям, в разумных пределах, — ответил Максвелл с таким видом, будто все это его слегка забавляет.

— Значит, остаемся ты и я, Бланш. Сколько тебе нужно, чтобы прекратить весь этот скандал? Два миллиона? Три? Как насчет четырех? Это максимум. Иначе тебе придется начинать процесс, а нам не найти присяжных достаточно умных или с достаточно богатым воображением, чтобы поверить в то, что я именно та, за кого себя выдаю. И ты ничего не получишь.

Бланш взглянула на Артура.

— Я выпишу твоему фонду искусств чек на ту сумму, которую укажет мама, от имени моих родителей, — сказал он.

Рэндал пожал плечами и вопросительно приподнял бровь. Адвокаты за другим столом отвели глаза. Воцарилось долгое молчание, тяжелое для всех тех, кто ждал.

— Три миллиона, — произнесла Бланш.

— Выпиши чек, Артур, — приказала Нэнси, поднимаясь и разглаживая ладонями халат на бедрах. — Поговорим с тобой вечером. А сейчас у меня свидание с твоим отцом... Бланш, пожалуйста, заходи как-нибудь на чай. Мы должны видиться — и Артур не будет против, правда, дорогой?

Артур молча кивнул, явно недовольный этой просьбой.

— Нам следует почаще беседовать, и мне бы хотелось знать, как идут дела в твоём фонде. Полезно иметь разнообразные интересы, когда у меня столько свободного времени. Обещаешь, что скоро зайдешь?

Бланш шевельнула губами, но не смогла заставить себя ответить.

— Тогда до свидания, — сказала Нэнси и вышла из комнаты. Артур выключил машину, и белая комната с красной мебелью исчезла. Нэнси исчезла — и Хелен тоже.

— Надо отразить в документах, что стороны договорились, не доводя дело до суда, — сказал Максвелл с видом человека, довольного разрешением дела и испытывающего немалое облегчение. — Слушание закончено.

Все направились к выходу. Артур ждал Бланш у двери.

— Ты получишь чек завтра или послезавтра, — сказал он. — Знаешь, мама говорила серьезно, когда приглашала тебя. Только предупреди меня заранее о своем визите. Мне ведь не обязательно быть дома. Мой секретарь умеет загружать НЭНСИР.

Бланш отвела взгляд в сторону.

— Не думаю, что приду, Артур, — ответила она.

Позже она передумала.

**Перевела с английского
Назира ИБРАГИМОВА**

Д Э В И Д Б Р И Н

ВИРУС

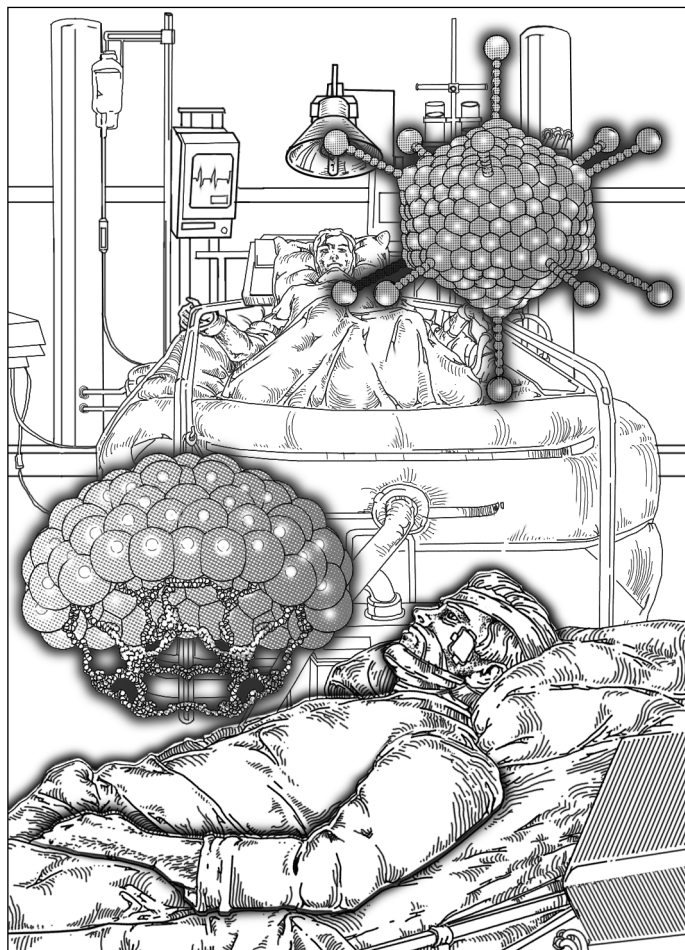

Иллюстрация Алексея ФИЛИПОВА

АЛЬТРУИЗМА

Думаешь меня поймать? Черта с два! К нашей встрече я подготовился так, что начинаю уже думать о чем-нибудь другом.

В моем бумажнике лежит карточка, где написано, что у меня четвертая группа крови, резус отрицательный и к тому же аллергия на пенициллин, аспирин и фенилаланин. Если верить другой карточке, я — убежденный адепт Церкви христианской науки*. Все эти хитрости задержат тебя, когда придет время (а оно, конечно же, придет, и очень скоро).

Даже если от этого будет зависеть моя жизнь, я никогда и никому не позволю втыкать мне в руку иголки. Ни за что! Никаких переливаний крови!

И потом, у меня же есть антитела. Так что тебе, СПИЧ, лучше держаться от меня подальше. Твоей пешкой я не стану. И твоим вектором тоже.

Понимаешь, все твои слабые места мне известны. Хотя ты и хитрый дьявол, но чересчур изнеженный. В отличие от ТАРПа, ты не выносишь открытого воздуха, жары, холода, кислоты и щелочи. Из крови в кровь — вот твой единственный путь. Да и зачем тебе другой? Ведь ты, наверное, думал, что нашел самый простой способ?

Как только ни называл тебя Лесли Эджисон — и «виртуозный мастер», и «совершенство среди вирусов»... Помнится, когда-то давно ВИЧ — вирус СПИДа — заставлял всех трепетать от страха. Но по сравнению с тобой он просто грубый, неотесанный мясник. Маньяк с бензопилой, болван, который убивает своих хозяев и распространяется за счет привычек, которые люди хоть и с трудом, но все же могут держать под контролем. О да, у старины ВИЧ тоже были свои приемчики, но что он в сравнении с тобой? Жалкий дилетант!

Простуда и грипп, конечно, тоже не лыком шиты. Они неразборчивы в связях и быстро мутируют. Когда-то давно они научились заставлять своих хозяев хлюпать носами, кашлять и чихать, чтобы те распространяли заразу. Вирусы гриппа гораздо хитрее, чем ВИЧ, ведь, как правило, они не убивают своих хозяев, а лишь заставляют их страдать и, кашляя и сморкаясь, заражать свежими порциями инфекции своих близких.

Лес Эджисон всегда обвинял меня в очеловечивании наших объектов изучения. Всякий раз, заходя на мою половину лаборатории и слы-

** Протестантская секта, основанная на вере в духовное излечение с помощью Слова Христова от всех физических и духовных грехов и недугов. (Прим. перев.)*

ша, как я поливаю отборной тexasско-мexиканской бранью какого-нибудь особо воинственного лейкофага, он реагировал одинаково. Как сейчас вижу: приподняв одну бровь, он сухо делает мне замечание.

— Форри, вирус не может тебя услышать, — произносит он со своим винчестерским акцентом. — Это ведь не разумное существо, даже, строго говоря, не живое. Это всего лишь пучок генов в белковой оболочке, вот и все.

— Знаю, Лес, — обычно отвечал я в таких случаях. — Но до чего же наглые эти гены! Дай им волю, они тут же вломятся в человеческую клетку и заставят ее производить полчища новых вирусов. А те потом разорвут ее на части, когда будут выбираться на свободу, чтобы напасть снова. Может, они и не думают, и все их коварство — чистой воды случайность. Но неужто тебе никогда не кажется, будто они действуют по плану? Будто кто-то управляет этими мерзкими тварями, чтобы заставлять нас страдать? И даже умирать?

— Да ладно тебе, Форри! — Он снисходительно усмехается моей американской непосредственности. — Ты бы не стал заниматься этим делом, если б не находил в этих фагоцитах своеобразной прелести.

Эх, старина Лес! Такой правильный и высокомерный... Ты так и не догадался, что вирусы завораживали меня совсем по другой причине. В их ненасытной алчности я видел такое примитивное, ничем не замутненное честолюбие, которое превосходило даже мое собственное. Тот факт, что вирусы — безмозглые создания, не слишком облегчал мои терзания. Мне, между прочим, всегда казалось, что мы, люди, сильно переоцениваем свои мозги.

Мы познакомились несколько лет назад в Остине, куда Лес приехал в академический отпуск. У него уже тогда была репутация «юного гения», я откровенно лебезил перед ним, и, возвращаясь в Оксфорд, он предложил мне присоединиться к нему. Так я оказался здесь, и начались наши регулярные дружеские споры о смысле и значении болезни под барабанную дробь, которую английский дождь выбивал по рододендронам.

Ох уж этот Лес Эджисон с его псевдоартистическими дружками и претензиями на философичность! Он вечно рассуждал о красоте и изяществе наших маленьких мерзопакостных объектов. Но меня не проведешь. Я-то понимал: он так же помешан на «нобелевке», как и все мы. Так же увлечен погоней за тем фрагментом Загадки Мироздания, за тем кусочком, который принесет больше грантов, больше лабораторных площадей, больше оборудования, больше престижа... В общем, деньги, статус и в конечном итоге, может быть, даже Стокгольм.

Сам Лес уверял, что подобная ерунда его не интересует. Но парень он был не промах, это я вам точно говорю. Иначе каким образом его лаборатория расширялась бы даже в разгар тэтчеровских гонений на английскую науку? И тем не менее он продолжал притворяться.

— У вирусов есть свои положительные стороны, — частенько говаривал он. — Конечно, поначалу они нередко убивают. С этого начинают все новые патогены. Но в конечном итоге происходит одно из двух. Либо человечество в ответ на новую угрозу изобретает защиту, либо...

О, как он обожал эти театральные паузы!

— Либо? — подначивал его я, как мне и полагалось.

— Либо мы приходим к компромиссу... а быть может, и к альянсу.

Симбиоз. Вот то, о чем Лес твердил не переставая. Он обожал цитировать Маргулис и Томаса, а иногда и Лавлока, прости господи... В том, как он восхищался даже такими ужасными и подлыми тварями, как ВИЧ, было что-то пугающее.

— Видишь? Он встраивается в ДНК своей жертвы, — говорил Лес. — А потом затаится и дожидается, когда жертву атакуют другие микробы. Т-клетки организма хозяина готовятся дать отпор, отбить вторжение, но ее химические механизмы захвачены новой ДНК, и в результате вместо двух новых Т-клеток появляется целая армия вирусов СПИДа.

— Ну и что? — пожимал плечами я. — Практически все вирусы действуют так же. Единственное отличие ВИЧ — что это ретровирус.

— Да, Форри, но подумай дальше. Представь, что произойдет, когда рано или поздно СПИДом заразится человек с таким геномом, что он окажется нечувствительным!

— То есть его антитела среагируют достаточно быстро, чтобы остановить вирус? Или что его Т-клетки отразят вторжение?

О, когда Лес входил в раж, он становился дьявольски снисходительным.

— Да нет же, нет! Думай! — требовал он. — Я имею в виду нечувствительность после инфицирования. Уже после того, как гены вируса внедрились в его хромосомы. Но у этого индивидуума имеются некие другие гены, которые не позволяют новой ДНК начать вирусный синтез. Создания новых вирусов не происходит. Не происходит и разрушения клетки. Человек не болеет. Но теперь у него имеются новые молекулы ДНК...

— Всего лишь в нескольких клетках...

— Да. Но допустим, что одна из них оказалась половой клеткой. А теперь допустим, что с помощью именно этой гаметы он произво-

дит на свет ребенка. И вот уже каждая из клеток этого ребенка может содержать и невосприимчивость к данному вирусу, и новые вирусные гены! Ты только подумай, Форри! Это же новый тип человеческого существа. Ему не страшен СПИД, в нем уже есть все гены СПИДа, и он сам может создавать эти странные, удивительные белки... О, разумеется, большинство из них окажется бесполезными или никак себя не проявит. Но теперь геном этого ребенка и его потомков содержит большее разнообразие...

Когда он сядил на этого конька, я частенько спрашивал себя: неужели он действительно считает, что объясняет мне все это впервые? Как бы уважительно англичане ни относились к американской науке, они привыкли считать нас профанами. Однако я еще несколько недель назад заметил у Леса этот интерес и кое-что предусмотрительно почитал.

— То есть как те гены, которые отвечают за некоторые виды рака? — саркастически заметил я. — Да, уже доказано, что некоторые онкогены изначально были встроены в геном человека вирусами, как ты и говоришь. И люди, унаследовавшие от предков склонность к ревматоидному артриту, тоже могли получить этот ген именно таким образом.

— Вот именно! Сами вирусы могут исчезнуть, но их ДНК будет жить в нас!

— Какой подарок для человечества!

О, как меня бесила эта его самодовольная ухмылка! Да сойдет она когда-нибудь с его лица или нет?!

Лес взял кусок мела и начертил на доске таблицу:

БЕЗОБИДНЫЙ → УБИЙЦА! → НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ → НЕДОМОГАНИЕ → БЕЗОБИДНЫЙ

— Это классический взгляд на то, как хозяева взаимодействуют с новым патогеном, особенно с вирусом. Каждая стрелка, разумеется, обозначает стадию мутации и вариант адаптации. Сначала некая форма безобидного микроорганизма соскакивает со своего предыдущего хозяина (скажем, обезьяны) на нового (скажем, на нас). У нас нет адекватных механизмов защиты, и болезнь буквально косит нас — как сифилис в шестнадцатом веке, когда за несколько дней в Европе гибло больше народу, чем за целые годы... На самом деле, для патогенов эта вакханалия — не самый эффективный способ поведения. Только очень прожорливый паразит убивает своего хозяина так поспешно. Затем настает трудное время для обоих — и для хозяина, и для паразита, когда один пытается адаптироваться к другому. Этот период можно сравнить с политикой, как своеобразный процесс ведения переговоров...

Тут я не выдержал и фыркнул от раздражения:

— Мистическая чепуха! Лес, я согласен с твоей схемой, но аналогия с войной все-таки вернее. Поэтому-то таким лабораториям, как наша, и платят деньги. Чтобы мы создавали лучшее оружие для нашей стороны.

— Хм-м... Возможно. Но иногда, Форри, процесс выглядит иначе.

Он повернулся к доске и начертил другую схему:

БЕЗОБИДНЫЙ → УБИЙЦА! → НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ → НЕДОМОГАНИЕ → ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ ПАРАЗИТИЗМ → СИМБИОЗ

— Как видишь, эта схема совпадает с предыдущей вплоть до того момента, где исходная болезнь исчезает.

— Или переходит в скрытую фазу.

— Разумеется. Как, например, кишечная палочка, которая нашла приют в наших внутренностях. Предки кишечной палочки, без сомнения, отправили на тот свет немало наших предков, прежде чем в конце концов стали полезными симбионтами, каковыми и являются сейчас, помогая нам переваривать пищу. Готов поспорить, то же самое относится и к вирусам. Наследственные формы рака и ревматоидного артрита — всего лишь временные неудобства. Рано или поздно эти гены, несомненно, будут включены в геном человека и станут частью генетического многообразия, которое готовит нас к достойной встрече с предстоящими трудностями. Да что там! Держу пари: большая часть наших нынешних генов появилась именно таким способом — вторгшись в наши клетки в качестве захватчиков.

Чокнутый сукин сын... К счастью, Лес не пытался перенести работу нашей лаборатории в крайнюю правую часть своей волшебной диаграммы. Наш «юный гений» отлично разбирался в вопросах финансирования. Он знал: инвесторы не станут платить нам за доказательство того, что мы произошли от вирусов. Им был нужен — и нужен до зарезу! — прогресс в борьбе с вирусными инфекциями. Поэтому Лес сосредоточил свою команду на изучении векторов, то есть способов распространения инфекции.

Ведь вам, вирусам, непременно нужно как-то распространяться, верно? И как только вы кого-то укукошили, вам срочно нужна спасательная шлюпка, чтобы покинуть корабль, который вы сами же потопили. А если хозяин оказался крепким и отбил от вас — опять же надо бежать. Все время бежать.

И даже если, как утверждает Лес, вы заключили с человеком мирный договор, черт побери, вам все равно нужно распространяться! Да эти крошечные монстры — просто прирожденные колонисты!

Я знаю, знаю. Это просто естественный отбор. Те, кому повезло найти хороший вектор, процветают. Те, кому не повезло, нет. Но все это выглядит так зловеще, что порой мерещится какой-то скрытый смысл...

Так вот, грипп заставляет нас сморкаться. Сальмонеллез одаривает поносом. От оспы образуются гнойники, которые, высыхая, шелушатся и осыпаются, попадая в легкие. Все это — отличные способы спрыгнуть с корабля и переселиться на новый.

Кто знает, не доисторический ли вирус заставляет кровь приливать к губам, вызывая желание целоваться? Хм! Может, это тот самый случай «доброкачественного паразитизма», о котором говорил Лес... И мы сохраняем приобретенное свойство, хотя вызвавший его патоген давно вымер. Что за идея!

Так вот, наша лаборатория получила крупный грант на изучение векторов. Вот тогда-то, СПИЧ, Лес тебя и обнаружил. Он нарисовал большущую схему, включавшую все возможные пути, по которым инфекция может переходить от одного человека к другому, и дал нам задание проверить их все один за другим.

Себе он оставил инфекции, передающиеся через кровь. И на то были свои причины.

Во-первых, Лес, видите ли, был альтруистом. Его тревожила вся эта паника и необоснованные слухи вокруг Британского запаса крови. Люди отказывались от жизненно важных операций. Шли разговоры об организации того, чем уже начали заниматься богачи в Штатах: о создании запасов собственной крови в дорогостоящей, но оттого не менее глупой попытке избежать использования донорской крови, если вдруг понадобится лечь в больницу.

Все это не давало Лесу покоя. Но еще хуже было то, что толпы потенциальных доноров уклонялись от сдачи крови из-за глупых слухов: якобы таким образом можно подхватить какую-то заразу.

Чушь! Никто еще никогда и ничем не заболел, оттого что сдавал кровь. Разве что помутит слегка да прыщами покроешься от всех этих печенюшек и сладкого чая, которыми тебя пичкают после процедуры. А что касается заражения СПИДом через переливание крови, то новые анализы на антитела быстро решили эту проблему. Но слухи остались. А ведь народ должен быть уверенным в национальном запасе крови. Лес хотел покончить с этими глупыми страхами раз и навсегда с помощью одного специализированного исследования.

Однако это была не единственная причина, по которой он предпочел сам заняться изучением крови в качестве вектора.

— Безусловно, этот вектор используется кое-какими неприятными штуками типа СПИДа. Но кроме них я могу обнаружить и кое-что подревнее, — говорил он возбужденно. — Вирусы, которые почти до конца прошли путь превращения в полезные. Те, которые так хорошо приспособились, что стали совершенно незаметны и едва ли причиняют какое-либо беспокойство своим хозяевам. Быть может, мне даже удастся найти симбионтов! Тех, кто на самом деле помогает человеческому организму.

— Необнаруженный симбионт человека? — с сомнением фыркнул я.

— А почему бы и нет? Раз явной болезни нет, кто станет ее искать? Форри, это же совершенно новое поле для исследований!

Несмотря на весь свой скепсис, я был заинтригован. Вот за это его и прозвали «юным гением» — за эти полубезумные озарения. И как только это не вышибли из него во всех этих оксфордах-кембриджах? Но отчасти именно поэтому я и связался с Лесом и его лабораторией, прилагая все усилия к тому, чтобы мое имя фигурировало в его публикациях.

Итак, я стал следить за его работой. Конечно, вся эта затея выглядела довольно сомнительно и чертовски глупо... Но я был уверен, что в конце концов она может принести плоды. Поэтому я был морально готов, когда в один прекрасный день Лес пригласил меня поехать с ним на конференцию в Блумсбери. Сам коллоквиум был чистойшей рутинной, но я видел, что Леса так и распирает от новостей. Когда все закончилось, мы отправились пешком по Черингкросс-роуд в одну пиццерию, которая находилась так далеко от университета, что можно было не опасаться встречи с кем-нибудь из коллег. Только с публикой, ожидающей открытия театра на Лестер-сквер.

Затаив дыхание, Лес заставил меня поклясться сохранить все в тайне. Ему просто необходимо было с кем-то поделиться, а я был только рад выступить в роли исповедника.

— За последнее время я побеседовал со многими донорами, — сообщил он, когда мы сделали заказ. — Такое впечатление, что, хотя некоторые люди боятся сдавать кровь, это во многом компенсируется повышенной активностью регулярных доноров.

— Это радует, — сказал я. Чистая правда. Я вовсе не возражал против того, чтобы в стране имелся необходимый запас крови. Когда-то давно в Остине мне даже нравилось смотреть, как люди заходят в фургончик Красного Креста... Нравилось, пока кто-то не попросил меня внести свой вклад в это дело. На это у меня не было ни времени, ни желания, так что я отказался, сославшись на малярию.

— Форри, я нашел одного любопытного типа. Похоже, он начал сдавать кровь, когда ему было двадцать пять, еще во время второй мировой. И сдал за это время, наверное, галлонов тридцать пять — сорок.

Я быстро подсчитал в уме.

— Погоди-ка. Ведь он уже не проходит по возрасту!

— Совершенно верно! Он сознался в этом, только когда его завели в полной конфиденциальности. Когда ему исполнилось шестьдесят пять, он просто не захотел завязывать с донорством. Крепенький такой старикашка... Несколько лет назад перенес небольшую операцию, однако до сих пор в весьма приличной форме. Так что, когда местный клуб «галлонщиков» устроил ему пышные проводы на заслуженный отдых, он просто переехал в другой конец округа и зарегистрировался на новой станции переливания, назвавшись вымышленным именем и занизив свой возраст.

— Забавно. Но вполне безобидно. Скорее всего, ему нравится ощущать себя нужным обществу. Готов поспорить, он любит заигрывать с медсестрами и с удовольствием лопает бесплатную еду... Устраивает себе раз в два месяца этакий регулярный праздник в компании дружелюбных и приветливых людей.

Вот только не надо думать, что раз сам я самовлюбленный ублюдок, то не способен понять поведение альтруистов. Как и у большинства людей пользовательского типа, у меня нюх на мотивы, которые движут простакатами. Таким, как я, эти вещи знать просто необходимо.

— Сперва я тоже так решил, — кивнул Лес. — Потом обнаружил еще несколько подобных персонажей и решил назвать их «зависимые». Поначалу я никак не связывал их с другой группой под кодовым названием «новообращенные».

— Новообращенные?

— Ну да. Люди, которые вдруг начали сдавать кровь — внимание! — вскоре после того, как сами оправались от операции.

— Может, они таким образом частично оплачивают лечение?

— Вряд ли. Не забывай, у нас ведь государственное здравоохранение. И даже для платных пациентов такое объяснение годится лишь на первые несколько раз.

— Тогда что, благодарность?

Чувство для меня чуждое, но теоретически понятное.

— Возможно. У людей, побывавших на грани жизни и смерти, могла повыситься сознательность, и они решили стать более добродетельными. В конце концов, полчаса на станции переливания несколько раз в год — невеликое неудобство в обмен на то...

Тоже мне, святоша! Разумеется, Лес был донором. Он продолжал разглагольствовать о гражданском долге и все в таком духе, пока не явилась официантка с нашей пищей и двумя кружками свежего горького пива. Это заставило Леса ненадолго заткнуться. Но как только она ушла, он, сверкая глазами, наклонился ближе.

— Нет, Форри, это не оплата счетов и даже не благодарность. Во всяком случае, не для всех из них. С этими людьми произошло нечто большее, чем простое пробуждение сознательности. Они стали новообращенными, Форри. Они начали вступать в клуб «галлонщиков» и даже больше! Такое впечатление, будто в каждом из них произошли изменения личности!

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что значительный процент тех, кто за последние пять лет перенес серьезные операции, полностью поменяли свои социальные установки. Помимо донорства, они увеличили пожертвования на благотворительность, стали членами родительских комитетов и отрядов бойскаутов, превратились в активистов «Гринписа» и движения «Спасите детей»...

— Короче, Лес. К чему ты клонишь?

— К чему? — Он покачал головой. — Честно говоря, некоторые из этих людей словно бы впали в зависимость... В зависимость от альтруизма. Вот тут-то мне и пришло в голову, Форри, что это ведь может быть новый вектор!

Вот так просто он это и сказал. Естественно, я уставился на него, разинув рот.

— И какой вектор! — шептал он, все больше распаляясь. — Что там тиф, или оспа, или грипп! Сушие дилетанты! Их давно пора сдать в утиль со всем этим чиханием, шелушением и прочей дрянью. СПИД, конечно, тоже использует кровь в качестве вектора, но так грубо, что это невозможно не заметить. Он заставляет нас разрабатывать анализы, начинать долгий, длительный процесс его выделения. А вот СПИЧ...

— Спич?

— Нет, Форри. Эс-Пэ-И-Че, — ухмыльнулся он. — Так я назвал новый вирус, который мне удалось выделить. Это расшифровывается как «синдром приобретенной избыточной человечности». Ну, как тебе?

— Отвратительно. Ты что, хочешь сказать, что существует вирус, который воздействует на человеческое сознание? Да к тому же таким сложным способом?

Я отказывался в это верить и в то же время струсил так, что во рту

пересохло. Я и раньше-то испытывал суеверный страх перед всеми этими вирусами и векторами. А теперь Лес запугал меня окончательно.

— Да нет, разумеется, нет, — рассмеялся он. — Все гораздо проще. Представь, что будет, если в один прекрасный день некий вирус случайно обнаружит способ заставлять людей получать удовольствие от сдачи крови?

Кажется, я только молча моргнул, не в состоянии отреагировать как-то иначе.

— Ты только подумай, Форри! Помнишь того старичка, о котором я тебе говорил? Он поведаль мне, что каждые два месяца, то есть как раз тогда, когда можно снова сдать кровь, у него «все нутро болит». И этот дискомфорт проходит только после нового кровопускания!

Я снова моргнул.

— Ты хочешь сказать, что всякий раз, когда он сдает кровь, на самом деле он угрождает своему паразиту, давая тому возможность переселиться к новому хозяину...

— А новые хозяева — это люди, перенесшие операцию, ведь в больнице им переливают свежую кровь. И все потому, что наш старичок оказался так щедр! Дело сделано, они заражены. Но этот вирус хитёр, он не такой жадина, как СПИД или даже грипп. Он предпочитает действовать тихо и незаметно. Кто знает, быть может, он даже достиг некоторой степени симбиоза со своими хозяевами — помогает им отражать нападения других организмов или...

Он увидел мое лицо и замахал руками.

— Ну ладно, ладно, это уже натяжка, я знаю. Но ты только представь! А ведь симптомов болезни нет, поэтому этот вирус до сих пор никто не искал.

И тут до меня вдруг дошло: он его выделил. И, мгновенно осознав, что это может сулить в смысле карьеры, я тут же принялся строить планы: как сделать так, чтобы мое имя тоже стояло на его работе, когда он ее опубликует. Я был так поглощен этими мыслями, что на несколько мгновений потерял нить его рассуждений.

— ...А теперь мы подходим к самому интересному. Ну скажи, что подумает нормальный, эгоистичный, консервативно настроенный обыватель, если вдруг обнаружит, что ему хочется посещать станцию переливания крови как можно чаще?

— М-м... — Я покачал головой. — Что его околдовали? Загипнотизировали?

— Чепуха! — фыркнул Лес. — Не так устроена человеческая психика. Нет, мы склонны совершать множество вещей, сами не зная зачем.

Однако объяснения нам нужны, и поэтому мы начинаем рассуждать логически! Если очевидное объяснение не лежит на поверхности, мы его изобретаем, и желательно такое, которое помогает нам думать о себе лучше. Эго, мой друг, штука могучая!

Ну-ну, подумал я про себя, не учи ученого!

— Значит, альтруизм, — произнес я вслух. — Люди замечают, что стали чаще навещать на станцию переливания. И делают вывод, что просто такие уж они хорошие... Они начинают этим гордиться. Хвастаются перед другими...

— Ты на верном пути, — кивнул Лес. — И благодаря этой гордости, а также похвалам по поводу этой своей новоявленной щедрости, они склонны экстраполировать ее и на другие сферы жизни.

— Вирус альтруизма... — выдохнул я с благоговейным трепетом. — Господи, Лес, когда мы это опубликуем...

И тут же осекся, заметив, как Лес вдруг нахмурился. Я подумал было, это из-за того, что я употребил слово «мы». И кто меня за язык тянул... Но нет, Леса всегда интересовало нечто большее, чем просто научное признание, его запросы были гораздо выше.

— Нет, Форри, не сейчас. Пока что мы не можем это опубликовать. Я изумленно покачал головой.

— Но почему? Лес, это же грандиозно! Это же подтверждает все твои идеи про симбиоз и все такое. Дело пахнет «нобелевкой»!

Тут я, конечно, дал маху — вслух высказал сокровенное... Но Лес, кажется, и не заметил. Проклятье! Ну почему он не такой, как большинство ученых, которых пуще прочего влечет стокгольмский соблазн? Лес, видите ли, был исключительным.

Исключительным альтруистом.

Так что видите, он сам во всем виноват. Он и его проклятая добродетель — это они заставили меня впервые задуматься о том, что впоследствии я решил совершить.

— Как ты не понимаешь, Форри! Стоит нам опубликовать это открытие, как кто-нибудь тут же разработает анализ на антитела к вирусу СПИЧ. Доноров, в крови которых они будут обнаружены, не пустят на порог станции переливания, точно так же, как переносчиков СПИДа, сифилиса и гепатита. А это будет невероятно жестокая мука для всех этих несчастных.

— Да плевать на них! — почти заорал я. Несколько любителей пиццы неодобрительно глянули в мою сторону. Невероятным усилием воли я заставил себя говорить спокойно. — Слушай, Лес, носители вируса будут признаны больными, верно? Так что им обеспечат врачебный контроль. А если все, что им нужно для счастья, это регуляр-

ные кровопускания, так в чем проблема? Пусть заводят пиявок в качестве домашних животных!

Лес улыбнулся.

— Разумно. Но это не единственная — и даже не главная причина, Форри. Нет, пока что я не стану это публиковать, и точка. Я просто не могу допустить, чтобы эту болезнь остановили. Она должна распространиться по миру, превратиться в эпидемию, пандемию!

Я уставился на него и, увидев огонь в его глазах, понял: Лес не просто альтруист. Им завладел один из самых коварных человеческих недугов — мессианство. Лес решил спасти мир.

— Как ты не понимаешь, Форри! — продолжал он с жаром новообращенного. — Эгоизм и жадность разрушают нашу планету! Но природа всегда находит выход, и быть может, этот симбиоз — наш последний шанс, последняя возможность стать лучше, научиться помогать друг другу, пока не поздно! Предмет нашей особой гордости — предлобные доли мозга, эти куски серого вещества над глазами, делают нас намного сообразительнее зверей. Но что хорошего они нам дали? Не бог весть что. Мы до сих пор не можем придумать, как выбраться из кризиса двадцатого века. По крайней мере, от одних только дум толку мало. Нужно что-то еще. И я убежден, Форри, СПИЧ и есть это «что-то еще». Мы должны сохранить этот секрет — по крайней мере до тех пор, пока вирус не распространится среди населения настолько, что обратного пути уже не будет.

Я сглотнул.

— И как долго? Сколько ты собираешься ждать? Пока он не начнет влиять на результаты голосования? Пока не пройдут очередные выборы?

Лес пожал плечами.

— Как минимум. Лет пять, может, семь. Видишь ли, этот вирус имеет тенденцию поражать тех, кто недавно перенес операцию, а это в основном люди пожилые. К счастью, именно они чаще всего обладают в обществе определенным весом. И голосуют за Тори...

Он все говорил, говорил, а я слушал вполуха, потому что уже пришел к роковому решению. Через семь лет от этого гребаного соавторства не будет никакого проку ни для моей карьеры, ни для амбиций. Конечно, теперь, когда я узнал секрет Леса, я мог бы его выдать. Но в результате он только обозлится на меня, а все лавры все равно достанутся ему. Люди обычно помнят первооткрывателей, а не стукачей.

Мы расплатились по счету и направились к станции Черинг-кросс, где можно было сесть на метро до Паддингтона, а оттуда уже добраться до Оксфорда. По дороге мы попали под ливень и спрятались под

kozyрьком у киоска с мороженым. Пока мы пережидали дождь, я купил нам обоим по стаканчику. Как сейчас помню: у Леса было клубничное, а у меня — малиновый лед.

Лес рассеянно бормотал что-то насчет своих исследовательских планов, а в уголке его рта расплывалась розовая капля. Я делал вид, что слушаю, но голова моя уже была поглощена другим: в ней зарождались планы и разрабатывались способы совершения убийства.

* * *

Преступление, разумеется, было задумано идеально.

Все эти киношные детективы любят порассуждать по поводу «мотива, орудия и способа» совершения преступления. Что ж, мотив у меня был, да еще какой, но он был таким сложным и неочевидным, что никому и в голову бы не пришел.

Орудие и способ? Да у нас в лаборатории полным-полно и ядов, и всякой заразы. Конечно, мы, профессионалы, работаем очень аккуратно, но, увы, несчастные случаи все же происходят...

Имелась, правда, одна проблема. Наш юный гений был так знаменит, что даже если бы мне и удалось его укокошить, я не посмел бы сразу же объявить о новом открытии. Черт бы побрал этого Леса! Все равно все заслуги приписали бы ему или хотя бы лаборатории, которая обнаружила СПИЧ исключительно благодаря его чуткому руководству. К тому же слишком громкая слава, свалившаяся на меня сразу после его кончины, могла навести кого-нибудь на подозрения.

Ну что ж, решил я. Так или иначе, СПИЧ получит свою отсрочку. Может, не семь лет, но по крайней мере три или четыре года, в течение которых я вернусь назад в Штаты, начну разработку собственного направления, а затем постепенно поведу дело так, чтобы методично создать всю ту научную базу, через которую Лес благополучно перемахнул в порыве вдохновения. Меня эта отсрочка не слишком радовала, но к концу этого времени создастся полное впечатление, что это моя собственная разработка. И на этот раз никакого соавторства! Нет уж, дудки!

Прелесть была еще и в том, что никому и в голову не придет связать мое имя с трагической смертью моего коллеги и друга, случившейся несколькими годами раньше. Наоборот, его гибель на время остановит мое карьерное продвижение. «Ах, как жаль, что бедняга Лес не дожил до дня твоего триумфа!» — скажут конкуренты, подавляя завистливое раздражение, когда я буду собираться в Стокгольм.

Разумеется, все это никак не отразилось ни на моем лице, ни на словах. Мы оба занимались обычной работой. Но почти каждый день

я допоздна задерживался в лаборатории, помогая Лесу в нашем секретном проекте. Это было по-своему веселое время, и Лес не скупился на похвалы, глядя на то, как я медленно, занудно, но методично воплощал в жизнь кое-какие его идеи.

Зная, что Лес никуда не торопится, я тоже занимался подготовкой постепенно. Мы вместе собирали данные. Мы выделили и даже кристаллизовали вирус, получили дифракцию рентгеновских лучей, провели эпидемиологические исследования — и все это в строжайшей секретности.

— Поразительно! — восклицал Лес, обнаружив, каким именно образом вирус СПИЧ заставляет своих хозяев ощущать потребность в «благотворительности». Он бурно и многословно восхищался элегантностью приемов открытого им вируса и приписывал их случайному отбору. Я же не мог отделаться от суеверного ощущения, что это какая-то ужасно хитрая форма разума. Чем более изящными и эффективными оказывались методы вируса, тем больше восторгался Лес, и тем чаще я ловил себя на том, что эти пучки рибонуклеиновой кислоты и белка вызывают у меня отвращение.

Тот факт, что вирус казался таким безобидным (а с точки зрения Леса, даже полезным), лишь усиливал мою ненависть. Поэтому я радовался задуманному. Радовался, что помешаю планам Леса по распространению СПИЧа во всем мире.

Я собирался спасти человечество от перспективы стать марионеткой в чужих руках. Правда, ради моих собственных целей со спасением придется подождать, однако оно все же случится, и гораздо раньше, чем планировал мой ничего не подозревающий коллега.

А Лес и не догадывался, что закладывает фундамент для работы, признание за которую достанется мне. Каждое его озарение, каждый крик «Эврика!» фиксировались у меня в блокноте рядом с моими собственными столбцами скучных цифр. Параллельно я выбирал орудие убийства. В конце концов я остановился на одном чрезвычайно опасном штамме лихорадки Денге.

* * *

У нас в Техасе есть старинная поговорка: «Курица — это просто способ, которым размножаются яйца».

Биологи, знакомые со всеми этими латинско-греческими словами, придумали гораздо более роскошный вариант этой поговорки. Люди — это «зиготы», состоящие из диплоидных клеток, содержащих сорок шесть парных хромосом, за исключением гаплоидных половых клеток, или «гамет». Мужские гаметы — это сперматозоиды, а женские —

яйцеклетки, каждая из которых содержит только двадцать три хромосомы.

Поэтому биологи говорят: «зигота — это способ, которым размножаются гаметы».

Хитро, правда? Но эта поговорка показывает, насколько трудно в природе отыскать Первопричину, некий центр головоломки, от которого ведет отсчет все остальное. Короче, что же было вначале — яйцо или курица?

«Человек — мера всех вещей», гласит другая старинная мудрость. Да неужели? Попробуйте-ка сказать это ярому гринписовцу! Один мой знакомый, любитель научной фантастики, рассказывал, что однажды читал рассказ, в котором утверждалось, что основная и единственная цель цивилизации, разума и всего такого — это построить космические корабли, чтобы комнатные мухи могли колонизировать Галактику.

Но эта идея — ничто по сравнению с убеждениями Леса Эджисона. О человеческих существах он говорил так, словно речь шла об Организации объединенных наций, не меньше. От кишечной палочки у нас в кишках до микроскопического клеща, очищающего наши ресницы, от митохондрий, вырабатывающих энергию в клетках, до содержимого самой ДНК — во всем этом Лес видел бездну компромиссов, договоренностей и сосуществования. Наши хромосомы, утверждал он, большей частью произошли от предыдущих захватчиков.

Совместное существование? Нарисованная Лесом радужная картинка в моем мозгу превращалась в кошмар: крошечные кукловоды, которые дергают и водят за протеиновые ниточки нас, марионеток, пляшущих под их дудку, ради их собственных мерзких маленьких целей...

Но ты — ты хуже всех! Как большинство циников, я всегда питал тайную веру в человеческую природу. Да, в основном люди — свиньи. Я всегда это знал. И пусть сам я паразит, у меня, по крайней мере, хватает честности это признать. Но где-то в глубине души мы, эгоистичные потребители, рассчитываем на нелогичную щедрость, мистический, загадочный альтруизм других, добрых и непостижимо порядочных людей... Тех, над кем мы всегда глумимся и перед кем втайне преклоняемся.

И тут являешься ты, чтоб тебе пусто было! Это ты заставляешь людей так поступать. И когда за дело берешься ты, СПИЧ, никакой тайны уже не остается. Ни одного уголка, не достижимого для цинизма. Проклятье! Как же я тебя ненавижу!

Точно так же, как Лесли Эджисона. Я строил планы, задумывал блестящее нападение на вас обоих. О, в те последние дни невинности я чувствовал себя таким решительным и беспощадным! Восхитительным смельчаком, хозяином своей судьбы!

И вдруг — такое разочарование. Я не успел закончить подготовку, не успел расставить свою маленькую ловушку — осколок стекла, смоченный в специальном растворе со смертоносными микроорганизмами. Потому что раньше, чем я смог испробовать себя в роли убийцы, случился КАСЛ.

И все переменилось.

«Катастрофическое аутоиммунное спадение легких» — вот имя тому кошмару, по сравнению с которым СПИД стал казаться надоедливой мошкой. Поначалу казалось, болезнь невозможно остановить. Ее векторы были совершенно неизвестны, а возбудитель не удавалось выделить очень долго.

На этот раз не было какой-то явной социальной группы, которую настиг этот новый мор, хотя заметно было, что болезнь концентрируется в индустриальном мире. В одних районах чаще всего заражались школьники. В других — секретарши и почтовые служащие.

Естественно, к работе подключились все крупные эпидемиологические лаборатории. Лес предсказал, что патоген окажется чем-то вроде прионов, вызывающих овечий лишай и некоторые болезни растений. Псевдожизнеформа, которая еще проще, чем вирус, и которую поэтому еще сложнее обнаружить. Идею обозвали ересью, и мало кто ее поддерживал, а потом в Атланте, в Центре контроля заболеваний, решили проверить эту гипотезу — просто так, от отчаяния — и нашли тех самых вириодов в составе клея, которым обычно заклеивают картонные пакеты с молоком, конверты и почтовые марки.

Лес, разумеется, стал героем. Да все мы, в этих лабораториях, были героями. В конце концов, мы ведь стояли на передовой. И наши потери в этой войне были ужасны.

Похороны и прочие публичные сборища временно попали под запрет. Но для Леса сделали исключение. Процессия за его катафалком была в целую милю длиной. Меня попросили произнести надгробную речь. И когда меня стали умолять возглавить лабораторию, я согласился.

Так что ничего удивительного, что я стал забывать про СПИЧ. В борьбе с КАСЛом были задействованы все ресурсы общества. Я, конечно, эгоист, но даже крысы понимают, что иногда разумнее заняться спасением тонущего корабля. Особенно когда порта поблизости не видно.

В конце концов, мы научились бороться с КАСЛом. Лечение включало в себя прием лекарств и сыворотки из антител, выращенных в костном мозге самого пациента после введения опасно большой дозы ванадиевой смеси, которую я обнаружил методом проб и ошибок. В большинстве случаев это срабатывало, однако больные испытывали

огромный стресс, и зачастую, чтобы пережить самую опасную фазу болезни, им требовался специальный режим переливания.

Запасы крови стали истощаться еще быстрее, чем раньше. Но теперь, как во время войны, люди с готовностью откликались на призыв о помощи. Мне ли этому удивляться, но не забывайте, ведь к тому времени я совсем позабыл про СПИЧ.

Мы отразили наступление КАСЛа. Его вектор оказался слишком ненадежным, слишком легко было перекрыть его теперь, когда мы его вычислили. Бедненькому вируиду так и не удалось дойти до той стадии, которую Лес называл «ведением переговоров». Что ж, значит, не судьба.

Мне достались все возможные почести, которых я не заслуживал. Король вручил мне орден Рыцаря Командора за личное спасение Принца Уэльского. Я был приглашен на обед в Белом доме.

Подумаешь! Эка невидаль...

После этого мир получил небольшую передышку. Похоже, люди, напуганные КАСЛом, стали больше расположены к взаимопомощи. Тут мне, конечно, следовало насторожиться. Но я как раз перешел на работу в ВОЗ и взвалил на себя кучу административных обязанностей в кампании по борьбе с недоеданием.

Я забыл о тебе, верно? Шли годы, моя звезда всходила все выше, я добился славы, уважения, почета. Правда, в Стокгольм я так и не попал. По иронии судьбы, получить свою «нобелевку» мне пришлось в Осло, забавно, не правда ли? И все же в глубине подсознания я всегда помнил о тебе, СПИЧ.

Подписывали мирные соглашения. Граждане развитых стран голосовали за временное понижение собственного уровня жизни во имя борьбы с бедностью и защиты окружающей среды. Мы все вдруг словно бы повзрослели. Другие циники, с которыми мы прежде вместе пьянствовали и делились мрачными предчувствиями по поводу незавидной судьбы несчастного, пропавшего человечества, — все они постепенно отказались от своих взглядов. Пессимистам было нечего делать в этом прекрасном мире — таком прекрасном, что даже у циника язык не повернулся бы сказать, что это всего лишь короткая остановка по дороге в ад.

Но мои собственные убеждения сохранили свою первозданную чистоту. Потому что в глубине души я знал: все это не по правде.

А потом, к всемирному ликованию, третья экспедиция на Марс вернулась домой и привезла с собой ТАРП. Вот тогда-то мы и узнали, какими дружелюбными, оказывается, были наши родные микробы.

* * *

Поздно ночью, после работы, еле передвигая ноги от усталости, я порой останавливался перед портретом Леса, который по моему приказу повесили в холле, напротив двери моего кабинета, и стоял, проклиная его самого и его проклятую теорию симбиоза.

Представьте себе человечество, пришедшее к симбиотическому единению с ТАРПом! Это будет что-то. Представь, Лес, все эти иноземные гены, добавленные к нашему наследию, к нашему богатому человеческому разнообразию!

Вот только ТАРП, похоже, не слишком заинтересован в «ведении переговоров». Его манера общения оказалась убийственно жесткой. А его вектором стал ветер.

Мир взирал на меня и моих собратьев с надеждой на спасение. Но, несмотря на все заслуги и почести, я-то знал, что я всего лишь второсортный мошенник. Как бы меня ни превозносили и ни благодарили, я знал, кто был круче меня на световые годы.

Снова и снова, до поздней ночи я рылся в записках Лесли Эджисона в поисках вдохновения, в поисках надежды. Вот тогда-то я и наткнулся на СПИЧ снова.

Я нашел тебя еще раз.

Да, верно, ты заставил нас сделаться лучше. Твои гены сейчас есть, по меньшей мере, у четверти человечества. И своим новоявленным, необъяснимым, рационализированным альтруизмом они задают тон, который поддерживают все остальные.

Сейчас, когда пришла беда, все ведут себя так чертовски правильно. Помогают ближним, поддерживают больных, делают пожертвования...

И ведь вот что интересно: не сделай ты нас такими отзывчивыми, может, мы никогда и не добрались бы до этого гребаного Марса. А если бы и добрались, то всеобщая паранойя по крайней мере обеспечила бы приличный карантин.

Но да, конечно, как я мог забыть! Ты же не мог этого предвидеть. Ведь ты просто упакованный в белковую оболочку пучок РНК, обладающий случайной способностью заставлять людей отдавать свою кровь. И больше ничего, верно? Откуда ты мог знать, что сделав нас «лучше», ты обрек нас на ТАРП... Или все-таки мог?

* * *

Есть кое-какие утешительные известия. От некоторых новых разработок, похоже, будет какой-то прок. На самом деле, последние новости просто чудесны. Судя по всему, мы сумеем спасти около пятнадцати процентов детей. И почти половина из них сможет продолжить свой род.

Правда, это касается только тех народов, где смешанные браки не редкость. Видимо, гетерозиготность и генетическое разнообразие способствуют лучшей сопротивляемости организма. Народам же с «чистыми», узкими генеалогическими линиями придется туго. Но, в конце концов, за расизм надо платить.

Жаль только крупных приматов и лошадей. С другой стороны, когда еще у тропических лесов появится такой шанс на выживание?

Ну а пока люди стараются изо всех сил. Никакой паники нет, в отличие от прежних эпидемий, о которых пишут в книгах. Похоже, мы наконец повзрослели. Мы помогаем друг другу.

Но в моем бумажнике лежит карточка, где написано, что я адепт Христианской науки, что у меня четвертая отрицательная группа крови и аллергия практически на всё. Переливание крови как метод лечения используется сейчас повсеместно, а ведь я важная персона. Но я не стану брать чужую кровь.

Ни за что.

Я отдаю свою, но брать чужую — никогда. Даже если буду умирать от потери крови.

Тебе меня не поймать, СПИЧ. Даже не надейся.

Я дрянной человек. Все, конечно, считают, что в своей жизни я сделал больше добра, чем зла, но это просто случайность, результат стечения обстоятельств и причудливых капризов судьбы.

Над миром я не властен, но, по крайней мере, могу принимать собственные решения. Что я сейчас и делаю.

Со своей высокой лабораторной башни я спустился вниз, на улицы, где сочатся гноем и жаром переполненные больницы. Теперь я работаю здесь. И пусть я поступаю точно так же, как остальные. Они — марионетки. Они считают себя альтруистами, но я знаю: все они — куклы в твоих руках, СПИЧ. А я — человек. Слышишь? Я все решаю сам.

Терзаемый лихорадкой, я бреду от койки к койке, пожимая руки, которые тянутся ко мне за утешением, за помощью, и делаю всё, что в моих силах, чтобы облегчить их страдания, чтобы спасти хоть кого-то.

Но тебе, СПИЧ, меня не поймать.

Это мой собственный выбор.

Перевела с английского
ЗОЯ БУРКИНА

У И Л Л М А К И Н Т О Ш

ВЕРОЯТНОСТИ

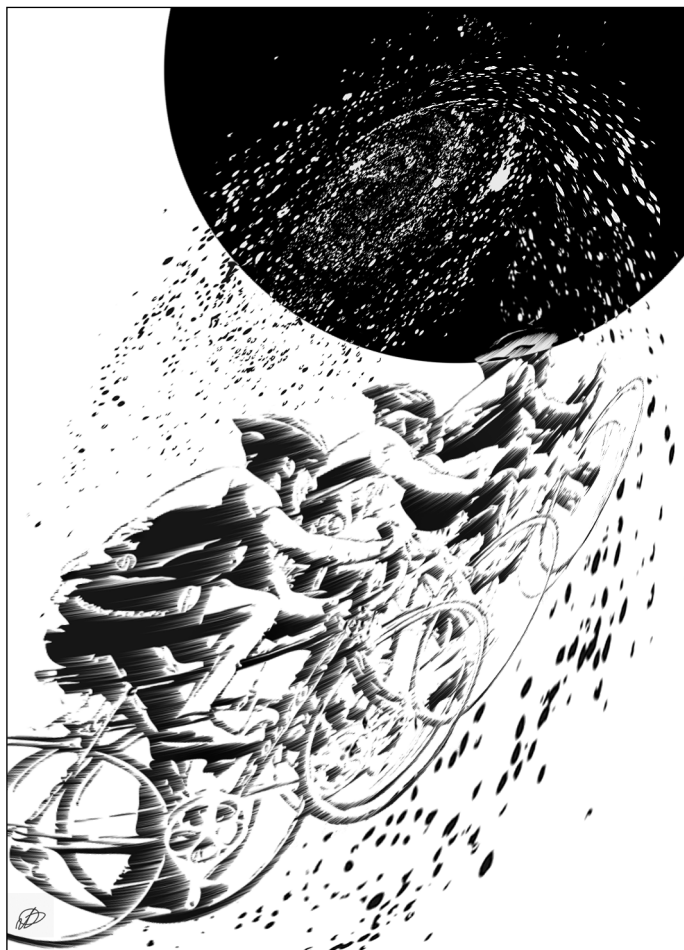

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Она обвела обедающих таким взглядом, словно искала кого-то по смутному описанию. В таком случае — по смутному описанию — Сэмюэль был высоким мужчиной на шестом десятке, одетым в джинсовую куртку. Он поднял руку. Она помахала и направилась к столику.

Она была худой, с длинными рыжеватыми волосами, оттененными белыми прядями. Почти плоская, но тем не менее сексуальная.

Не то чтобы это было свидание.

— Привет, Сэмюэль, — сказала она, садясь напротив. Они пожали руки над столом.

— Привет, Тьюсди, рад наконец тебя встретить.

Наступило неловкое молчание. Что бы вы сказали в такой ситуации? Оказывался ли вообще кто-нибудь из вас в такой ситуации?

Официантка с задорным хвостиком, выглядывающим из отверстия бейсболки, спасла положение, когда принесла заказ и таким образом дала Сэмюэлю какое-то время подумать над темой для разговора.

— Ты веришь в это? Вся затея — полный бред.

— Ты думаешь? — Тьюсди склонила голову набок и пожала плечами: — Не знаю, не знаю... Ты не веришь в мистику?

Сэмюэль слабо улыбнулся.

— Нет. Я не верю в мистику.

«Мистика»? Кто, черт возьми, придумал это слово?

— Хм... А я верю. Мне бы хотелось принять участие в чем-нибудь мистическом, — она повернулась на сиденье, поставила одну ногу на фальшивую красную кожу и перевязала шнурок на своих высоких черных кедах. Она завязывала его с большим энтузиазмом — получившийся узел имел примерно шесть петель. Она поменяла ноги местами и принялась за второй шнурок.

— Большинство людей не понимает, насколько важно хорошо завязанные шнурки, — произнесла она. — Обувь будет мешать, если она слишком свободная или слишком тесная, а коли один ботинок меньше другого, тогда ты не будешь находиться в состоянии равновесия и не сможешь нормально ходить.

— Но сейчас ты никуда не идешь, — заметил Сэмюэль.

— Да, но пойду позже.

— Вот оно что, — Сэмюэль уже начинал спрашивать себя, правильно ли он поступил, когда согласился на это. Похоже, она разде-

ляла идеи Нью-эйджа*. Дальше она предложит ему вообразить мир во всем мире или попробовать связаться с духом высшей жрицы Лемурии**.

— Мэр, похоже, верит, что в этом кое-что есть, — добавила Тьюсди.

— Он в отчаянии. Хватается за соломинку.

— А почему тогда ты согласился встретиться? — спросила Тьюсди, возвращая ноги на черно-белую плитку пола.

Сэмуэль молчал, пока официантка звенела стаканами, а затем большими металлическими сосудами для приготовления молочного коктейля. Клубничный, который налили Сэмуэлю, выглядел густым, как цемент.

— Профессор Берри сказал, что есть один простой способ доказать его неправоту — встречаться с тобой время от времени в течение недели. Если число несчастных случаев в городе не снизится, пока мы вместе, и не возрастет, когда мы будем порознь, он вернет городу деньги, которые были заплачены ему за консультацию, — коктейль приятно булькал, вливаясь в стакан. — Его идеи — сплошное сумасшествие. «Применение поиска статистических связей для обнаружения неочевидных зависимостей»? Чушь! Бредовость этой затеи чувствуется за километр.

— Знаешь, о чем я хочу его спросить? Как он узнал о том, что некоторые люди связаны друг с другом?

— Он следил за номерами машин. В городе установили камеры наблюдения, которые записывали прибытие и отъезд каждой машины двадцать четыре часа в сутки на протяжении восьми месяцев.

Тьюсди ковырялась в чипсах, выбрасывая кусочки картошки один за другим в кучу на краю тарелки. Ее руку покрывали веснушки.

— Что ты делаешь? — спросил Сэмуэль.

— Я не особо голодна, так что съем только самые лучшие кусочки.

Внимание Сэмуэля привлекло движение за окном. По улице проехала группа велосипедистов. Все — старики, среди них не нашлось

* Нью-эйдж (англ. New Age, буквально «новая эра») — общее название совокупности различных оккультных течений. Зародилось после второй мировой войны. Достигло наибольшего расцвета в 70-е годы XX века. Это движение в культуре, религии, философии, науке, возникшее в XX веке и охватившее в первую очередь западные страны. (Здесь и далее прим. перев.)

** Одно из значений — мифический остров (или континент) в Индийском океане. Упоминание о Лемурии как о земле с развитой цивилизацией встречается в мифологии разных народов. Цивилизация Лемурии предположительно существовала до и в одно время с Атлантидой.

ни одного моложе семидесяти, а некоторые выглядели лет на девяносто. Их лица, словно покрытые сухим пергаментом, выглядели неуместно под гладкими шлемами.

— Почему мы? — спросила Тьюсди. — Почему ты думаешь, что количество несчастных случаев сократится, если мы будем вместе?

— Оно не сократится. Это все чушь.

— А если правда?

* * *

Обычно Сэмуэль досиживал до конца титров, чтобы получить полный спектр впечатлений от похода в кино, но Тьюсди вскочила почти сразу после того, как зажегся свет. Сэмуэль замешкался.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросила она.

— Не ожидал, что мне это настолько понравится, — ответил Сэмуэль. — Сюжет развивался медленно, а я обычно теряю нить в таких случаях. — Кто-то уронил в проходе пакет попкорна. Сейчас, когда они шли к выходу, этот попкорн хрустел под ногами. — Я с осторожностью отношусь к фильмам, которые называют «эпическими сагами», а если кто-нибудь из актеров к тому же одет в припудренный парик, я бегу от такой картины, как от чумы.

Тьюсди запрокинула голову и расхохоталась настолько громко, что окружающие стали оборачиваться. Сэмуэль хотел бы научиться так смеяться. Когда он последний раз действительно хохотал, безудержно и от всей души?

— Расскажи мне еще что-нибудь о себе, — попросила Тьюсди, когда они вышли на тротуар и оказались под фонарем, вычерчивавшим круг света во тьме. — Я знаю, что ты ушедший на пенсию профессор философии и живешь в квартире возле парка Уилмингтона.

Сэмуэль пожал плечами.

— Дай подумать... Ну, я люблю рисовать, у меня есть старый пес по имени Рили, и я работаю Санта Клаусом в универмаге Мейси каждое Рождество.

— Нет, ты не работаешь Санта Клаусом.

— Да, ты права, не работаю.

— Значит, не женился? — спросила Тьюсди.

— Иными словами, что во мне не так?

— Я не собиралась тебя критиковать. Это был просто вопрос.

— Прости. Я всегда начинаю защищаться, когда речь заходит об этом. Как будто вся твоя жизнь — одна сплошная неудача, если ты не женился и не завел детей. А я не хочу детей. Женщины говорят:

мужчины, не желающие заводить детей, незрелые, — но они утверждают это не потому, что подобные мужчины неспособны на здоровые отношения, а потому, что они не делают того, чего хотят женщины.

— М-да, похоже, ты и правда начинаешь защищаться. Давай сменим тему. Какие были твои первые слова?

— В смысле, когда я был ребенком? Понятия не имею.

— Позор! Может, твоя сестра знает? Это важно. — Они дошли до ее машины. Сэмюэль чувствовал себя напряженно, ощущая неловкость от своего пребывания на свидании с девушкой, которую он на самом деле совсем не знал. Он засунул руки в тесные передние карманы джинсов.

— Увидимся, Тьюсди.

Она расхохоталась. Он понял двойной смысл фразы и усмехнулся.* Он тоже попытался рассмеяться, но у него ничего не вышло.

* * *

Сквер был на удивление пуст, не считая старушки, выгуливавшей шпица. Когда Сэмюэль был моложе, он редко замечал стариков. А теперь он чаще игнорировал молодежь. Ему нравились скверы в центре города — то, как они разделяли пейзаж на части, образуя идеальный сплав города и природы, суеты и покоя. По скверу кружила запряженная лошадью повозка, наполненная туристами. Цоканье копыт гармонировало с низким жужжанием автомобилей, которые оказались вынуждены ползти за повозкой. Все это идеально.

Сэмюэль был опустошен, город заполнял его.

— Хороший денек, — сказал доктор Берри. Сэмюэль повернулся, и на его губах мелькнула улыбка.

— Безусловно. Присаживайся, — Берри обосновался на другом конце зеленой скамейки.

— Ну? — спросил Сэмюэль.

— Ты же веришь в числа, не так ли? Вот твои числа, — доктор Берри растелил распечатки на скамейке так, чтобы Сэмюэль мог их прочесть. — Здесь статистика по автокатастрофам и вызовам «скорой помощи», связанным с различными несчастными случаями: газонокосилками, столовыми ножами, скейтбордами, и так далее с полудня до пяти часов вечера ежедневно, — он провел пальцем по одной из коло-

* *Tuesday* — вторник (англ.). Последняя фраза буквально может быть переведена как «Увидимся во вторник».

нок. — Вот понедельник, когда вы с Тьюсди обедали вместе. А вот вторник, когда вы не встретились...

Он прошелся по всей неделе. Закономерность трудно было не заметить. На самом деле закономерность была практически идеальна.

— Этого не может быть, — сказал Сэмюэль. Его щека дрогнула. — Нет. Ерунда.

Берри поднял руки и пожал плечами.

— Иди и сам проверь данные! Звони в больницы, звони в полицейские участки. Мы собирали эту информацию вслепую, то есть человек, который собирал все эти числа, не знал, что ты и Тьюсди...

— Спасибо, я осведомлен, что такое слепой метод проведения эксперимента, — сердце Сэмюэля билось настолько часто, что у него заболела грудь. Он хотел встать со скамейки, но не был уверен, что ноги его выдержат. — Как ты это объяснишь? — он уставился на кирпич, который кто-то выковырял из мостовой. Сэмюэль больше не желал смотреть на распечатки.

Берри покачал головой.

— Никак. Я всего лишь статистик. Я собираю большие объемы данных и нахожу связи, которые не находят другие. А другие не находят их потому, что не потрудились поискать.

— Но в этом нет никакой логики. Как может мой с Тьюсди поход в кино повлиять на столкновение двух машин в тридцати кварталах от нас?

— Да, эта связь маловероятна. Но если мы не понимаем ее, это еще не значит, что она не существует. Тот факт, что приливы связаны с Луной, тоже казался волшебством — до Ньютона.

* * *

Официантка в бейсболке, та же, что и в прошлый раз, обняла его так, что чуть не сломала ребра, едва Сэмюэль переступил порог.

— Ваш приход сюда — большая честь для нас, — с чувством сказала она.

Сэмюэль посмотрел на Тьюсди, не понимая, что происходит. Плечи девушки дрожали от смеха.

— Она и со мной обнималась, — сообщила Тьюсди, когда Сэмюэль наконец-то добрался до столика. — Мы стали знаменитостями, — она положила на стол газету. Заголовок гласил: «Ангелы-хранители: новая программа предотвращения несчастных случаев».

— О, господи, — телефон зазвонил, и Сэмюэль вытащил его из кармана фланелевой рубашки.

— Почему ты ничего не рассказал мне? — Звонила его сестра Пэнни.

— Потому что это глупость! — ответил он.

— Ты сейчас с ней?

Сэмуэль вздохнул.

— Да. Слушай, потом поговорим, а то я нарушаю приличия, — Тьюсди отмахнулась от этой фразы и помотала головой. Она открыла газету.

— Только один вопрос, — не отставала Пэнни. — Какая она? Симпатичная?

— Пока, Пэнни.

— Ты же понимаешь, что это значит? Вы созданы друг для друга.

Сэмуэль нажал кнопку отбоя.

* * *

Парковочный счетчик явно нуждался в покраске, а его столб был покрыт клейкой лентой, оставшейся от объявлений о потерявшихся котятках.

Сэмуэль припарковал машину под раскидистыми ветвями дубов, которые следили за переключением светофоров сквозь бородачатый мох. Салон пропах сгнившими бананами и заплесневелым яблочным пирогом: Сэмуэль забыл выбросить мусор по пути домой, и теперь все это воняло на заднем сиденье.

Внимание Сэмуэля привлекло шипение. В квартале отсюда какой-то парень в защитной маске перекрашивал красную пожарную машину в зеленый цвет с помощью баллончика.

Мимо машины проходила Тьюсди, ее походку нельзя было не узнать. Выбравшись из своего автомобиля, Сэмуэль помахал ей.

— Не хочешь прогуляться? — спросила она, переходя улицу и делая жест в сторону парка.

— Конечно.

Они двинулись по улице мимо величественных старых домов. Окна нижних этажей почти везде были закрыты черными стальными решетками, украшенными завитками или выполненными в форме веток деревьев. Все это нужно было для того, чтобы сделать решетки непохожими на то, чем они являлись на самом деле — на укрепления. После ослепительной поры расцвета, продолжавшегося лет десять, город, похоже, опять начинал катиться по наклонной плоскости.

Ветер принес запах лука и перца.

— М-м-м, чувствуешь аромат? — спросила Тьюсди.

— Да, приятный, — согласился Сэмуэль.

— Ты любишь готовить?

— Нет. Я готовлю себе еду почти всю жизнь, и все равно каждое открывание холодильника в итоге превращается в весьма печальный эпизод. Думаю, изменить это уже невозможно. Почти все, что я готовлю — сплошные неудачи, съеденные в спешке, в основном для того, чтобы избавиться от улик.

— Иногда ты говоришь как персонаж из романа Карла Хейсена, ты знаешь об этом?

— Нет. А ты знала о том, что иногда говоришь, как героиня из автобиографии Ширли Маклейн*?

Тьюсди рассмеялась и ткнула его в плечо.

— Значит, ты помнишь ее скандальные истории?

Когда они проходили мимо книжного магазина, Сэмуэль заглянул внутрь, восхищаясь древними кирпичными стенами и рядами книг. Он заметил, что Тьюсди тоже заглянула внутрь.

— Один из недостатков старения заключается в том, что все думают, будто ты увлекаешься только сентиментальной дребеденью. А моя коллекция записей является неисчерпаемым источником удивления для моих племянников и племянниц.

— Записей?

— Да, записей. Не важно, записаны они на кассетах, дисках или летающих мартышках, они все равно являются записями.

— Летающие мартышки?

Они пересекли еще одну улицу. На скамейке сидели две студентки гуманитарного факультета, судя по креативным прическам и богемной одежде. Одна указала на Сэмуэля и Тьюсди.

— Это они! — воскликнула она. — Про них была статья в газете. Эй! — Она вскочила со скамейки, и кольца в ее носу и нижней губе закачались в разные стороны. — Пойдите, можно с вами сфотографироваться?

Тьюсди остановилась, так что Сэмуэлю не осталось иного выбора кроме как последовать ее примеру. Девица поставила Сэмуэля перед большим фонтаном. Она влезла между ним и Тьюсди, а ее подруга сделала снимок.

— А можно еще одну? — спросила студентка, уходя из кадра. Сэмуэль стиснул зубы и держал руки в карманах, пока их фотографировали.

* Американская актриса и писательница, автор многочисленных книг на автобиографические и эзотерические темы. Родилась в 1934 году.

ли еще раз. Он становился половинкой талисмана. Не хватало только, чтобы горожане начали гладить их по животам на удачу.

— Пошли, — сказал Сэмуэль. Тьюсди кивнула, и они продолжили свой путь к центру парка.

Две белки копались в плюще, отделявшем тротуар от газона.

— Посмотри, как они хорошо ладят, — заметила Тьюсди. — Не дерутся, никто не пытается захватить все орехи. Если бы только люди были больше похожи на других животных.

— Все животные жадные, не только люди.

— Да, но есть разница. Если львица убьет газель, она, конечно, будет отгонять гиену или стервятника, которые попытаются поживиться ее добычей, но лишь до тех пор, пока сама не насытится. Позже она не станет возражать, если те приступят к трапезе с другого конца.

— Просто у нее нет холодильника.

Тьюсди сердито выдохнула.

— Почему ты пытаешься высосать из мира всю радость и красоту? Ты хоть когда-нибудь смотришь по сторонам, просто чтобы подивиться красоте, ни к чему не придираясь?

— Конечно. Постоянно смотрю. Мне нравится этот город — каждый кирпич, каждое дерево, каждая белка. Но дело в том, что мир и без того достаточно ярок, и нет нужды искать за всем этим какую-то магию. Если я не верю в мистику, это еще не значит, что мир становится для меня менее прекрасным.

Тьюсди улыбнулась ему, подняв бровь.

— Ты меня удивляешь. Ты совсем не такой, как я думала. Ты говоришь, как буддист.

— Я не буддист. Я вообще не какой бы то ни было «ист».

— Ты украл эту фразу из «Выходного Ферриса Буллера»*.

— Нет. Я не использую чужих выражений.

— Фэррис говорил: «Я не верю ни в какие «измы». Ты передал ту же идею другими словами, но это все равно граничит с плагиатом, — Тьюсди остановилась. — Постой. Я хочу дать тебе кое-что, — она растегнула свою сумочку, покопалась в ней, извлекла маленький пластиковый пакетик и передала его Сэмуэлю. Внутри пакетика белел зуб.

— Что это? — спросил он.

— В детстве я собирала все свои молочные зубы. В них есть сила — сила невинности. Интуитивная сила. Иногда я дарю один из них кому-то, кто для меня важен. И сейчас я даю свой зуб тебе.

* Комедийный фильм о старшекласснике, прозудившем школу.

— Тьюсди, это очень мило с твоей стороны, — на мгновение Сэмуэль поморщился, опасаясь, не сказал ли он чего-то не так.

Они пошли дальше. Сэмуэль стискивал пакетик в кулаке с такой силой, словно засунуть его в карман было бы святотатством.

— Слушай, надеюсь, я не ввел тебя в заблуждение, — сказал он. — Ты... моя жизнь нравится мне такой, какая она есть. Я не хочу ее усложнять.

Мимо, держась за руки, прошла молодая парочка. Тьюсди посмотрела на Сэмуэля, и в ее глазах что-то блеснуло. Боль? Злость? Возможно, и то, и другое.

— Я не это имела в виду, — сказала Тьюсди, когда парочка прошла мимо. — Послушай, если ты думаешь, что вся эта история — тщательно продуманный план, благодаря которому я смогу найти себе парня, то ты ошибаешься. Я делаю это не ради себя. Если наши встречи могут спасти несколько человек, то умрем ли мы от натуги, если будем видиться несколько раз в неделю и, может, даже получать от этого удовольствие? Неужели тебе настолько неприятно мое присутствие?

— Нет! Я...

Но Тьюсди уже развернулась и умчалась прочь. Вопрос, очевидно, был риторическим.

* * *

Она уже купила себе кофе и сидела у окна, положив перед собой газету.

— Привет, — сказал Сэмуэль.

Тьюсди взглянула на него.

— Привет, — она улыбнулась, но одними губами — улыбка не дошла до ее зеленых глаз.

— Прости. Ты права, я делал необоснованные выводы, и мне очень жаль.

Тьюсди покосилась на него, наполовину ослепленная льющим из окна светом, и ее улыбка стала более естественной.

— Я собиралась предложить сесть за разные столики, но вынуждена признать, что твое извинение прозвучало вполне сносно, — она ткнула ногой в сиденье напротив.

Сэмуэль сел и склонился вперед.

— Я постоянно прокручиваю все это в голове, пытаюсь найти хотя бы одно объяснение, но ничего не приходит на ум. Я уже неделю толком не спал, а ведь у меня никогда еще не было проблем со сном.

Тьюсди просматривала газету, как будто она слушала его лишь вполуха.

— Как ты думаешь, что происходит на самом деле? — спросил он.

— Если ты ожидаешь хорошей и правильной концовки, то я думаю, что будешь разочарован, — сказала она.

— Должно ведь найтись разумное объяснение...

— О, думаю, оно существует, — она свернула газету. — Но вопрос не в этом. Вопрос в том, существует ли объяснение, которое ты сочтешь разумным? Ты ведешь себя так, словно твоя личная точка зрения — нечто вроде Абсолютной Реальности, — она широко взмахнула рукой, как будто эти слова плавали на гигантском табло перед ними. — И все остальные могут быть правы лишь до тех пор, пока их мировоззрение совпадает с твоим.

— Ты все еще злишься на меня, не так ли?

— Немного, — ответила Тьюсди, делая глоток кофе.

К кафе подъехала группа из семи или восьми велосипедистов. Старики спешили и теперь с пыхтением пристегивали свои велосипеды к деревьям и столбам.

— Я уже видел их на прошлой неделе, когда мы были в другой закусочной, — сказал Сэмуэль. Они наблюдали за тем, как старики вошли и, шаркая, направились к прилавку.

— Вы что, какой-то клуб? — спросила Тьюсди.

Вывернув шею, чтобы посмотреть на них — настолько искривленной была его спина, — маленький человечек покачал головой.

— Нет, нас наняли городские власти. Новая программа по туризму или что-то вроде того.

Сэмуэль и Тьюсди переглянулись.

— Туризм, ага... черта с два, — пробормотала Тьюсди. Сэмуэль достал сотовый и позвонил Берри.

— Мы не единственный твой талисман, не так ли?

Берри рассмеялся.

— Ты очень наблюдателен. Сейчас у нас в работе около дюжины проектов, а вскоре планируется еще больше.

— Для чего нужны старики на велосипедах?

— Особо тяжкие преступления. Чем больше мужчин-велосипедистов и чем выше их средний возраст, тем меньше таких преступлений.

— Почему ты не сказал мне об этом?

— Сэм, ты что, шутишь? Ты же не веришь в существование подобных взаимосвязей! Что именно ты хочешь знать? Помнишь эпидемию гриппа в прошлом январе? Болели только владельцы красных автомо-

билей. Люди, использующие свои библиотечные формуляры хотя бы дважды в месяц оказываются жертвами ограблений гораздо реже, чем те, у кого нет формуляров. Этого хватит? А то могу продолжить.

У Сэмуэля закружилась голова. Он сел. Тьюсди вопросительно посмотрела на него, но он лишь медленно покачал головой.

— Это изменит все, Сэм, — говорил тем временем Берри. — Это изменит весь мир. Ты понимаешь? — его голос дрожал от волнения.

Да, Сэмуэль понимал. Возможно, его тоже охватило бы радостное волнение, не окажись он частью этой истории. Как работали взаимосвязи, почему это касалось именно его? Он знал, что этот вопрос будет мучить его до конца дней. Вопрос был подобен мозаике, в которой не хватало большинства частей, чесотке, от которой никогда не избавиться.

— Мне надо идти, — сказал он Тьюсди. — Мне нужно на денек выбраться из города.

— Хочешь, я составлю тебе компанию?

— Конечно.

Они молча прошли к его машине.

— Куда отправимся? — спросил Сэмуэль, забираясь в свою «той-оту».

— На север? Тут, похоже, пахнет бананами, — заметила Тьюсди.

— Я забыл выбросить мусор.

— Очаровательно.

У него не было настроения шутить, и он не хотел разговаривать о проекте Берри. Он судорожно выискивал тему для разговора, выезжая на дорогу.

— Сколько времени прошло с тех пор, как ты осталась без мужа?

— Шесть лет, — ответила Тьюсди. — Сначала было тяжело, но потом начинаешь двигаться дальше. Он был намного старше меня — на семнадцать лет...

— Ты встречалась с тех пор с кем-нибудь?

— Хм... да, несколько раз. Ничего серьезного, — она водрузила свои кеды на приборную доску и принялась перевязывать их. Сегодня они были розовыми. — Слушай, а если серьезно, почему ты не женился?

— Не знаю... Правда, не знаю. Я так и не встретил ту, которую любил бы и которая при этом любила бы меня. Думаю, вот так все и было.

— Не знала, что такое возможно, — сказала Тьюсди.

— А сколько ты за всю свою жизнь встретила людей, которых ты действительно любила и которые действительно любили тебя?

— Думаю, двоих.

— А что если бы ты не пошла в тот самый ресторан, не записалась бы на те курсы литературы, ну, в общем, если бы так и не попала туда, где встретила с теми двумя? Тогда бы ты не встретила никого. Возможно, я просто пропустил тот левый поворот, за которым должен был встретить ее. Впрочем, я еще не умер. У меня по-прежнему есть шанс ее встретить.

— Не могу понять, то ли ты прожженный циник, то ли безнадежный романтик.

— И то, и другое. Эти понятия не исключают друг друга.

Сэмуэль повернул налево.

— Я не верю, что люди встречаются лишь по случайности, — заявила Тьюсди. — Иногда людям *суждено* встретиться. И они не смогут избежать этого, куда бы ни поворачивали.

— В таком случае, мне придется поверить, что судьба решила не посылать мне никого.

— Или судьба послала ее, но ты ее не узнал...

— Возможно. Я не очень наблюдателен. Иногда я пропускаю выезд с шоссе и еду несколько миль, прежде чем спохватиться.

— Вероятно, болезнь Альцгеймера.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он остановился на светофоре. Дорогу перед ними переходили две женщины, и одна из них потянула другую за свитер, указывая на Сэмуэля и Тьюсди. Сэмуэль расслышал лишь визгливые интонации его голоса, но не сами слова. Очередные любители талисманов. Зажегся зеленый, и Сэмуэль рванулся с места. Прочь. Он хотел немедленно выбраться из этого города.

Тьюсди вздохнула.

— Что? — спросил Сэмуэль.

— Ничего.

— Нет, правда.

— Ну, ладно. Ты не хочешь признать, что я тебе нравлюсь, тебя это злит, — сказала Тьюсди.

— Что? — Сэмуэль поглядел на спутницу. Она продолжала смотреть вперед.

— Ты меня слышал.

— Я не имею ничего против тебя. Ты мне нравишься.

— Я знаю. Твоя злоба направлена не на меня, а на всех остальных, на тех, кто хочет, чтобы мы были вместе, потому что они думают, что это наша судьба. Ты скорее умрешь, чем признаешь их правоту.

Он посмотрел на нее, затем на дорогу. Он не знал, что на это сказать. В ее словах была доля истины — он отказывался принимать даже малейшую вероятность того, что симпатизирует Тьюсди, потому что все хотели, чтобы он чувствовал именно это.

Ее нога все еще упиралась в приборную панель. Шнурки, завязанные абсурдным узлом, похожим на цветок лотоса.

— Тьюсди, я просто не испытываю к тебе никаких чувств.

Она пожала плечами.

— Ладно. По крайней мере, это честный ответ. Если ты действительно открыл себя для чувств, но при этом ничего не ощутил, что уж тут поделаешь.

Они остановились на еще одном светофоре. Тьюсди вздохнула и выглянула из окна.

Он не сделал этого. Он не допускал даже малейшей вероятности того, что розовый кед, пачкающий панель, надет на ногу женщины, которую он может любить.

Он позволил этой стене слегка опуститься, убрал барьер, оберегавший его от неприятностей, от увлечения замужними женщинами, женщинами, которые были слишком молоды для него, женщинами, которых пытались ему сосватать. И не ощутил того чувства неправомерности, которое испытываешь, стремясь почувствовать что-то к женщине, которая на самом деле тебе безразлична. На самом деле, подумать так о Тьюсди было даже немножко приятно.

Сэмюэль позволил себе пойти дальше. Он представил, как они с Тьюсди сидят у него на кухне и пьют чай воскресным утром, а она читает газету, закинув ноги на стол. Или как они вдвоем ложатся в постель в пятницу вечером, а волосы Тьюсди щекочут его лицо.

— Может быть, ты права, — сказал он.

— Конечно, я права, черт возьми, — сказала Тьюсди, наблюдая за проносящимися мимо дубами. Она повернулась к нему. — Но ты прешь в лоб и принимаешь решения, базируясь на своей...

Сэмюэль наклонился и поцеловал ее. Его этот поступок, похоже, удивил больше, чем Тьюсди, потому что она тут же откликнулась на его поцелуй. Ее дыхание пахло кофе.

И вдруг все стало очевидно. Эта женщина...

Тьюсди отпрянула, широко раскрыв глаза.

— Берегись!

Сэмюэль ударил по тормозам и выкрутил руль вправо, уводя машину в сторону от самого старого из велосипедистов, плетущегося в хвосте группы. Взвизгнули шины. Его бросило вперед, а затем назад, ког-

да перед ним возникла подушка безопасности и раздался оглушительный грохот.

* * *

Из носа Тьюсди тянулась трубка. Щеки ее настолько распухли, что казалось, будто у нее под кожей скрыты мячи для гольфа. Она моргнула и открыла глаза.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

— Идиот, — мягко ответила она.

— Прости.

— Ничего. Я все равно не пользовалась желчным пузырем.

Сэмуэль вздрогнул от упоминания о хирургии.

— Вот тебе и все наши защитные способности. Не очень-то они нам помогли.

— Ну, если направить машину прямо в дерево, они не работают.

— О чем я думал? Я полностью отвел взгляд от дороги, как будто машина сама будет собой управлять.

Тьюсди улыбнулась.

— Ты поверил. Ты убеждаешь себя в обратном, но ты поверил. Глубоко внутри ты поверил, что с нами ничего не случится. Поверил чуть сильнее, чем следовало.

— Может, ты и права, не знаю. Если я во что-то и верю, то только в числа. Я не верю в то, что это чудо.

— Никто и не просит тебя верить в чудо.

Сэмуэль убрал прядь волос с лица Тьюсди.

— Куда ушел папа? — произнес он.

Тьюсди рассмеялась и вопросительно посмотрела на него.

— Это были мои первые слова. Их записали.

Тьюсди дотронулась до цепочки на шее Сэмуэля.

— Что это? — она ухватила свисающий с цепочки зуб.

По ее щеке скатилась слеза.

— Талисман на удачу, — ответил Сэмуэль. — Чтобы со мной ничего не случилось.

Перевел с английского
Алексей КОЛОСОВ

© Will McIntosh. Unlikely. 2008. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2008 году.

БУДУЩЕЕ

ЦВЕТА ИНДИГО

Еще Чернышевский писал о появлении «новых людей». И вот они наконец-то появились. Люди И... Так и хочется продолжить — «Икс». Но нет. «Индиго».

оссийское жанровое кино повернулось лицом к своему основному зрителю — молодежи. Почти подряд вышло несколько фильмов, которые, не забывая развлекать, одновременно затрагивают достаточно серьезные вопросы. Это альтернативная история «1814», лента о хроноклазме «Мы из будущего» и фантастический триллер «Индиго». В названной тройке последний выглядит «слабым звеном». Картина не только поднимает проблему «отцов и детей», но и сама активно страдает ею — уже в кинематографическом плане.

Во-первых, детская болезнь подражательства. Зритель смотрит микс голливудских сюжетов: группа подростков с необычными способностями, преследующий их маньяк-убийца, невидимый до поры «кукловод» психопата, закрытая школа для детей-паранормов. Если какая-то американская студия соизволит поставить римейк, ей достаточно будет поменять имена героев на англоязычные. Но и претензия на

отечественных «Людей Икс» осталась всего лишь претензией. Вместо зрелищных схваток мы видим несколько эффектных проездов на скейтборде, а вместо масштабных сцен — немногочисленные интересные монтажно-операторские решения и минимум компьютерной графики.

Во-вторых, единственный специфически российский момент фильма — повышенная «избранность» актерского состава на метр киноплёнки. Случайно это было сделано или в целях PR, но энное число действующих лиц сыграли представители видных артистических династий, включая главную роль в исполнении Ивана Янковского. Заявленная тема «особенных» детей из-за этого приобрела новое измерение.

В-третьих, «отцы» в который раз легко переигрывают «детей», опровергая известное актерское суеверие. Михаил Ефремов, Гоша Куценко и Мария Шукшина создают полноценные рельефные образы, а юные артисты, казалось бы, заве-

домо более органичные, сплошь и рядом смотрятся на одно лицо. Персонажу Ефремова к тому же достались практически все мало-мальски заметные фразы в диалогах. Дисгармонию вносит и в целом яркая характерная роль экс-«меченосца» Артёма Ткаченко. Он так гротескно играет «плохого индиго», что становится непонятно: как подобный тип, от которого за версту несет безумием, ввел в заблуждение профессионалов и даже работал в службе доверия?

Вместе с тем режиссеру Роману Прыгунову, преднамеренно или нет, удалось выразить гораздо больше, чем предполагают рамки приключенческого фильма.

Феномен «детей индиго», один из модных мифов нового века, пришел на смену увлечению НЛО. Факты и домыслы о сверхспособностях отдельных детей, многократно проработанные фантастикой, перешли в разговоры о целом поколении не то спасителей человечества, не то следующей за ним ступени эволюции. Хотя не менее (и даже более) правдоподобна теория, что талантивы практически все дети и во все времена. А проявления ранней гениальности — это, скорее, результат сбоя в воспитательной системе. Недаром такое случается у детей с отклонениями в развитии, ведь традиционные педагогические меры к ним неприменимы.

Базовая идея фильма: индиго — это люди будущего. Создатели картины трактуют столкновение героев с окружающими еще и как метафо-

ру конфликта поколений, когда более молодое обречено на непонимание и вынуждено защищаться. Слоган картины гласит: «Будущее не остановить».

Но что же это за люди и что же это за будущее? Используя свои таланты, подростки грабят казино и взрывают школьный кабинет химии, а главный герой хладнокровно добивает уже беспомощного противника. «Индиго уверены в том, что у них особая миссия, и если им мешают, они сметают препятствия, не останавливаясь ни перед чем», — можно прочесть на сайте фильма. Выходит, прав неприятный Суханов (Гоша Куценко), когда утверждает об их непредсказуемости. Может, проблема конкретных детей-индиго из фильма не в том, что они — индиго, а в том, что они — дети и живут по принципу «хочу»? Ведь когда прозревший Суханов предлагает подросткам сотрудничать и заявляет о своем желании их понять, те просто поворачиваются к нему спиной и уходят к своим. Символический финал — захлопнутая перед взрослым дверь и восхождение индиго по лестнице — кажется классическим «перевертышем». Победенный маньяк и его вдохновитель добились своего: дали новым людям неформальных лидеров. А вот куда они поведут, вопрос интересный. Невольно вспоминаются людены и другие «гадкие лебеди» из произведений Стругацких, где будущее отбрасывает настоящее, как отработанную ступень ракеты... Что, уже?

Андрей НАДЕЖДИН

ОХОТНИКИ НА ДРАКОНОВ

(CHASSEURS DE DRAGONS)

Производство компаний Luxanimation, Trixter Film и Futurikon Films (Франция—Германия—Люксембург), 2008.
Режиссеры: Норман Ле Бланк, Гийом Ивернель, Артур Квак.
Роли озвучивали: Форест Уайтакер, Мэри Мэйтлин Маузер, Роб Полсен. 1 ч. 20 мин.

Европейцы давно поняли, что в одиночку с Голливудом не справиться. Поэтому и возникают в киномире самые странные (а порой и противостественные) союзы в попытке создать нечто транснационально-увлекательное.

На этот раз альянс, кажется, удался. Объединив усилия, взяв за основу популярный телесериал, создатели предложили публике необычный и зрительно весьма выигрышный мир, чьи обитатели живут на парящих в воздухе островах и путешествуют друг к другу по мостам. И хотя сюжет все время грозит обернуться голливудским клоном (а в конечном итоге так оно и происходит), все же его коллизии и неожиданные сценарные находки спасают команду охотников на драконов от провала всей операции.

Впрочем, какие они охотники? Два проходимца, которые прикидываются героями, девчонка, возмечтавшая о спасении мира, и не-пойми-что — то ли собака, то ли заяц (на память приходит гениальный персонаж одного из давних Зилантконов — саблеухий кролик). Однако против них выступают вполне реальные силы: воздушные звенья реактивных свиней, именуемых в этом мире драконами, и самый главный супостат — экспонат палеонтологической секции музея Дарвина, да еще и с крыльями, а вдобавок плюющийся огнем. Драконы разрушают летучие острова, превращают в руины здания, и осколки весьма живописно разносятся во все стороны. Словом, «Тьма идет с востока...»

Шансов у незадачливых «охотников» никаких, тем более что магия, которая в подобных фильмах так и норовит вмешаться в сюжет, здесь вынесена за скобки повествования. Что ж, отдадим должное создателям фильма...

Но и в этом неравновесном состязании, как всегда, победила дружба.

Разумеется, не с драконами.

Валентин Шахов

СМЕРТИ ЯНА СТОУНА

(THE DEATHS OF IAN STONE)

Производство компаний SWFX, Isle of Man Film Commission, Odyssey Entertainment и Stan Winston Productions (США—Великобритания), 2007.

Режиссер Дарио Пьяна.

В ролях: Майк Фогель, Джейми Мюррей, Кристина Коул, Майкл Фест и др. 1 ч. 27 мин.

Возможность многократно пережить один и тот же день... В качестве фантастического допущения это может стать основой и лирической комедии о кризисе среднего возраста («День Сурка» Гарольда Рэмиса), и философской драмы о взаимоотношениях отцов и детей на фоне переломных моментов истории страны («Зеркало для героя» Владимира Хотиненко), и даже эротико-абсурдистской комедии («Голый» братьев Кнутссон). А может послужить отправной точкой для рассказа леденящей душу страшилки, как в американском дебюте итальянца Дарио Пьяны «Смерти Яна Стоуна».

Премьера картины состоялась в рамках кинопрограммы «Восемь фильмов, за которые стоит умереть» на международном фестивале независимых фильмов ужасов. Подразумевается, что эти работы, созданные без давления прокатной политики крупных голливудских студий, — площадка для экспериментов, творческого поиска. Именно там уже сейчас можно рассмотреть будущее жанра хоррор. Что же увидит тот, кто не побоится заглянуть в это будущее?

Каждый раз ровно в пять часов вечера молодой американец Ян Стоун начинает новую жизнь. В буквальном смысле. То он хоккеист в команде колледжа, то офисный служащий, то безработный, а то и вовсе пропащий наркоман... Но кем бы он ни становился, рядом всегда симпатичная блондинка, роковая брюнетка, лысый мужчина предпенсионного возраста, пытающийся о чем-то предупредить героя, а также жуткие монстры. Последние неизменно настигают Яна, тот погибает и... на часах снова пять.

Каждая новая жизнь — как очередная часть головоломки, сложив которую, герой сможет понять, что же с ним на самом деле происходит. И когда это случается, фильм вдруг оказывается не кровавым ужасником, а мрачной, но очень романтической сказкой о всепобеждающей силе любви, о том, что если ангелы могут падать под тяжестью греха, то и демонам не закрыта дорога наверх.

Сергей Цветков

ШЕПОТ

(WHISPER)

Производство компаний Deacon Entertainment и Gold Circle Films, 2007.

Режиссер Стюарт Хендлер.

В ролях: Джош Холлоуэй, Блэйк Вудрафф, Джоэл Эджертон, Сара Уэйн Кэллис и др. 1 ч. 35 мин.

Что бы произошло, если бы Альфреду Хичкоку предложили экранизировать «Вождя краснокожих», а он перепоручил задание кому-нибудь из своих старательных учеников? А если бы этот ученик оказался к тому же поклонником криминальных драм? Получился бы О'Генри в версии уголовно-мистического триллера. А именно — фильм «Шепот».

Четверо преступников — двое «плохих» (откровенных мерзавцев) и двое «хороших» (запутавшийся, страдающий от безденежья Макс и готовая с ним хоть в потоп его невеста Роксанна) — по заказу загадочного Джонса решают похитить с целью выкупа сына одной из самых богатых женщин штата. В день восьмилетия мальчика Макс, переодевшись Санта-Клаусом, крадет ребенка, и вся компания прячется в заброшенном летнем лагере в снежном лесу. Но все не так просто, и проблемы связаны отнюдь не со сложностями получения выкупа. Мальчик Дэвид, который поначалу выглядит просто как необычное дитя, этакий «индиго», в результате оказывается исчадием ада, причем в прямом смысле этого слова. Он способен повелевать душами людей, «нашептывать» им мысли, образы и приказы. И в какой-то момент преступники понимают, что парень играет ими, словно марионетками, в смертельные игры.

На первый взгляд, фильм наполнен штампами, стандартными для жанра сюжетными ходами и ситуациями, навязчивым саспенсом. Казалось бы, интрига даже не в трагических взаимоотношениях героев-преступников, а в том, что зрителям надо угадать — кто такой этот загадочный Джонс и кто из похитителей сможет-таки «добежать до канадской границы». Однако создатели картины попытались развязку сделать неожиданной, и в какой-то мере им это удалось, если не учитывать самую последнюю сцену фильма — банальнее не придумаешь.

Словом, если перетерпеть набитую штампами первую половину фильма, то дальше становится интереснее. В результате картина получилась «на любителя» — поклонники хоррора и мистики в духе «Ребенка Розмари» или «Омена», а также любители поахать в кинозале будут довольны. Остальным — можно смотреть. А можно и не смотреть.

Тимофей Озеров

ЦВЕТ ВОЛШЕБСТВА

(TERRY PRATCHETT'S THE COLOUR OF MAGIC)

Производство компаний RHI Entertainment и The Mob Film Company (Великобритания), 2008.

Режиссер Вадим Жан.

В ролях: Дэвид Джейсон, Шон Остин, Тим Керри, Дэвид Брэдли, Джереми Айронс, Кристофер Ли, Терри Пратчетт и др. 3 ч. 8 мин.

Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить — Пратчетту начинает везти с экранизациями. Телеканал SkyOne экранизировал уже три книги британского писателя — и все фильмы на удивление успешны. Поначалу одолевали сомнения: а возможно ли вообще перенести на экран слог Пратчетта? Удачен ли будет «контакт» с фэнами Плоского Мира? Ведь, положи руку на сердце, киноверсии снимаются ими и для них. И в результате «Санта-Хрякус» стал этапным — словно проба камеры. И был принят благосклонно. Пока интерес не утих, творческая группа выстрелила следующей экранизацией: теперь сразу двух книг («Цвет волшебства» и «Безумная звезда») в «одном флаконе». На этот раз и уровень съемок повыше, спецэффекты посерьезнее, да и актерский состав побогаче. Пусть поклонники Пратчетта и не дрожат от восторга, но их благорасположение к полотнам Вадима Жана, по меньшей мере, очевидно. Все говорит в его пользу. Актерский состав не менее удачен, чем в сказке про Страшество. Еще до премьеры телефильма, после просмотра рекламного трейлера в Интернете была возможность оспорить справедливость отбора актера на роль Ринсвинда. Но волнения оказались напрасны. Невзирая на то, что сэр Дэвид Джейсон уже сыграл в предыдущей ленте слугу Смерти Альберта, образ трусливого волшебника ему удался. Двацветок — еще одна удача. Шон Остин (Сэм из «Властелина Колец») в очках, панамке и легкомысленной гавайке навывпуск просто бесподобен!

Босоногий Сундук, Смерть, Анк-Морпорк во всей своей красе и драконы — всё это выше всяческих похвал. А большая черепаха А-Туин — тема отдельной статьи.

Можно посоветовать, что на экран перенесено не все — но тогда было бы не избежать затянутости. А так — получилось в меру вкусно. Побольше бы таких экранизаций. Душевных и честных. И пусть Терри Пратчетт утверждает, что ему безразлично переложение книг на экран, мы-то знаем: было бы здорово и для него, и для нас продолжать судьбу его книг на экране — ведь хорошо получается.

Вячеслав Яшин

ДНЕВНИКИ МЕРТВЕЦОВ

(DIARY OF THE DEAD)

Производство компаний Arffire Films и Romero-Grunwald Productions, 2007.

Режиссер Джордж Ромеро.

В ролях: Джошуа Клауз, Скотт Вентворт, Мишель Морган, Меган Парк.

1ч. 40 мин.

«Дневники мертвецов» выглядят на порядок приличнее ромеровской же «Земли мертвецов» трехлетней давности. Впрочем, маэстро хитрым образом выкрутился из ловушки, в которую сам себя загнал. Если вспомнить, то события в эпопее развивались так: вначале мертвецы восстали и потренировались на отдельно стоящем провинциальном домике, куда загнали нескольких человек («Ночь живых мертвецов»). Затем, в «Рассвете мертвецов», атаке подвергся уже крупный торговый центр. В «Дне мертвецов» подгнивших монстров учили пользоваться вилкой и ложкой и слушать классическую музыку (ничего не вышло, да и кто бы сомневался), а в «Земле мертвецов» беспокойные покойники наконец-то объединились перед лицом еще живой угрозы и даже обрели лидера.

Так, судя по всему, и родилась идея истории группы студентов-кинатографистов, которые снимают документальный фильм о разгуле мертвечины в Соединенных Штатах. Причем вначале-то они снимали курсовую работу про ожившую мумию, гонящуюся за красотками с явным намеком на древний ужастик с Кристофером Ли; тут-то из кустов и полезли очень даже настоящие зомби.

Ах, скажет щепетильный зритель, мы уже видели все это в «Монстро» и в «Ведьме из Блэйр». И будет прав, однако у Ромеро субъективность весьма условна. Надо сказать, что и с мертвецами режиссер на сей раз не переборщил: если в «Земле...» их были пехотные дивизии, то здесь они появлялись исключительно оправданно.

Сценарий написан столь грамотно, что понимаешь: так настоящие студенты, тем более кинатографисты, тем более американские, и поступали бы. Профессор удачно дополняет группу философичными хохмами и мастерской стрельбой из лука, остальные персонажи тоже выполняют вполне конкретные функции, но без картонности. Ромеро уже задумывается о продолжении, которое будет называться несложно: «Дневники мертвецов: сиквел». Дело мертвых, таким образом, если и не побеждает, то живет вполне припеваючи.

Юрий Буросос

ХРОНИКИ СПАЙДЕРВИКА

(THE SPIDERWICK CHRONICLES)

Производство компаний The Kennedy/Marshall Company
и Nickelodeon Movies, 2008.

Режиссер Марк С. Уотерс.

В ролях: Сара Болджер, Фредди Хаймор, Сет Роджен,
Мэри-Луиз Паркер, Эндрю МакКарти, Ник Нолте и др. 1 ч. 37 мин.

Прибыли саги о Гарри Поттере не дают (и долго не будут давать) спокойно спать многим воротилам кинобизнеса. Поэтому попыток клонировать удачу ожидается несчетное множество. Вот очередная.

Вроде бы для успеха «Хроник Спайдервика» наличествовали все предпосылки. Модная серия детских книжек, созданная известной писательницей Холли Блэк и писателем-художником Тони Ди Терлицци; уже прорисованные в иллюстрациях сказочные персонажи; сценарий, как и поттериана, полный штампов и аллюзий; бюджет в девяносто миллионов; приглашение на главную роль (точнее, на две главные роли) юной звезды сказочного кино Фредди Хаймора — того самого Чарли с шоколадной фабрики и Артура с минипутами...

Хелен Грейс после развода с мужем приезжает с тремя детьми в заброшенный особняк своего дяди Артура Спайдервика, пропавшего много лет назад. Дети представляют собой отнюдь не дружный коллектив. Но им придется сплотиться против inferнальных сил зла — когда Джаред обнаружит книгу, написанную Артуром Спайдервиком и рассказывающую о «другом» мире, существующем совсем рядом. Правящий этим миром злобный и страшный Мулгарат сделает все, чтобы заполучить книгу, ведь она поможет уничтожить все сущее. Дом подвергается атаке жутких тварей, и только мужество юных героев, а также помощь книги способны спасти наш мир...

Надежды на невероятный успех медийного проекта не оправдались. Фильм, в первый уик-энд показа окупивший почти треть бюджета (что весьма неплохо), в дальнейшем прокатывался ни шатко ни валко. Ибо тут уже агрессивной рекламной кампанией не заманишь — начинает работать «сарафанное радио». А оно рассказывает, что лента получилась чересчур темной, мрачной и страшной для детей младшего возраста, слишком примитивной для школьников постарше, а мелодраматическая линия, долженствующая привлечь родителей, чрезмерно размытой.

Тимофей Озеров

МИСТЕР ИКС

Если верить фильму «Престиж» и автору книги Кристоферу Присту, иллюзионный трюк состоит из трех частей: пролога, превращения и собственно престижа. Творческую биографию исполнителя главной роли Хью Джекмана тоже можно изложить по канонам классического фокуса.

Пролог

Баскетбольный рост, фигура спортсмена, лучезарная улыбка, большие темные глаза — актеры с такой внешностью обречены на роли первых любовников и репутацию плейбоев. По крайней мере, в Голливуде. Однако Джекман — австралиец и вписываться в голливудские стереотипы не собирался и не собирается. Он утверждает, что никогда не ставил себе цели стать кинозвездой, а верил в случай. Женат уже более десяти лет на женщине значительно старше его и воспитывает двух приемных детей с темным цветом кожи.

Стандартным не назовешь и детство будущего актера. Хью Майкл Джекман родился в Сиднее 12 октября 1968 года, пятый ребенок в семье английских эмигрантов.

Когда Хью было восемь лет, мать вернулась на родину, предоставив отцу воспитывать детей самому. Отец прекрасно справился с задачей. А после второго брака его семейство приросло еще больше, и Хью перестал быть младшим.

Лицедейством он занялся еще в студенческом театре Сиднейского технологического университета, где заканчивал факультет радиожурналистики. Хотя позднее в одном из интервью говорил, что стал артистом, потому что с детства увлекался сериалом «Пятница, 13-е» и мечтал сыграть Джейсона. Впрочем, в интервью Джекман любит пошутить.

Так или иначе, Хью начал серьезно подумывать о профессиональном актерском образова-

нии. И тут вмешался первый случай. Обучение сценическому мастерству стоило три с половиной тысячи австралийских долларов. Именно такую сумму оставила Джеkmану в наследство покойная бабушка, и тот посчитал это знаком свыше. Ради образования даже отклонил предложение сняться в телесериале «Соседи», с которого началась популярность многих австралийских звезд: Кайли Миноуг, Натали Имбрулья, Гая Пирса. Зато по окончании Западно-австралийской академии исполнительских искусств Джеkmан сразу же получил главную роль в многосерийной тюремной драме «Корелли». На съемочной площадке он познакомился со своей будущей женой, актрисой Деборой Ли-Фернесс, к тому моменту уже достаточно известной в Австралии. Разница в возрасте молодой пары составила восемь лет.

Телевизионную карьеру Джеkmан удачно совмещал с театральной, неоднократно получая престижные местные награды. Появился и в двух независимых кинопостановках. Но особенный успех ему принесли мюзиклы: Джеkmан великолепно танцует и поет. Здесь он впервые прикоснулся к фантастическим ролям, спев партию в «Красавице и чудовище». Мюзиклы открыли ему дорогу и на лон-

донские подмостки. А оттуда уже было рукой подать до Америки.

Превращение

Мир узнал Джеkmана совсем не таким, каким видели его театральные зрители. Хью превратился в обросшего, звероподобного и яростного обладателя стальных когтей. Одним словом — в Росомаху из комикса «Люди Икс» (2000). Утверждению на роль снова поспособствовал случай. Первоначально Логана по прозвищу Росомаха должен был сыграть земляк и коллега Джеkmана Дагрей Скотт, который в это время снимался у Джона Ву в фильме «Миссия невыполнима-2». Как нередко бывает, съемки затянулись, и актера пришлось заменить.

Джеkmан не смог прилететь из Лондона на первый этап кастинга и выслал свою видеозапись. Режиссер Брайан Сингер мгновенно принял решение в его пользу. А первый автограф «от Росомахи» Джеkmан дал уже в аэропорту Торонто, едва только приехал на очную кинопробу. До того он имел весьма смутное представление о персонаже. И Джеkmан, и Сингер были новичками в мире комиксов «Марвел». Дуэт потратил недели, обсуждая, какой должна быть центральная фигура в команде мутантов (хотя формально главный герой фильма — профес-

сор Ксавье в исполнении Патрика Стюарта). Найти верную интонацию австралийцу оказалось не легко: агрессивный и вспыльчивый Логан обладал характером, прямо противоположным его собственному. К этому примешались чисто физические трудности: австралийцу, выросшему в теплом климате, было очень тяжело переносить канадскую зиму и выдерживать натурные съемки по колено в снегу.

Образы «Людей Икс» изначально создавались как более сложные, а перипетии — более драматичные, чем это было раньше в экранизациях комиксов. Джекман передает внутренние противоречия героя. Его Логан — грубиян, сквернослов и волк-одиночка, но одновременно он вызывает сочувствие: перед нами измученный потерей памяти, да еще и безответно влюбленный человек. Впоследствии практически по такой же схеме будет создан экранный образ Хеллбоя...

Успех «Людей Икс» закономерен привел к съемкам сиквела. Джекману представилась возможность глубже раскрыть характер Росомахи. Если в первой серии его герой выбирал между индивидуализмом и «коллективом» других мутантов, то во второй уже проходит испытание ответственностью. А незаурядные хореографичес-

кие данные позволили актеру блеснуть в сценах боев.

Впоследствии Джекман сделался едва ли не самым желанным гостем на съемочных площадках кинокомиксов. Он получал приглашения на роли в фильмах «Сорви-голова», «Халк», «Каратель», «Фантастическая четверка», «Супермен возвращается», «Железный человек». Даже «номинировался» на роль нового Джеймса Бонда. Однако Джекман отклонил предложение, не желая на несколько лет связывать свой имидж с одной-единственной ролью. Его постоянным персонажем остался только Росомаха.

Между двумя первыми появлениями в бакенбардах Логана актер совершил еще один визит в фантастическое кино, уже в ином амплуа. В романтической комедии «Кейт и Лео» он куда ближе к своему «естественному» имиджу. На этот раз персонажем Джекмана стал гладко выбритый, обладающий безупречными манерами аристократ из девятнадцатого века Леопольд фон Маунтбаттен, который случайно попал в самое начало двадцать первого столетия. Создатели фильма искали незатасканного партнера признанной звезде жанра Мег Райан. Любопытно, что в реальной жизни Джекман моложе партнерши почти настолько же, насколько он моложе

собственной жены. Хотя актеру снова достался формально «второплановый» персонаж, Джекман сумел наполнить образ таким шармом, что вывел его на первый план.

В основе сюжета — многократно опробованный в кино мотив путешествия «не испорченного» современной цивилизацией человека в оживленный мегаполис. Нечто подобное проделывал земляк Джекмана Крокодил Данди. Но образ, созданный Джекманом, более многоплановый. Подобно тому, как Леопольд, снявшись в рекламном ролике, стал мечтой домохозяйек, сам исполнитель воплотил на экране нового идеального мужчину: сильного, но обходительного и лишенного «мачизма».

Облик актера вкупе с комическим даром попытались эксплуатировать и в дорогостоящей фэнтези-постановке «Ван Хелсинг». Режиссеру Стивену Соммерсу требовался более брутальный актерский типаж, чем постоянный исполнитель главных ролей в двух его предыдущих фильмах Брендан Фрэйзер. Хью Джекман оказался идеально подходящей кандидатурой: как и в случае с «Людьми Икс», он был утвержден режиссером с ходу. «Женщины его любят, а мужчины ему поверят», — мотивировал свой выбор Соммерс.

Отчасти Ван Хелсинг напоминает все того же Росомаху: невероятная способность к выживанию, темное и непонятное прошлое, служба в тщательно законспирированной организации по борьбе с монстрами — на деле такими же одинокими и несчастными, как сам протагонист. Джекман попытался показать своего героя в ироническом ключе, понимая всю несерьезность, «игрушечность» картины. К сожалению, сценарный материал ему достался худшего качества, чем Брендану Фрэйзеру в аналогичной по стилю «Мумии». Актеру почти негде было развернуться, кроме action-сцен. Энную долю зрительского внимания перетянули на себя куда подробнее раскрытые отрицательные персонажи, от Дракулы до Джекила/Хайда, и в явном переизбытке нагроможденные компьютерные образы. Той гармонии действия и сантиментов, что была достигнута в «Людах Икс», у Соммерса не получилось, и Джекман затерялся среди спецэффектов, как замок Дракулы среди заснеженных скал.

Престиж

Год две тысячи шестой оказался для Джекмана небывало урожайным. На экраны вышли сразу шесть фильмов с его участием, и все так или иначе можно отнести

к фантастике. Правда, в двух из них актер лично не появился. Он только озвучил персонажей «трехмерных» мультфильмов «Делай ноги» и «Смывайся». В первом из них Джекману достался пингвин Мемфис, отец главного героя (голос Элайджи Вуда). Во втором австралиец исполняет уже «основную партию»: домашний крыс, живущий в семействе из высшего общества. Очевидно, что здесь кандидатура артиста была выбрана по прямой ассоциации с его внешним имиджем денди.

Зато картины, где Джекман играл не только голосом, но и «лицом», одновременно явили большой диапазон его профессиональных умений — правда, с разной степенью успеха.

В триквеле «Люди Икс: Последняя битва» он вернулся к привычным котям Росоахи. Хотя режиссер сменился, а мутантов стало больше, чем в первой и второй частях вместе взятых, образ Логана несколько не побледнел на общем фоне.

«Престижем» в искусстве иллюзии называется апофеоз фокуса, когда после «превращения» объект заново предстает перед глазами публики — но уже под другим углом зрения. То же самое произошло с Джекманом в следующих трех фантастических работах. После семимильных шагов ав-

стралийца в массовом развлекательном кино на него обратили внимание режиссеры-интеллектуалы.

С неожиданной стороны представил актера многострадальный проект Даррена Аронофски «Фонтан» (другое название — «Источник»). Джекману опять помог случай: от главной роли отказался Брэд Питт. Однако на этот раз случай не помог фильму, хотя с приходом Джекмана проект обрел второе дыхание.

Замысел тысячелетней истории любви был дерзновенным, воплощение — адекватно долгим (здесь Аронофски мог бы потягаться с Алексеем Германом). Джекману вновь предстояло задействовать амплуа героя-любownika, но не в одном, а сразу в трех лицах: испанского конкистадора, современного врача-онколога и человека будущего. Он последовательно выстраивает линию перерождения триединого персонажа, который борется за свою любовь в разных мирах — вымышленном, реальном и абстрактном космосе, где можно путешествовать в прозрачной сфере на пару с умирающим деревом жизни.

Съемки требовали подвижнических усилий. Четырнадцать месяцев Джекман осваивал йогу. Аронофски вспоминал, что ради одной из сцен актер, обвязанный тросами

и прикрепленный к шесту, опускался под воду, принимал позу «полного лотоса» и задерживал дыхание на пятьдесят секунд. При этом приспособление, которое съемочная группа прозвала «аппаратом для барбекю», вращало его, как на вертеле. И так — много дублей подряд. В повседневной жизни Джекман, кстати, регулярно и «добровольно» занимается трансцендентальной медитацией.

Тем не менее с «Фонтаном» случилось примерно то же самое, что и с «Ван Хелсингом» — при всей разнице в замахе. Режиссер настолько увлекся визуальной стороной, что она фактически поглотила остальное, включая актерские работы. Результат вышел таким неоднозначным, что ни зрители, ни профессионалы в массе своей не приняли картину.

Иначе сложилось с Вуди Алленом. Патриарх авторского кино традиционно строил свои ленты именно на тонкой актерской игре. Не стала исключением и новая комедия маэстро «Сенсация». Хью Джекману представился случай сыграть этакого анти-Леопольда, темную личность под маской великосветского франта. Вокруг щеголя Питера Лаймана плетется интрига, и в ячейках этой сети запутались призрак ушедшего репортера, раздобывшего компромат даже в загробном мире, начинающая

журналистка (Скарлетт Йоханссон) и нелепый фокусник (сам Вуди Аллен). Но и Лайман в исполнении Хью Джекмана далеко не прост: повинувшись замыслу режиссера, актер ловко управляет зрительскими эмоциями, вызывая то сочувствие, то подозрение и только в финале раскрывая карты.

Съемочная площадка «Сенсации» выглядит своеобразным трамплином к наиболее сложной на данный момент роли Джекмана в уже упомянутой картине Кристофера Нолана с двузначным названием «Престиж». Примечательно: из трех заметных лент об иллюзионистах, вышедших в 2006 году, актер участвует сразу в двух, и в обоих — вместе со Скарлетт Йоханссон. Вживаясь в образ фокусника Роберта Энджера, Джекман посетил шоу Дэвида Копперфильда, и тот даже устроил для гостя экскурсию по собственному музею магии. Энджер и решен как Копперфильд своего времени: он не столько придумывает трюки, сколько артистично их преподносит, пуская в глаза публике золотую пыль. Импозантный и эффектный, он противоположность своему вечному оппоненту Бордену (Кристиан Бэйл).

Еще в первом фильме о «Людах Икс» Джекман раскрыл умение «командной игры», органично существуя в кадре с коллегами. Высокий класс он демонстрирует

и в экранном «противостоянии» с Бэйлом, заставляя критиков спорить, кто из актеров кого переиграл. В той эволюции характера, которую показывает Джекман у своего героя, есть нечто общее с его работой в «Фонтане». В начале это убитый семейным горем человек, но отчаяние постепенно сменяется одержимостью. Только если Томми Крео в фильме Арнофски одержим научным поиском бессмертия ради спасения своей любви, то Энджер поглощен «химически чистой» жаждой успеха. Говоря о фильме, часто забывают, что Джекман, кроме основного персонажа, играет и роль пьяницы-дублера Энджера, демонстрируя еще одну линию погони за «престижем», которая заканчивается уже не трагически, а комически. Это раздвоение придает дополнительную глубину всей истории-головоломке.

В поисках новых ролей Джекман не забывает и о том, с чего начинал. Несмотря на востребованность в кино, он продолжает театральную карьеру, теперь уже на Бродвее. Возвращается к корням в эпической драме База Лурманна «Австралия». А на 2009 год назначена премьера фильма с рабочим названием «Происхождение Людей Икс: Росомаха», посвященная сугубо Логану. В создании картины участвует собственная кинопроизводственная компания Джекмана, поэтому тот получает больший контроль над процессом и над образом. Впрочем, актер утверждает, что самые важные и трудные роли для него — по-прежнему роли отца и мужа.

Он до сих пор верит в случай. Но, рассказывая об этом, тут же добавляет: «И в работу».

Аркадий ШУШПАНОВ

Избранная фильмография Хью Джекмана

2000 — «Люди Икс» (*X-Men*)

2001 — «Кейт и Лео» (*Kate & Leopold*)

2003 — «Люди Икс 2» (*X2*)

2004 — «Ван Хелсинг» (*Van Helsing*)

2006 — «Люди Икс: Последняя битва» (*X-Men: The Last Stand*)

2006 — «Сенсация» (*Scoop*)

2006 — «Фонтан/Источник» (*The Fountain*)

2006 — «Престиж» (*The Prestige*)

2006 — «Смывайся» (*Flushed Away*)

2006 — «Делай ноги» (*Happy Feet*)

С Е Р Г Е Й С И Н Я К И Н

ТАЙНАЯ ВОЙНА

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

В ЛУКОМОРСКЕ

Часть I.
ПРИНЕСИ ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО
Глава первая

Раскатилось революционное времечко по седым ковыльным да полынно-горьковатым украинским степям!

В это знойное лето одна тысяча девятьсот девятнадцатого года трудно было даже представить, кого с утра встретишь на дорогах близ провинциального приморского городка Лукоморска.

Вот и сегодня сразу с трех сторон в Лукоморск втягивались три извилистых длинных людских потока, позвякивающих смертоносным металлом.

С севера в город входили деникинцы. Вроде и песня звучала зазорная, строевая — прямо предназначенная для долгого и утомительного броска, а вот не было радости в солдатском шаге. Усталость чувствовалась во всем — даже в унылом позвякивании котелков на солдатских поясах, и столь же уныло вздымалась под солдатскими ботинками серая пыль проселочной дороги. Впереди мерно вышагивали уже не совсем молодые, но по-прежнему безусые прапорщики, подрастерявшие в долгих странствиях по дорогам войны прежний задор и уверенность в правоте своего дела. Устало воинство драться и за царя, и за веру, и за отечество с Учредительным Собранием, будь оно неладно.

С востока — там, где горбились соломенными крышами дома бедноты — в город входили красные. Впереди, разумеется, командир на лихом коне, красное знамя, полученное от Реввоенсовета за Екатеринодар, развеивается, запеваала изо всех сил старается, только не особо веселы и красные — помотала их революция, даже братки с Черноморского флота в своих тельняшках, перепоясанных крест-накрест пулеметными лентами, разбойничьим переливистым свистом запевау не разбавляли, все в думах были.

А вот на западной окраине все казалось куда веселее — оттуда в Лукоморск рвалась нахальная и отчаянная банда батьки Кумка. И лошадки были справные, так под седлами и играли, и таратайки с пулеметами резво рвались вперед и задорно пугали и белых, и красных воинственными смачными лозунгами, да и граммофон, с которого гремела ария о правящем бал сатане, некоей лихости банде зеленых придавал. Да и народ в банде выглядел совсем иначе — сыто и весело он смотрелся, сразу ясно было, что в революционных да контрреволюционных боях зеленые не участвовали, а в город заглянули с одной-единственной и совершенно очевидной целью.

И вот три силы, пугая обывателей, с гиком, топотом и посвистом прошли по городским улицам. А куда ведут улицы в небольших уездных городках? К центральной площади они ведут, к майдану, где городское начальство заседает, где магазины располагаются, обязательный рынок, почта да телеграф, словом — все те учреждения, которые рекомендовано захватывать для установления в городе власти и в целях обязательного и неременного грабежа, который одни называли конфискацией, другие — экспроприацией, а третьи — справедливым дележом продукта общественного производства.

Сошлись и замерли в ожидании неизбежной бойни. Нос к носу, глаза в глаза. Даже граммофон задребезжал, начал заикаться и стих.

И тут уж кто первый за наган схватится, кто первый к пулемету прильнет или просто в пьяной кровавой ярости бомбу метнет на противоположную сторону майдана.

— Братки! — закричал зеленым комиссар красных. — Мы же социально близкие, братки! Тонка преграда, разделяющая нас! Бей белую контру! Бей, чтоб умылась она кровавыми слезами! Чтобы свобода, равенство, братство! — голос его поднялся до тонких заоблачных высот и сипло рухнул на землю. Комиссар закашлялся.

И черт знает, как откликнулись бы все три стороны на его провокационный призыв, только у деникинцев прыгнул с телеги седоволосый человек, накиннул на себя шинель, где на истертом золоте погон виднелись императорские вензеля, надел на седую голову изломанную фуражку и неторопливо вышел на майдан.

— Хватит, настрелялись! — сказал он. — Хороши защитнички многострадального отечества! Волки вы, так я скажу, каждый другого норовит за пищик взять. Ну, перегрыземся мы нынче, так кому от того польза будет? Бабы в деревнях да городах ревут, сиськи ихние мужскими руками не давлены! Правильно мне Лавр Георгиевич в семнадцатом говорил, что ничего доброго с этой самой революции не получится, одно кровопускание народу. Ну, чего вылупились? Не надоело еще могилы для боевых товарищей копать?

Красный командир, картинно подбоченясь, тронул коня.

— Красноречив ты, ваше благородие, сил нет, — с прячущейся в редких мальчишеских усах усмешкой сказал он. — Оно, конечно, постреляли немало, только вот ради чего? Мы... — он махнул рукой в сторону неровного строя красных, — мы кровушку лили за торжество революции, за победу мирового пролетариата. А вот ты ее за ради чего проливал? За ради царя? Али поместье за собой сохранить хотел? Али Антанту на наши плечи посадить вознамерился?

Красные всколыхнулись, одобрительно загудели, но полковника это не смутило.

— Молчи уж, радетьель, — с горькой иронией осек он красного командира. — Пока вы тут по буеракам да балкам кровь проливаете, ваши комиссары в Питере да Москве жируют на каспийской икре да баб ананасами угощают! Ваш Троцкий баб в поезде своем валяет!

— А ты не лей горячие щи на нашего дорогого товарища Троцкого! — запальчиво сказал красный командир Павел Губин. Было ему двадцать лет, из бывших матросов, в политике он особо не разбирался, но бойцы его уважали за твердую руку и доблесть в рубке, когда в смертельной буре схлестываются две конных лавы, и тут уж приходится полагаться на коня, верную шашку да способность товарища снять из маузера уже торжествующего победу врага. — Верно я говорю?

Бойцы за его спиной загомонили, но уже нестройно — отдельные голоса даже можно было разобрать, а смысл высказываний этих горлопанов сводился к тому, что неплохо бы и самого товарища Троцкого к стенке поставить, как он поступил с иными дорогими бойцовским сердцам краскомами. Да и что там говорить, прав белый полковник, жируют комиссары в столицах! Небось у них-то пайки не с воблой и черным хлебушком! Высказывания пресекались комиссаром. А что ж ему их не пресекать, под два метра ростом комиссар был и кулаки имел как маленькие гарбузы, смотреть на них страшно, а опробовать в деле, да еще на собственной физиономии, и вообще казалось невыносимым.

Батька Кумок на все происходящее смотрел философски: когда красно-белая пена опадает, все вокруг начинает зеленеть. Нет, в товариществе с любой из противных сторон он бы сам с удовольствием помесил и красных, и белых, но — сочувствующим, панове, только сочувствующим!

«Максимы» хищно поводили в стороны тупыми рыльцами, словно вопрошали: есть здесь отчаянные или народ собрался понимающий и от ненужных эксцессов откажется?

— Я предлагаю, — сказал полковник. — Организованно уходим. Как пришли, так и уйдем, и что еще более важно — теми же самыми дорогами!

— А городок кому останется? — выкрикнули из красных рядов.

Батька Кумок даже приподнялся, словно хотел рассмотреть неразумного говоруна. Как это — кому? Представителям местной власти город останется. К местной власти Кумок относил себя, в своем уез-

де он даже деньги собственные печатал — «кумки» достоинством в пятьсот и в тысячу рублей.

— Шурик, — капризно дохнула ему в ухо дымом папиросы «Дюбек» красотка в черном платье. — Ч-черт! Я уже спать хочу!

— А городок — никому! — твердо сказал полковник.

— Я не согласен! — крикнул атаман. — Вы тут договаривайтесь скорее, а то жидки все гроши заначат. Оно мне надо — излишнюю жестокость проявлять?

— Граждан бандитов просят немного помолчать, — дипломатично сказал красный командир Павел Губин. Он уже понимал, что полноценного отдыха не получится. Нет, можно было, конечно, рискнуть, но скольким бы тогда пришлось выбирать вечный причал? — Граждане бандиты могут помолчать в тряпочку, пока умные люди рамсы промеж собой разводят! А где гарантии?

— Мое слово, — сказал деникинский полковник. — Слово офицера! Надеюсь, его будет достаточно?

— А что, — согласился краском Павел Губин. — Ежели по совети, так оно не хуже моего будет. Ты как, ваше благородие, мое слово против своего принимаешь?

— Не будет вам моего слова, — донеслось от бандитских тачанок. — Вы своими словами бросайтесь, как хотите, а я своего слова не дам. И из города не уйду. Шиш вам с маслом! Точка — и ша!

Тут уж загомонили и красные, и белые. Недовольно загомонили. И понять тех и других можно было — это что же, погромщики и мародеры сегодня будут на чистых пуховых перинах спать, за девками по улицам гоняться, водочку попивать, а славным бойцам красной и добровольческой армий снова под открытым небом валяться и на звезды смотреть? Хватит, насмотрелись!

И все шло уже к большому и кровавому безобразию, которое всегда происходит, когда среди спорщиков появляются упертые и несогласные, но тут из неприметного переулка, что выходил на площадь, раскидывая в стороны плетни вместе с висящими на них чугунками да макитрами, полезла неторопливая странная тварь, при первом взгляде на которую и добровольцам, и красным, и бандитам стало не по себе, а после более внимательного рассмотрения и вообще захотелось бежать без оглядки, только вот стыдно было афронт показать на глазах у политических врагов. И стороны остались на месте, с чувством беспокойства и некоторого страха разглядывая выходящее на площадь существо.

Существо выглядело непривычно. Представьте себе серую массу

небольших шариков, которая волею странного случая или неведомого создателя вдруг сформировалась в некое подобие человеческой фигуры, слепленной карикатурным и вместе с тем смеха никак не вызывающим образом. Ростом существо было повыше любого из бойцов, даже красный комиссар Буераков рядом с ним жидким и хлипеньким казался. А ведь рослым красавец комиссар был: когда он в Севастополе клешнями по весеннему бульвару мел, девицы восхищенно млели, замужние дамочки в тоскующие обмороки падали! Вместо головы у существа имелось нечто вроде пивного бочонка, на котором красно и выразительно горели жадные до смерти глаза.

— Это что еще за явление Христа народу? — с нарочитой наглостью поинтересовался красный командир, предусмотрительно перебираясь поближе к английскому пулемету «гочкис», под прикрытием которого он чувствовал себя не в пример увереннее. Встал и для наглядности покачал на широкой ладони ребристую бомбу.

Полковник, командовавший добровольческим отрядом, зачем-то снял фуражку и размашисто перекрестился.

И только батька Кумок внимательно и пристально разглядывал дом, скрытый зеленой пышностью яблонь. Дом был аляповатый, очертаниями своими напоминал широкополую шляпу раввина, тут и гадать не стоило, что в доме том располагалась синагога. А что хорошего можно было ждать от жидов? Только очередной подлой хитрости, поэтому атаман Саша Кумок взглядом усадил любовницу и ласково кивнул пулеметчикам:

— Добре, хлопцы! Работайте!

Что ты возьмешь с человека, еще не умудренного простым житейским опытом? Вся жизнь Саши Кумка умещалась в два незатейливых слова — гимназия и каторга. Конечно, и они человека многому учат, особенно если ему учиться хочется. Только не Кумка! Другой бы на его месте поостерегся, посмотрел, как старшие товарищи на непонятную угрозу среагируют, да и вообще бывают мгновения, когда лучше покурить в стороне, а не рваться в первые ряды, где всегда получаешь больше, чем остальные, — от карманных часов испуганного интеллигента и его бумажника до пуль, которых не жалеет полиция. А в революционное время, когда человеческая душа стоит не больше струйки пара из кипящего чайника, торопиться тем более не следует.

Но Саша Кумок сказал своим пулеметчикам «работайте» и сделал это по незнанию жизни с легкостью художника, накладывающего первый мазок на пока еще девственный холст.

Что ж, стрелять — тоже работа.

Пулеметчики сделали свой ход.

Пули отскакивали от странного существа, высекая из серой бугристой кожи радостные искры. Существо равнодушно и сосредоточенно двигалось дальше, не обращая внимания на маленькие неприятности, вроде визжащих в воздухе пуль. Развернувшись для атаки, оно все так же неторопливо двинулось на людей батьки Кумка. В воздух взлетела первая телега из нескольких десятков, предназначенных для экспроприированного добра. Взлетела вместе с парой шальных от возмущения и негодуяще ржущих лошадей, грохнулась оземь, рассыпаясь в воздухе и разбрасывая окрест составлявшие ее детали, но она была только первой в начавшейся вакханалии, только первой!

— Шурик, мне страшно! — простонала из глубин тарантаса любовница, провинциальная трагическая актриса, уставшая жить ржаным хлебом, маргарином и ржавой воблой, а потому отдававшаяся атаману по любви к хорошей жизни. — Что это за урод? Откуда он?

— Брашпиль мне в глотку! — озадаченно сказал краском Павел Губин. — Это еще что за хрень? Осади, братки, осади! Это вам не бычков на привозе у торговков тырить!

И это доказывало, что не зря его в девятнадцать лет командовать людьми поставили. Разумную осторожность Губин сейчас проявлял, потому и принял решение — отойти, коли встретились с непонятной опасностью.

Впрочем, и полковник добровольческого отряда Глызотин был человеком опытным, в свое время под Мукденем оборону держал, в Маньчжурии японские цепи выкашивал, в первую мировую вместе с генералом Самсоновым на свой полк немецкий удар принял и стоял, не поморщившись и смятения не выказывая. Поэтому он и в данной ситуации не сплоховал. Еще раз перекрестившись, он повернулся к горнисту:

— Играть общий отход!

Под звуки трубы красные и белые организованно покинули площадь, двинувшись каждый в свою сторону. А позади, на оставленной ими без боя площади, все еще отчаянно ржали лошади, слышался треск ломаемых неведомым монстром повозок, и одинокая бричка атамана повернула на юг, ища спасения в скорости и быстроте лошадиных ног.

А странное существо, покончив с разбойничьими телегами, неторопливо развернулось и покинуло площадь, скрываясь в ранее неприметном переулке, который его усилиями превратился в еще одну (и широкую!) улицу; ушло и оставило на городском майдане печаль-

но ржущих лошадей, изломанные телеги и ощущение не понятной людям угрозы.

Что и говорить, непонятно все было, невероятно, и если бы рассказчик этой истории был черноморским моряком, он бы не преминул с печальным удивлением отметить: брашпиль мне в глотку, товарищи, господа и панове. Брашпиль мне в глотку!

Глава вторая

Колоритные типажи являет обществу гражданская война.

Кипел-закипал русский котел на углях братской вражды, и в котле том варилась не сталь — человеческий дух в ней вскипал, выплескиваясь в разных уголках страны нестигаемыми партизанами вроде Лазо, бесшабашного и мудрого батьки Махно, отчаянного и бесстрашного до сумасшествия белого барона Унгерна, отчаянных каппелевцев, способных пойти в атаку под барабанный бой с пахитоской с зубам, неистового Льва Давидовича Троцкого или нестигаемого адмирала Колчака, сладострастного харьковского садиста Саенко и благородного разбойника Григория Котовского. При желании каждый может продолжить этот ряд по собственному желанию и в соответствии со своими политическими воззрениями.

Порождением гражданской войны являлся и Антон Кторов.

Как и полагается будущему авантюристу, Антон Кторов окончил перед первой мировой войной Одесское коммерческое имени императора Николая училище. В отличниках Кторов не значился, хотя и проявлял определенную склонность к историческим наукам и стихосложению и даже пописывал вполне недурственные романтические стишки, которые изобильно печатал в многочисленных одесских бульварных газетах, что давало ему возможность пить дешевые ординарные бессарабские вина в портовых кофейнях греков. На почве стихосложения некоторое время дружил с Валей Бачеем, Эдиком Дзюбиным и Юркой Олешей, но слишком пресная жизнь их казалась Антону неинтересной. С началом войны Антон ушел на румынский фронт рядовым солдатом. После октябрьского переворота работал в одесской ЧК, где не сошелся с руководителем Вихманом во взглядах на контрреволюцию. Некоторое время подвизался в Наркомпросе, прислонился — впрочем, недолго — к авторитетам Молдаванки и даже участвовал в создании первого деклассированного красноармейского полка, который возглавил небезызвестный и печально окончивший печальную повесть своей жизни Миша Япончик. После неудачного ограбления Одесского коммерческого банка Антон

отправился в Россию, где воевал против Юденича, по протекции своего одесского знакомого Григория Котовского, с которым еще до империалистической войны сживал в одной камере одесской следственной тюрьмы, попал в разведотдел Первой конной армии и наконец-то нашел свое место в жизни. Работал в киевском подполье, отсиживался от врангелевской контрразведки в одесских катакомбах, сидел в известной камере смертников города Ревеля, но никогда не терял бодрости и присутствия духа.

— Устали? — участливо спросил Дзержинский. — Как понимаете, отдыха не будет.

Антон покачал головой.

— Конечно, устал, — признался он. — Но я не в обиде. Я понимаю!

— Трудно в Средней Азии? — спросил Дзержинский.

— Не то слово, — сказал Антон. — Они же из каменного века недавно вылезли. Хотя есть и разумные люди. Но будет нелегко. Восток любит лесть и деньги. Потребуется масса терпения и огромная работа, чтобы там что-то сдвинуть с места.

— Феодализм, — припечатал Дзержинский. — Им предстоит совершить скачок через формацию.

— Не думаю, — с сомнением сказал Антон. — Всех этих баев никто не заставит прыгать. Да и люди там иные — они еще живут в прошлом, для них близкий бай выше далекого шахиншаха. Они так и будут делиться на баев и рабов. Даже если партбилетами обзаведутся.

Дзержинский, сутулясь, подошел к окну, некоторое время разглядывал шумную суету московской улицы.

— В Лукоморске когда-нибудь бывали? — неожиданно спросил он.

— А где это? — с любопытством поинтересовался Кторов.

— Ясно. Черноморское побережье это не только Одесса. — Дзержинский сел за стол, размашисто написал на чистом листе бумаги короткую записку. — Зайдите в АХО и в финансовую часть, там вас обеспечат всем необходимым. Особо деньгами не сорите, они могут понадобиться в самый неподходящий момент.

Теперь о задании... Садитесь поближе, как всегда, записывать ничего не придется, слушайте и запоминайте. Детали уточните у Бокия, он в курсе всех дел.

* * *

В гостинице «Метрополь» жили многие.

По распоряжению правительства в отелях класса «Метрополь»

могли жить лишь ответственные работники, занимающие должности не ниже членов коллегии, и высококвалифицированные партийные работники. Но это писаное правило постоянно нарушалось, и отель был заполнен разными лицами, вообще не состоящими ни в каких учреждениях. Сильные мира сего устраивали в отель своих любовниц, друзей, приятелей. Заместитель Троцкого Склянский занимал три роскошных апартаментов для трех своих семей на разных этажах. Другие следовали его примеру, и лучшие помещения были заняты черт знает кем. Здесь шли оргии и пиры, здесь ссорились, дрались, пили и мирились, чтобы через некоторое время вновь устроить пьяный дебош. С одной стороны, в «Метрополь» невозможно было проникнуть без пропуска, так как вход охраняли красноармейцы. С другой стороны, опасному элементу не приходилось прилагать особых усилий, чтобы проникнуть в гостиницу — он здесь просто-напросто жил.

У Кторова был в гостинице номер, но это еще ничего не значило. Иной раз на нескольких человек выделялся один номер — все равно большую часть времени люди находились в командировках. Случалось и такое, что ответственный работник, возвращаясь в номер, который он считал своим, обнаруживал на постели небритую личность, только что вернувшуюся из Сибири или еще более отдаленных мест, а то и просто освобожденную из тюрьмы предписанием ВЧК или юридического отдела Совнаркома.

К удаче Кторова, номер пустовал, и он отпер его своим ключом. Воды, разумеется, не было, ее давали по выходным дням и не в номере, а в особую ванную комнату, куда пускали за отдельную плату. Но Кторов оказался рад и этому. Его чемоданчик тоже не тронули, немудреные пожитки лежали на прежнем месте. Антон побрился, глядясь в маленькое зеркальце и поливая себе из графина над кадкой с фикусом.

Спать не хотелось.

У входа в ресторан курили несколько человек, уже в изрядном подпитии, а потому багроволикие и косноязычно-громкоголосые. Один из них — невысокий русоволосый молодой человек с приятным даже в таком состоянии лицом — о чем-то спорил со своим спутником. Тот не соглашался и размахивал руками. Устав убеждать его, молодой человек снял лакированный тубель и несколько раз ударил им своего собеседника, громко повторяя:

— Как я ненавижу тебя за твою клерикальность и богоискательство!

Его собеседник поднес к носу молодого человека увесистый кулак.

— Нюхай, нюхай, сукин кот, — сказал он. — На учителя руку поднял?

— Антон! — позвали Кторова.

Он оглянулся. Окликнувший его багроволицый молодой человек в кожаной куртке с неестественно большой желтой кобурой на поясе приветливо помахал ему рукой.

— Какими судьбами?

В то же самое мгновение Кторов его узнал. Перед ним стоял Яков Блюмкин, работавший в ЧК.

— Здравствуй, Яша, — сдержанно сказал Кторов.

— А мы тут с Сережей отдыхаем, — сказал Блюмкин, беспричинно поправляя кобурку на поясе. — Слышал, наверное? Есенин Сергей, чертовски талантливый человечек. Сережа, Толя, — сказал он, обращаясь к собутыльникам. — Знакомьтесь: Антон Кторов, наш человек и недавно — оттуда, — выделил он интонацией.

— Яша! — укоризненно сказал Кторов.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Блюмкин. — Проверенные товарищи, я за них лично ручаюсь. Знакомся: это Сергей, а это Толя Мариенгоф. Тоже незаурядный и, надо сказать, недурственный сочинитель. А вот это наш патриарх, фамилия ему — Клюев. Тоже пишет хорошие стихи. Можно сказать — гениальные. Хочешь выпить?

— Не хочу, — сказал Антон.

— Забурел, забурел, — с явной укоризной сказал Блюмкин. — Ты не бойся, они теперь спокойнее стали. Я тут на днях Сереже расстрел показывал. Эрлих белых офицеров к Духонину отправлял. Очень этот расстрел на Сережу неизгладимое впечатление произвел. Ведь произвел, Сережа?

Блондин в лакированных штиблетах, еще недавно бывший туплей одного из своих собутыльников, кивнул и радостно расплылся в пьяной улыбке.

— Только я не понял, зачем духовой оркестр играл, — сказал он. — Для торжественности, что ли?

— Чтоб крики глушить, — мрачно сказал Блюмкин и повернулся к Антону. — Не хочешь пить, и черт с тобой!

И компания устремилась в зал, отчего самому Кторову входить туда сразу же расхотелось.

На улице моросило.

У гостиницы мокли под дождем несколько извозчиков. Кторов

сторговался с одним и отправился на Арбат, где в подвале двухэтажного дома располагалось артистическое кафе «Белая лошадь». Народ здесь собирался подозрительный и разнообразный — тут можно было наткнуться на налетчиков, празднующих очередной удачный грабеж, на продавца марафета, на длинноволосого анархиста, на проститутку из бывших гимназисток, но и с глупыми распросами здесь никто не лез и в компанию не набивался.

— Девочку не желаете? — из сумрака зала ткнулся неопрятной бородой хитроглазый сводник. — Можно дворяночку, с родословной!

Словно собаку предлагал. Ишь, тварь, с родословной девочки у него! Но Кторов сдержался. Сутенер всегда под чьим-то присмотром. Затевать с ним ссору — себе дороже выйдет. Конфликты Кторову были не нужны.

— Не интересует, — сухо сказал он.

Интересно, а знают ли они об этом вожди? — неожиданно подумал Антон. Знают ли они об этом гное, который медленно заполняет подвалы здания их светлого завтра? Ведь не для того же затевалась революция, чтобы на останках великой империи пиршествовало воронье. Не для того ведь марксисты брали в руки власть, чтобы дворянская дочь отдавалась в подворотнях за кусок хлеба любому желающему, и тем более не для того, чтобы неграмотное быдло мусолило сотни, желая за свои, за кровные, девочку поблагороднее, кололись морфием и упивались даже не водкой — дешевым самогоном.

Красный разведчик Антон Кторов, вернувшийся из Средней Азии, попал в новый для него мир, в котором все оказалось поставленным с ног на голову: место идеалов как-то незаметно заменили эталоны, на гребне волны мировой революции вскипела и обрушилась на мир накипь, изнанка человеческой жизни незаметно стала ее лицом, в то время как одни умирали с голоду, другие жировали, наращивая ляжки и зады, и торжествующий хам, о котором однажды писал Мережковский, вдруг утвердился в мире, требуя от него свое.

Антон пил скверное сладковатое пиво и смотрел на сцену, где умело полуобнаженная красotka с мушками на потасканном лице почти пела томным бархатным голосом — словно большая гибкая кошка мурлыкала:

— И тогда вошла Силикима, окинув нас фамильярным взором.

Уселась она на скамью. И посадила Глотис на одно колено, а Киссию — на другое, и молвила: «Приблизься, малышка!»

Но я сторонилась ее. Она повторяла: «Приблизься. Чего ты сторонишься нас? Приблизься, приблизься, ведь дети эти так любят тебя.

Они научат тебя всему, что ты отвергаешь — медовым ласкам женщин.

Мужчины грубы и ленивы. Ты их познала, конечно. Ненавидь их отныне. У них плоская грудь, жесткая кожа, мохнатые руки, и они лишены фантазии!

А женщины, Билитис, они прекрасны...»

К столику протиснулась очередная небритая рожа и интимным шепотом предложила:

— Папиросы? Есть в пачках и россыпью — «Дукат», «Париж», «Савой»?

— Не нуждаюсь, — сказал Антон и, не глядя на посетителя, поинтересовался: — Татарин здесь?

— А кто его спрашивает? — в щетине блеснула короткая улыбка. — Что сказать?

— Скажи татарину, — произнес Кторов, — скажи, что Луза Никиту Африкановича ищет.

Никита Африканович Мохов был хозяином преступного мира Москвы. Человек, который ищет встречи с такими людьми, всегда вызывает интерес и почтение: лоточник еще раз ожег Антона любопытным взглядом и исчез в накуренной полутьме.

Глава третья

Все дороги на юг идут через Харьков.

Пассажирские вагоны, изрядно обветшавшие за годы революционной разрухи, составили небольшой поезд, который упрямо тянул через сальские степи черный, похожий на трудолюбивого жука паровоз. Разумеется, никаких отдельных мест не предусматривалось — все вагоны были общими, и только в служебном купе сидели два чекиста в черных, одуряюще пахнущих кожанках. Хмурые и неразговорчивые, они не расставались с большим портфелем. У обоих курьеров на кожаных ремнях висели большие — точь-в-точь как у Блюмкина — желтые кобуры. Оружие и мандаты давали курьерам власть над толпой, и прежде всего, над юркими и угодливыми проводниками, которые для чекистов морковного чая с ядовито-сладким сахаринном не жалели.

Поезд немного напоминал библейский ковчег, на котором, как известно, было каждой твари по паре.

Напротив Кторова сидел дюжий бородатый мужик в армяке. Было уже тепло, и армяк выглядел совсем не по сезону, но бородач армяк не скидывал, справедливо полагая, что снятое с плеча может ока-

заться вконец потерянным. С мужиком на лавке ютились несколько детишек разного возраста, которые разглядывали Антона с недетской серьезностью, словно прикидывали, сгодится он каким-то боком в хозяйстве или так — ненужный на селе предмет.

— До Лукоморска далеко? — спросил Кторов.

Проводник окинул его взглядом, словно пытался определить социальный статус, не определил, но все-таки отозвался:

— А это как с углем в Харькове повезет, а то, глядишь, ведрами на станциях закупать придется.

Харьков их встретил обложным дождем и революционными плакатами на стенах вокзала. Поезд стоял долго, и мимо постоянно ходили женщины, предлагая компот, молоко в глечиках и нехитрую домашнюю снедь за сумасшедшие украинские карбованцы, а некоторые — закутаные в платки — шепотом предлагали мужчинам стыдные услуги. На площади перед вокзалом кипел людской водоворот, шныряли всезнающие беспризорники, прогуливался въедливый наряд в скрипучих кожаных черных регланах и серых шинелях, и цыганки в цветастых юбках голосисто обступали намеченные жертвы, а за всей этой людской никому не нужной суетой с крыш близлежащих домов наблюдали равнодушные красноногие и горбоносые голуби.

— Вот так, — сказал усатый проводник вернувшемуся в вагон Кторову. — Повезет, так к утру в Лукоморске окажемся, — он снова скользнул взглядом, стараясь определить, какое обращение — «господин» или «товарищ» — ближе пассажиру, не определил и осторожно добавил: — Сударь.

— Слушай, — сказал Антон. — Деньги у меня есть. Поспать бы мне в нормальных условиях. Здесь разве уснешь? А и уснешь, нахватаешься разных вредных для жизни и здоровья насекомых. Не выручишь?

Проводник, которого звали Григорием Кузьмичом, выручил. А чего не выручить хорошего человека, у которого имеются деньги и который эти деньги желает потратить на улучшение своих бытовых удобств? Тем более что остановки становились все чаще и чаще, и самому проводнику отдыха не предвиделось. Поезд тронулся, а Кторов уже сидел в купе проводника, пил горячий приторный чай из обжигающей пальцы алюминиевой кружки и все вспоминал с грустной усмешкой берлинский экспресс с его спальными местами и чопорными проводниками, разносящими ароматный вкусный чай в высоких стаканах с серебряными подстаканниками.

Дверь открылась, и в служебное купе вошел некто, пахнувший плохо выделанной шкурой теленка, водкой и смертью.

— В соседях будете? — неприятно осклабившись, спросил он. — Документы? Мандат?

— Ваш мандат на право проверки? — в свою очередь, поинтересовался Кторов.

Мандат чекиста впечатлял, только вот сам Антон первым впечатлениям не слишком доверял. Хватало еще на Руси авантюристов, имевших на руках письма за подписью Дзержинского и даже Ульянова-Ленина. Народ на Руси был неграмотный, покажешь такому бумагу со свободной размашистой подписью и неразборчивой печатью, и вот тебя уже за посланника Господа нашего принимают и кланяются подобострастно. Впрочем, у чекиста бумаги были в порядке.

Поколебавшись, Кторов протянул ему свой мандат.

Увидев подпись Дзержинского, чекист снова заулыбался, но уже иначе. Слово волкодав, который признал своего, а потому и клыки спрятал.

— Ну, — сказал он, возвращая бумагу Кторову и переходя на «ты», — выходит, мы с тобой из одного котла кашу хлебаем? К себе, извини, не приглашаем, сам понимаешь — почта. Но ежели что, поддержку окажем в два ствола.

* * *

В Лукоморск поезд прибыл ранним утром.

Как обычно в такое время года утро было холодным, но день медленно наливался спелой голубизной, обещавшей жару. Кторов встал рано и даже успел попить с Григорием Кузьмичом чаю. Проводник разговаривал охотно, но вполголоса, поглядывая с видимой опаской на служебное отделение, в котором засели чекисты со своей почтой.

— Вы ухо остро держите, — благожелательно говорил проводник. — Места здесь неспокойные, одно время за сутки власть по два-три раза из рук в руки переходила. Да и сейчас, говорят, батька Кумок никому покоя не дает. Местный он, потому его ЧОН гоняет, а поймать никак не может. Не любит он большевичков, сильно не любит.

— Мне с ним детей не крестить, — отхлебывая горячий сладкий чай, сказал Антон. — У него дела свои, а у меня свои. Нет у нас общих интересов.

Проводник еле заметно усмехнулся.

— Так ведь оно как бывает, — сказал он. — Сегодня и интересов общих нет, а завтра вместе банчишко метнули, надо карты раздавать.

Я к чему клоню: городок этот непростой, на первый взгляд многое странным показаться может. Так вы не удивляйтесь, в жизни много странного происходит, но, как говаривал мой дед, чудес на свете не бывает, рано или поздно все находит свое простое и жизненное объяснение.

— Умный у вас был дед, — осторожно заметил Кторов. — Истинный философ.

— Приказчиком он служил, — продолжал проводник. — В магазине Семена Глузмана на Сретенке. Но я не про дедушку, он свое, слава богу, пожил. Я это к тому, что вам здесь многое странным может показаться. Так вы не спешите удивляться. Лукоморск — он и есть Лукоморск. Просто у каждого города — своя душа.

И тут проводник говорил очевидные истины.

У каждого города своя душа. Однако сколько Кторов ни ездил, никогда он не видел городов солнечных и открытых, любому городу присуща была тайная пасмурность. Долго Антон этого не понимал, пока не сообразил: каждый город стоит на костях своих строителей.

* * *

Вокзал был маленький, из красного кирпича, к нему прилежала площадка перрона, крытая навесом, покоящимся на белых колоннах. Снаружи пространство от земли до крыши густо поросло плющом и декоративным виноградом, площадь перед вокзальным зданием украшали клумбы, которые уже зеленели листвой глянцевого бегоний — пока еще без цветов.

По краям площади тянулись к небесам вечнозеленые кипарисы.

Спокойная леность провинциального курортного городка резко контрастировала с происходящим в стране, поэтому рассказы проводника о нешуточных испытаниях, которым подвергался город совсем недавно, воспринимались сейчас с недоверием.

Тем не менее Антон, переложив браунинг и наган в карман пилника, шагнул на перрон и, поставив чемоданчик на землю, некоторое время недоверчиво оглядывался по сторонам. В Лукоморске сошло с поезда совсем немного пассажиров. Кторов сразу же отметил, что ехавшие в служебном купе чекисты слезли следом за ним. Это ему очень понравилось, хотя ничего особенного не значило — возможно, именно в этих местах отдыхал от тягот службы какой-нибудь партийный чинуша, которому и адресовались документы.

Подхватив чемоданчик, Кторов двинулся через площадь.

Он уже почти пересек ее, когда сзади грохнули сухие отрывистые

выстрелы, послышались крики, и он оглянулся. Двое чекистов неслись через площадь, а за ними, азартно паля и выкрикивая что-то воинственное, бежали несколько человек. Первым побудительным желанием Антона было немедленно вступить за коллег, пусть даже они не вызывали у него симпатии. Но он сдержался. Чекисты, бросив портфель, благополучно исчезли в зарослях барбариса и тамариска, трое или четверо преследователей отважно рванулись за ними, а остальные остановились неподалеку от Кторова, возбужденно и часто дыша, сплевывая и матерясь.

Портфель, брошенный чекистами, раскрылся, и из него посыпались драгоценности. Не карбованцы, не керенки, не червонцы и даже не пачки фунтов стерлингов или франков посыпались из портфеля сверкающей на солнце грудой, и Антон мысленно похвалил себя за осмотрительность. Не могло быть у чекистов таких ценностей! Один из преследователей — грузный длиннорукий и короткий стриженный мужчина в серой косоворотке, подпоясанной солдатским ремнем, и в офицерских черных галифе, скрипя сапогами, присел на корточки и стал укладывать выпавшие драгоценности в портфель. Он ссыпал их в портфель горстями, словно воду сливал.

Перехватив взгляд Антона, человек подбородком указал на него товарищам.

К Кторову приблизился худой смуглолицый юноша, которому на вид можно было дать не больше шестнадцати. Чем-то юноша напомнил Кторову Павла Судоплатова — воспитанника первого ударного Мелитопольского полка, с которым судьба сводила Кторова в девятнадцатом году. Помнится, Антон тогда еще шуточно предсказал ему большое чекистское будущее, конечно же, в случае окончательной победы красных. Паренок из Лукоморска здорово на Павла смахивал.

— А что, товарищ, — заливаясь нежным румянцем, сказал он. — Документы какие имеются?

Второй раз за последние два дня у Кторова проверяли документы. Из какой-то неясной ему самому предосторожности Кторов предъявил юноше документы, подготовленные Наркомпросом.

Чернявый юноша долго вертел их в руках, краснея и шмыгая носом, рассматривал печати и затейливую роспись Луначарского, потом, не глядя на Кторова, передал документы старшему товарищу. «Да он читать не умеет!» — догадался Кторов и едва не рассмеялся.

— Луначарский, значит, — сказал стриженный здоровяк в косоворотке. — Я понимаю — культура, танцы-шманцы, к нам-то зачем, товарищ?

— Простите, — спросил Кторов. — С кем имею дело?

— Начальник оперативного отдела Лукоморской чека Павел Гнатюк, — представился здоровяк. — Так я не понял, вы к нам надолго? И с какой, извиняюсь, целью?

— В творческую командировку, — пояснил Кторов. — На предмет написания романтической книги о революционной действительности.

Стриженный просиял.

— Писатель, значит? Как Боборыкин? Здорово! А о ком, извиняюсь, книга будет? О каких героях?

— Там видно будет, — сказал Антон. — А что, гостиница или постоялый дом у вас здесь имеется?

— Хотите, я вас к матери отведу, — сказал смуглолицый юноша. — Как брат уехал с семьей в Киев, у нас половина домика пустует. Останетесь довольны, точно говорю.

— Конечно, отведи, — сказал Гнатюк. — И под присмотром товарищ будет. У нас тут беспокойно бывает, случается еще, лихие люди шалят.

Антон не успел ответить.

Из кустов галдящей толпой высыпали преследователи. Судя по их растерянным потным лицам, погоня удачи не принесла.

— Ты, Котик, отведи человека к матери, — сказал чекист. — И не задерживайся, сразу назад. Совещание будем проводить, авось у кого-нибудь добрая мысль появится. Га?

— Га! — сказал Котик, принимая важный и солидный вид пожившего на свете человека. — Так шо, товарищ писатель, пидемо до мамкиного дому?

Глава четвертая

Как всякий город, Лукоморск рос в окружении легенд, в которые невозможно поверить, но которые неизбежно сопровождают людские поселения. По преданию, Лукоморск был заложен на черноморском побережье в одна тысяча сто двадцать восьмом году от рождества Христова и начался с трех домов и бревенчатой церквушки, которая была построена людьми, желавшими обратиться со своими жалобами и пожеланиями к Богу.

Поскольку молитвы горожан были искренними, город их трудами потихонечку рос и в конце концов превратился в довольно крупный населенный пункт, лежащий на пересечении торговых дорог. Железная дорога разделила город надвое — западную часть населяли укра-

инцы, на востоке, в свою очередь, проживали русские, которых западники презрительно именовали москалями или кацапами.

На южных окраинах, ближе к морю, постепенно тесня дома москалей и широких украинцев, появились флигеля, в которые заселились степенные многосемейные евреи, занятые торговыми делами, адвокатской практикой и врачеванием. Как ни странно, из среды этой выходили и самые отчаянные бандиты Лукоморска, вроде Левы Барашка, который прославил себя далеко за пределами городка. Говорят, даже в многоопытной Одессе молдаванские налетчики имя Левы произносили с чувством глубокого уважения, а известный всем Миша Япончик не раз утверждал, что Лева из Лукоморска ему как брат и даже больше брата. Уважение молдаванских налетчиков Лева Барашек стяжал нападением на императорскую почту. Он завладел почти миллионом еще тех, дореволюционных, полновесных рубликов, обменял их в Турции на доллары, доллары в Варшаве опять же на рубли и устроил для товарищей роскошный банкет в известном одесском ресторане «Черноморец».

К описываемому моменту Лукоморск представлял собой уютный южный городок, зеленый от кипарисов и тиса, дикого винограда и плюща, в изобилии разросшегося на стенах дворов. Даже гражданская война, в результате которой городок не единожды переходил из рук в руки и менял власть, не особо обезобразила его внешний облик. Одно время в городке проживал известный скульптор Грум-Гурановский, спасавшийся субтропическим климатом от одолевающей его чахотки. Результатом пребывания в городе скульптора явилась копия знаменитого фонтана «Писающий мальчик», который в народе прозвали просто и незатейливо «Ссыкуном». Говорят, при открытии фонтана один из сельчан, прибывший специально на это событие, покачал головой и отметил слабость фонтана, на что один из местных жителей тут же отозвался:

— Та що ты хочешь? Вин же хлопчик еще!

Вот неподалеку от этого достопримечательного фонтана, который не работал по случаю гражданской войны, и проживала мать смуглолицего юноши из ЧК. По дороге Антон с ним познакомился. Звали его Остапом, а фамилия у него и в самом деле была забавная — Котик. Мать его оказалась полненькой круглолицей улыбчивой хохлушкой. Постояльцу Дарья Фотиевна откровенно обрадовалась, поэтому и цена за постой, установленная ею, оказалась вполне даже приемлемой.

И комната была светлая, чистенькая, с геранью на окне и постелью, на которой белели взбитые пуховые подушки. Более всего Анто-

на порадовал отдельный вход — всегда можно уйти, не беспокоя хозяев.

Хозяева оказались деликатными, после расчетов они оставили Антона одного.

Некоторое время он слышал их голоса: хлопец восторженно объяснял матери, что их постоялец — столичный писатель, который приехал в Лукоморск, чтобы создать роман о революции.

— Як Гоголь? — певуче удивилась мать.

— Та шо Гоголь! — степенно объяснил хлопец. — Выше, мамо, берите. Як Тарас Шевченко.

* * *

Ложиться на неразобранную постель казалось кошунством.

Антон сел за стол, некоторое время смотрел на начинающий зеленый сад. Вот он и на месте. Но, если говорить честно, пока даже не представлял, с чего ему начать и как приступить к выполнению задачи. Хорошо, что город оказался в руках красных. Будь здесь белые или тем паче немцы, работать было бы значительно труднее.

Он вспомнил свой разговор с Глебом Ивановичем Бокием.

— Нет, Антон, это не бред, — сказал Бокий. — Эта информация исходит от источника, заслуживающего безусловного доверия. Мы не знаем, что там произошло и что за существо это было, но оно выступало на чьей-то стороне, а значит, каким-то образом подчинено человеку — это не вызывает сомнения. Будем рассматривать случившееся так: перед нами неведомая и страшная сила. Спрашивается, можно ли приручить эту силу, чтобы она послужила делу пролетарской революции? Если этого сделать нельзя, надо поставить вопрос иным образом — как сделать, чтобы эта сила не угрожала делу пролетарской революции.

— Глеб Иванович, — поднял руки Кторов, — я не политик. Мое дело найти и доложить.

— Это ты зря, — еле заметно улыбнулся бледными губами его собеседник. — Разведчик вне политики не бывает. Я такими вещами давно интересоваться начал, еще до войны. Понимаешь, мир велик, в нем хватает места для любых, казалось бы, совсем невозможных чудес. Был такой инженер Оленин, одно время активно оптикой и теплотехникой занимался. Он к Колчаку ушел. Умный человек, а перспектив не увидел. Так вот, мне известно, что он в Сибири изобрел чудовищный луч. «Войну миров» Герберта Уэллса не читал? Там марсиане тепловым лучом пользовались. Вж-жик, — Бокий сде-

лал рубящее движение ладонью, — и английский крейсер напололам. Так вот, нечто подобное этот Оленин изобрел, называл он свое изобретение теплорезом. Ты только прикинь, что могло бы произойти, дойди его теплорез до промышленного изготовления и поступи он на вооружение к адмиралу? Только не повезло инженеру, что-то он не рассчитал и погиб при взрыве в своей лаборатории. И наоборот — нам повезло, и очень сильно повезло. И такие случаи не единичны, Антон. Так что ты уж постарайся, Антон, сильно постарайся. Комиссию туда посылать нет никакого смысла, ну, помахают они там наганями, арестуют с десятков жителей, так люди замкнутся — и все. А один человек при известной сноровке может выяснить многое. Понимаешь?

В свете слов Бокия визит неизвестных в Лукоморск Кторову не нравился. Почему они сели в поезд в Ростове? Откуда у них все это богатство? А самое главное — зачем такие ценности везти в Лукоморск, особого стратегического положения не имеющий? Ничто не указывало и на наличие в Лукоморске крупных контрреволюционных формирований, способных повлиять на расстановку сил на юге. А из этого, в свою очередь, проистекало, что без откровенного разговора с начоперотделом местной ЧК никак не обойтись, и Кторов заранее недовольно морщился от неизбежности этого шага. Впрочем, в любом случае торопиться не следовало, а вот залегендировать до конца свое появление в городе надо было немедленно. И начать Антон решил с приобретения бумаги для будущей рукописи.

* * *

Выйдя на улицу, Кторов сразу понял, как мал этот городок.

Жители с интересом разглядывали незнакомого человека, пестрой стайкой за ним плелась детвора, а встречные приветливо здоровались. Кторов отвечал на приветствия, чувствуя себя от столь пристального внимания не в своей тарелке. Центром города являлся майдан Незалежности, окруженный несколькими трехэтажными домами. Над одним лениво колыхалось красное знамя, над вторым жовто-блакитное, другие были без флагов, но множество прикрепленных у входа табличек указывало на то, что и они являются государственными учреждениями. Здесь же притулилось несколько магазинчиков. По левой стороне располагался рынок, и в открытые его ворота было видно, что продавцов (да и покупателей) на нем не шибко много.

На рынке Кторову пока нечего было делать, хотя и оставлять без внимания подобное место, порой являющееся источником бесценной информации, не следовало.

Лавку, торгующую канцелярскими принадлежностями, он нашел сразу. Убогость ее бросалась в глаза — из бумаги была лишь зеленая грубо нарезанная упаковочная, которая продавалась на фунты. Антон взял два фунта, чернильницу, пузырек чернил и ручку с запасом перьев «рондо», подождал, пока покупку завернут, поговорил со стоявшим за стойкой человеком, по виду которого невозможно было понять — государственный он продавец или в приказчиках ходит.

В городе было двоевластие.

Особо оно ничем не проявлялось — только в одном здании засели самостийники и последователи Рады, которые люто ратовали за независимость от Москвы. «Не дадим москалям нашим салом подавиться, — выступали они на митингах. — Спасем москалей от лютой смерти — оставим сало да бураки на Украине!» Их пока не гнали в силу политических причин, и ЧК пока не особо трогала националистов, не иначе — и в ЧК сидели люди, не знающие, задом или передом к ним та или иная власть повернется.

В самый разгар разговора в лавке появился огромный черный кот, равнодушно оглядел Кторову, брезгливо обнюхал штанину и развалился на свободной от товара полке, прикрыв зеленые глазищи. Сказать, что кот был огромен, все равно что ничего не сказать. По прикидкам Антона, живого веса кот имел фунтов сорок, если не больше. Продавец, видимо, смутился, начал запинаться и время от времени поглядывал на кота, словно мысленно вопрошал того, не сболтнул ли чего лишнего. Кторов сразу ощутил возникшую напряженность, заторопился, забрал покупки и поднялся на улицу по скрипучей деревянной лестнице с широкими ступенями.

На базаре было по-прежнему безлюдно. Торговали самым незамысловатым товаром: копченой скумбрией, свежими бычками и кефалью, солеными огурцами, квашеной капустой, зерном, густой деревенской сметаной, молоком парным, молоком квашеным, молоком топленым, маслом растительным и — салом. Сало было знаменитое — с мясными прожилками в пять слоев, пахнущее чесночком, вишневым листом и укропом, а рядом коричневыми брусками лежало сало копченое, один вид его уже притягивал взгляд, а запах пьянил и дурманил, возбуждая немедленный и обязательный аппетит. И Антон не удержался — за пятьдесят карбованцев взял

темный брусок и кусок домашнего ноздреватого хлеба, выпеченного в домашней печи, уже представляя со слюной во рту, как вернется на квартиру, нарежет тонкими кусочками это дивно пахнущее сокровище, уложит эти кусочки на ломоть хлеба...

— Так что, товарищ, устроились? — прервал его гастрономические размышления знакомый голос.

Кторов обернулся.

В двух-трех шагах от него стоял коренастый начоперчастью Павел Гнатюк и доброжелательно улыбался.

— Ге, — сказал он. — Вам бы в мирное время здесь погулять. Какой базар был, какой базар! — причмокнул, мечтательно и маслянисто улыбаясь, вздохнул, развел руками и почти виновато добавил: — Вот побьем контру в мировом масштабе — так милости прошу!

— В мировом масштабе, — усмехнулся Антон и кивнул в сторону жовто-блакитного стяга. — Сдается мне, вы в городском масштабе никак не управитесь.

— Так шо ж, — рассудительно сказал Гнатюк, — ничего лишнего самостийники себе не дозволяют, а что грозятся москалей сала лишить, так то ж еще не преступление. Иной раз вожди с трибун и не такое балакают, так мы ж понимаем — политика!

— Послушайте, Гнатюк, баня у вас имеется? — поинтересовался Антон. — Что-то запаршивел я в дороге, сами знаете, в поезде вшей нахвататься запросто можно.

Гнатюк расцвел в улыбке.

— Баня! — презрительно сказал он. — Шо баня, товарищ! Тю! Тут к твоим услугам Черное море!

— Так холодно же еще, — мысленно ежась, сказал Кторов. — Вода-то поди не прогрелась.

— А горилка на ще? — ухмыльнулся Гнатюк. — Да сами побачьте, в плаще-то уже жарко.

Глава пятая

Не зря хохлы говорят, что с салом любое дело веселее спорится.

Брусочек копчености кончился на удивление быстро, хотя хлеба еще оставалось вполне достаточно, и Антон Кторов понял, что пора идти к морю. Идти пришлось недалеко — как-то вдруг открылся галечный берег с площадкой маленькой мокрой пристани на деревянных сваях. У пристани были привязаны пара баркасов и несколько лодочек, которые покачивались на зеленоватых волнах. Недавняя не-

погода пригнала к берегу сотни небольших медуз, и они сейчас покачивались в воде белыми полупрозрачными мешочками.

Вода была холодной, но вполне терпимой.

Кторов искупался, собрал по берегу сучья и досточки, разжег костер и тщательно прожарил над ним одежду, уделяя особое внимание швам — в швах потрескивало, и это значило, что меры предосторожности Антон принял своевременно: поезд наделил его нежелательным соседством вшей.

Неторопливо одевшись и проверив оружие, убедившись в его исправности и готовности к выстрелам, Кторов неторопливо побрел в сторону белых скал, всячески изображая незаинтересованного человека, ничего не знающего о местной жизни.

Идти пришлось довольно долго, это только на первый взгляд казалось, что до белых скал рукой подать, на самом деле до них оказалось минут тридцать неспешного ходу.

У валуна никого не было.

Но следы выдавали недавнее присутствие человека. Песок вокруг валуна был истоптан, но вот что странно: по зрелом размышлении следовало признать, что все эти следы принадлежали детям — в ладонь Кторова, они соответствовали размеру ноги подростка двенадцати или тринадцати лет. Глупо полагать, что кто-то из них был шпионом. А тем более бандитом. Скорее, где-то здесь нашли пристанище беспризорники, которых гражданская война наплодила в изобилии.

Он огляделся по сторонам и едва не присвистнул в изумлении. Неподалеку явно имелись пещеры, но странное дело — входы в них были устроены так, что совокупность их делала поверхность скалы похожей на человеческих череп: два темных проема походили на глазницы, еще один — продолговатый и расположенный ниже — напоминал нос. А длинная темная расщелина еще ниже казалась похожей на широкий рот, украшенный острыми клыками белых известняковых валунов. Белые валуны отличались от скальной породы, поэтому смело можно было сказать, что камни эти сюда принесены людьми, причем не слишком давно.

Подниматься к пещерам Антон не стал. Маленькие бандиты порой бывают опаснее взрослых: они сами не знают страха смерти, а потому беспощадны к остальным. Он постоял немного, раскачиваясь на носках, потом решительно зашагал обратно.

Легко было Бокию и Держинскому посылать его туда, не знаю куда, чтобы найти то, не знаю что. И пугали его напрасно. Обычный был городок — провинциальный. И чудесами в нем не пахло.

* * *

Не зря Антон Кторов вспоминал про Глеба Ивановича.

Бокий в это время сидел в своем кабинете, а напротив него с деликатной развязностью человека, знающего себе цену, курил Блюмкин.

— Яков Григорьевич, — Бокий сердито отмахнулся от дыма. — Будь серьезнее.

— Так я и говорю, — блеснул стальными зубами Блюмкин. — Серьезный, очень серьезный человек. До революции преподавал физику в Казанском университете. Сейчас сидит в Гатчине на даче и работает. Зовут этого человечка Гросс Фридрих Павлович, до революции был приват-доцентом, сейчас, как и весь ученый люд, на вольных хлебах. Занятные вещи этот Гросс излагает. Тебе бы самому послушать! С помощью системы зеркал он пытается заглянуть в будущее. Не знаю, насколько ему это удастся, но говорит он весьма занимательно. Так, например, этот Гросс утверждает, что советская власть продержится семьдесят лет, но все рухнет в конце восьмидесятых, когда власть в партии возьмет горбатый человек. И еще он утверждает, что большая часть этого времени пройдет под правлением стального человека с Северного Кавказа, и это правление принесет России могущество и жесточайшие страдания.

— Партия этого не допустит, — сердито сказал Бокий. — Она сама может поправить любого из зарвавшихся чинуш. Так что же, этот хрен казанский намекает на скорую смерть Ильича? Обыкновенный нелояльно настроенный к нам интеллигент. Взять его да попугать крепенько, чтобы штаны застирывать пришлось. Все его предсказания сами из головы выветрятся.

— Не скажи, Глеб Иванович. — Блюмкин встал, сгорбился над горячей спичкой, выпустил в сторону от начальника клуб дыма. — В том-то и дело, что все не так просто. Действия Колчака он нам по полочкам разложил, словно в штабе у него всю жизнь просидел. Про нападение на наших дипкурьеров в Ревеле он тоже сказал, но мы, по своему обычаю, его сообщение мимо ушей пропустили. Теперь он по международным вопросам совсем что-то непонятное талдычит: мол, Германия, хоть и проиграет в войне, в конце тридцатых большую силу наберет и к власти придут не коммунисты, а какие-то национал-социалисты, возглавляемые человеком мистических убеждений, и имя его будет начинаться на букву «А». Я смотрел, среди тамошних политиков ничего похожего нет, да и партии такой не существует. Мистики есть, «Зеленая лампа» там, то-се, но ничего похожего я не нашел. Однако это не значит,

что слова Гросса — чистый бред, сами знаете, условия появляются, когда общество созрело.

— Хорошо, хорошо, — примирительно выставил вперед руки Бокий. У него были длинные нервные пальцы. — Я возьму этого Гросса на заметку. Что Есенин?

— Сережа? — Блюмкин усмехнулся. — Пьет.

— Талант, талант, — забормотал Бокий, невидяще глядя сквозь Блюмкина. — Ладно, тебе предстоит долгие и опасные поездки. Поручим все Агранову, он справится. Как у тебя с фарси?

Блюмкин засмеялся и выдал длинную непонятную тираду.

— Впечатляет, — оценил Бокий. — Но меня нетрудно обмануть. Главное, чтобы твоё произношение понимали в Иране. В скором времени тебе предстоит войти в ЦК тамошней компартии.

— Я тут недавно Антошу Кторова видел, — с неожиданной ревнивой ноткой в голосе сообщил Блюмкин. — Мелькнул и пропал. Новое задание, да?

Бокий сделал несколько шагов по кабинету.

— Задание даёт Разведупр, — сказал он, потирая бритый подбородок. — Скажем так, Кторов выполняет ответственное поручение правительства РСФСР. По случаю чего находится в очередном отпуске.

* * *

Сколько ни говори ишаку о свободе, он её не осознаёт, пока на шее у него хомут.

Отпуск и работа под видом отпуска, как говорят хасиды, совсем разные вещи.

Раби Симон бен Шетах однажды изрек: «Истинное наслаждение — освободиться на время от мыслей и забот; подлинное бедствие — освободиться от них навсегда; настоящее горе — предаваться мыслям и заботам в то время, когда ты приготовился к наслаждениям».

Предстояло не только работать, предстояло ещё создать видимость того, что ты и в самом деле писатель и выполняешь по мере сил и таланта своего указание Наркомпроса. Тем более что тяги к литературным трудам Антон Кторов особо не испытывал. Тем не менее он терпеливо исписал за вечер десятка два зелёных листов, стараясь делать записи нарочито неразборчивым почерком. Для непосвященных этого было достаточно.

На второй день пребывания Антона Кторова в Лукоморске зацвели алыча и слива. Улицы окутались бело-розовыми клубами дыма, дни стояли солнечные, и море было спокойным. Медузы отошли на

глубину. К деревянному причалу прибило мертвого дельфиненка. Хмурые растрепанные вороны расхаживали по мокрому песку, оставляя на нем крестообразные отпечатки, и клевали тело дельфиненка, изредка вступая в сварливые хриплые перепалки.

В парке у деревянной набережной играл скрипач.

Высокий, с морщинистым печальным лицом, худой, неуклюжий, похожий на линейку для измерения тканей, он был одет в темный костюм, лакированные штилеты с белыми вставками, и на голове у него была широкополая темная шляпа.

Около музыканта остановился невысокий круглолицый мужчина, лысина которого являлась естественным продолжением лица. Мужчина был в белой рубашке с расшитым воротником, соломенной шляпе и в чесучовых белых брюках, заправленных в мягкие коричневые сапоги.

— Жид, — радостно и удивленно сказал он, выпятив округлый живот, как женщина, старающаяся привлечь внимание окружающих к своей беременности. — Однозначно, жидяра!

Скрипач играл, не обращая на прохожего внимания.

— Ты не здесь играй, — сказал толстяк. — Ты там играй!

Скрипач продолжал игру.

— Тебе говорят! — визгливо возвысился толстяк. — Му-зы-кант!

— Вы меня знаете? — удивился старик, опуская смычок, но еще притеревшая подбородком скрипку.

— Нужен ты мне! — презрительно сказал толстяк. — Шел бы к своим, да им бы и будоражил мозги! После твоей игры плакать хочется, так мы за три года уже нарыдались!

— Этика есть философия убеждения, — сказал скрипач, опуская скрипку. — Вы меня не убедили.

— Щас, — злорадно сказал толстяк. — Щас, сука, убедишься!

— Komm, — сказал скрипач, — nach der Schwanz! — Подумал и добавил: — Die Vogel!*

Ура-патриоты только притворяются, что они храбрые. Услышав непонятные и страшные слова, толстяк ретировался, что-то бормоча под нос — то ли угрожал, то ли перед собой оправдывался, то ли встречу в самом недалеком будущем обещал со всеми ее неприятными последствиями. Глядя ему вслед, Кторов засмеялся. Смех этот, казалось, развеял очарование утра. А может, все произошло раньше, когда в тихое пение смычка вторгся визгливый голос толстяка?

* Ну, сами понимаете, послал он его. А потом презрительно добавил то, что на наш язык можно приблизительно перевести как «щегол».

Старик медленно убирал скрипку в футляр.

— Не обращайтесь внимания, — по-немецки сказал Антон. — Идиотов у нас пока хватает. Их даже с избытком.

— Глупость — единственное качество, которое человечеству дано в избытке, — кивнул старик и приподнял шляпу. — До свидания, господин Кторов.

Некоторое время Антон смотрел ему вслед, потом спохватился: старик назвал его по фамилии! Этой фамилии в Лукоморске не знал никто, и не должен был знать. Вот тебе и конспирация! Он хотел догнать старика, чтобы спросить, откуда тот его знает.

Но не успел.

Из кустов вышел недавний знакомый Антона — огромный черный кот из канцелярской лавки. Кот остановился, поднял распушенный хвост, задумчиво и грустно пошевелил усами и буднично сказал, широко разезая розовый рот и показывая клыки, которым мог бы позавидовать тигр:

— Ну и попал ты, Антоша, в переплет! А еще разведчик!

Коты, и те о его миссии знали!

— За хвост тебя и башкой о дуб! — помечтал вслух Кторов.

— Слова-то какие! — фыркнул кот. — Вы же интеллигент, Кторов! Впрочем, еще Ларошфуко сказал, что человека нельзя назвать в полной мере интеллигентным, если его язык бежит впереди мыслей.

Вот так! Приложил его кот. Башкой о дуб.

Глава шестая

Лукоморск попал в поле зрения Глеба Бокия не случайно.

Будучи студентом Горного института, Глеб увлекся различными загадками и тайнами. Все началось с одной лекции, на которой профессор Николай Степанович Костомыш неожиданно для всех студентов рассказал о российском минерологе Александре Карамышеве, который в 1776 году изобрел прибор, названный им «Просветителем», для изучения земных недр. В результате продемонстрированного опыта, как показывали впоследствии очевидцы, Карамышев доказал, что любому непрозрачному известняковому шпату можно посредством науки придать полную прозрачность. «Представьте, господа, — сказал Костомыш, — каким мог быть труд геолога, если бы без бурения скважин и трудоемкого изготовления шурфов мы могли бы наблюдать естественное нутро нашей матушки земли. Увы! Увы! Увы! Труды Карамышева были бесследно утрачены, как многое из того,

чем могла бы гордиться российская наука и в чем совершенно не нуждаются идиоты, правящие Россией».

Рассказ его запал в душу Глеба Бокия. Пылкому воображению юноши представлялись геологи, изучающие недра и видящие их внутреннюю суть, а потому могущие точно сказать, где нужно бурить скважину, а где даже не стоит пытаться.

И все это кануло без вести в прошлом, потому что кто-то побоялся потрясения государственных устоев!

Поэтому уже после революции, заняв значительную должность в ВЧК, Глеб Бокий приказал направлять в его адрес информацию о небывалых событиях, изобретениях, загадочных и тайных явлениях, имевших место на территории республики, и даже принялся подбирать для работы специальную агентуру. К тому времени он для себя уже делил разведку на политическую и научную. Первой должны были заниматься революционные романтики, фанатики и авантюристы, второе направление могло быть доступно лишь людям, имеющим определенный склад ума, для которых ночные бдения над зашифрованным посланием приносили большее удовлетворение, чем скитания во вражеском тылу, перестрелки и лихие захваты штабов и пленных. Глеб Бокий подбирал в эту группу аналитиков, способных расчленить явление на важнейшие составные части, дать полную и обоснованную оценку каждой из них.

— Глеб, — сказал ему Дзержинский. — Вы расточительны. Вы смотрите в будущее, а мы пока решаем единственную тактическую задачу — удержаться у власти. Если мы не удержимся — все ваши идеи окажутся просто ненужными.

— Я вас сильно уважаю, — глухо сказал Бокий. — Но эту работу надо закладывать сегодня. Завтра будет поздно.

— Да я согласен, согласен, — сухо и безрадостно рассмеялся Дзержинский, поднимая обе руки. — Только, дорогой мой Глеб Иванович, положение в стране требует от нас решения стольких политических задач, что на все остальное времени пока не остается. Вот вы в Петербурге были, сколько же расстрелять пришлось, чтобы в городе стало спокойно!

Бокий сухо сказал:

— Слишком много стреляли, Феликс Эдмундович. Если бы не истерики Зиновьева, который во всем видел контрреволюцию, жертв было бы меньше. Кровожадный и трусливый человек. Если дать ему волю, в Питере останутся только он с семьей и его родственники. Обещали мир и спокойствие, а на деле залили страну кровью. Когда-нибудь с нас спросится.

— Достоевского начитались? — Держинский приподнялся и заглянул в глаза Бокию. — Не мы все начали, не мы. Мы сначала и Духонина отпустили, и Краснову с Корниловым под честное слово свободу дали. У тебя все?

Бокий подумал.

— Есть один человек, — сказал он. — Бывший приват-доцент, зовут его Гроссом Фридрихом Павловичем. Мне доложили, что он с помощью зеркал пытается заглянуть в будущее. Так вот, он говорит о том, что эра Ульянова-Ленина в политике недолговечна, а его место займет некий стальной человек, выходец с Кавказа, и это правление принесет России высшее могущество и жесточайшие страдания.

Держинский сел на стул, с непонятым любопытством разглядывая Бокия.

— А что? — вдруг весело спросил он. — Мы-то с тобой знаем, о ком идет речь. И надо сказать, что это не худший вариант. Он более предсказуем, чем Лев Давидович и прочая братия. Как его? Фридрих Павлович Гросс? С помощью зеркал, говоришь? Надо же — русский Нострадамус! — он сделал пометку на листочке бумаги, потом спохватился, что может показаться слишком бездушным, и тревожно поднял голову: — А что он говорит об Ильиче?

Бокий пожал плечами.

* * *

— И долго ты собираешься меня разглядывать? — спросил кот.

— Извини, — Антон смущенно отвел глаза. — Но и ты должен понять, я говорящих котов никогда не видел.

— Ты многого не видел, — кот с заметным усилием вспрыгнул на скамейку и лег рядом. — Но хорошо держись, почти не удивляешься. И правильно — еще Гюго утверждал, что животные не что иное, как прообразы людских добродетелей и пороков, блуждающие перед вашим взором призраки ваших душ.

— Откуда ты меня знаешь? — спросил Кторов.

— Здрасьте! А на фига я тебя обнюхивал в подвале? — обиделся кот. — Сам понимаешь, полная информация о людях — залог успешной работы. Не веришь? Зря! — кот зажмурился и скороговоркой пробормотал: — Кторов Антон Георгиевич, одна тысяча восемьсот девяносто восьмого года рождения. Родился в Одессе, там же закончил реальное училище и позже Одесское коммерческое имени императора Николая I. Под судом и следствием состоял дважды, участвовал в боевых действиях против румынской армии, после Октябрьско-

го государственного переворота работал в Одесской ЧК, потом в Наркомпросе, был рядовым на Западном фронте с Юденичем, потом в Первой конной, подполье, Разведупр и, наконец, особо секретный научный агент коллегии ВЧК. Владение языками: идиш, немецкий — отлично, французский — хорошо, румынский и польский — на троечку. Холост. Ну, и награды: два ордена Красного Знамени — оба за выполнение специальных заданий правительства РСФСР. Ничего не упустил?

Ошеломленный Антон медленно приходил в себя.

— И что, вся эта информация есть в моем запахе? — спросил он.

Кот недовольно дернул хвостом.

— Дорогой ты мой, — сказал он. — Ты даже не представляешь, сколько информации может извлечь из вашего запаха умное животное. Я, конечно, не говорю о полицейских собаках, хотя этот их хваленый пес Треф был весьма и весьма неглуп. Но с котом ему, конечно, никогда не сравниться, он всегда брал только верхним чутьем. Будем считать, что знакомство состоялось?

Антон Кторов вздохнул. В его профессии удивляться не следовало ничему.

— Почти, — сказал он. — Я уж теперь и не знаю, как мне называть... — он замялся, не зная, как обращаться к коту: обращение на «вы» казалось выпенним и смешным, а обращение на «ты» выглядело излишне фамильярным.

— Можно на «ты», — угадал его сомнения кот. — Считай, на брудершафт мы уже выпили. А зовут меня Баюном Полосатовичем. Не слишком сложно?

— Да нет, — сказал Антон. — Все нормально. Но ты, Баюн Полосатович, понимаешь, зачем я здесь оказался?

Кот приоткрыл один глаз.

— Вот только в карьер не гони, — предупредил он. — Не надо меня с ходу в агенты записывать — я кот, который гуляет сам по себе. Поэтому я ни за белых, ни за красных, а зеленых я вообще терпеть не могу.

Он повозился, тяжело забрался передними лапами на колени Кторова и, подняв лобастую голову, посмотрел ему в глаза:

— Чего сидишь? Кошки никогда в доме не было? Погладь, баки почешу, за ушком — но только осторожно, не люблю, когда грубо ласкают.

Дождался прикосновения пальцев и басовито с перерывами заурчал. Словно «паккард», прогревающий двигатель перед зданием Совнаркома.

— Слышь, Баюн, — негромко спросил Кторов. — А почему Полосатович?

— Дурак ты, — сонно пробормотал кот, — потому и человек. Полосатом моего отца звали. Так ты поверь, с ним ни одна тельняшка рядом не стояла. Я на эти тельняшки в прошлом году насмотрелся, когда красные город брали. Сплошное безобразие... — он повернул морду удобнее и, явно желая соблюсти объективность, сказал: — Впрочем, белые тоже не подарок — с любого безо всякой жалости шкурку снимут!

Полежал немного, задумчиво пробуя когтем ткань штанины человека, нервно зевнул и добавил:

— Кумковцы еще хуже — они по три шкуры драли и при этом раз пять в году.

* * *

К борьбе за общие свободы всегда примазываются самые подозрительные личности, разного рода авантюристы стремятся использовать общую борьбу для обретения личных свобод. Одним из таких авантюристов был Александр Кумок.

Дореволюционная жизнь его была остра, проста и незатейлива, как плотницкий топор.

С трудом окончив гимназию, Александр Кумок понял, что научная стезя не для него. Впрочем, и все остальные, где нужно было прилагать усилия для того, чтобы добиться в жизни успехов, тоже оказались не для него. Больше всего юный Шура Кумок любил валяться на крутой скале, нависающей над морем, и мечтать о кладе. Он даже ясно представлял себе, как с лопатой приходит в грот «Голова Великана» — тот самый, вход в который из-за пробитых природой отверстий и полосы белых валунов внизу напоминал весело скалящийся череп. Там он копает в самом углу и натывается на железный сундук, зарытый греческими пиратами, весело и удачно грабившими турок и крымских татар. Вскрывает сундук... Остальное любой поймет без лишних слов. Александр так уверовал в это, что некоторое время и в самом деле не расставался с заступом, и в пещере было вырыто немало ям там, где, по расчетам Кумка, должен был находиться сундук.

Клада не было.

Со временем Александр Кумок охладел к поискам сокровищ. С некоторых пор вместо заступа он стал брать на прогулки револьвер «лефосе», у которого в рукоятку был удобно вмонтирован нож. И на-

до же было такому случиться, что на узкой дорожке одним жарким августовским днем ему повстречался грек Папа Папандопуло, который шел к морю по своим контрабандным делам. Что там у них произошло, не знает никто, но Александр Кумок облегчил Папу на пятьсот полновесных николаевских рублей. Обиженный грек поспешил в полицию, и Саша Кумок получил свой первый срок. Срок оказался небольшим — судьи учли возраст преступника, которому к тому времени едва исполнилось тринадцать лет, его социальное положение, а также личность потерпевшего, который симпатий не вызывал. Выйдя на свободу, обиженный Александр поспешил встретиться с Папой Папандопуло, облегчил его кошелек уже на полторы тысячи рублей и при этом нанес Папе легкие, но оттого не менее болезненные повреждения организма. Теперь уже судьи, учитывая повторность преступления, его дерзость и бесшабашную наглость, приняв во внимание общественную опасность обвиняемого, приговорили Кумка к четырем годам каторжных работ. Оказавшись по примеру декабристов в Акатге, на Нерчинской каторге, Кумок быстро приспособился к местным условиям, а через пять месяцев зарезал правящего каторгой Петю Кумылгу — из иванов, не помнящих родства, — за что получил довесок в два года. Но стать героем каторги он не успел — грянула февральская революция, и каторжников распустили по домам. Александр Кумок вернулся в Лукоморск и, не теряя времени, дождался Папу Папандопуло на морском берегу. О чем они спорили и сколько денег Кумок взял у него на этот раз, никто не узнал, но труп Папы нашли через два дня, когда в ушах и носу контрабандиста уже поселились маленькие крабы-бокоплавы. В городе и губернии к тому времени воцарился полный бардак, империя рушилась, в далеком Питере власть в свои руки взяли неведомые большевики, а Кумок ушел в банду екатеринодарского отчаянного экспроприатора Мишки Чепеля по прозвищу Сладкий Мальчик за его любовь к организации налетов на сахарные заводы. Было тогда Кумку девятнадцать лет, и он осознал нехитрую истину — всегда прав тот, кто стреляет первым.

Миша Чепель был слишком занят, чтобы обращать внимание на честолюбивого и слишком быстро взрослеющего юношу. И совершенно напрасно. В девятнадцать лет Сашка влюбился в актрису екатеринодарского театра Марию Семенову, которая молоденького поклонника ценила не слишком высоко, но обожала подарки, которые он ей делал. К тому же Кумок прилично говорил по-французски, и это поднимало его в глазах провинциальных артистов и завсегдата-

ев театра. Сценично обставив все, Мария отдалась молодому бандиту. Александр потерял голову, запустил руку в отрядную казну, чтобы свести как-то концы с концами, в одной из попоек после успешного грабежа очередного сахарного завода пристрелил потерявшего бдительность Чепеля и встал во главе банды. Красные постепенно набирали силу, и Сашка предпочел покинуть негостеприимные места и обосноваться в окрестностях Лукоморска. Актриса, к тому времени ставшая его капризной и жадной любовницей, также примкнула к отряду и вскоре зарекомендовала себя еще более безжалостной разбойницей, заслужив среди местного населения прозвище Паучиха.

Глава седьмая

Вернувшись, Антон Кторов обнаружил на столе кринку молока, заботливо прикрытую куском ноздреватого хлеба, и рядом — завернутый в чистую тряпицу добрый шмат лукоморского сала, которое еще год назад являлось бесценной валютой и имело хождение во всем крае наряду с самогоном и рулонами керенок. Керенки в отдельных купюрах ничего собой не представляли, но в рулоне имели определенную ценность — ведь счет девальвированной валюты уже шел на миллионы. В отличие от них сало с самогоном как материальные ценности имели не в пример большую стоимость — за фунт сала или бутылку самогона этих керенок было мотать и отматывать.

Антон, не чинясь, улупел все, запив молоком и справедливо рассудив, что голод не тетка.

Дал ему кот пищи для размышлений!

— Ты не отвлекайся, — строго сказал Баюн Полосатович. — Чеши давай! Я тебе кто теперь? Теперь я тебе кто-то вроде агента, даром, что подписку не давал. Был такой у царя человек, Зубатов ему была фамилия. Так вот он говаривал, что для пользы дела жандарм должен любить своего агента, как члена семьи. Я на это не претендую, но чесать тебе еще учиться и учиться.

И с меня сразу всего не требуй. Тайна, брат, она тогда удовлетворение от разгадки дает, когда эта разгадка не сразу постигается. А ты думал: вени, види, вици? Как не так, Антон Георгиевич, как не так! Вот тебя завтра бойцы из ЧОНа с собой позовут. Как писателя, конечно. Ты, естественно, откажешься. И зря, хочу тебя предупредить. Многое узнаешь, многое увидишь, да и народец к тебе доверием проникнется. А ведь это главное — расположения да доверия добиться. Ты, главное, наган с собой возьми, я знаю, в нем у тебя пули особые — серебром пахнут.

— Не учи ученого, Баюн, — сказал Кторов строго. — Учитель выискался. Мало того что на колени забрался, ты еще и в душу пытаешься залезть. Ты мне вот что скажи: были события, о которых я тебя спрашивал, или бред это?

Кот обиженно сел; щурясь, разглядывал нового знакомого.

— Станный ты человек, Кторов, — сказал он. — Ты кого спрашиваешь? Ты ведь говорящего кота спрашиваешь, и тебе это даже странным уже не кажется. Думаешь, сейчас он все тебе выложит. Зря, зря. Понимать должен — это Лукоморск, тут тебе еще многое странным покажется. Помнится, здесь у нас Александр Сергеевич проездом бывал с родительницей своей. Милейший мальчишка — как разинул рот, так до отъезда его не закрывал. «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит!»

— А это правда? — поинтересовался Антон.

— Поэтическое преувеличение, — довольно мурлыкнул кот, елозя мордой по кторовским коленям. — Что ты хочешь, ему еще двенадцати не было. Но путаться в Лукоморске ни с кем не советую. Чешуя да слизь еще полбеда, можно на настоящие неприятности нарваться. Солитера хватал когда-нибудь? То-то и оно! Выйди в полдень на берег, многое поймешь.

Кот снова сел.

— Разнежился я здесь с тобой, — сурово сказал он. — Но я в тебе, Кторов, не ошибся. В среду сюда приходи. В это же время. Валерьянки захвати, рыбки, лучше, конечно, речной, морская мне уже как кость в горле. Ты ведь радоваться должен — такие агенты не каждый день случаются, никто ведь на меня и подумать не может, а я существо наблюдательное, интересующееся, потому и потянуло к тебе, ведь ужас как поговорить захотелось. Тут ведь больше молчать приходится. Подашь голос — живо камнем голову пробьют, а то и на костре сожгут. Сам понимаешь — малороссы, еще Гоголь отмечал, что они в глубине души остаются язычниками.

— Так значит, завтра мне с ЧОНОм лучше все же поехать? — вспомнив разговор, поинтересовался Антон.

— А то! — отвечивал кот, вытянулся, запустив когти в скамью, и для остроты ощущений подрал ее немного — не до свежих белых царапин, а так, чтобы сноровку и остроту когтей показать.

* * *

Проснулся Антон уже ночью — от голосов на улице.

Некоторое время он лежал, прислушиваясь к невнятному разгово-

ру за окном, постепенно разбирая голоса — говорили между собой Остап Котик и его мать Дарья Фотиевна.

— Вы поплавайте, поплавайте, мамо, — ласково говорил юноша. — Я ж понимаю, трудно вам на берегу усидеть, сохнет все. А я утречком раненько с тележкой на берег приеду, чтобы вам не подсыхать долго.

— Так проспишь же ты, Ося, — грудным голосом отозвалась мать. — Прощлый раз проспал, и вообще у меня на тебя надежда небольшая. Ну что ты в ней нашел, в этой своей чека? Не ровен час убьют, сколько ж разной погани по земле скитается. Та я ж все жданочки выплачу!

— Ой, мамо, — с некоторой резкостью сказал Остап. — Снова в тот же суп воду льете! Сколько ж можно? Стары вы уже, не поймете, в чем острота и цимес революции. А я вам так скажу, люди эти ваши отлучки тоже понять неправильно могут, скажут однажды — а куда это Дарья Фотиевна плавает по ночам? И кто ж тогда вам добро сделает, кто листком от непрощенного взгляда прикроет? Кто, если не сын родной!

— Так-то оно так, — соглашалась мать. — Да все равно боязно мне.

— А это уж обязательно, — вздохнул Остап. — Все боятся, и главное по нашей жизни — боятся всего. И человека незнакомого, и стука в дверь ночного... Жизнь такая, мамо, пошла. Не нам ее менять, сил у нас на то не хватает. — Он помолчал, потом сказал: — Так я вас провожу до берега? Время-то, мамо, ночное, опасное.

— Да проводи, — согласилась мать. — А утром не приходи, поспи лучше лишний часочек. Я у Дарькиной скалы отлежусь, пока в порядок все не придет. Там тихо, и людей никогда не бывает.

— Людей нет, — согласился сын. — А эти, из катакомб? Им ведь наши законы не писаны.

— Да на што я им, — вздохнула Дарья Фотиевна. — На што я им — мокрая да необсохлая? Это у Папы Папандопуло глаза сразу загорелись, драхмы в глазах светиться стали да доллары. Кабы не Кумок, искал бы ты меня, Ося, в самой Греции, если не дальше. Умыкнул бы да продал! А тут, пока он с Папандопуло разбирался, мне облегчение и вышло.

Хлопнула калитка, где-то неподалеку сонно брехнула собака — то ли на людей, то ли во сне чего-то нехорошее увидала. И вновь наступила тишина.

Голоса медленно удалялись.

Антон на ощупь пробрался к столу, нацедил в кружку из ведра воды и долго пил, посматривая на ночное небо с тенями цветущих деревьев на нем.

Вот и еще одна загадка встала перед ним. И трудно было понять — ждать от этой загадки каких-нибудь неприятностей или все происходящее к нему не имеет ни малейшего отношения, а значит, и беспокоиться Антону Кторову не о чем.

В бязевых белых подштанниках да с голым торсом Антон вышел во двор. Лишь ноги сунул в стоящие у порога высокие резиновые галоши, которые были бы впору любому, кто пожелал ими воспользоваться.

Нежно пахло абрикосовым цветом.

И ничего здесь не напоминало о какой-либо угрозе: мирный курортный городок, где и бандиты должны были выглядеть степенно и приветливо, обращаться к любому горожанину исключительно на «вы», а грабить так, чтобы и у обиженного обывателя оставалось достаточно средств, дабы залить свои обиды и печали стаканчиком превосходного хереса.

Глава восьмая

Утром Дарья Фотиевна суетилась по хозяйству, щебетала, играя ямочками на щечках и показывая жемчужные зубки, и вела с Антоном кокетливые разговоры, в которых неназойливое заигрывание перемежалось двусмысленными фразами и наивным, но откровенным желанием понравиться.

Приличия ради Антон посидел пару часиков за бумагами. На этот раз неожиданно сочинительство его увлекло, он на полном серьезе принялся излагать историю захвата уездного центра Джеберда и спохватился лишь тогда, когда время на его часах, подвешенных на гвоздик у стола, пошло на полдень.

— Снидать будете? — Аппетитно выглядела Дарья Фотиевна, слов нет, но для Антона Кторова она уже была старовата. Да и намеки kota не прошли бесследно.

— Без меня обедайте, — вежливо отказался Антон.

На городской набережной толпились любопытные. Чуть в стороне стоял духовой оркестр из а-пистон-корнета, баса-геликона, барабанщика и тромбона. Барабанщик был на удивление маленький — почти карлик, метущий черной бородой по земле, его за барабаном и видно-то почти не было.

Все началось около двенадцати и выглядело весьма эффектно.

Все началось ровно в полдень.

Вначале среди волн загорелись огоньки, движущиеся по направлению к берегу. По мере того как расстояние сокращалось, становилось видно, что не огоньки это, а солнце отражается на начищенных медных шлемах. Водолазы ровным строем выходили на берег. С резиновых их костюмов стекала вода. Водолазы встали в ряд и принялись свинчивать с себя водолазные шлемы — будто от голов хотели избавиться.

Все у них получалось синхронно, словно бы кто-то управлял ими со стороны.

Шлемы легли на песок рядом с водолазами, образовав еще один ряд, горящий лесным осенним пожаром, и стало видно, что все они одинаково белокуры, мордасты и веселы.

Оркестр заиграл «Ще не вмерла Украина», но тут же к музыкантам требовательно подскочил уже знакомый Кторову Павел Гнатюк, о чем-то переговорил с дирижером, показал ему маузер, и оркестр, нестройно оборвав ному, грянул «Вихри враждебные».

— Вы не правы, товарищ, — громко сказал толстяк в рубаше с расшитым воротом. — Это истинный волюнтаризм. Мы будем требовать обсуждения этого вопроса в ходе межпартийной дискуссии! Не для того мы свергали самодержавие, не для того проливали кровь за демократические свободы, чтобы посадить себе на плечи нового царька! — распаялся толстяк. — Мы будем требовать...

— Требуй, — ответил Гнатюк. — А лучше все-таки — проси!

— Отбой! — загомонили в собравшейся толпе. — Никак французы отошли?

— А и как им, батюшка, не отойти, — отвечал задавшему вопрос человеку звонкий голос. — Силища-то против них какая! Тридцать три богатыря!

Кторов посмотрел внимательнее.

— Что-то не пойму я, — сказал он. — Как же они в глубинах управляют? Ни шлангов нет, ни кислородных баллонов. Чем же они дышат в пучине морской?

— Ах, товарищ, оставьте, — сказал плотный толстячок, неистово аплодирующий вышедшей из морских глубин дружине. — Вам не понять, что такое революционный энтузиазм масс!

— Энтузиазм я понимаю, — сказал Кторов. — Не могу только понять, чем они в море дышат?

Рядом с ними уже стоял Павел Гнатюк. Стоял и внимательно при-

слушивался. Вокруг Кторова мгновенно образовалась пустота. Слово и не стоял никто рядом с ним.

Гнатык взгляделся в лицо Кторова, обрадованно заулыбался.

— А-а, писатель! — с непонятной интонацией протянул он. — А я гадаю, кто у меня контрреволюционные заявления при людях делает! Ты, если что непонятно, меня спрашивай, я объясню!

— Вот я и спрашиваю, — сказал Кторов. — Чем ваши водолазы под водой дышат?

Гнатык погрозил ему пальцем.

— Не вы первый... — сказал он. — Не вы первый, товарищ, подобные вопросы задаете. Вас ведь можно и за шпиона международной Антанты принять. Скажем так, революционный энтузиазм масс, помноженный на достижения пролетарской науки. Вы ведь, товарищ, и знать не знаете, что кровь и морская вода по своему составу весьма и весьма схожи. А если взглянуть на все, скажем, со стороны родословной наших богатырей, то никакого секрета и нет, надо только учесть определенные особенности...

— У вас чешуя в волосах, — сказал Антон.

— Где? — Гнатык покраснел, обеими руками поискал в голове, посмотрел на мутные уже неживые рыбы чешуйки. — Экий я неловкий, — сказал он после секундного замешательства. — Утром скумбрию чистил, а в зеркало посмотреть не удосужился.

На взгляд Кторова, для скумбрии чешуя была крупновата, но он промолчал.

Водолазы построились и зашагали вверх по улице. Впереди двигался оркестр.

Забавно было наблюдать, как потный лысый толстяк что-то показывал на пальцах дирижеру, а тот делал вид, что расстреливает его из указательного пальца.

Оркестр играл «Интернационал».

* * *

— А что, товарищ писатель, не желаете вылазку совершить, так сказать, на классового врага? — прямо спросил Гнатык. — Я человек откровенный, юлить не умею, а вам бы такая поездка на пользу пошла — не каждый день мы местную легенду кончаем. А тут — сам Черный сотник, шутка ли?

О Черном сотнике Кторов уже слышал. Страшная легенда, слишком жуткая для того, чтобы быть сказкой, облетела все окрестные деревни и села, обрастая все новыми и новыми подробностями, ко-

торые может породить лишь человеческий страх. Рассказали Кторову о Черном сотнике на рынке. Все сходились в одном — появляется он на проезжих дорогах в безлунные ночи и беспощаден к любому путнику, что случайно окажется на дороге. Одни говорили, что это бандит Гвьяля, служивший ранее у Котовского, потом у Махно, расстрелянный Мироновым, повешенный командиром дикой дивизии Андреем Шкуро, забитый плетью в харьковских застенках ЧК садистом Саенко и утопленный вместе с пленными красноармейцами батенькой Антоном Володько по кличке Водяной. Оттого и озлобился человек, что столько смертей лютых принял. Другие утверждали, что Черный сотник к Гвьяле никакого отношения не имел, а был это действительный сотник из красноармейского полка Григорьева. Полк этот сначала был бандой, а сам Григорьев атаманом, затем банда стала полком, а атаман превратился в красного командира, потом красный командир вновь поддался в атаманы и полк опять стал бандой, но уже ненадолго — разбила его в чистом поле конница Семена Буденного, одолела в яростной и хрипящей сабельной рубке. В том бою Черного сотника контузило, и списали его из бойцов подчистую. Сыновья привезли его домой. Только батенька и здесь не успокоился: контузия эта странным образом сделала сотника лунатиком, но особенным — луны он побаивался, а на проезжую дорогу с недобрými мыслями выезжал именно в темные безлунные ночи и все искал того бойца, который огрел его красноармейской шашкой по бритому черепу. Как бы то ни было, но охотников покончить с Черным сотником не находилось, в герои никто из селян не рвался, а число изрубленных путников на проселочных дорогах в окрестностях Лукоморска все росло, и конца тому страшному счету видно не было.

— Желаете войти в историю? — усмехнулся Кторов.

— А сейчас вся жизнь историческая, — ответно хмыкнул Гнатюк.
— И потом, сдастся мне, что вы окажетесь полезны.

— И когда выезжать?

— А завтра утречком и двинем, — сказал Гнатюк. — В седле держитесь? Вот и славно. А спокойного жеребчика мы вам подберем, уж не сомневайтесь — смирным будет, как святоша после причастия.

* * *

У входа в трактир красовался плакат, изготовленный из лакированной рекламной картонки сигарет «Дюшес». Плакат извещал, что в трактире в ассортименте имеются сало, солёности, и как главную

приманку для посетителей, плакат обещал виктролу с изрядной коллекцией грампластинок.

Коллекция грампластинок ожиданий не обманула: среди них оказались дореволюционные Вертинский, Петр Лещенко, Собинов, Шаляпин, Лемешев, тяжелые немецкие диски с записями оркестра под управлением Руди Креймера, Надежда Плевицкая и исполнительница песенок из далекой заграничной жизни Иза Кремер, — глаза разбегались от обилия иностранных этикеток, да и имена исполнителей были достойные, славные.

— Да, да, — печально сказал хозяин трактира. — Сам меломан, понимаю ваше состояние. Но здесь... Кому это нужно? Садитесь, товарищ, вас сейчас обслужат.

И видно было, как тяжело ему произносить это шипящее, торчащее согласными буквами слово, не привык он к нему, а еще было видно, что и привыкать к нему хозяину не особенно хочется.

...Сало в трактире предлагалось в том же выборе, что и на рынке, солёности тоже не отличались разнообразием, однако с лживой рекламой несколько мирило наличие приличного холодца, который подали с хреном и крепчайшей горчицей, от которой еще на расстоянии начинало гореть во рту.

Да и самогон оказался превосходным — чистейший, по прозрачности своей он мог спорить со слезами ангела, а уж крепости был необыкновенной и настоян на полыни и смородинном листе.

И все-таки провинция это была, наивная провинция.

Виктрола, мало чем отличающаяся от патефона и потому хрипящая, шипящая на едва заметных трещинах и выбоинах, хорошему настроению не способствовала. Антон не любил, когда события вокруг приобретали неожиданный оборот, особенно такой, что граничил с бредом, фантазмагорией. Говорящий кот! Надо же! Теперь он казался Кторову чем-то нереальным, галлюцинацией. Глупо же надеяться на помощь говорящего кота! Еще глупее отправляться на поиски неведомого Черного сотника для того лишь, чтобы еще раз доказать чекистам, что ты свой, не буржуйский.

— Только для вас, — сказал печальноглазый хозяин трактира. Вселенскую скорбь источали эти карие глаза, вселенскую скорбь. Тут и национальность спрашивать было без нужды.

Он поставил пластинку.

Сквозь шипение и треск заигранной пластинки пробился голос Пьеро, всегда немного кокетливый, сейчас он был жестким, и ощу-

щение прозрачной пронзительности — как от кокаиновой понюшки — вдруг охватило Кторова.

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой?
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой...*

Антон пил холодный квас, а с пластинки доносился голос человека, которого он слышал не раз — в Одессе, Харькове и Киеве.

Боже, как все было давно! Как все было давно — мир, эстетские разговоры, чтение стихов на даче у художника Федорова, попугай, вытягивающий счастливые билетки у памятника дюку Ришелье, Миша Японец в скрипящих башмаках апельсинового цвета, в пикейном жилете, костюме в полосочку, модной шляпе и с неизменной тросточкой в руках, греческая большеглазая богиня Андра Кристопуло в белом платье, задорно швыряющая надкусанное яблоко в зеленые воды лимана, экзальтированные выкрики дамочек, провожающих солдатиков на румынский флот, фотографические открытки, на которых был изображен могучий казак Кузьма Крючков, нанизавший на свою пику сразу с десяток немцев, завывающие моторами самолеты, высыпающие на дороги корзины с бомбами и стальными дротиками...

*И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти — к недоступной Весне!*

Пластинка все еще шипела, но никто не торопился ее менять, игла доходила до глянцевого кружка и возвращалась назад через черное пространство, а они сидели и смотрели на это движение, смотрелиavorоженно, словно от этого зависела их жизнь.

— Говорят, вы приехали написать книгу, — сказал хозяин заведения. — Вы собрались писать о революции? Бог с вами, вы знаете, что делаете. Но попросите местных показать вам русалов.

— Русалок? — переспросил Кторов.

— Именно русалов, — сказал хозяин. — Вы не волнуйтесь, они покажут. Они обязательно покажут их вам. Они этим гордятся. Это чисто пролетарское изобретение.

Глава девятая

Квартира Глеба Бокия напоминала антикварную лавку. Здесь можно было увидеть старинные фолианты, коробки, коробочки, ва-

зы, роспись которых хранила криптографические китайские секреты, странные, ни на что не похожие предметы, которые относились к древнему или более близкому языческому колдовству. Был в его коллекции камень-отец одного африканского племени, на котором расстались с девственностью десятки, если не тысячи достигших зрелости чернокожих девиц. Странно было представлять вечерами, как девицы, достигшие совершеннолетия, в праздник Тройной Луны по очереди насаживались на этот предмет под восхищенные вопли племени.

Вечерами Бокий работал дома. Вот и сегодня, поглядывая на окна, заклеенные крест-накрест полосками газет, Бокий перебирал сообщения, которые ничего не давали для оценки политических моментов или расстановки сил на той или иной территории страны, не годились для доклада наверх, но давали простор фантазии и будили воображение.

Московский источник Болт сообщал, что известный профессор Преображенский со своим ассистентом доктором Борменталем пересадили головной мозг убитого в пьяной драке Клим Чугункина дворняге по кличке Шарик, а потом пересадили ей половые железы Клим. Получился странный гибрид: шерсть осталась лишь на голове, на подбородке и на груди. Во всем остальном существо напоминает человека, ходит на задних лапах, членораздельно выговаривает отдельные слова и играет на музыкальном инструменте. Агент интересовался, не взять ли ему гибрид под личную опеку, но что с него взять, с председателя домкома, даже не знавшего толком, на кого он работает? Как обычно в таких случаях бывает, агент упирал на контрреволюционные настроения Преображенского и Борменталю, а еще более на тот факт, что профессор занимает в доме семь комнат и пользуется покровительством неизвестных контрреволюционеров из Моссовета, которые убергают его от обязательного уплотнения.

Если первая часть сообщения показала Бокию занятой и любопытной, то на все остальное он не обратил ни малейшего внимания — даже оторвал ту часть, где рассуждалось о контрреволюционных настроениях профессора и его ассистента, и сжег в китайской пепельнице с пухлым нефритовым божком. Чтобы не отвлекала от сути.

Последнее время Глеб Иванович взял за правило медитировать по вечерам. По возможности, конечно. Сегодня возможность была. А самое главное — был предмет, загадочный, страшный, который позволял сфокусировать внимание и подумать о невероятных вещах, все еще имеющих место в современном мире. Он неторопливо под-

нялся, подошел к буфету и открыл нижнюю дверцу. Достал с полки запаянную стеклянную банку литрового объема, перенес ее на стол, осветил настольной лампой и задумчиво уставился на плавающий в прозрачной жидкости предмет.

У любого нормального человека этот предмет, привлекающий повышенное внимание Бокия, вызвал бы гадливое отвращение: в стеклянном контейнере в спирту плавала кисть человеческой руки. Вот только вместо пяти пальцев... Вместо пяти пальцев у отсеченной руки было пять дряблых обвисших фаллосов.

* * *

Предмет этот достался Бокию от инженера Красина перед революцией девятьсот пятого года. Красин возглавлял боевую организацию, а Бокий имел под началом боевиков Петроградской стороны и учил рабочих обращению с оружием. Красин знал об увлечениях Глеба, поэтому и привозил ему из заграничных вояжей разные загадочные безделушки, которые будили фантазию.

— Видите ли, Глебушка, — сказал Никитич. — Я многое знаю о людях, но, глядя на это, прихожу в тайный ужас. Это не мистификация, Глеб, я привез и подлинную историю этого ужаса.

Рассказанная история впечатляла.

Хозяина кисти звали Иво Штайнером. Он был немцем южно-африканского происхождения и в конце девятнадцатого века работал на строительстве железной дороги где-то в глубинке африканских территорий. Тогда ему было около тридцати лет, он имел привлекательную внешность и недостаток, который тщательно скрывал от других. Иво Штайнер был импотентом. Судьба свела его с пастухом из племени манг-батту, который и сказал Штайнеру, что его недостаток исправим, ибо есть некая вода «мкеле-мвеле», которая исцеляет все половые расстройства. И Штайнер заболел идеей об исцелении, отправившись на поиски колдуна с проводниками из племени манг-батту. После долгих лишений и тяжелейших скитаний по тропическим чащам Штайнер нашел хижину колдуна. В обмен на «винчестер» и сотню патронов колдун провел с ним обряд инициации, на память о котором у Штайнера остались три клейма, выжженных на теле раскаленным металлом. Потом колдун налил ему в жестянку из-под оружейного масла ржавую воду, остро пахнущую мочой. В ночь, когда на небе не будет видно луны, Штайнер должен был облить этой жидкостью свой пах.

Дождавшись новолуния, он приступил к действиям. В волнении

он вылил жидкость не на пах, а на руку. Кожа покрылась волдырями, кисть долго болела, Иво не чувствовал пальцев, а затем вдруг обнаружил, что пальцы стали дряблыми, бескостными и полностью лишены ногтей. Штайнер с трудом удерживал ими карандаш. И с этого момента заканчивается история несчастного инженера, страдающего половым бессилием, и начинается история безжалостного убийцы.

Первое убийство он совершил в пригороде Кейптауна. Это была проститутка, которую выкинули из проезжавшей машины. Увидев полуодетую женщину, Иво вдруг ощутил сильное возбуждение в кисти руки, эластичные бинты, которыми он затягивал пальцы, едва сдерживали напор. Штайнер снял бинты. Его кисть представляла собой нечто чудовищное — вместо пальцев на руке расположились пять возбужденных фаллосов, а ладонь представляла собой мошонку, покрытую курчавым негритяным волосом. Штайнер бросился на женщину, страшная кисть схватила ее за шею, раздвинула щеки и невероятные «пальцы» проникли в рот жертве. Когда та затихла, Штайнер оттащил женщину в кусты. В течение последних двух лет он совершил ряд убийств. Казалось, что страшная рука действует помимо его воли. Самое ужасное, что семяизвержение «пальцев» на его руке было одновременным и обильным.

Иногда проституткам, которых он наметил себе в жертву, удавалось спастись. Слухи о насильнике-убийце с чудовищной рукой начали расползаться по Кейптауну, и в один прекрасный день все закончилось — Иво Штайнер был тяжело ранен при нападении на очередную жертву. Он прожил сутки — время достаточное, чтобы успеть рассказать свою жуткую историю полицейскому комиссару Ван дер Зерцу и доктору Байрону Ван-Вогту.

Кисть была законсервирована и сдана на хранение в Верховный суд страны, откуда позднее похищена группой злоумышленников, специализирующихся на африканском антиквариате. У них кисть приобрел известный коллекционер доктор Ватерзон, а после его смерти в числе прочих вещей она была выставлена на аукцион, где ее и купил Красин для Глеба Бокия.

Бокий привык гадать по кисти о будущих удачах и неудачах, но, хотя ему очень хотелось узнать, что сейчас происходит в Лукоморске, гадать он не решался. Впрочем, в Кторове Глеб Бокий не сомневался, этот человек сделает все и даже больше, чтобы достичь цели и выполнить поставленную перед ним задачу — уж слишком честолюбив, поэтому не потерпит неудачи.

* * *

Пугливая нищета окружала спящих бойцов, она просачивалась в дом запахом хлеба, выметенных подчистую амбаров и будоражила тонким противным голосом единственной козы — любимицы хозяйки. С самого утра коза расхаживала по двору, толкая тонкими ногами желто-розовое трясущееся вымя, и выпрашивала подачки в виде кусочков черного хлеба, которые хозяйка — дебелая широколицая украинка — специально для нее таскала в кармане замызганного передника. С плетня шербата скалились старые кувшины, в которых сонно потягивалось ленивое деревенское время.

— Пане, — сказала хозяйка. — Вы тревожите папашу.

Спящий на полу человек и не спал вовсе, он был мертв, мертвее не бывает — не может же жить человек после сабельного удара, косо раскроившего лоб. Рану уже облепили ленивые мухи, они не летали, а только ползали, перебираясь с уже засохших краев страшной раны на участки, еще сохраняющие влагу тела, совсем недавно бывшего живым и чувствующим человеком. Глаза старика были широко раскрыты, словно он пытался внимательно рассмотреть смерть, а сквозняк тревожил его седую бороду, отчего казалось, что покойник все еще пытается что-то сказать — и не может.

— Кто его так? — тихо спросил Кторов, ощущая, как в душе просыпается ужас.

— Кто же может так ловко чепелить человека? — вздохнула хозяйка. — Черный сотник, пан, Черный сотник!

— А вы его видели?

— Видела ли я его? Видела ли я его? — голос хозяйки стал визгливым и неприятным. — Так кто ж его, кроме меня, мог увидеть? Ай, сукин сын! Ай, негодяй! Папашка себя уже в безопасности чувствовал, сказано же, что на чужой двор Черному сотнику хода нет. Тут он его сабелюкой своей и достал! Чтоб у него очи повылазили! Чтоб его по ошибке в печь вместе с углем засыпали! Чтоб ему...

— А выглядел он как? — прервал пустые угрозы хозяйки Кторов.

— Натурально и выглядел — черный, як ночь, и лошадюка под ним черная, и бешмет черный, чтоб ему пусто было!

— Вы, гражданочка, не убивайтесь, — деликатно сказал, кашлянув в кулак, Павел Гнатюк. — Папашка ваш тоже еще тот фрукт был. Если б не Черный сотник, так мы бы рано или поздно до него добрались.

— Грех вам! — неуверенно сказала молодлица. — Наговариваете вы на нашего папашку, смиренный и набожный был человек — мухи не обидел!

— Ну, может, мух-то он и не обижал, — задумчиво согласился Гнатьюк, присаживаясь на корточки и внимательно разглядывая след сабельного удара. По случаю выезда одет он был в черную черкеску с костяными газырями, галифе синего сукна и мягкие короткие сапоги. — Вот за людей — не скажу. Ну что, по коням?

Выбежал во двор, пружинисто кинул тело в седло:

— Отряд! Рысью! Марш!

«Экий неукротимый!» — едко подумал Антон, трогая поводья коня.

Жеребчика ему и впрямь подобрали спокойного да послушного, потрусил он вслед за вытягивающимся по улице отрядом частей особого назначения без особой охоты, скорее, из стадного чувства и желания быть среди более опытных лошадей.

Тепло стремительно набирало силу, уже жужжали в воздухе пчелы, отправляясь к деревьям, окутанным розово-белым цветом, уже карагач на склонах невысоких кривобоких гор начал покрываться мелкой клейкой листвой, и совсем не хотелось думать о политике, о классовой борьбе, о необходимости стрелять друг в друга. Весна зарождением природной жизни подавала людям пример единения, но разведенные по сторонам идеями и тягой к убийству люди не слышали ее зова, не понимая, что если вовремя не остановиться, безжалостный Молох, воссевший на трон, съест и их.

Глава десятая

Александр Кумок маялся бездельем.

Бывают такие дни — пить не хочется, есть не хочется, к картам прикасаться тошно, а любовница Кумку надоела, только вот оказалась она не той женщиной, с которой легко сойтись и еще легче расстаться. От хандры человека может избавить яростная сабельная рубка или добрый вооруженный грабеж, когда адреналин словно кипит в крови. Но в Лукоморск после известных событий банда Саши Кумка входит не решалась, а грабить проезжего человека — только время напрасно терять: ни денег от того, ни почестей особых.

— Шура! — капризно протянула бывшая артистка. — Вы совсем забыли обо мне!

Была она в черном одеянии, алом платке и длинных, до локтя, перчатках.

— Я занят, — раздраженно сказал Кумок. — Вы очень некстати, мадемуазель!

— Это отговорки, — с видимым раздражением сказала Мария Семенова. — Я сплю одна уже пятый день. Вам не кажется, что благо-

родные люди так себя не ведут? Если рядом с женщиной начинает подуставать подушка, она всегда может найти того, кто согреет постель!

Они разговаривали по-французски, пусть и с нижегородским прононсом, а потому не особо опасались, что их кто-нибудь поймет.

— Разве я против? — широко осклабился Кумок. — Дорогая, дайте повод, можете поверить на слово, я воспользуюсь им самым достойным образом!

— Сукин сын! — чарующе усмехнулась мадемуазель Семенова. — Нет, вам не удастся отделаться от меня так просто! Я слишком молодая, чтобы умереть.

Хандра, хандра... Даже спорить с любовницей Александру не слишком хотелось. Он уже намеревался встать со скамьи, чтобы отвесить Марии хорошую оплеуху и тем перевести их отношения на новый уровень, но тут за окном послышались голоса, шелкнул выстрел из обреза, и Кумок, чувствуя облегчение, поспешил на крыльцо.

— Батька, — сказал начальник взвода конной разведки Басюк. — Пленных взяли!

Пленных оказалось двое.

— И мандаты при них, — сказал Басюк. — Чекисты, батька!

Кумок обошел пленных. Те, в свою очередь, разглядывали его без особого страха, но и подобострастия не выказывали.

— Красные комиссары, значит, — заключил Кумок. — Редкие птички. Так что с ними делать, братва?

Вокруг загалдели, но и прислушиваться к голосам бандитов не стоило: придурку было ясно, чего желают ограбленным те, кто добротные кожаные пальто уже считают своими.

— К стенке, значит? — спросил пленных Кумок. — «Интернационал» изволите спеть или «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» вспомните?

— «Гоп со смыком» я вспомню, — сказал чернявый пленник. — Саша, ты и в самом деле меня за красноперого держишь?

Кумок с интересом повернулся к нему.

— Знакомый? — спросил он. — Что-то мне ваш фотографический портрет неизвестен.

— И правильно, — ухмыльнулся чернявый. — Ты ж на каторге сразу к иванам приткнулся, а я с фармазонами кашу варил. Факира и Туза Пик помнишь?

Он шагнул, протянул руку и вытащил из-за воротника встрепетавшегося Басюка зажженную папиросу, картинно сделал затяжку и выпустил несколько дымных колец.

— Ну, допустим, — заинтересованно сказал Кумок. — Садись.

— А ты, значит, в иваны вышел, — усаживаясь на скамью и оглядывая горницу, сказал пленный. — Я так и думал. Как ты Кумылгу завалил, я сразу сказал, что парень себе путевку в большой мир выписал.

Воспоминание о Кумылге было приятным, но Кумок сумел сдержать улыбку.

— Твоя шмара? — чернявый нахально и с нескрываемым интересом оглядел любовницу атамана.

— Обзовитесь, — потребовал Кумок.

— Я — Леня Медник, — чернявый указал на товарища: — А это Сережа Африка. А мандаты... Так кто ж сейчас по чужим местам без хороших ксив ездит?

— А к нам, значит, в гости? — догадался Кумок.

— К вам мы вообще не собирались, — сказал приезжий бандит. — Это случайно вышло. Мы в Лукоморск ехали по хорошему делу, да кто-то, видать, сдал нас местным сукам.

Он неторопливо расстегнул китель, задрал нательную рубашку, показывая Кумку сложную татуировку на груди:

— Убедил, бродяга?

— Почти, — сказал Кумок. — Самое время послушать про хорошее дело, ради которого вы приехали в наши места.

— Саша, — проникновенно сказал бандит, приводя одежду в порядок. — Я тебе что, кенарь или шегол безродный, чтобы петь на сухую да еще при этом в чужой руке?

* * *

Если ты не привык ездить в седле, то все очарование окружающего дня быстро исчезает, а поездка начинает оборачиваться страданиями. К концу дня и ходить начинаешь особо — кавалерийской походкой, но не потому, что зауважал в себе конника, а потому, что иначе ходить мучительно больно. Именно этого бойцы ЧОН тайно ждали от Антона, но как раз в седле он держался превосходно — он даже на малорослых тибетских лошадках в свое время поездил, на зебрах скакал, а это, братцы, хлестче, чем удержаться на дончаке, да еще расстроенном началом взрослой жизни и не забывшем о матери.

— Куда едем? — спросил Антон, поравнявшись с неукротимым краскомом.

— В духан! — крикнул тот. — Говорил же я, говорил! Э-эх! — он с досадой покосился на чуть приотставших товарищей. — Вот так и бывает, браток. Резать — не рожать!

Из невнятных воплей Гнатыюка трудно было что-то понять, но тут лошади выскочили на широкий перекресток дорог. С правой стороны и в самом деле белел духан — низенькое длинное строение, рядом с которым курились дымки. В воздухе пахло свежим хлебом и горячим мясом.

— Заур! — не своим голосом вскричал Павел Гнатыюк, осаживая коня у входа. — Заур!

Конский топот в зарослях был ему ответом на эти горячие слова.

— Ушел, сука лютая! Ушел! — страдальчески кривя рот, крикнул краском.

— Кто ушел? Черный сотник? — не понял Кторов.

— Заур Газаватов ушел, — спрыгивая с жеребца, отозвался Гнатыюк. — Ну, он мне ответит! В землю по уши зарую!

Кторов спешился, чувствуя спиной сгрудившуюся хрипящую конскую лаву.

— А Черный сотник?

— А этот здесь! — со злобной радостью сказал Гнатыюк. — Этот от нас никуда не денется!

Они вошли в духан. Здесь было чисто и хорошо, еще пенился в стакане айран, шипел и трудолюбиво пыхтел в углу пузатый самовар — по всему было видно, что хозяева покинули дом под давлением обстоятельств, не сообразуясь с внезапно возникшими у них желаниями посетить святыни или увидеть еще незнакомые места.

— Ну, — нетерпеливо дыша в спину краскому, спросил Антон.

— Да вот же он! Разуи глаза, не видишь? — ткнул нагайкой тот.

В зале никого не было, но на длинной стене были изображены сияющие снежными вершинами горы, среди которых встал на дыбы черный конь с черным всадником в черном бешмете.

— Вот ведь что удумала чеченская морда! — возбужденно сказал Гнатыюк. — И вроде не при делах, и все время в достатке. Барахлишко ведь Черный всадник ему свозил! Встанет утром, а все на столе — и всадник на месте!

— Так это же картина! — удивился Антон.

— И мы так думали, — с досадой отвечал краском, удерживая дрожащими белыми губами папиросу. Ты английский роман «Портрет Дориана Грэя» читал?

— Читал, конечно.

— Вот и я вчера, — нервно комкая папиросу и швыряя ее на пол, сказал Гнатыюк. — Читаю вечером книгу, и тут меня словно кто обу-

хом по голове — бац! Главное — выманить его теперь. Согнать со стены. А ну, ребята, пали духан!

Вспыхнули факелы.

Духан занимался нехотя, но общие усилия сделали свое дело — вскоре постройка занялась жарким неярким пламенем. Гнатюк, раздувая ноздри, жадно вглядывался в огонь.

— Теперь бы не упустить... — начал он, но не договорил.

Стена духана рухнула, послышалось отчаянное конское ржание, и из дыма и пламени вынырнула темная фигура, взвился на дыбы конь, и страшно засвистела шашка, выбирая первую жертву. Один из чоновцев ахнул, покатился по земле, взметая дорожную пыль судорожно бьющими ногами. И второй уже бессильно откинулся на круп коня, сжимая руками разрубленную буденновку, но больше Черный сотник ничего не успел — хладнокровно, словно по мишеням стрелял в подвалах Лубянки, Антон Кторов всадил две пули из нагана в голову сотника, украшенную черной каракулевой папахой. Покатился сотник по земле, отчаянно заржал его конь, и бойцы революционной армии опомниться не успели, как конь и страшный ночной убийца вспыхнули загадочными синими огнями, превращаясь в трещащие скручивающиеся головешки.

Павел Гнатюк спешился, истово крестясь.

— Вот оно как! — нервно сказал он. — Ловко ты его, браток, срезал. Еще б чуток — и распластал бы он меня по самое «не хочу»!

С успехом и обратная дорога короче.

Ехали кучно, пели песни. И легко было это понять: бешеную змеюгу, промышлявшую по ночам, кончили и авторитету рабоче-крестьянской трудовой власти прибавили.

Стало быть, день прожит не зря!

Вот только погибшие хлопцы настроение омрачали, потому и спели на въезде в Лукоморск «Вихри враждебные...», чтобы понял народ все правильно — в кровавой борьбе без жертв не бывает.

— Слушай, Паша, — обратился Кторов. — Я тут краем уха про русалов слышал.

К его удивлению, Гнатюк густо покраснел.

— Какие русалки, браток? — неискренне удивился он. — Сказок начитался?

— Да я ж тебя не про русалок спрашиваю, — выделил голосом Кторов. — Я ж про русалов.

Гнатюк закаменел скулами.

— Кто ж тебе про них рассказывал? — без особого интереса спро-

сил он. — Чувствую, торгаши постарались. Ну зачем тебе это? Если уж честно, я этого дела сам никогда не одобрял.

— Ладно трепаться, — бросил Кторов. — Скажи лучше — покажешь?

— А то, — с видимой печалью отозвался начоперотдела.

И на глазах поскучнел.

* * *

Вечером Антон был в указанном котом месте.

Рядом со скамейкой стоял вчерашний музыкант и играл что-то печальное и Кторову незнакомое. Впрочем, знатоком музыки Антон себя никогда не считал.

— Добрый вечер, — сказал музыкант и кивнул Кторову, как старому знакомому. — Вы располагайтесь, располагайтесь, я уже заканчиваю.

— Ну что вы, — мягко улыбнулся Антон. — Играйте на здоровье, раз нравится. Кто-то сказал, что без музыки мир становится похожим на кладбище, музыка — это язык, которым с природой говорит Бог.

— Рад, что вы это понимаете, — сказал музыкант. — Две вещи наполняют мою душу все более новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее я размышляю о них, — это звездное небо надо мной и моральный кодекс во мне. Человек и вообще всякое разумное существо как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться так же, как цель.

— Сильно сказано, — кивнул Антон. — Хотя и не слишком понятно.

— Это придет позже, — сказал музыкант.

В воздухе повисла недоигранная нота, она трепетала, медленно опускаясь на гравий парка, в то время как музыкант уже укладывал скрипку в футляр.

— Папа всегда говорил... — продолжал музыкант. — Эммануил, говорил он, мир — это вещь в себе, он просто не существует помимо наших понятий о нем.

— Идеализм, — уточнил Антон.

— Но тогда я его не понимал, — вздохнул музыкант, которого звали Эммануилом. — Очень жаль, но дети никогда не понимают родителей. А потом оказывается, что родители ничего не хотели, кроме добра.

— А вот это уже звучит двусмысленно, — усмехнулся Кторов.

— А все русский язык, — музыкант уложил в футляр шелковую подушечку. — Двусмысленность языка делает мир безумным, в то время как следует стремиться к его упорядочению. Хотя бы в речах. Счастливы вам, господин Кторов.

— Кстати, откуда вы меня знаете? — спросил Антон.

Музыкант грустно улыбнулся.

— Вы не поверите, — произнес он. — Но у вас это написано на лбу. Конечно, это видно не всем, а только тем, кто пытается понять суть явлений.

Некоторое время Антон Кторов бездумно смотрел ему вслед.

Странное дело, но музыкант не удалялся, вернее — по мере того как расстояние между ним и скамейкой росло, музыкант словно таял в воздухе. Вот он стал похож на легкое колебание листы на ближайшем кусте, а еще через мгновение — на сполох южного ветерка, вздумавшего потревожить сонный покой вечерних сумерек, и наконец, исчез совсем.

— Впечатляет? — бархатно поинтересовался за его спиной Баюн Полосатович. — Меня тоже. Сколько смотрю, а привыкнуть никак не могу.

— А чего он каждый вечер здесь играет? — не оборачиваясь, поинтересовался Кторов.

— Птицу Сирина приманивает. Говорят, если ее к себе расположить, она тебе про грядущее истины откроет.

— А с чего он взял, что птица здесь объявится?

— Откуда я знаю, — недовольно сказал кот. — Чего ты меня спрашиваешь? Сам должен понимать — немец! Если он что-то для себя решил, никогда не отступится.

Уже привычно он расположился рядом с Антоном, сунул влажный носом в ладонь, улегся удобнее, открывая роскошное пузо, довольнo заурчал.

— И как тебе окрестности Лукоморска?

— Ты же, негодяй, нарочно меня с ЧОНОм отправил, — сердито сказал Антон, демонстративно убирая руку. — Догадался ведь, что только я с ним сладить могу, у других-то пули — свинец и медь, серебряные только у меня были.

Кот сладко зевнул.

— Делов-то, — сказал он. — Подумаешь, на смерть его отправили! Ты чеши, не отвлекайся. Помню, ротмистр Грызлов... — и замолчал, словно понял, что сморозил что-то бестактное.

— Так ты, значит, и нашим, и вашим, — Кторов убрал руку. — Белые были, ты им про красных все выкладывал, теперь других дружков стараешься завести, а?

— А ты поживи здесь, — огрызнулся кот. — Это с виду все пристойно, а глянешь внимательнее — нежить на нежити, неумытик незнатью погоняет. Ты чеши, чеши, а то ведь я и рассказывать ничего не буду. Рыбку с валерьянкой принес?

— Принес, — с достоинством сказал Кторов.

— Это славно, — обрадовался кот. — Значит, попируем!

— Кто погуляет, а кто и облизнется, — Антон легонько шелкнул kota по носу. — Ишь, устроился, и рыбку хочешь съесть...

— В музей загляни, — посоветовал кот. — Папка белая, второй стеллаж от входа в третьей комнате, на третьей полке снизу. Там про твоё дело интересные документики собраны. И не надо намеков, не надо! Никто меня не кастрировал, у меня подружки, почитай, в любой хате! Да! В любой хате!

Последние слова он произнес с особым жаром, потом заглянул в лицо Кторова круглыми глазами с огромными зрачками:

— Где там у тебя валерьяночка?

Глава одиннадцатая

Слух по городу все-таки прошел.

На Антона, идущего по улице в гимнастерке без погон, туго затянутой ремнем, в галифе и хромовых сапогах, горожане смотрели с восхищением и страхом. С одной стороны, как не восхищаться, если он их от Черного сотника избавил? А с другой стороны, тот, кто с серебром дружбу водит, человек опасный — трудно понять, чего от него ждать. Такой и с носакom знаться может, и ночную укуску за свою почитать.

Краеведческий музей располагался рядом со штабом самостийников в маленьком одноэтажном доме, но Кторова туда пустили без лишних расспросов и особых документов не потребовали. Сам музей представлял собой четыре комнаты с пузатой купеческой мебелью, что должна была отражать быт лукоморского горожанина конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. На стене первой висел gobелен, на котором степенный украинец за обеденным столом тоненькими скибочками резал шмат сала. За столом сидели дети и хозяйка, с нетерпением ожидающие окончания этого захватывающего действия. У порога задорно поднял розовый пяточок подсвинок. На столе парил самовар.

В красном углу горницы висела потемневшая икона, но, как Кторов ни вглядывался в нее, не мог определить, что за святой на иконе, а при одном из выбранных ракурсов Кторову даже показалось, что изображен на иконе ящер, сидящий верхом на лошади и поражающий копьем человека. Быть этого не могло, и Антон, оглядевшись по сторонам, даже перекрестился осторожно. Ничего особенного не произошло, но когда Антон перешел в третью комнату, сзади послышался сухой треск. Он обернулся и увидел, что странная икона упала на пол. Более того, задник ее отлетел, и обнажился кусок желтой плотной бумаги, свернутый в гармошку.

Он вернулся, поднял икону, вытащил бумагу и, воровато озираясь, повесил икону на прежнее место.

В третьей комнате и в самом деле стояло несколько книжных стеллажей. Книг на них было немного, а все свободное место занимали тщательно разложенные предметы с пояснительными табличками.

Он наклонился к указанной котом полке и действительно обнаружил там белую тоненькую папку, порадовавшись, что надел гимнастерку. Сунуть папку под гимнастерку за ремень оказалось делом нескольких секунд. Он выпрямился.

— Решили познакомиться с историей города? — осведомились сзади.

Антон обернулся.

У входа стоял начоперотдела местной ЧК Павел Гнатюк и, насмешливо шурясь, разглядывал столичного гостя.

— Забавно здесь у вас, — вместо прямого ответа отозвался Кторов.

— Не только забавно, — Гнатюк кивнул на прозрачный сосуд в углу комнаты. В мутной жидкости плавало что-то длинное, белое, напоминающее рыбину. — Маховая нога Сени Поппрыгунчика. Около сотни жертв. Кровожадная была тварь, пробу ставить негде. А вы не писатель, как я понимаю. Не поговорить ли нам более откровенно, товарищ?

Кторов подумал.

— Можно и поговорить, — согласился он.

Открыв тайник, искусно сделанный в портсигаре, Антон подал чекисту мандат, подписанный Дзержинским.

— Мощный документ, — одобрил Гнатюк. — Значит, это о вас меня предупредили шифровкой из Харькова.

— О чем? — не понял Антон.

— Да как обычно, — пожал широкими плечами Гнатюк. — Может

обратиться... Личное поручение Ленина и Дзержинского... Просим оказать полное содействие в случае необходимости... А что, созрела такая необходимость?

— Пока не знаю, — вздохнул Кторов и поинтересовался: — А вы обо мне как узнали? Только не говорите, что вычислили, мне кажется, у вас более конкретные источники.

— Куда уж конкретнее, — кивнул чекист. — А вы не догадываетесь?

— Догадываюсь, — усмехнулся Кторов. — Баюн Полосатович?

— Кот, — признался Гнатюк. — Сам пришел. Подозрениями, говорит, поделиться хочу.

Они вышли из музея.

Около музея, привязанные к забору, стояли две оседланные лошади.

Кторов вопросительно посмотрел на чекиста.

— Так ты же русалов посмотреть хотел, — безмятежно сказал Гнатюк. — Чего же откладывать?

* * *

Залив был тихим и спокойным.

Горы, окружавшие его, густо поросли мохнатыми реликтовыми деревьями, уже опушенными клейкой зеленой листвой. По узкой каменной дороге они выехали на площадку, где зеленая весенняя трава перемежалась серыми каменными россыпями.

— Здесь они, — сказал Гнатюк. — Смотри только внимательнее.

Кторов всмотрелся в прозрачную воду. Она была настолько чиста, что легко различалось каменное дно. С глубиной вода становилась все более зеленой и густой, но и просматриваемого пространства хватило, чтобы различить на дне правильные ряды вытянутых фигур. Блюмкин не соврал. В Москве Кторову казалось, что это пьяное хвастовство коллеги. Оказалось — чистая правда.

— Ближе не советую, — силпо сказал Гнатюк. — По себе сужу, насмотрелся однажды, так веришь, неделю не спал.

— Лихо, — с хрипотцой отметил Кторов. — Кто же это их?

— Розалия Землячка да Бела Кун, — Гнатюк снял бинокль и протянул его товарищу. — Нашли, кому судьбы российских мужиков доверить!

В бинокль оказалось трудно различить что-либо определенное, только тени в воде вытянулись и обрели человеческие очертания. Домысливать было страшно.

— И сколько их здесь? — спросил Кторов, опуская бинокль.

— Откуда я знаю? — буркнул Гнатюк. — Я их не топил. Знаешь, что я сейчас подумал? Всадить бы в твой затылок пулю, пока ты окрестности разглядываешь, — и в воду. От таких вот гостей одно беспокойство. Когда мне что-то непонятно, я нервничать начинаю. А так — все спокойно, все хорошо, и проблем никаких. Мало ли что — ехал да не доехал. Время беспокойное.

— Ну-ну, — хладнокровно сказал Кторов.

Гнатюк неприятно улыбнулся.

— Хорошо держишься, браток. Другой бы за наган стал хвататься. А ты не суетлив. Считаю, пошутковал я насчет мыслей своих. К воде спускаться будем или назад поедем? Я тебе так скажу, покойник он и в море покойник. Здесь они спокойно лежат, здесь хорошо.

— Назад поедем, — Кторов вернул чекисту бинокль. — А ты, я вижу, всего этого не одобряешь?

— Крови уж больно много, — пояснил Гнатюк. — Я понимаю, когда в бою. Но эти-то вроде в плен сдались, оружие побросали. Покуда мы так мировую революцию делать будем, земля кровью захлебнется. Да и кто за нами пойдет, если мы чужой кровушки во имя даже самых распрекрасных идеалов жалеть не будем? Тебе-то это вроде тоже не глянется?

— Не глянется, — подтвердил Кторов.

— Чего же тогда служишь?

— А ты?

— Да куда деваться, — вздохнул Гнатюк. — Все у меня здесь, сам местный в третьем колене, все, что предки нажили, не бросишь ведь, верно?

Лошади шли неторопливо, день был солнечным, и только на западе стягивались в молочную кучу растянувшиеся поутру облака. Никуда не хотелось торопиться. И делать после увиденного ничего не хотелось. Даже не верилось, что в этом благоденственном Богом месте творились страшные дела. Интересно, как их топили? Вывозили на ржавой барже и по одному спускали под воду с грузом на ногах. На глазах у остальных. И каждый терпеливо ждал своей очереди. Антон почувствовал, как каменеют скулы. Зачем все это делалось? Ради чего? Революции совершаются во имя людей. А когда людей топят, как слепых щенков? Кто будет жить в светлом и красивом будущем, если революционная доблесть — потопить людей, уставших воевать?

В молчании они подъехали к пригороду. Люди вглядывались в лица всадников, узнавали Гнатюка и успокоенно возвращались к обы-

денным делам. Не разговаривая, спутники доехали до майдана Незалежности, привязали лошадей.

— Зайдешь? — спросил Гнатюк.

— Позже, — уклонился Антон. — У меня тут еще дела имеются.

— Знаем мы эти дела, — насмешливо подмигнул чекист. — Папочку, как прочитаешь, не забудь в музей занести.

* * *

Баюн Полосатович, морда кошачья, предатель ушастый, не солгал — папочка и в самом деле содержала весьма и весьма любопытные сведения, которые непосредственно относились к полученному Кторовым заданию.

Странное существо появилось в семнадцатом веке в Праге, и изготовил его из особых глиняных равин пражской синагоги Лоэв для того, чтобы существо, которое он назвал Големом, обеспечивало порядок и безопасность в еврейском квартале города. Лоэв нашел тетраграмматон, дающий Голему жизнь. И все было нормально: утром равин писал на лбу Голема заклинание, и тот начинал свое патрулирование, а вечером надпись со лба чудовища стиралась, и оно покорно замирало в углу синагоги до следующего утра. Но однажды вечером равин забыл стереть запись, и существо взбесилось. Голем разрушил десятки домов, убил и ранил десятки людей, прежде чем равин ухитрился стереть заклинание. После этого Голем превратился в кусок глины, а свиток, на котором заклинание было записано, Лоэв спрятал. Через некоторое время старик умер, а имущество его было передано старьевщику Вассертруму. Что-то там произошло, может, соискатели свитка обнаружили, только у Вассертрума наступили неприятные времена: за ним и членами его семьи началась настоящая охота. Спасаясь от смерти, Вассертрум перешел русскую границу, некоторое время скитался по обширным пространствам империи, а потом осел в Лукоморске, благо, что прошение его на высочайшее имя о предоставлении российского подданства однажды было удовлетворено.

Вассертрум, как человек образованный, занял подобающее место среди еврейского анклава в Лукоморске, более того, его сын за высокую набожность, знание священных текстов и священных книг стал лукоморским раввином, взяв себе имя Гассиль бен Акиб. Некстати случившаяся революция ничуть не повлияла на положение бен Акиба. Понятно ведь, что умные слова и мысли человеку в голову вкладывает Господь, а этих умных мыслей у равви было столько, что казалось,

будто его голова ближе всех к Богу, потому он и не обходит милостью своей лукоморского мудреца.

Кроме старинных бумаг в папке оказалась кем-то переписанная на русский язык инструкция по замесу глины, необходимой для изготовления Голема. В списке указывались бокситовые глины и точно расписывалось количество драгоценных металлов и камней, которые надлежало растолочь и в виде порошка добавить в глину. Указано было также, что после боевого применения Голема в августе девятнадцатого года создатель его, убоившись мощи и могущества созданного существа, отвел Голема в подвалы синагоги, где собственноручно стер запись со лба, а свиток с заклинанием надежно спрятал. Конечно же, свиток этот благополучно затерялся, так как через три месяца после боевого применения Голема его создатель заболел брюшным тифом и умер, так и не открыв никому своей тайны.

Собственно, уже этого материала было достаточно для возвращения в Москву.

Механизм разрушен, создателей нет, краткое описание добыто. Чего еще надо для успешного выполнения задания? И в глубине души Кторов порадовался, что все так удачно складывается. Он вдруг представил себе Троцкого, произносящего пламенную революционную речь перед строем Големов, и засмеялся от безумия этой фантазмагии. Страшно было подумать, что могли натворить такие чудища, взбесись они, скажем, в столичных городах. Нет, пускай уж красные бойцы по старинке шашками машут!

Он долго сидел над бумагами, разбирая каракули записей.

Зеленая сахарная бумага ему пригодилась еще раз: Кторов добросовестно копировал содержащиеся в папке материалы. Работа была трудоемкой и, честно говоря, совершенно ненужной — без заклинания в глиняного монстра невозможно вдохнуть жизнь, а заклинание, если верить источникам, утрачено навсегда. Гадай, куда этот самый бен Аким спрятал маленькую бумажку, которая большинству людей показалась бы совершенно бессмысленной. Потерянное знание велико, оно не имеет сторон, обращенных к добру и злу.

Можно было уезжать.

Он уже почти засыпал, когда еще продолжающий работать в дневном режиме мозг вдруг выдал мысль, которая заставила сесть на постели: «Почему лжечекисты-попутчики, которых ловили на площади местные чекисты, везли с собой драгоценности? Не предназначались ли они для изготовления глины, из которой можно сделать Голема?»

И эта мысль вновь породила бессонницу. Кторов ходил по комнате и сам себе казался смешным. Увидев свое отражение в зеркале, висевшем в простенке, едва не захохотал в полный голос. Взявшись за зеркало обеими руками, он долго разглядывал отражающееся в нем при свете керосиновой лампы темное угрюмое лицо.

Из-за зеркала посыпались зеленые листки.

Кторов подобрал их. Листки были исписаны мелким, трудно разборчивым почерком. Он сел у лампы, глядявываясь в чужие каракули, и не сразу сообразил, что перед ним.

А когда сообразил, негромко засмеялся.

Перед ним были воспоминания Баюна Полосатовича. Кот был тщеславным существом, он полагал, что происходящее с ним представляет интерес для любого существа, владеющего пером и обученного грамоте.

Именно кошачьих мемуаров не хватало Антону Кторову для того, чтобы рассмеяться и обрести душевное равновесие. Его отпустило. Антон сунул листки за зеркало, стараясь положить их, как и обнаружил, а уже через пять минут спокойно и безмятежно спал, оставив все заботы и волнения наступающему дню.

Глава двенадцатая

Александр Кумок проснулся ранним утром.

Открывать глаза не хотелось. На ощупь он попытался определить, лежит он в постели или уснул совсем в ином месте. Выходило черт знает что! Хотелось рассолу. По богатому своему опыту Кумок хорошо знал, как благотворно и живительно действует на перепившего человека холодная жидкость с плавающими в ней вишневыми листьями, крупными зернами укропа и зубчиками чеснока. Он так отчетливо представил себе литровую кружку с рассолом, что облизнул шершавые со сна губы и с усилием открыл глаза. Слава богу, он лежал в спальне. Пусть и не в постели, где похрапывала любовница, выставив из-под простыни белое колено.

Он вышел в зал.

На столе громоздились остатки вечернего пиршества. Рассола там не было, но на худой конец сгодились и полстакана самогона, который на мгновение обжег глотку и желудок, но быстро сделал ясными мозги.

Кумок нашел в тарелке нетронутый кусок жареной курицы, жадно грызнул.

Вдруг вспомнился вчерашний разговор.

— Нет, ты прикинь, — убеждал его Леня Медник. — На два лимона марок всяких цацек. Гульнуть можно хоть в Монте-Карло, хоть в Шанхае. С такими деньгами нигде не пропадешь.

— Чего ж вы сразу когти не подорвали? — подозрительно спросил Кумок. — Гуляли бы сейчас в Монете-Карло.

— Жадность погубила, — развел руками Леня. — И страх. Сказали, что за нами со стороны человечек наблюдать будет, не даст добру пропасть, если что. Ну, мы решили, раз тут такие секреты, то неплохо бы и на них поживиться. Приедем в Лукоморск, вычислим соглядатая, хлопнем его по-тихому. Затем сойдемся с этим мужиком, про которого нам сказали, вручим ему все, получим секреты, а потом потихонечку шило ему в сердце, цацки назад заберем и ходу. Тут ведь до Турции недалеко, а нам наводку дали на местного контрабандиста Папу Папандопуло. Говорят, что лучше его не было, нет и не будет.

— Может, и не было, — пробурчал Кумок. — И, может, никогда уже не будет. Схлестнулись наши дорожки.

Чернявый озадаченно глянул на него, но тут же сообразил:

— Так ты его в штаб Духонина отправил? Ну, это, конечно, твое дело, Сашок, но фелюгу ведь всегда раздобыть можно. Нехитрое это дело — под парусом пройти. Но тут, понимаешь, закавыка получилась. Ждали нас на вокзале. Ну, пальба, конечно, пришлось ноги делать, и этот фраер ушастый, — чернявый кивнул на своего товарища, — портфельчик-то и обронил. Сами, слава богу, ушли, а вот к человечку теперь не с чем идти. Тю-тю, все у чекистов осталось.

— И что ты предлагаешь? — Кумок прицелился и бросил обглоданную кость в поганое ведро. — Не пойду же я чека приступом брать? И время не то, и сил у меня таких нет. Положат всех.

Леня Медник приуныл.

— А все ты, — сказал он. — Ах, Сережа, Сережа!

Африка безразлично пожал плечами.

— Бывает, — спокойно сказал он.

— А что за секрет? — Кумок показал пальцами, чтобы наполнили стаканы.

— Вроде здесь хмырь один обитает, — сказал Леня Медник. — Сделал механизму, на человека похожа, но силищи невероятной. И не берут ее ни пуля, ни снаряд. Если из таких хмырей, скажем, армию создать, то армия эта непобедимой будет.

Кумок не донес стакан до рта.

— Механизма, говоришь? — медленно спросил он. — Хмырь?

В памяти вдруг четко возникла картина недавнего прошлого: странное человекообразное существо расшвыривает телеги вместе с лошадьми. Пулеметчики палят, только без толку — пули от этого существа отскакивают, как от заговоренного. И лезет это чудище прямо к его таратайке, а возница нахлестывает обезумевших от ужаса коней.

— Видел я его, — сказал Кумок. — В деле видел!

Из всего этого вчерашнего разговора, который Кумку казался призрачным, словно это и не разговор был, а продолжение загадочной и страшной истории, случившейся с ним, он хорошо помнил лишь о драгоценностях. Александр давно понял: дни его в Совдепии идут к своему печальному окончательному исходу. Пора было сматываться в более приветливые края. В Константинополе волею судеб Кумок уже побывал, ничего хорошего там русским не светило. А для Европы требовались деньги. И немалые. Поэтому Кумок про себя еще вечером решил, что такой кус он постарается не упустить. Значит, и интересы у него с Медником и Африкой пока общие. А дальше видно будет.

Он сел за стол, потянулся за соленым огурцом, сиротливо зеленеющим посреди пустой тарелки, и в это время в горнице появился Леонид Медник. Видно было, что вчерашнее пиршество и для него не прошло даром — и трубы горели, и голова раскалывалась. И лицо было помятым, как письмо, которое читают и перечитывают.

— Паханам наш почет и уважение! — просипел Медник.

— Сидай, — предложил Кумок. — Выпей для поправки здоровья. Леонид выпил. Глаза его стали ясными и дерзкими.

— Так что, — спросил он, закусывая облюбованным хозяином огурцом. — Можем мы собрать несколько десятков человек, которые пойдут в бой, не задумываясь и с отчаянием?

Кумок встал, прошелся по комнате, заложив большие пальцы за пояс.

— Романтиков мы здесь вряд ли сыщем, — сказал он. — Такие натуры в местечках почти не водятся. Но найти три-четыре десятка хлопцев, которые смогут сообразить свою выгоду в этом деле — вполне реально.

— Трудно иметь дело с теми, кто выгоду свою понимает, — вздохнул Медник. — Они за жизнь цепляются руками да ногами.

Атаман хмыкнул.

— Жизнь, мой дорогой друг, это то, что люди больше всего стре-

мятся сохранить и меньше всего берегут. Когда предлагаешь закуску, всегда прикидывай, под каким соусом ее подать.

* * *

В окне появилась лапа.

Лапа выпустила когти и провела ими по стеклу. Послышался гнусный скрежет.

— Пошел, пошел, — шуганул незваного гостя Антон.

За окном жалобно мяукнули.

— Жди, — Антон сделал несколько глотков молока из кринки. За окном раздался стонущий звук.

— Товарищ Кторов, — горько сказал снаружи кот. — Ну, товарищ Кторов!

Антон подошел к окну.

— Чего тебе, Иуда ушастый? — спросил он.

— Открой дверь, — сказал кот. — Поговорим, как самец с самцом. Ты ведь меня не боишься?

— Стану я всякую шкурку бояться, — Кторов дверь открывать не спешил. — А ты, значит, стучишь помаленьку? Мне одно нашептываешь, ротмистрам — другое, а сам потихоньку в чека бегаешь, доносы строчишь? Стыдно, Баюн! Стыдно! Кот называется! «Хожу сам по себе!» — передразнил Антон. — Теперь понятно, куда ты ходишь!

— Ладно, отворяй, — сказал кот примирительно. — Я ведь и к тебе не с пустыми лапами пришел!

Кторов приоткрыл дверь.

Кот с достоинством вошел в хату, но на том его достоинство и кончилось — он бесшумно и гибко проскользнул в горницу, посидел, примеряясь, и вспрыгнул на табурет, пряча под себя хвост.

— Молочка бы налил, — не глядя на Кторова, попросил он. — С утра — ни плавничка, ни косточки.

— Я-то здесь при чем? — усмехнулся Антон.

— Так по твоим, по твоим же делам бегал, — кот склонил лобастую голову и с видимой брезгливостью обнюхал ломоть хлеба, потом жадно понюхал салфетку, в которой когда-то лежало копченое сало. — Живут же люди!

— Ты или дело говори, или выметайся, — сказал Антон. — Своих дел невпроворот.

— Ой, какие мы обидчивые, — кот вспрыгнул на стол, нагло распластался на заметках Кторова. — Я ж, можно сказать, докладывал, а не закладывал. И тем обеспечивал взаимопонимание столичных

и местных спецслужб. Ты к человеку опаску имел, он — к тебе, а я подозрительность взял и нарушил. Еще Александр Сергеевич говорил, что излишняя взаимная подозрительность столь же вредна, сколь и чрезмерная доверчивость. Вот и нет промеж вас подозрительности.

— Слушай, Баюн, — Кторов почувствовал раздражение. — Тебе бы языком молотить, а у людей дела...

— Нашел я его, — сообщил кот спокойно, словно не его сейчас пытались стащить за хвост со стола. — В подвале синагоги. Так и стоит. Страшная тварь, ни на что не похожая. Я как представил себе такое, по улице идущее, веришь ли, сердце прихватило. Ну, думаю, попал ты, Баюн Полосатович! Пригляделся, а по нему мыши бегают! — кот плотоядно облизнулся.

— А говоришь, ни косточки, ни плавничка, — укорил его Кторов.

— Так это же вроде военный трофей, — ни капли не смущаясь, сказал кот. — Это не в счет, что тобой добыто, в харч не идет, это за удовольствие почитать надо!

— Молока, говоришь? — Антон щедро отлил из кринки в жестяную тарелку с красными петушками, сел напротив, разглядывая кота. — На тебе молочка! Рассказывай!

Но кот не торопился. Опустив голову, он быстрыми движениями розового языка лакал молоко, пока тарелка не опустела. Покончив с молоком, кот облизнулся.

— Хорошее молочко, — сказал он. — Такое только у Семукаевых и встречается, у них коровка бельгийских кровей. Семукаев-старший с империалистической привез. А ты разве с ними знаком?

— Так что там с подвалом? — прервал болтуна Кторов.

Кот грузно скользнул на колени Антона.

— Я тебе про то и говорю, товарищ Кторов, — благодушно сказал он. — Стоит. В подвале ихнем стоит. С виду кукла и металлом отливает. В этом подвале давно никто не бывает. А чего им в подвале делать, там ни инвентаря, ни провианта? Там рукописи лежат, и те старые — с железными крышками, сплошь мышинными зубами усеяны. Ростом велик, морда странная — ни рта, ни носа, ни усов. Даже ушей нет, — говоря это, кот с достоинством демонстрировал свои, повернув к Антону лукавую морду. — Пыли на нем! Нет, товарищ Кторов, вот ты меня в семи смертных грехах обвиняешь, а я, между прочим, истинное мужество и героизм проявил. Я на медали не претендую, мне их на шкурку не вешать, но на премиальные в виде колбаски до-машней или сальца копченого я согласен.

— И в чем же оно, твое мужество, проявилось? — хмыкнул Кторов. — Ну, слазил в еврейский подвал, ну, куклу механическую нашел...

— А ты бы сам в этот подвал слазил, — предложил кот. — Один, ночью, через узенькое окошко, в которое и пролезть-то толком невозможно. Не зря говорят, что чужую доблесть признают редко, каждый кичится своей, даже если ее вовсе нет. Там крысы вдвое больше меня, не знаю, с чего они такие, на кошерной пище особо брюхо не отрастишь. Это в церковь лазить не страшно — там все свое, православное. А синагога, брат, место загадочное, там священную книгу открой — ни черта не поймешь, одни согласные, а гласные они, товарищ Кторов, специально пропускают, шифруются таким образом от православного существа.

— Это ты православный? — удивился Кторов.

— А ты думал? — гордо сказал кот. — Если хочешь знать, в прежние времена меня православный поп два раза в проруби на Крещение кунал. Правда, вытаскивать не хотел, так я и сам выбрался.

— Ну, и что прикажешь дальше делать? — Кторов задумался.

Кот прошелся по столу, нахально сунулся мордой в кринку, но неудачно — морда у него для узкого горлышка кринки оказалась слишком широкой.

— А что тут думать? — с некоторой обидой отозвался Баюн. — Наведете шмон в синагоге, найдете куклу эту, а дальше — как революционное правосознание покажет. Лично я бы ихнего равви к стенке, не задумываясь, поставил, он по мне два раза в прошлом году мелкой дробью стрелял. А я тебе так скажу, куренок тот все равно хромал на правую ножку, такие, как он, не жильцы. И прав я оказался, все одно — у меня из зубов выташили, а сами из куренка того шулюм сварили. Я же говорю — сволочи. Не зря их «Союз архангела Михаила» погонять пытался в девятьсот седьмом. А плесни-ка, товарищ Кторов, еще молочка. Что-то в горле першит, не иначе в синагоге древней пыли наглotalся.

Кторов плеснул коту молока и задумался. Все запутывалось, вчера еще казавшееся ясным и чистым, как лампадное стекло, сегодня приобретало будущую неопределенность. Как там Глеб Иванович Бокий советовал? Помнится, он сказал: встретившись с необычным явлением, подумай, как употребить его на дело мировой революции, а если это невозможно, подумай о том, что сделать, чтобы это необычное революции не могло навредить. Только здесь шире надо было смотреть — не пролетариату грозили эти са-

мые Големы бедой, всему миру они грозили бедствиями и несчастиями.

Некоторым секретам лучше было бы так и оставаться секретами. Уж больно много бед они обещали человеческому обществу.

— Все беды от иудейского семени, — вдруг поднял морду от тарелки с молоком Баюн Полосатович. — А почему? А вот не надо было себя богоизбранным народом объявлять, высокомерие перед остальным миром показывать. Моду взяли с дробовиками вокруг курятника ходить!

Ну да, только этого и не хватало! Баюн Полосатович оказался ярым антисемитом. Судя по высказываниям, были у него для того веские личные причины. Например, куренок, который ему так и не достался.

* * *

Бокий чувствовал, что он устал.

Усталость накапливалась долго, сейчас она вдруг проявилась внутренним надрывом, неожиданными приступами сонливости и периодов, когда он испытывал полное безразличие к происходящему.

С полным равнодушием он прочитал новое сообщение источника Болта. Существо, образовавшееся из беспородного пса Шарика, после пересадки ему профессором Преображенским гипофиза и половых желез убитого в пьяной драке обывателя Клима Григорьевича Чугункина развивалось успешно. Играет на музыкальном инструменте, повышает своей политической уровень путем чтения переписки Энгельса с Каутским, судит здраво о происходящем в Москве. Полностью обратилось низкорослым мужчиной среднего возраста и хилой комплекции. Источником приняты меры к его паспортизации. При регистрации избрал себе новое имя — Полиграф Полиграфович Шариков. Рекомендован домкомом для работы в должности заведующего подотделом очистки города Москвы от бродячих животных. Черт знает, что такое! А ведь он должен этих бродячих животных ненавидеть, — вдруг понял Бокий. — Он их должен люто ненавидеть, как всякая бродячая собака, вдруг обретшая разум и осознавшая свое истинное происхождение! И людей это ничтожное существо тоже будет ненавидеть и, дай ему волю, оно продолжит очистку города от кошек, собак, а потом и от людей, от настоящих людей, оно будет чистить город до тех пор, пока в нем не останутся ничтожества, равные ему или еще большие, согласившиеся подчиняться.

Бокий вдруг подумал, что уловил общий алгоритм революции, и это заставило его вздрогнуть от нехороших предчувствий, но он гнал их от себя, как только может это делать интеллигент, уверенный в правоте своего дела и в безоблачной светлости будущего, которое ожидает людей впереди.

Жертвы не должны быть напрасными.

Впрочем, вмешиваться в московскую историю он не желал. Легче было держать под контролем деятельность профессора Преображенского и его ассистента доктора Борменталья, нежели приступить к активному следствию, настроив тем самым против себя западную политику и прессу. Все-таки профессор был светилом с европейским именем, его знали многие. Пуанкаре он, например, помог избавиться от половой неврастении, да и принцу Монако он поправил здоровье, когда от того отказались европейские врачи; Черчилля от алкоголизма успешно лечил... Да и в правительстве у него были весьма и весьма влиятельные заступники, тут этот чертов домоуправ не ошибался. Этот самый Швондер даже не догадывался, что, шпионя за профессором, он становился первым кандидатом в Соловецкий лагерь. Таким образом, ему на собственной шкуре предстояло проверить утверждение Экклезиаста, что во всяком знании есть много печалей.

А вот в пухлом пакете, доставленном из Сибири, были документы, содержащие весьма и весьма странную историю. В иное время эта история привела бы Глеба в полный восторг и волнение. Сейчас он испытывал лишь слабый интерес, какой присутствовал при чтении Берроуза, Уэллса или Бенуа с их боевыми фантазиями. Ну да, вполне могло случиться и так, дальше-то что?

Все началось с того, что в апреле 1919 года контрразведкой войск Директории была задержана группа людей, пробирающихся из центральных районов России на Дальний Восток. Возможно, что это и в самом деле были обыватели, уставшие от тягот военного времени. Интенсивный допрос ничего не дал.

— Проверь, — хмуру и устало приказал начальник КРО Читинского гарнизона капитан Ромецкий. — Если на них нет ничего, то пусть они идут своей дорогой. Впрочем, можешь нарезать им красные звездочки на лбах, тогда они прекрасно обойдутся без головных уборов. Видно же, что красные!

Поручик Биберин был человеком не только исполнительным, но с изрядной долей самостоятельности и инициативности. И обладал особым юмором, которым наделены лишь те, кто любит поиздеваться над беззащитным человеком.

— Звездочки, — проворчал Биберин, глядя вслед неуклюже шагающим людям. — Я еще не сошел с ума, чтобы оставлять зрячими людей, которых истязал и которые могут меня опознать.

Биберин лично выколол отпущенным пленникам глаза, чтобы они лучше видели свет своих звезд. Впрочем, звезды на лбу бывших пленников он тоже вырезал, потому что ни на секунду не сомневался, что перед ним скрытые большевики. Кто бы еще вынес интенсивный допрос, ни в чем не признавшись? Простой обыватель через четверть часа уже признался бы во всех смертных грехах!

С этого времени и начала отсчет времени легенда о банде одноглазых циклопов, совершающих налеты и грабежи в предместьях и окрестностях Читы. Ходили слухи, что в тайге появились жуткие люди в черных масках, у которых на лбу был всего один глаз — да и тот в виде красной пятиконечной звезды, но видели они этим глазом так хорошо, как некоторые не видят и двумя. Были они жестокими, и кровавый след тянулся за ними по окружавшим Читу деревьям. Простой обыватель еще мог надеяться на спасение (такие случаи редко, но случались), но служащим Директории на пошаду надеяться не приходилось. Наконец, выведенный из себя сообщениями о налетах, адмирал Колчак приказал покончить с бандой. Карательный отряд в сто сабель возглавил поручик Виктор Биберин, с июня девятнадцатого отряд начал охоту в окрестностях Читы.

Как и что там происходило, навсегда останется тайной, но в начале августа отряд, в котором оставалось не больше двадцати сабель, вернулся в Читу и привез тело поручика Биберина. Все, что он ранее творил в застенках, поручик испытал на себе — даже погоню на синих гольцах плечах темнели, а на лбу чернела искусно вырезанная кокарда офицерской фуражки. О банде с того дня ничего не было слышно.

— Все правильно, — думал Бокий, разглядывая сосуд с ладонью Штайнера. — Третий глаз он им прорезал, третий глаз! Сам об этом, негодяй, не догадывался. Но куда эти люди ушли потом? Найди их теперь! Они держались вместе и потому представляли собой силу. А с гибелью отряда остались единицы, которые были слишком слабы, чтобы угрожать белякам. И, скорее всего, они ушли в тайгу. В тайге их найти трудно, практически невозможно, как скит староверов. А какой прекрасный материал для изучения! Жаль, но надо признать, что и эта возможность пока упущена.

И он осторожно косился в сторону ладони. Та, подтверждая правильное течение его мыслей, выставляла в сторону большой палец, сочащийся белесой жидкостью.

Часть II.
ИДИ ТУДА, САМ ЗНАЕШЬ КУДА
Глава первая

— Мякнуту, — пообещал Баюн.

Вот и приходилось прислушиваться.

Староста синагоги неохотно открыл дверь в подвал. Двое молодых чекистов, выделенных Гнатьюком, заглянули внутрь и вопросительно посмотрели на Кторов: дальше-то что? Подвал был завален разным барахлом, вроде дырявых ведер, старых досок, щетинящихся ржавыми гвоздями.

— Ну что, рукава засучим? — спросил Кторов в некоторой растерянности. — Вопросы есть?

У чекистов вопросов не было, поэтому они насупились, но спорить не стали. Только гимнастерки сняли, чтобы напрасно не пачкать в подвальной пыли. Без настроения работа продвигалась медленно. Солнце уже стояло довольно высоко, а подвал казался бездонным. Староста устроился на крылечке с трубочкой, но Кторов ласково пообещал ему принять определенные меры, поэтому сейчас и староста не сачковал, впрочем, и старался он не особо — так, по досочке, по рамочке вытаскивал, выбирая предметы почище и без торчащих гвоздей. Тем не менее количество рухляди во дворе синагоги постепенно росло.

— Зря вы все это затеяли, гражданин начальник, — сказал староста. — Ничего доброго вы там не найдете. Ну спросили бы меня: Рувим, где драгоценности? Где золото, накопленное несправедливым путем? Я бы вам искренне и честно ответил. Я бы сказал: делайте со мной, гражданин начальник, что вам вздумается, но нет здесь никаких драгоценностей, а тем более золота и грошей, накопленных несправедливым путем.

Кторов ему не отвечал.

— Конечно, — сказал староста печально. — Все думают, если здесь молятся евреи, то обязательно должен быть спрятан клад. Нищих евреев не бывает. А я вам так скажу, гражданин начальник: евреи бывают всякие. Некоторые даже верят в вашу революцию. И не только верят, но и делают ее. Если вы думаете, что я говорю неправду, — откройте газеты, почитайте список правительства, и вы убедитесь, что бедный Рувим таки прав!

— Ты таскай, таскай, — сказал Антон. — Потом дискуссии будешь организовывать.

Староста вздохнул и потащил на себя длинную доску. В подвале что-то с грохотом упало.

— Ну да, — сказал староста, — ломать — не строить. Сколько лет это добро спокойно лежало там, где его положили, так нет — приходят люди и говорят, что это лежит неправильно. Вот и революции: они случаются тогда, когда кто-то приходит к мысли, что все положено не так и не там, где надо. При этом хозяина не спрашивают, начинают переключать по собственному разумению, и, как правило, опять неправильно.

— Дед, — не выдержал один из чекистов. — Заткнись! Ты и так уже почти у стенки стоишь. Зачем тебе лишние заботы?

— Вот видите, — мягко упрекнул староста. — Сами говорили, что боретесь за свободы, а теперь бедному Рувиму и рта никто не дает раскрыть, без зазрения совести его объявляют контрреволюционным элементом. Но если вы каждого сомневающегося будете сажать в тюрьму или ставить к стенке, то где вы найдете людей, которые захотят жить в вашей стране?

Кторов вошел в подвал и прислушался. Зараза-кот молчал.

— Баюн Полосатович! — шепотом позвал Кторов. — Баюн, ты здесь?

В тишине было слышно, как скрипуче поворачивается под действием ветра флюгер на синагоге, как где-то в подвальной глубине тоскливо и безнадежно скребется мышь. Кот молчал.

Кторов выглянул из подвала.

— Рувим Пейсахович! — позвал он. — Ключи при вас? Откройте вот эту дверь!

За дверью был маленький чуланчик, пол которого покрывала пыль. В пыли отчетливо выделялись перекрещивающиеся цепочки маленьких следов.

— Видите? — спросил староста. — Даже мыши ничего не сумели найти. А они ведь природенные следопыты: в прошлом году они обнаружили, что свечи хранятся в железном ящике. И что вы думаете? Они прогрызли железо, молодой человек! Прогрызли железо и съели-таки весь годовой запас восковых свечей!

— Помолчите, — строго сказал Кторов, которому послышалось какое-то царпанье. — Откройте и эту дверь.

Староста открыл дверь, и Кторов увидел кота.

Баюн Полосатович сидел на задних лапах, с отчаянием на морде и, судя по всему, готовился дорого продать свою жизнь. Кторов вошел, прикрывая за собой дверь.

— Значит, знак подашь? — саркастически спросил он.

— Тихо, — сказал Баюн. — Тихо, товарищ Кторов. Тут такие кры-

сы бродили, я рядом с ними котенком кажусь. Тут, сам понимаешь, не до сигналов. Задрали бы, как недельного куренка! Выручил ты меня, как есть выручил!

И в самом деле — вокруг кота пыльный пол был испещрен крупными следами, напоминающими кленовый лист средних размеров.

А у стены...

Вначале Антону показалось, что он видит огромную куклу, небрежно слепленную из серо-бурой бугрящейся массы. Ростом кукла превышала, пожалуй, добрых три метра, и сложение ее было соответствующим. Чуть погодя Кторов сообразил, что видит Голема.

Голем впечатлял, хотя и казался безжизненным. Рядом с ним, как и рассказывал кот, громоздилась стопа старинных фолиантов.

— Рувим Пейсахович, — позвал Кторов. — А что вы мне теперь скажете? Вы говорили, что в подвале ничего нужного нет, — мягко упрекнул старосту Антон.

— И сейчас скажу, гражданин начальник, — кивнул староста. — Вещь, которой нельзя воспользоваться, не отнесешь к числу нужных. Толку в вашем нагане, если у него сломан курок? Ах, равви, равви, говорил я ему, доверься, Рувим Пейсахович не сделает плохого и вредного. А он заладил одно: пусть тайну хранит христианский Бог. Много он ее нахранил? А если и хранит, то не слишком ли надежно, гражданин начальник?

* * *

— Лихо, — сказал Гнатюк.

— Повезло, — признался Антон.

— Ага, повезло, — невнятно отозвался от стола кот. — Да если бы не я...

— Ты жуй, — велел Кторов. — И так на тебя потратился.

— А я ради чего шкуркой рисковал? — удивился Баюн. — Ради твоих красивых глаз? Но если по совести, не такие уж они у тебя и красивые. А если серьезно говорить, медальки ваши, благодарности да ордена мне ни к чему, все равно вешать некуда. А поесть сытно, да про завтрашний день чтоб не думать... По совести, то я от вашей пролетарской республики на пожизненный пенсион заработал. Слушай, товарищ Кторов, а ты там, в столицах, отпиши все как есть. Глядишь, и в самом деле что выхлопочешь. Я бы и списочек набросал. Не бойсь, я туда гусиные печенки и страсбургские паштеты вписывать не стану. Понимаю — не बारे. Трудно живется республике

Советов. Но килограммчик кильки постной да судачка отварного, воблы, скажем, свежей, валерьянки по праздникам, это ведь вы можете?

— Болтун! — с удовольствием глядя на кота, сказал Гнатюк. — Так что, товарищ Кторов, выполнена твоя миссия? Можно и домой?

— Давно тебя спросить хотел, — сказал Кторов. — Флотский ты, что ли?

— А как же, — Гнатюк на глазах обрел выправку. — Черноморский флот, эсминец «Неподкупный». Заметно, да?

— А давай с тобой, Павел, выпьем, — впервые называя чекиста по имени, предложил Кторов. — Все-таки большое дело свалили.

— Да я бы с радостью, — замялся Гнатюк. — Да понимаешь, не могу!

— Он бы выпил, — нарочито и издевательски чавкая, сказал кот. — Да Дарьи Фотиевны боится. Вон она во дворе стоит, делает вид, что занята. Ждет!

К удивлению Кторова, чекист густо покраснел.

— Так что ж, — признался Гнатюк. — Женщина она хозяйственная, справная, да и видом вся из себя — и каблук под ней, и лицом хороша, да и фигуриста, кто ж отрицать будет? И пацан у нее стоящий, в водолазы не пошел, к нам записался, хотя жизнь у нас рисковая. А что до недостатков, так людей без недостачи не бывает. Каждый в чем-то в выигрыше, а чего-то и теряет.

— Ну так что ж, — рассудительно прогнусавил Баюн. — Поплавет, поплавет да вернется. А чешуя, ну что чешуя, любви не помеха.

— Ох, болтаешь ты, — со сдержанной злостью сказал чекист и повернулся к Антону. — Веришь, — пожаловался он, — иной раз до скрипа в зубах хочется эту тварь усатую за хвост взять да повыше приподнять. И чего я его терплю, гадости разные выслушиваю?

— Хрен с ним, с котом, — прерывая шутивную пикировку, поднялся Кторов. — Что дальше делать будем? Мне теплушка нужна, да пара сопровождающих потребуется.

— Теплушку реквизируют штука нехитрая, — сказал Гнатюк. — А вот с сопровождающими... Плохо у меня с людьми. Да тут еще слухи ходят, Кумок со своей бандой на Лукоморск нацелился. Чего ему надо, в толк не возьму. Ведь половину отряда положит. У меня же и пулеметы из пещер... — и осекся, словно сболтнул лишнее.

— Кстати, о пещерах, — вспомнил Антон. — Там что, беспризорики живут?

— С чего взял?

— Ходил я там. Все следами сапог да башмаков утопано, только размеры маленькие, ровно дети ходили.

Некоторое время чекист разглядывал гостя.

— Смелый, — наконец криво усмехнулся он. — Слышь, Баюн, где нашего дорогого товарища Кторова носило?

— Дурак потому что, — вытирая морду лапой, безапелляционно сказал кот. — Это от незнания, Павел Борисович. Вы же сказали — помалкивай, я и не просвещал.

— Ладно, — Гнатюк тоже поднялся. — Отдыхай, браток. Утро вечера мудренее. Ты, Баюн, просвети человека — ведь уедет, а наших тонкостей так и не поймет.

— И про баб рассказать? — с интересом спросил кот, продолжая вылизываться.

— И про баб расскажи. А еще лучше — покажи, — сказал чекист, крепко пожимая руку Кторова. — Теперь и про пещеры можно.

Кторов смотрел, как Гнатюк идет по саду. По мере приближения к Дарье Фотиевне шаги чекиста замедлялись, и сам он становился неуверенным и робким, словно в подростка превращался.

— Любовь, — сказал кот, усаживаясь на подоконник рядом с Антоном.

И трудно было понять, осуждает он влюбленную пару или напротив — восхищается ею.

— Читал я тебя! — неожиданно признался Кторов. — Что сказать? Пером ты владеешь, Баюн, а вот подкладка у тебя контрреволюционная.

— Это у вас в крови — любое инакомыслие встречать в штывки, — зевнул кот. — Когда-нибудь оно всем вам отзовется!

— Это когда же? — удивился Кторов.

— Когда в ваших собственных душах прорастут сомнения, — сказал кот. — Тут-то они и зацветут кровавыми цветами. Впрочем, о чем это я? Вы же победивший пролетариат, вам вид крови привычен!

* * *

Вечерами в горах прохладно.

В горы они ушли сразу после похорон красных бойцов, героически погибших в схватке с Черным сотником. Начальник местной ЧК произнес речь.

— Революция, — зычно кричал он на всю площадь. — Нежный цветок, взросший из надежд человеческих душ! Он! Нуждался! В защите! И! Нашлись! Люди! Отдавшие! За нее! Свою! Жизнь! Слава! Героям! Павшим! В боях! За дело! Мирового! Пролетариата! Слава! Ге-

роям! — и артерии на его шее вздувались, словно начальник пытался заглотить нечто непомерно большое. — Оркестр! «Варшавянку»!

А на майдане Незалежности уже накрывались поминальные столы, на которые городские торговцы не поскупились: понятное дело, начальник ЧК приказал скупости не проявлять, справить тризну по павшим героям достойно.

У столов Кторов не остался, вот кот и утянул его в горы. Разумеется, с таинственным видом пообещав раскрыть очередную тайну.

— И какого черта ты меня сюда приволок? — повернулся Антон к коту.

— Тихо, товарищ Кторов, — сказал кот. — Вы же сами просили загадки, значит, вам показывать. Я и показываю. Да и товарищ Гнатюк приказал вас просветить. Ждите. Скоро уже.

Луна освещала мир, делая его фантастическим и незнакомым. Тени облаков бродили по земле, а звезды в небесах отражались в зрачках неведомых существ, живущих в кронах деревьев. Стояла тишина, нарушаемая лишь далеким пением скрипки. Похоже, немец не оставлял попыток приманить неведомого Сирина.

— В небо, в небо смотрите!

Кторов хотел сказать, что устал стоять с запрокинутой головой, и в это время над горами что-то мелькнуло.

— Ага! — зашипел кот. — Говорил я вам!

И в самом деле, это не было следствием усталости глаз, не было обманом: над горами, окружающими Лукоморск, скользили тени, которые стремительно увеличивались в размерах и превращались в косяк женщин, одетых по-походному, и верхом на метлах.

— Вот ты меня спрашивал, почему в Лукоморске столько бобылей, — сказал кот шепотом. — Нет здесь никаких бобылей, бабы по делам отсутствовали. В Турцию на заработки мотались. А теперь возвращаются.

Женский косяк скользнул над ними и исчез во мгле, покрывающей Лукоморск.

— Все, — сказал кот. — Я считал. Двадцать шесть улетало, двадцать шесть и вернулось. Ну что, назад пойдём?

Кторов оглядывал окрестности.

— А что это за огни там светятся? — поинтересовался он.

— Деревня там, — разъяснил кот. — Разбойная слобода. Ты туда не суйся, деревня свое название оправдывает. Такие там жители — Господи не приведи!

Дневной рассказ кота был ошеломляющим, ибо повествовал он о тайной жизни Лукоморска, неведомой всему остальному миру. Ес-

ли все это было правдой, то в ближайшее время Антону Кторову предстояло здесь прописаться, ежели не на постоянное место жительства, то надолго.

Лукоморск был необычным городом.

Днем они неторопливо бродили по улицам — кот и человек. Баюн рассказывал Кторову забавные истории из жизни горожан, показывал достопримечательности и делал это не хуже заправского экскурсовода, вернувшегося после длительного отпуска к любимой работе.

— Представь себе, товарищ Кторов, — восклицал кот, озираясь по сторонам, чтобы его экзальтации никто не заметил, — вот то самое место, где Рогдай впервые познакомился с русалкой. Девушке было скучно в воде, ловить крабов и играть рапанами ей надоело, вот она и выбралась на берег, как говорится, людей посмотреть да себя показать. А тут ей навстречу Рогдай, парень — кровь с молоком, неправду говорят, что он был влюблен в Людмилу. Ты сам посуди, парню пятнадцать, какая любовь, у него еще ветер в голове гулял. И тут — русалка. Прекрасная, волосы зеленые, глаза изумрудные. Рогдай разлетелся, конечно: девушка, а девушка, как вас зовут? Не на ту нарвался, она на него ноль внимания, фунт презрения. Ну парень и попал. Это потом начали болтать, что он от несчастной любви утопился. Да не «от», а к ней он стремился! И звали ее Мариной. А когда выяснилось, что от любви русалок и людей нормальные дети рождаются, каждый так захотел. Они же молчаливы, как рыбы, потому и скандалов дома никогда не случалось...

Глава вторая

Начиная с 1920 года, в кулуарах Коминтерна муссировалась идея создания еще одного — параллельного Коминтерну — Интернационала, который бы объединял все тайные мистические общества Азии и Африки для борьбы с колониализмом. По поручению Глеба Бокия сотрудниками его отдела был составлен проект воззвания советской власти к мистическим сектам и объединениям: к хасидам, к суфийским и дервишским орденам, к буддийским сектам Индии и Тибета. Особые надежды возлагались на мусульманскую секту исмаилитов и ее руководителя Ага-хана. Это те самые исмаилиты, которых в средневековой Европе называли «асасины» — орден тайных убийц, от чьих кинжалов не удавалось ускользнуть никому.

Пока ничего не выходило.

Конечно, это портило Глебу настроение — он рассчитывал на большие успехи. Впрочем, шифровальный отдел функционировал отлично. Его сотрудники читали шифры итальянского и румынского

посольств в Берлине, секретная информация лилась щедрым ручейком, давая правительству РСФСР своевременно принять необходимые политические шаги.

А вот секретная информация, поступающая от внутренних источников, не радовала.

Источник Болт сообщил, что эксперимент профессора Преображенского закончился неудачей. У пса, ставшего человеком, начали стремительно развиваться первичные признаки, и он вновь стал превращаться в собаку. В связи с этим источник предполагал, что вредительством занимается доктор Борменталь, завидующий профессору, и предлагал изолировать доктора. В подробности Бокий не вдавался, невооруженным глазом было видно, что домоуправ ненавидит этого самого доктора Борменталья, но почему и за что, Бокия абсолютно не интересовало. Ненависть продуктивна, если ее можно использовать в дело. Эта ненависть была патологически глупа.

Агент Дьякон, и в самом деле служивший по церковной линии в Подмосковье, сообщал, что на подворье крестьянина Ивана Сибилева в деревне Батышево для охраны добра используется настоящий крокодил, который в отличие от своих южных собратьев ходит на задних лапах, но проявляет не меньшую, чем у его соплеменников, кровожадность и жестокость. Самого крестьянина Сибилева животное, впрочем, жалует и явно признает за хозяина. К нечистой силе, — деловито добавлял священник, — отношения не имеет, так как на крестное знамение не реагирует, а будучи обрызганным святой водой, вел себя, ровно ничего и не случилось.

— Глеб Иванович, — перед самым отъездом в Монголию сказал Блюмкин, — я тут нашел одного интересного человечка, он тебе про информационное поле все подробнее распояснить может. Барченко его фамилия. Он еще до войны в журнальчиках статьи по чтению мыслей на расстоянии печатал. Умный мужик, закончил Юрьевский университет, связан с профессором Кривцовым, а через него с парижским оккультистом Ивом Сент-Дальвейдером. Я его устроил пока читать лекции на судах Балтфлота, так ты не поверишь, он за пять занятий сагитировал матросов пробиваться с боями в Тибет, чтобы установить связь с подземными магами, которые, как утверждает Барченко, живут в горных массивах Непала.

Бокий встретился с ученым. Барченко ему понравился, и Глеб устроил его на работу к Бехтереву в Институт мозга, одновременно засекретив все разработки, касающиеся контактов с магами подземной страны.

Став начальником спецотдела, Бокий завел две папки — по указанию Ленина так называемую «Черную книгу», куда собиралась информация о шалостях, преступлениях и порочных наклонностях коммунистических руководителей высшего звена; и по собственной инициативе — «Красную книгу», куда ложилась информация о загадочных происшествиях, опытах ученых, выходящих за рамки современной науки, необъяснимые явления и феномены, имевшие место в мире и на территории РСФСР. Сам Глеб с грустной иронией отмечал, что «Черная книга» пухнет значительно быстрее «Красной», она уже перевалила на третий том, и это с учетом того, что информация о злоупотреблениях и пороках помещалась в книгу в сокращенном виде с указанием источников, где она содержалась более подробно.

Красные чиновники умели и любили грешить не хуже царских.

* * *

— Интересно, — вростяжечку, с блатной презрительностью сказал Леня Медник. — Мы с Африкой будем шкуркой рисковать, а ты приедешь на своей таратайке на все готовенькое? Я не согласный. А ты, Африка?

Сережа Африка смахнул с полных губ подсолнечную шелуху.

— Он нас за фраеров держит.

— Под пули подставить хочешь? — бешеным белым глазом окинул Кумка Медник.

Тот вытянул ноги, постукивая нагайкой по голенищам хромовых сапог, снятых год назад с какого-то царского полковника, служившего у Деникина.

— Если по совести, бродяги, — хладнокровно сказал он, — я ведь вас под пули могу подвести безо всякого боя. Свистну хлопцев со двора, поставят вас у плетня, и — здравствуйте, покойная мамаша!

— Я одно время на Сахалине чалился, — сообщил в пространство комнаты Африка. — Был у нас такой, жил с нами на нарах — Сеня Каин. Ему пожизненное за двенадцать трупов в Тамбовской губернии отвесили. И стали мы замечать, что живет он уже долго, второй десяток лет на каторге разменял, а по виду ему и тридцати не дашь. И вот что интересно — кто рядом с ним спал, тот стареть стремительно начинал, словно этот самый Каин у него годки забирал. Народу это, конечно, не понравилось, проснулись мы однажды, а Сеня лежит холодный и неразговорчивый, а из левого бока у него заточка торчит. Такие вот дела, братан, на чужом горбу в рай не въедешь!

— Ты меня тоже пойми, — сказал Кумок. — Не я же виноват, что

вы жирный кусок изо рта выронили по жадности своей, а теперь по-добрать просите. Возьмем цапки, тогда и поговорим.

— Ага, — сказал Медник. — Ищи тебя потом свищи по необъятным просторам империи.

— Нет уже империи, — напомнил Кумок. — И куда я денусь, я же знаю, что вы с меня не слезете, пока свое не получите, будете по всей республике гонять.

— Если сами живыми останемся, — уточнил бандит. — Нет, Шурик, мы с тобой — не разлей вода.

Африка согласно кивнул.

— Но вы должны понимать, братва, что опасность немалая, это не царский банк взять, придется чека распатронить, а они, сами знаете, тоже стрелять умеют.

Предложенное Кумком новизной стратегии и тактики не блистало.

Напасть на гончарный завод, навести шухер, а когда господа чекисты кинутся на выстрелы, с отрядом отборных хлопцев захватить здание ЧК, пленного, чтобы смог распояснить, что да к чему, взять барахлишко, а там — ноги в руки и ходу, ходу, ловцы случайной удачи, попутного вам ветра. Осталось проработать детали, только вот плохо они прорабатывались с друзьями-товарищами по разбойному ремеслу. Не доверяли они друг другу и, между прочим, правильно делали. Будь Кумок на месте Медника с Африкой, он бы тоже себе не доверял.

С другой стороны, если про ценности рассказать Марии, то вряд ли она выпустит их из рук. Сама будет за этими пришлыми следить, чтобы кончить их в подходящий момент. Новый план созрел в голове атамана.

— Ладно, — неохотно согласился Кумок. — Вместе, так вместе. Одну соль жрем, по одной дорожке ходим!

Медник с Африкой быстро переглянулись.

Раз атаман спорить перестал и вместе идти согласился, то без слов надо было все понимать — кончат их, как только ценности в руках атамана окажутся. Но бандит тем и отличается от нормального человека, что переполнен нахальством и оттого полагает, будто, прежде чем кончат его, он успеет выстрелить сам.

* * *

Коты всегда просыпаются немного раньше людей. Как бы рано ты ни проснулся, кот уже ждет твоего движения и радостно бросается на

кухню впереди тебя, полагая, что вся твоя жизнь положена на вечный алтарь кошачьего услужения. Вот и Антон едва открыл глаза, а в лицо ему уже укоризненно смотрели желтые немигающие глаза с узким вертикальным ромбом зрачка.

— Спишь? — укоризненно спросил Баюн Полосатович. — А того понять не можешь, что проголодался товарищ. И вообще, с тобой спать затруднительно: брыкаешься ты очень и бормочешь по ночам. По-моему, я вчера валерьянки перебрал. С вами ведь такое тоже случается, да? Вялость во всем теле, даже хвост поднимать не хочется. И внутри все горит, будто мышь какая назад лезет.

Вечером они неплохо посидели: Антон с бутылкой горилки, купленной накануне, а кот с валерьянкой, которую он до нужной кондиции разбавлял водой. Остатки вчерашнего пиршества — несколько ломтей крупно порезанного хлеба, хвост скумбрии пряного посола, помидоры и огурцы в чашке, козий сыр — еще стояли на столе.

— Ты помнишь, что мне вчера говорил? — спросил кот. — Раздужарился ты вчера, товарищ Кторов. В столицу обещал взять, на довольствие в спецотделе ВЧК поставить, с учеными свести. Я тут подумал немного. Столица — это хорошо, довольствие столичное — вообще отменно, а вот ученых не надо. Знаю я ваших ученых! Если они чего-то не понимают, сразу за скальпель хватаются. Один так вообще заявлял, что вы не можете ждать милостей от природы — взять их у нее ваша задача. Ну-ну, только я так понимаю, если к природе со скальпелем лезть, она однажды и обидеться может.

— Помолчи, — страдальчески морщась, попросил Кторов.

Скажи ему кто-нибудь пару недель назад, что в небольшом курортном городке он будет искать Голема, воевать с картиной из духана, считать летящих по небу ведьм и пьянствовать с котом, он бы назвал этого человека идиотом. Человек всегда склонен недооценивать окружающий его мир. И прежде всего из-за того, что себя он считает венцом творения и главной фигурой мироздания. А потому и не верит разного рода предсказателям.

Кот тяжело спрыгнул с постели, подошел к ведру с колодезной водой и, встав на задние лапы, принялся лакать воду прямо из ведра.

— Молчи, молчи, — пробормотал он в пространство перед собой. — Все тебе рот затыкают, а чуть что — сгоняй, Баюн, на разведку, доложи обстановку. А вот вам! — и кот изобразил совсем уж невероятное движение хвостом.

В окно постучали.

— Войдите! — слабым голосом разрешил Антон.

Вошел чекист Гнатюк — в галифе, подшитых кожей, в черкеске с газырями, в мягких кавалерийских сапожках, свежий, бодрый, глянул с веселым осуждением:

— Похмеляетесь?

— Было бы чем, — грустно сказал кот. — Ишь, разodelся, Мальбрук, в поход, что ли, собрался?

— В поход — это тебе, — уточнил чекист. — Вылизывайся как следует, молочка попей, тебе Дарья Фотиевна передала. Пойдешь в Разбойную слободу, посмотришь, что к чему. Только поосторожнее будь, помнишь, как в прошлый раз от собак отмахивался?

— Молоко — это хорошо, — сказал кот, двумя лапами держа кринку и наливая молоко в чистую миску. — Только вот никуда я не пойду. Вам дислокацию уточнить, а шкуркой почему-то рисковать я должен. Хоть бы наган какой выдали, я бы их, потомков Джульбарса, на месте порешил!

— Поговори, — огрызнулся Гнатюк. — Есть такое слово — надол! Вот по нему себя и равняй. А насчет нагана — ты его что, хвостом держать будешь?

— Э-эх, — вздохнул кот. — Был бы шпалер, а уж чем его держать, мы всегда отыщем, господа чекисты!

Кторов свесил ноги с постели, встал, подошел к столу.

— У тебя дело или как?

— Или как, — мрачно сказал чекист. — Не видишь, кота на рекогносцировку отправить не могу. Кочевряжится, как солдат-новобранец.

— А ты найди отчаянного, — посоветовал от миски с молоком кот.

— Уже нашел, — не оборачиваясь, сказал чекист.

Антон наложил на ломоть хлеба куски козьего сыра, заставил себя есть.

— Тут вчера человек прибежал, — негромко сказал Гнатюк. — По амнистии сдаться решил. Ну, говорит, ждите гостей. Помнишь тех, с поезда? Матерые уголовнички, Леня Медник и Сережа Африка. Помнишь ценности, что мы тогда на вокзале захватили? Вот этим они его и прельстили. Раньше Кумок боялся на Лукоморск идти, говорят, его здесь однажды крепко пощипали. А теперь он хочет взять эти безделушки и за кордон свалить. Без денег ему там делать нечего, сам понимаешь, а если он туда господином явится... Вот я и хочу, чтобы наш Баюн смотался в слободу, подсчитал, сколько их там, особенно меня пулеметы на тачанках беспокоят, да и послушал по возможности, о чем они говорят. Так сказать, планы их узнать. И ты в себя

приходи. Дело серьезное, всем работа найдется. Я тут некоторых пошупал немного, сдается мне, что есть здесь у атамана свои информаторы.

— Например? — быстро спросил Кторов.

— Например, хозяин трактира, где ты пластинки слушал. Доходили до меня слухи, что он продукты в больших количествах на лукоморском базаре скупал. Людишки к нему заглядывают странные, юродивого Митьку он прикармливает, только сдается мне, мозги у этого Митьки почище, чем у большинства горожан, работают. Боюсь, что пока Шурик Кумок лучше нас о положении в Лукоморске знает.

Кот вернулся на кровать и принялся вылизываться, выставив заднюю ногу пистолетиком.

— С кем теперь вы, — мурлыкал он. — Кто вам лапки целует...

— Баюн, — приступал чекист. — Ты же понимаешь, что идти все-таки надо?

Кот оставил свое занятие, сел на разворошенной постели и посмотрел на людей круглыми глазами.

— Я понимаю, что надо, — сказал он. — А вы можете понять, что мне страшно?

Глава третья

Страшно, не страшно, а в разведку Баюну Полосатовичу пришлось идти.

Перед расставанием он взгромоздился на руки Кторову. Держать сорок фунтов живого веса было тяжеловато, но Антон стоически терпел.

— Погладь меня, — напомнил кот. — Баки почешу. Ласковой, ласковой! Может, на смерть иду.

— Баюн, — строго сказал Павел Гнатюк. — Не выделывайся.

Кот обнял Кторова за шею, ткнулся холодным мокрым носом в щеку.

— Ты б тех собак видел, — шепнул он. — Чистые немцы, даже лают отрывисто!

Попил еще молочка, преувеличенно весело задрал и распушил хвост:

*Как родная меня мать провожала,
Сразу вся моя родня набежала.
Ах, куда же ты, Баюн, эх, куда ты?
Не ходил бы, черный кот, во солдаты!*

*В Красной армии клыки, чай найдутся,
Без kota большевики обойдутся.*

— Валерьяночки бы, — помечтал вслух. — Для успокоения нервов!

И вывалился во двор, отправляясь навстречу неведомой судьбе с задранным хвостом и видимым небрежением к судьбе, хотя люди отлично понимали охвативший kota страх.

— Значит, так, — сразу стал серьезным лукоморский чекист. — Этот трактирщик, что пластиночки крутит, с утра уже в чека появлялся. Полагаю, для того чтобы план комнат набросать. Я так кумекаю, товарищ Кторов, заваруху они устроят где-нибудь в стороне, скорее всего, на окраине, чтобы наше внимание отвлечь и самим вовремя убраться, когда мы их давить станем. Шура Кумок на что рассчитывает? Расчет у него что ни на есть самый бандитский. Он полагает, что мы на подмогу кинемся, а здание чека от охраны оголим. В чека он пойдет с небольшой силой. Тут мы его и встретим.

— Все ты прикинул, диспозиции начертил, — вздохнул Кторов. — А если ошибаешься? Может, он малую группу пошлет, чтобы шухер учинить, а основной силой на чека навалится? Тогда как?

Гнатюк безмятежно махнул рукой.

— Это вряд ли, — сказал он. — Я же говорю, бандитская натура. Ему же цапки надо забрать, и забрать в одного, поэтому он пришлых бандитов с собой возьмет, чтобы после дела их там же и кончить. Тогда все на чекистов списать можно, а то ведь братва и не поверить может.

Он скептически оглядел Кторова.

— Ну, пойдём к нам, помозгуем маленько?

Кабинет у Гнатюка был небольшой, и сразу чувствовалось, что в нем много курят. Табачный запах был устойчивым, казалось, что он пропитал обои, обшивку громоздкого черного кожаного дивана, вьелся в пестренькую обивку стульев, выстроившихся у длинного стола, покрытого зеленым канцелярским сукном.

— Садись, — махнул рукой Гнатюк. — Я сейчас.

Отсутствие он недолго, вернулся с пачкой тощеньких папок под мышкой, отпер громоздкий сейф и засунул папки туда.

— Ну, браток, — сказал он. — Митьку юридивого начальник приказал на всякий случай в камеру засунуть. Кукует, гаденыш! Есть какие-нибудь соображения?

— Соображение одно. Надо брать этого трактирщика за пищик и колоть. Может, и не откажется, — задумчиво сказал Кторов. — Коллекция-то у него и в самом деле богатая.

— Думаешь, на том его и сломали? — Гнатык пожевал кончик самокрутки, сморщился. — Может быть, может быть... Только шатко все это, сомнительно, товарищ Кторов.

— А у тебя есть другие варианты?

Начоперотдела посидел еще немного, потом решительно закурил, делая несколько жадных затяжек. Встал, доставая из кобуры наган, крутанул барабан, проверяя все ли гнезда полны, и сунул его обратно:

— Так что мы сидим? — сказал он. — Пошли!

* * *

Трактирщик смотрел на Кторова с упреком.

— Я о вас думал лучше, — он покачал головой, словно упрекал себя в излишне хорошем мнении, которое ошибочно составил о Кторове.

— Хватит разговоров, — оборвал его Гнатык. — Хватит разговоров. Так за разговорами вся жизнь пройдет. Нет у нас времени на разговоры, гражданин Сунжиков-Марлинский.

— Хотите, пластинку поставлю? — спросил трактирщик. — Честно говоря, даже не представляю, чем моя скромная персона могла привлечь внимание грозных органов.

Он завозился, перебирая тонкими длинными пальцами грампластинки.

— Петр Лешенко — душевный есть, — сказал он, не поднимая головы. — Дивные песенки Изы Кремер.

— Ты нам Александра Кумка поставь, — тяжело сказал лукоморский чекист. — Очень мне его песенки послушать хочется. Нет у тебя его пластинок? Тогда сам спой.

Трактирщик подержал в восковых пальцах черный диск пластинки, бережно уложил обратно в конверт. Пальцы его дрожали.

— Погоди, Паша, — сказал Антон Кторов. — Не дави на человека.

Взял одну из пластинок, посмотрел на этикетку. Хорошая оказалась пластинка — Надежда Плевницкая на ней записана была, «курский соловей», надежда русского вокала. Трактирщик с тревогой следил за пластинкой.

— Осторожнее, — попросил он. — Это ведь редкость теперь, кто знает, жива ли она, поет ли еще нам?

— И я про то же, — сказал Кторов, досадуя на себя. Неправильно он себя вел, нехорошо. Чувство было такое, что он сейчас ребенка обижал. — Я ведь ее и уронить могу. Случайно, а?

Трактирщик потянулся к нему, но остановился. По скулам его ходили желваки.

— Все вы одинаковые, — печально и тоскливо сказал трактирщик. — Белые, красные, зеленые — у вас у всех одно на уме. Это же искусство, молодой человек. Жизнь коротка, а искусство вечно. Отдайте пластинку.

— А это, дружок, как сам петь будешь, — весело объяснил Гнатюк. — Я ведь человек простой, мне все эти Вертинские, Кремеры да Лещенки по... Мне истина нужна, истина, господин Сунжиков-Марлинский. Как связь с атаманом держишь?

— Через юридивого, — сказал трактирщик. — Пишу записку, он относит. — И повернулся к Антону. — Вы не подумайте, я всю жизнь пытался быть вне политики. Не зря говорят, что благими намерениями дорога в ад вымощена. Пластинки — мой грех, это моя страсть, а когда приходят и требуют услуг, угрожая перебить все, чем я жил долгие годы... Слаб я, слаб, нет у меня сил противиться чужой воле. Когда тебе говорят, что уничтожат твою жизнь... нет, не убьют, это слишком уж просто.

— Времени нет, — сказал Кторов. — Если этим можно уменьшить количество смертей...

Трактирщик ожег его взглядом.

— Скажите это русалам, — посоветовал он. — Скажите это всем тем, кто попал в проклятые жернова.

Кторов почувствовал смущение.

— Пропагандист, — вмешался Гнатюк. — Вот из-за таких люди и гибнут. Пора, Сунжиков, выбирать, на чьей вы стороне.

— А если я не хочу делать этот проклятый выбор? — вздохнул трактирщик. — Вы же прекрасно понимаете, что, выбирая одну сторону, вы становитесь объектом ненависти другой. Вы думаете, Кумок мне простит предательство, даже если оно будет невольным?

— А вот это уже разговор, — обрадовался чекист. — Тут мы, как говаривал грек Архимед, можем найти общую точку опоры. Ведите, Сунжиков, ведите, вы же понимаете, что от этого разговора вам не уйти.

* * *

В парке играл все тот же скрипач.

Кторов остановился и долго смотрел на сутулую фигуру с плавно двигающейся рукой.

— Добрый день, — сказал немец по имени Эммануил.

— Вы верите в счастливые дни в несчастливое время?

— Времена не выбирают, — рука опустилась, немец сел на скамейку. — Вы никогда не задумывались над этим? Каждый живет во времени, которое ему отведено судьбой.

— Но сами вы хотите заглянуть в будущее. Потому вы ищете Сирина?

— Кто вам это сказал? — глаза немца ожгли насмешливым холодом. — Вздор! Вздор! Я ищу утерянную гармонию. Дело совсем не в том, что люди должны сделать себя счастливыми, а в том, как мы должны жить, чтобы стать достойными счастья. Нравственность относится к характеру.

Некоторое время они сидели по разные стороны молчания: Антон — распираемый желанием спрашивать, Эммануил — не видящий особого смысла в ответах.

Тени бродили в кронах деревьев, потревоженные ветром бабочки плясали среди листвы, а солоноватый воздух, нависший над городом, был прозрачным, густым и тяжелым, словно бульон для кавказского хаша. Остро пахло кипарисом и лавровым листом, словно где-то и в самом деле варили бульон.

— В любом случае для человека самое важное — принять правильное решение, — сказал скрипач. — Вы еще молоды, вы нетерпеливы, а потому не можете представить себе последствия необратимых поступков. Голем не существо, он земное наследие Бога. Им нельзя владеть, его можно только использовать.

— Будьте уверены, — сказал Кторов. — Уж мы-то сумеем использовать его лучше других.

— Вы так думаете? — немец качнул головой. — Вы разрушили одну мораль, но пока не построили взамен иную. Общество живет моралью. Если в ней сокрыта гниль, начинает загнивать и общество. Понимаете, Кторов, моральная культура всегда имеет основополагающие принципы, они уже изложены, и не раз, и касаются, прежде всего, человеческого общежития и отношения людей к миру. Взорвав общество, вы лишили его основы. Вам придется воспитать нового человека. Придется много потрудиться, чтобы он жил со светлой душой, а не валялся в житейской грязи.

— Будьте уверены! — снова пообещал Кторов.

— Не могу быть уверенным в этом. Надежда лишь в одном: однажды вы поймете, что такое страдание. Страдание — это побуждение к деятельности. Хотелось бы — созидательной. Вот вы разрушили дворцы. А зачем? В них прекрасно бы жилось победившим. На ор-

ловском конезаводе крестьяне выкалывали глаза арабским скакунам только за то, что они были господские. Зачем вы сожгли библиотеку родителей Блока? Разве победившему пролетариату не нужны знания?

— Это все пена, — сказал Кторов, с раздражением ощущая правоту собеседника. — Пена на вареве. Кушанье будет готово, а от пены не останется следа.

— Она так и останется в вареве, — сказал немец. — Она останется в вареве, если вовремя ее не удалить. Вы не задумывались, что произошло с Французской революцией? Ведь лозунги были прекрасными. А кончилось все гильотинами. Революция пожрала своих детей. А все потому, что пена — грязная, вонючая пена — осталась в вареве. Она его и испортила. Все повторяется. Теперь это случится у вас.

— Уж мы-то найдем способ избавиться от пены! — возразил Антон.

— Да, — кивнул его собеседник. — Повар всегда найдется. Всегда находятся люди, которые хотят готовить по своему вкусу и разумению. Я только боюсь, что этот повар будет готовить исключительно острые блюда. Многие ими будут просто давиться. Вас ждут нелегкие времена.

— Не пугайте, не пугайте, — сказал Кторов, вставая. — Самое страшное — гражданскую войну и интервенцию — мы уже пережили.

— Самое страшное у вас еще впереди, — сказал Эммануил, продолжая сидеть рядом с раскрытым футляром, в котором блестела лаком молчащая скрипка.

— Надо же, — едко сказал Антон, — провидец. Может, вы скажете, господин пророк, чем закончатся ближайшие дни?

— Как обычно, — без улыбки сказал Эммануил. — Все закончится выстрелами и смертями.

Глава четвертая

— Оружие не бери, — сказал Гнатюк. — Там оно не поможет.

— Слушай, — Кторов задумчиво почесал нос. — Неужели правда? Там и в самом деле живут гномы? Какие они, Паша?

— Какие, какие... — Гнатюк был чем-то озабочен, чувствовалось, что разговор он ведет машинально. — Обыкновенные мужики, только маленькие очень. Морды морщинистые, руки в мозолях. А ты думал? Они ведь целыми днями то кайлом, то молотом машут.

— А стеклянный гроб? — жадно спросил Антон.

— А я откуда знаю? Они нас к себе не приглашают. Встретимся в гроте, обмен совершим — и разбежимся. А тебе что, принцессу чмокнуть захотелось?

— Интересно все-таки.

— Интересно будет, когда Кумок за город возьмется. Нам готовиться надо, в этом деле без гномов не обойтись.

Гномы, проживающие в катакомбах, были великими искусниками во всем, что касалось оружия. Они изготавливали пистолеты, похожие на кольты, пулеметы с бесконечной лентой (главное достоинство всех видов огнестрельного оружия, изготавливаемого гномами, заключалось в том, что в них никогда не кончались патроны).

— Ты ни разу не сталкивался с таким? — спросил Гнатюк. — Гонишь бандюгу, он отстреливается, вроде бы все патроны давно кончились, а он знай себе палит. Так будь уверен, пистолетик его гномами сработан. Как это у них получается, не знаю, но нам очень кстати. Главное — в бою перезаряжаться не надо!

Он озабоченно разглядывал тяжелый английский ботинок на своей левой ноге. Ботинок «просил каши» — подошва его отстала и грозила оторваться совсем.

— А ты, говорят, сегодня в парке с немцем, что на скрипочке пикирует, философские базары вел?

— Следишь? — вспыхнул Кторов.

— Была нужда, — Гнатюк затянул подошву проволокой, для надежности обмотал ее вокруг ботинка еще несколько раз. — Годится! Ты с ним осторожней будь, он же контуженный, из немецкого батальона, в плен попал, да так и остался. Кант ему фамилия будет. Буйный он. Попу нашему так врезал, тот два дня в себя приходил, потом кинулся в церковь, орет: анафеме предам! А немцу с того что, он лютеранин!

Притопнул ногой, проверяя, как держится проволока.

— Годится!

— Слушай, Паша, — спросил Кторов, — а тебе не кажется все это странным? Такое ощущение, что мы играем в каком-то спектакле, и даже не играем, нет, нас кто-то за веревочки дергает. Водолазы эти, кот говорящий, Голем трехметровый, теперь вот гномы еще... Но не бывает так, не бывает!

— Водолазы — это показуха, — зевнул Гнатюк. — Если хочешь, обряд такой: вроде, получается, никто никого не топил — вон они из пены морской на берег лезут. Стыдно же признаться, что безоружных мужиков, которым воевать надоело, словно кутят топили. Вот и при-

думали такое. Утопленники забудутся, а водолазы каждый день под духовой оркестр маршируют, их долго помнить будут.

Он прошелся по комнате, приоткрыл дверь и крикнул:

— Оська!

— Га! — звонко отозвался Остап Котик и появился в дверях. Как чертик из табакерки выскочил.

— Не га, а слушаю вас, товарищ начальник! — покровительственно и по родственному тепло поправил его Гнатюк. — А ну, сынку, сбегай к Михайло Поликарпычу, узнай, все ли они заготовили?

* * *

Кторов и Гнатюк в окно наблюдали, как выходит из ЧК юрдовый.

На взгляд Митьке было за тридцать; одетый в странное рубище, бывшее некогда строгим английским костюмом-тройкой, он был худ, длинноволос и небрит. Поэтому заросшая морда его чем-то напоминала собачью.

«Это я от Баюна Полосатовича заразился», — с тревогой подумал Антон.

Митька постоял на площади, чухаясь и скребясь, по-собачьи встряхнулся, неторопливо огляделся по сторонам и лениво поплелся в трактир.

— Лишь бы Сунжиков не подвел, — тревожно вздохнул Гнатюк.

— Не должен, — с сомнением сказал Антон.

Дверь распахнулась, и на пороге кабинета появился начальник Лукоморской ЧК Гервасий Бонифатьевич Добужанский — невысокий лысый человечек, плотного, если не сказать больше, телосложения в добротной шевиотовой гимнастерке, ушитых синих полицейских галифе и хромовых сапогах. На гимнастерке красовался орден Красного Знамени. «Мастифф», — определил породу Кторов, едва Добужанский вошел в кабинет.

— Ну что? — тонким фальцетом спросил начальник ЧК. — Смотри, Гнатюк, под твою ответственность я эту гниду выпустил. Скроется, ответишь перед революционным трибуналом по всей строгости рабоче-крестьянского закона!

— Да хоть сейчас готов, — мрачно сказал Гнатюк. — Ей-богу, Гервасий Бонифатьевич, вы столько пугаете, что уже и смерти не страшись. На кой черт она нужна, такая жизнь?

— Это ты здесь красиво поешь, — ласково улыбнулся начальник. — Поглядел бы я на тебя в подвале у Ангела Смерти!

Кторов уже знал, что Ангелом Смерти прозвали местного исполнителя Ваню Глухоту — здорового, постоянно смеющегося парня двадцати пяти лет, который в течение дня в серой косоворотке и люстриновом костюме бродил по кабинетам, маялся бездельем и приставал к товарищам с идиотскими вопросами. Еще он любил садиться за громоздкий «Ундервуд», заправлять в него чистый лист и, нажимая на клавиши негнувшимся пальцем, наблюдать, как на бумаге появляется новый знак.

— Ты смотри, — грозил ему начальник. — Сломаешь аппарат, я тебя самого в расход пушу. Не думай, у меня рука не дрогнет. Ферштейн, Ванька?

— Зер гут, — счастливо смеясь, отвечал Ангел Смерти и примерялся выстучать новую буковку. — Яволь, Гервасий Бонифатьевич!

— Смотри, Павел, — снова сказал Добужанский. — Слишком хитро ты все придумал, я бы проще поступил — Митьку и трактирщика к стенке, а банду встретил бы на въезде и порезал из пулеметов.

— Пулеметы и у них есть, — сказал Гнатюк. — И хорошие пулеметчики. А откуда они на город пойдут, Гервасий Бонифатьевич, какими силами? Вам это известно?

— Все ты, Павел, усложняешь, — вздохнул начальник. — У них тоже Лениных и министерских голов в банде нет. Полезут по старинке — от Разбойной слободы. Сначала разведка на тачанках, а потом и сам атаман с основными силами. Мы б тачанки пропустили, пусть их засада в тылу встретит, а атамана зажали бы. Нет, ты маракуешь, маракуешь... Прямо Наполеон, задумавший Кутузова разгромить.

Начальник недовольно сморщился, посмотрел на Кторова, ища поддержки у столичного гостя, не дождался ее и недовольно сказал, забавно надув губы, отчего усики его собрались в единую черную щепоть:

— Я ж говорю — чистый Наполеон. Только моя думка проста: контриков перевоспитывать бесполезно, их в штаб к Духонину отправлять следует, тогда они быстрее умнеют.

Он ушел.

Гнатюк прислушался к удаляющемуся стуку сапог начальника, уныло пробормотал:

— Вот так и живем. Голимый пузырь, но — начальник! Весь город поборами обложил, а пикнуть никто не смеет. И вокруг него таких же сучков кучка собралась, за Гервасия горло дерут. А как же — рука руку моет!

— Не подарок, — согласился Антон, — но начальников не выбирают, их тебе дают. Ты не волнуйся, такие долго не держатся, и, как правило, они плохо кончают.

— Ладно, — сказал чекист. — Ты бы отдохнул, товарищ Кторов, нам еще вечером силы понадобятся. А я, пожалуй, схожу посмотрю, все ли правильно наш меломан из трактира сделал.

— Чего уж там отдыхать, — проворчал Антон. — Пошли вместе.

* * *

— Все, как вы сказали, — трактирщик смотрел в пол. — Все, как вы сказали, господин чекист.

— Глупыш, — улынулся Павел Гнатюк. — Ну чего ты так расстраиваешься, Сунжиков? Это же и для твоей пользы.

— Знаете, — сказал трактирщик, — ужасно надоело быть марионеткой. Каждый пытается нащупать твое слабое место, а когда нащупывает его, считает, что взял тебя за глотку и может приказывать тебе сделать все, что угодно. Понимаете, господин чекист, это слишком унижительно для человека. Я так больше не могу. Никто и никогда больше не будет приказывать мне. Никто и никогда. Мне надоело дергаться на веревочках.

— Да ну? — ухмыльнулся Гнатюк. — И ты придумал, как с этим справиться?

Кторов понял.

— Зачем? — сказал он. — Зачем, Сунжиков?

— Чтобы быть свободным, — криво усмехнулся он. — Поверьте, это оказалось не так больно.

— Вы о чем? — непонимающе вклинился в разговор чекист.

— Он побил все свои пластинки, — объяснил Антон.

— Не может быть! — Гнатюк ринулся в зал.

Зал был усеян черными осколками самой разнообразной формы. Около стойки чернела целая груда осколков. У виктролы оказалась сорванной крышка. Здесь действовал человек в бессильной и безрасудной ярости.

— А чего ее жалеть, — объяснил Сунжиков. — Для кого?

Глаза у него были сухие и спокойные, как у человека, твердо уверенного в том, что через несколько минут он умрет.

— Дурак, — искренне сказал Кторов.

— Так что же, — отвечивал тот. — Зато теперь у меня нет слабости. Я свободен!

— Самому умирать еще страшнее, — угрюмо сказал Гнатюк.

— Вы знаете — нет, — трактирщик посветлел лицом. — Умирать самому значительно легче. Смерть — это черта, о которой страшно думать и которую совсем не страшно преступить. Куда тяжелее расстаться с тем, что составляло мою жизнь. Я — коллекционер. Вам этого не понять. Но не волнуйтесь, ваше поручение я выполнил в точности. Бандиты и революционеры — две стороны одной медали, но меня успокаивает, что вторые вооружены идеей, а это значит: однажды им надоест резать, и они придут к мысли, что мир живет созданием. «Мир — хижинам, война — дворцам!» — лозунг хлесткий, не спорю, но к чему рушить дворцы, если они уже принадлежат тем, кто пока еще живет в хижинах?

— Арестовать тебя и все дела, — сказал Гнатюк. — Испортит ведь всю кашу, что мы заварили!

— Не надо, — возразил Кторов. — Я ему верю.

— Вы умный человек, — вздохнул трактирщик. — Только пока не можете разобратся в истинных и мнимых идеалах. Хотите музыку? Специально для вас. Одну я все-таки оставил. Для души.

И поставил пластинку. Зашипела игла, и трактир заполнили звуки рояля. Мелодия была красивой, ее следовало слушать не здесь, ее следовало слушать ночью у моря, под шум набегающих волн, под звездами, возраст которых исчислялся миллионами лет, она поднималась и замирала, она умирала и вновь рождалась из бороздок, выдавленных машиной, мелодия была похожа на полет ночной бабочки, порхающей в черной пустоте.

— Дай-ка я и эту грохну! — шевельнулся Гнатюк. — Чего она одна осталась? Чистое сиротство!

— Тише, мой друг, — негромко сказал Кторов. — Это же «Аппассионата»! Любимая соната нашего Ильича!

Глава пятая

В сумраке грот действительно казался похожим на огромный человеческий череп. Особенно устрашающе выглядели кривые зубы валунов. В проеме, обозначающем отсутствующую переносицу, светились непонятные огоньки.

Второй день Кторова не оставляла мысль, что в своих исканиях он что-то упустил из виду. Казалось, где-то в стороне осталась разгадка важной тайны, но Антон никак не мог сообразить, что его так смущает. Днем, стоя у исполинской фигуры переправленного в подвалы ЧК Голема, он чувствовал это особенно остро. Он разглядывал лоб Голема в поисках начертанных там знаков, но лоб был чист, а тайну зна-

ков каким-то образом хранил христианский Бог. Ничего, что могло бы раскрыть тайну оживления чудовища, он в церкви не нашел, а пожилой поп с седой бородой и прозрачными голубыми глазами бесцветно смотрел на Антона, пожимая плечами, и было видно: он искренне недоумевает о причине такого пристального внимания к своей персоне.

И все-таки... Что-то было упущено, Антон чувствовал это, но чем разрешишь сомнения?

— Пошли, — позвал Павел Гнатюк. — Мигают вроде. Значит, так: вопросов лишних не задавать, с хозяевами ни о чем не спорить, глядеть всем на меня, как имеющего опыт общения. И оружием не махать, тут свои стрелки имеются!

Гномов было семеро.

Ростом невеликие, до пояса Антону не доставали, широкоплечие, отчего казались квадратными, бородатые, они, стоя у входа в пещеру, разглядывали идущих людей. Каждый был в отвесчивающей при лунном свете кольчуге, у каждого за поясом — боевой топор с узорной рукоятью и льдисто поблескивающим лезвием. Металл кольчуг и топоров совсем не походил на сталь, Кторова это заинтересовало, и он спросил о металле Гнатюка.

— Особый металл, браток, — негромко сказал тот, — мифрил называется. Ты пока помалкивай, не любят они, когда мы между собой шушукаемся.

Переговоры шли трудно. Дважды Гнатюк поворачивался, делая вид, что уходит, но его возвращали обратно, один раз гномы сделали вид, что обижены предложенной низкой ценой, но, в конце концов, договаривающиеся стороны на всем сошлись и даже купчески хлопнулись ладонями в знак того, что ударили по рукам.

Один из гномов ушел и вернулся, держа на каждом плече по длинному свертку, а за ним следовало странное существо, одновременно похожее на верблюда и товарную железнодорожную платформу. На это существо сразу стали укладывать принесенные припасы, а Павел Гнатюк еще продолжал говорить с главарем, оживленно и бодро размахивая руками. Гном поглаживал бороду и согласно кивал. Вид у него был довольный, словно он навязал чекисту свои условия и теперь радовался, что умело облапошил партнера по сделке.

Остап Котик, сидя на корточках, начал развязывать сверток, но был остановлен пинком Гнатюка.

— Гном сказал, — объяснил начоперотдела, — гном сделал. Верно я говорю, Гимли?

Старший гном что-то одобрительно проворчал, наблюдая, как железнодорожный верблюд, нагруженный припасами, исчезает в черном чреве пещеры. Живописно выглядел гном, у себя в пещерах он не иначе как в дамских любимчиках ходил. Кторов попытался представить себе женщин этого странного племени и не смог. Воображения не хватало. Вместо этого все время представлялся ему прозрачный хрустальный гроб с тоненьким созданием в белом платье, с пламенеющей розой на груди. Антон поймал на себе внимательный взгляд гнома по имени Гимли. Некоторое время тот молча рассматривал Кторова, потом негромко спросил что-то у чекиста. Тот так же тихо ответил ему. Гном чуть слышно рассмеялся, полез в сумку, висящую у него на боку, достал какой-то предмет и сунул его Гнатиюку, продолжая приветливо улыбаться разведчику. Они с Гнатиюком троекратно обнялись, гном Гимли махнул своим рукой, и все гномы одновременно исчезли во тьме пещеры.

Гнатиюк постоял немного, потом что-то сказал сидящему на камне Котику, и оба направились в сторону ожидающих их товарищей.

— Удачно получилось, — сказал Гнатиюк. — Очень удачно!

— Он тебя что, обо мне спрашивал?

Павел Гнатиюк посмотрел на растерянного Кторова, добродушно хлопнул его по плечу.

— Не дрейфь, разведка! Понравился ты ему. Так понравился, что он тебе даже подарочек поднес. Держи! — и сунул в руки двустороннее круглое зеркальце.

— Я что, баба какая? — ледяным голосом поинтересовался Антон. — Может, мне еще маникюр сделать?

— Чудак человек, — засмеялся Гнатиюк. — Да я б такому подарку не то что обрадовался, из рук бы его не выпускал! Это же не просто бабье зеркало, Гимли мне уже объяснил, как им пользоваться. Приходишь, скажем, на место преступления, а зеркало тебе показывает, что здесь происходило за двое суток до преступления и что произойдет еще через двое суток после него. Да такому подарочку, ежели его с умом использовать, цены нет!

— Ну и оставь его себе! — Гнатиюк искренне протянул зеркало чекисту. — Тебе оно больше понадобится.

— Э-э, нет, браток, подарки гномов передаривать нельзя. Если передаришь, то вещь сразу лишается всех своих качеств. Пусть у тебя остается.

— А ты что выменял?

— А я, брат, нужные вещи взял. Два пулемета с нескончаемой лентой. Легонькие, удобные. Их к нашим двум — и привет Кумку!

Антон задумчиво вертел зеркальце в руках. Полированные поверхности его отражали что-то невнятное, торопливое, размычатое.

«Это потому, что я иду», — сообразил Антон, и тут же ему в голову пришла еще одна совершенно уже невероятная мысль.

— Слушай, Паша, — сказал он. — Ну, коли мне такое славное зеркальце подарили, не посидеть ли нам в чека, не посмотреть, что там будет происходить в ближайшие двое суток?

Гнатюк остановился, посмотрел на товарища, потом увесисто двинул его в бок.

— Тю, — сказал он, — богатая мысль тебе в голову пришла, товарищ Кторов. Побачим як фильму, только грошей на билет тратить не треба.

* * *

Картина синематографа, увиденная ими, оказалась печальной. Такую фильму и смотреть не хотелось.

— Может, брехня все это, — не глядя на Кторова, пробормотал начоперотдела. — Знаешь, как оно бывает, цыганка тебе гадает одно, а на деле получается по-другому. Ты в голову не бери, главное, кончим мы их, не сбегут, за то я тебе ручаюсь.

Кторов молчал.

Южный свежий ветерок дул с моря, остужал горящее лицо, успокоительно топорщил короткие волосы.

— Да не думай ты об этом, — снова сказал Гнатюк. — Не надо картинкам верить, нет в них правды, видимость одна. Одно слово — синема!

— Слушай, Гнатюк, — сказал Антон. — А поклянись мне, что удовлетворишь одну мою просьбу?

— Чтобы мне бездетным помереть! — сказал Гнатюк. — Чтоб меня пролетарский трибунал осудил за измену родине!

И видно было, что для начоперотдела это не пустые слова, выстрадал он их долгими рабочими ночами.

— Так что у тебя за просьба?

— Если все так и случится, — сказал Кторов, — поедешь в Москву. Пойдешь на Хитров рынок, найдешь там татарина, его все знают, и попросишь встречи с Никитой Африкановичем Моховым. Запомнишь или тебе записать?

— Балакай дальше, — подбодрил Гнатюк.

— Встретишься с Моховым, отдашь ему одну вещь и скажешь, что это ему Луза с благодарностью возвращает. Сделаешь?

— Сделать-то сделаю, раз обещал, — усмехнулся Гнатюк. — Только вот никакой вещи я не вижу.

— Придет время — увидишь. — Антон взял товарища за руку и рывком развернул чекиста к себе. — Сделаешь?

— Да сделаю, сделаю, — заверил Гнатюк. — Сам сделаешь. Мы с тобой послезавтра еще посмеемся над всеми страхами.

Часть дороги они опять прошагали молча.

— А кто он, этот Никита Африканович? — спросил Гнатюк.

— Большая фигура в Москве, — усмехнулся Кторов. — Батар всего преступного мира, ему в ноги иваны кланяются, поддувалы в зад подобострастно и сладостно целуют.

— А почему ты ему что-то должен отдавать? — снова спросил Гнатюк, старясь идти в ногу с товарищем. — Ты-то к нему какое отношение имеешь?

— Не отдавать, а вернуть, — поправил его Антон. — Должок за мной. А это такой должок, что его и после смерти отдавать положено.

— Не каркай! — оборвал чекист.

Остаток дороги они прошли молча.

Кторов вспоминал свои встречи с Моховым.

Антон Кторов вытащил Мохова из ЧК. Шлепнули бы старика безо всякой пользы для революционного дела, только Антон этому вовремя воспрепятствовал. Тогда-то и выпил старик с ним заветной настоечки, которой никто и никогда, кроме самого Мохова, не пробовал.

— Ты, Тоша, помни, Никита Африканович добра не забывает, — сказал старик. — Никита Африканович добро помнит. Ты теперь мне заместо младшего брата будешь: что понадобится — проси, ни в чем не откажу.

Перед отъездом из Москвы Кторов встретился со стариком.

— Смышлен, — тяжело глядя на Антона, сказал Мохов. — Смышлен. Только ты же знаешь: есть вещи, которые просить нельзя. Ты ведь жизнь мою просишь, не меньше!

— Я верну, — пообещал Антон. — В любом случае верну. В любом.

Мохов молчал, глядя в стол.

Антон посидел немного, потом поднялся и пошел на выход.

— Не спеши, — сказал Никита Африканович. — Не спеши, Тоша. И дать не могу, и отказать не в силах.

Он встал, подошел к стене, сунул руку в неприметную щель и достал оттуда то, что просил у него Кторов.

— Сам знаешь, с такими вещами трудно расставаться. От души своей отрываю.

Бережно огладил предмет, помедлив, протянул его Кторову.

— Вернешь, — строго сказал он. — А теперь, как на духу, скажи — от кого узнал?

И глаза у него были нехорошие, очень нехорошие. Потому-то Антон и отказался:

— Не скажу, Никита Африканович. Человек добрый. А после нашего разговора, я чувю, он долго не проживет.

— Смышлен, — сказал старик и поднял на Кторова бесцветные глаза постаревшего хищника. — Не забудь вернуть. Обещал ведь...

* * *

Антон вошел в комнату, зажег спичку и при ее тусклом свете нашел керосиновую лампу. Фитиль желто и копотно взялся, Антон дал ему разгореться и накрыл стеклом. При прыгающем свете лампы он увидел стол, на столе сиданок, приготовленный ему на вечер заботливой Дарьей Фотиевной. Еда была немудреной и состояла из двух вареных и уже очищенных яиц, куска хлеба, на котором лежали белорозовые кусочки сала, да кружки компота, сваренного из сушеных абрикосов и яблок, но Кторов был рад и этому.

Увиденное в зеркале казалось бесконечно далеким, даже не верилось, что это может произойти с ним. «Морок», — сказал Антон. Настроения это не прибавило. «Морок», — чуть громче повторил Антон.

На постели завозились.

Рука сама потянулась к карману, оттянутому наганом.

— Чего орешь? — хриповато спросил с постели кот. — Нормальные люди спят давно, а коты и подавно. Гаши свет! Господи, как вы все мне надоели — белые, красные, зеленые... Покоя от вас нет ни днем, ни ночью!

При колеблющемся свете лампы тень кота на стене была совсем уж огромной, казалось, на постели лежит если не тигр, то, по крайней мере, леопард. На худой конец — рысь.

— Ты давно вернулся? — спросил Кторов, неторопливо стягивая сапоги.

Баюн Полосатович вытянулся на постели, передними лапами гребая и комкая простыню.

— Да перед тобой, — сказал он. — Обрадовался, сунулся в кринку, а в ней компот. Одно слово — люди. Друг о друге заботитесь, а кто позаботится о бедном несчастном коте? Я ведь тоже весь день делом занимался, маковой росинки во рту не было, тем лишь и отхарчился, что голубя у слободы поймал.

— Юродивый Митька в слободу приходил? — в нижнем белье и с лампой в руке Кторов подошел к постели.

— Как родного встретили, — сообщил кот. — Сам атаман его по плечу похлопывал, домашней жареной колбаской угошал, — кот явственно вздохнул. — Бандиты — и те к своим шпионам лучше относятся.

— А ты как?

— Да так, — кот выгнулся, сел, давая Антону улечься, сам прилег ему на грудь и приличия ради поурчал немного. — Залез на дерево, хорошо листвы уже навалом, ну и просидел весь день, людей в банде подсчитывая. Самое паршивое, товарищ Кторов, это на дереве сидеть. Тебя в сон клонит, а ты держись, не вздумай засыпать. Свалишься — и хорошо, если не убьешься, только чего в том хорошего, собак там туча, обратно запрыгнуть не дадут.

— Много их?

— Собак-то, — кот вздохнул. — Хватает!

— Да я про бандитов! — задабривая кота, Антон принялся почесывать его баки, крутую голову.

Кот блаженно всхлипнул.

— Товарищ Кторов! — стонуще сказал он. — Мне ж тебе доложить надо, оставь ты ласки. Неподходящий для того момент.

Успокоившись, негромко продолжил:

— Людей у него с полсотни, двое незнакомых, сразу видно — нездешние. И обмотки у них шелковые, и гимнастерочки словно только из мастерской. Шикарные хлопчики, да вот говор грубый, двух слов без матерка связать не могут. Слышал я, атаман одного Африкой называл, а другого Медником. Странные имена, товарищ Кторов, на клички похожи.

— Это и есть клички, — сонно объяснил Антон. — Выступать собираются когда?

— На завтрашний вечер, — сказал кот.

— Это хорошо, — Кторов легонько всхрапнул.

Кот помолчал.

— Ладно, — продолжил он. — Тачанок у него шесть штук. На четырех — «максимы», на двух — другой конструкции, названия не знаю. Только слышал я, озабочены кумковцы, говорят — патронов у них маловато. А обратно я еле ушел, с километр за мной собаки гнались. Есть у них там злобствующий — с виду беспородный, а слюны да ненависти на четырех овчарок хватит!

Кторов ровно дышал.

Некоторое время Баюн Полосатович прислушивался к дыханию человека.

В окно заглядывала огромная медная луна.

— Вот и помогай таким, — обидчиво сказал кот и завозился, устраиваясь удобнее. — Ладно, Кторов, я в ногах лягу, так ты не лягайся. И не храпи, пожалуйста, я страсть как этого не люблю!

Глава шестая

Утром, когда Кторов заглянул в местную ЧК, Гнатюк сидел в своем кабинете и невесело насвистывал. По кругам под глазами можно было смело сказать, что в эту ночь чекист спать не ложился.

— А я спал, — с удовольствием сказал Антон. — Как сурик в зиму. Сейчас наш котяра должен подойти, доложит, что и как. Слушай, Паша, незаменимое существо этот Баюн. Такому цены нет. Высмотрит, посчитает, подслушает, а главное — доложить по-человечьи может.

— Послушаем, — сказал Гнатюк, закуривая.

По груди окурков в черной объемистой пепельнице можно было судить, как далась чекисту бессонная ночь.

— В ночь пойдут, говоришь? — он коротко кивнул. — Это хорошо. Подготовиться успеем.

— Успеете, успеете, — сказал влезавший в форточку кот. — Они вчерась с утра самогонку лакали, значит, сегодня у них головы болеть должны. Стало быть, пока они здоровье не поправят, готовиться не станут. А ты же, Паша, по себе знаешь, что это такое — здоровье с перепоею поправлять.

Доложив о расстановке сил, кот посидел немного, катая лапой карандаш по зеленому сукну и круглыми глазами, состоящими из одних зрачков, поглядывая на людей.

— А потом я на крышу ихнего штаба забрался, — признался он. — Что я вам скажу? Крыша на хате соломенная, мышей в соломе пропасть! — тут он глянул на Кторова, вспомнил свои ночные жалобы на вынужденный пост и голодовку, немного смутился и сообщил: — Мышей — полно, а трогать их не смей, такой переполох подняться мог... Жил, товарищи чекисты, прямо по поговорке: и видит око, да зуб неймет! Планы они с обеда обсуждать стали. Порешили так: основная масса пойдет на чека, две тачанки и десяток бойцов отвлекут ваше внимание, имитируя нападение на гончарный заводик, ты его знаешь, Павел Борисович, в северной части Лукоморска он расположен. А как вы туда кинетесь, так основная группа захватит чека. Кумок так и сказал — два хода, чтобы внимание отвлечь, одним ходом в дамки прыгнем. Им главное сейф взять с драгоценностями, ко-

торые на площади Медник с Африкой потеряли, когда от засады убежали. А потом они рванут на берег моря, там их уже фелюга ждет, на ней они в Турцию рванут.

— Незамысловато, — потер подбородок Павел Гнатюк и толкнул Антона в бок. — А главное, как мы с тобой расписали — тютелька в тютельку!

— А чего ты от бандитов хотел? — удивился Кторов. — Грандиозных планов, составления диспозиций? Или тебя удивляет, что они артиллерийскую подготовку решили не проводить? У них все на шарап рассчитано, на скачок один. Слышал же, как атаман планировал — раз и в дамки!

Пока люди спорили, кот свернулся черным клубком на столе и задремал, подергивая острыми внимательными ушами.

— Баюн Полосатович! — ласково позвал Кторов. — Как ты насчет сметанки? Я поутру на базар забежал, взял свеженькой.

— Вот за то ты мне и понравился, товарищ Кторов! — кот уже не лежал, а, выгнувшись в спине, вонзал когти передних лап в дерево стола. — Есть в тебе обходительность и шарм столичный. В другое время тебе смотрителем зоопарка работать — самое место!

Обедали в кабинете. Для того прикупили на рынке кое-что из продуктов, и зря — Остап Котик, краснея и смущаясь, зашел в кабинет, поставил на стол корзинку:

— Тут вот мамка немного собрала, дядя Паша, уж не побрезгуйте гостинцем!

— Хороший паренек, — проводил его взглядом Кторов.

— Хороший, — согласился Гнатюк, сноровисто очищая яйцо. — Он мне как сын, даже малость жалею. Иной раз, веришь, в операции не пускаю: как представлю себе Дарью Фотиевну плачущей, у самого сердце заходится.

Поев, разомлели.

Кот, устроившись на подоконнике, жадным глазом следил за голубями, что бродили по площади. И вроде сыт был, а инстинкты обуздать не мог. Кторов представил, как кот сидел на соломе крыши, слушая шуршащих рядом мышей. Ну, не могло такого быть, не пропустил бы такого шанса Баюн Полосатович!

И опять его мысли вернулись к предстоящему бою. И сразу стало тоскливо и пусто на душе. Чтобы избавиться от дурных мыслей, Антон вновь вспомнил всю историю Голема. И листочек-то с заклинанием должен был быть совсем маленьким. Куда этот чертов раввин мог его деть? «Тайну пусть хранит христианский Бог»... Идиотизм!

Ну не мог правоверный иудей доверить православному Богу что-то ценное, никак не мог! И тут ему в голову пришла дикая мысль, такая, что от нее похолодели щеки! Как же это он сразу не догадался? Черт! Он схватился за карман гимнастерки. Карман был пуст. И правильно, он и должен был быть пустым. Тогда он был в другой, сейчас приготовленной к стирке.

— Ося! — громко позвал Кторов. — Котик!

Так громко, что кот вздрогнул и укоризненно глянул на боевого товарища круглыми глазами, а Гнатюк вскочил от неожиданности.

— Га! — появился на пороге юный чекист, счастливый, оттого что кому-то срочно понадобился. — Виноват, товарищ Кторов, прибыл по вашему приказанию!

Коротко Антон поставил перед юношей задачу.

— Та я мигом, — загорелся Котик. — Одна нога здесь, другая — там, товарищ Кторов! Вы папироски выкурить не успеете, как я обернусь!

Баюн Полосатович убежал следом — посмотреть и развеяться. «Уж больно вы много курите! — укоризненно бросил он от входа. — У меня уже шкурка дымом пропахла!»

Вернулся Котик и в самом деле быстро, но был чем-то смущен.

— Вы извиняйте, товарищ Кторов! — виновато сказал он.

— Не нашел? — не поверил Антон.

— Найти-то нашел, — мальчишка упорно отводил взгляд в сторону. — Це ж неумышленно, товарищ Кторов! Кто ж знал?

Выяснилось, что Дарья Фотиевна, решив сделать квартиранту приятное, в его отсутствие взялась простирнуть некоторые грязные вещи, включая и гимнастерку.

— Бумага на месте! — уныло сказал Остап. — Только вот...

Бумагу Кторов узнал сразу. Она по-прежнему была сложена в гармошку, только слиплась от теплой воды. Положив бумагу на стол, Кторов принялся осторожно разворачивать ее. В этом деле он вскоре преуспел.

На бумаге было несколько букв. Точнее, их было три: М Е Т.

На месте первой буквы синела чернильная клякса.

* * *

Основы шифровального дела были Кторову неплохо знакомы. Одно время он делил кабинет с Георгием Краевским, бывшим математиком, который увлекся лингвистикой, и это новое увлечение привело его в отдел крипторасшифровок. Он занимался этим давно,

начинал еще в царское время, работал с секретнейшими документами разных разведок мира. «Антон, — частенько говорил он, — все зависит от фантазии и знания уже раскрытых секретов. Главное — найти ключ. Начиная работу с шифром, исходите из того, какой язык используется для его окончательного прочтения».

Вот и сейчас он исходил из того, что буквы в тексте были латинские. А вот язык, на котором было написано слово... Оно могло оказаться из чешского языка, поскольку Голем и его хозяева прибыли оттуда, но с таким же успехом оно могло быть немецким или на иврите, поскольку использовалось для расшифровки Каббалы.

«МЕТ» можно было перевести, как «СМЕРТЬ». Такой формулировкой равнины пользовались, чтобы лишить Голема жизни. Стираешь букву, и Голем становится недвижимым. Следовательно, первая буква должна быть такой, чтобы обеспечить движение и развитие Голема.

— Не ломай голову, Антон, — посоветовал Гнатюк. — В Москве поломаешь. А тут мы и сами справимся. Кончим Кумка как врага мирового пролетариата!

— Погоди, погоди, — мысли Кторова были далеки от Лукоморска. — Надо начать с согласных букв. Слово должно иметь определенный смысл, в противном случае ничего не выйдет.

— Умный вы, товарищ Кторов, — уважительно сказал Остап Котик. — Это ж какая голова должна быть у человека, чтобы все в себе держать!

— Ты наган почистил? — спросил Гнатюк. — Нет? Так поди почисти. Я тебе сколько раз говорил, что оружие надо держать в полном порядке?

— И такое слово есть, — сказал Антон, разглядывая подсохшую скукоженную бумажку. — Есть такое слово, Павел Борисович!

Чекист выжидательно смотрел на него.

— Вот смотри, — сказал Кторов. — Добавим сюда букву «алеф». Что получится? Получится «ЕМЕТ», если перевести на русский язык все слово, то у нас с тобой получится «ИСТИНА». Понял? Пишем на лбу «ЕМЕТ», и Голем начинает развиваться, ходить, выполнять приказы. Стираем одну букву и получаем «МЕТ», что значит «СМЕРТЬ». И что у нас получается? Голем перестает двигаться и, повинувшись приказу, обращается в прах. Просто, а догадайся!

— Ты уверен?

— Не совсем, — вздохнул Кторов. — Слишком просто все получилось. Но сейчас мы можем попробовать разбудить его.

— А может, не стоит? — с сомнением сказал Гнатюк. — Расхреначит здание чека так, что никакие бандиты не понадобятся. Сам же говоришь, что не уверен.

— Дядя Паша! Товарищ Кторов! — заныл Оська Котик, уже закончивший чистку оружия. — Та давайте спробуем? Интересно же! Такая образина, и вдруг глазоньки откроет!

— Цыть! — прикрикнул на него Гнатюк. — Шенкам гавкать никто не разрешал. Не видишь, серьезные люди разговаривают!

— Та товарищ Гнатюк! — Оська покраснел и махнул рукой.

— Может, не надо? — продолжал сомневаться начоперотдела. — Лежит он себе в подвале и нехай лежит.

Но по заблестевшим глазам Гнатюка видно было, что пусть он и сомневается в окончательном результате опыта, попробовать привести Голема в действие чешутся руки и у него. Так чешутся, что ноги сами в подвал бегут.

— Слушай, — он покачал головой. — А как эта штука команды воспринимает? Со слов или ей тоже на лбу писать надо?

Кторов пожал плечами.

— Это можно узнать только эмпирическим путем.

— Каким-каким? — переспросил его чекист.

— Только поставив опыт, — объяснил Антон.

* * *

Голем потрясал воображение.

Огромный, бугристый, он лежал на полу, вытянув по швам сильные лапы.

— А он в дверь-то пройдет? — с сомнением спросил Гнатюк.

— А мы ворота откроем, через которые дрова в подвал выгружались, — сообразил Антон.

Павел Гнатюк с большим сомнением оглядел чудище.

— А все-таки не будил бы ты его, товарищ Кторов, — посоветовал он. — Не глянется, совсем не глянется мне эта мысль.

— Ты бы мел нашел, — парировал Кторов. — Чем надпись на лбу делать будем?

Гнатюк ушел с пустыми руками, а вернулся с маленьким ведерком.

— Нет нигде мела, — констатировал он. — И это понимать надо: чека не школа! Я тут серебрянку нашел, мы ею памятник погибшим коммунарам на прошлой неделе красили. Смотрю, а в ведре еще осталась. Подойдет?

— А она стирается хорошо? — Кторов заглянул в ведро. — А то ведь нарисовать-то мы нарисуем, только потом стереть не сможем.

За дверью мякнули.

— Открой, — с досадой сказал Гнатюк. — А то ведь не успокоится.

Баюн Полосатович скользнул в дверь, возбужденно размахивая хвостом.

— Товарищ Кторов! — сказал он, опасливо оглядывая Голема. — Как же так? Почему без меня? Как в разведку пойти, в подвал синагоги лазить, значит, вперед, Баюн! Шкуркой своей рисовать — это Баюн. От собак на дереве спастись и голодать во имя пролетарской революции — это тоже Баюн. А вот участвовать в историческом эксперименте ему заказано, да? Это как же понимать, товарищ Кторов?

— Да не вой ты, как вдова на похоронах, — оборвал его Кторов. — Мы еще сами ничего не решили.

— Не решили, а кисточку с краской приготовили, — заключил кот, брезгливо обнюхивая ведро. — Только мне кажется — мелом надо, товарищ Кторов, мелом!

— А ты его еще найди, мел этот, — вздохнул Антон.

— Ага, — сказал кот. — Прямо кинулся мел тебе искать. Мне, между прочим, тоже интересно посмотреть, как он встанет!

— Это еще не факт, — Кторов с сомнением оглядывал кисточку. — Мы сами не уверены.

— Ты пиши, пиши, — кот принялся нервно вылизываться. — Но я все-таки из осторожности за дверь выйду да в щелку посмотрю. Я в герои не рвусь, а вот очевидцем побыть согласен.

Баюн грациозно выскользнул за дверь.

— И мне что-то боязно, — признался Гнатюк. — Озноб какой-то, холодок в груди. Слушай, Кторов, а может, не стоит?

Антон и сам ощущал неуверенность и боязливую пустоту, от которой ныло внизу.

Он взял кисть, обмакнул ее в краску и, робея, написал на бугристом лбу Голема первую букву. Голем лежал без движения. Постепенно смелея, Антон рисовал букву за буквой. «Все равно ничего не получится, — думал он. — Люди тысячелетиями слово искали, а ты захотел сразу в цвет попасть. Нет, товарищ Кторов, тут надо не так мозги напрягать, тут надо крепко, очень крепко подумать»...

Буквы закончились неожиданно. «ЕМЕТ» — серебрилось на лбу чудовища.

— Ерунда все это, — сказал Антон. — Знаешь, Гнатюк, вредно себя очень умным считать. Я тебе так скажу...

— Погоди, — потрясенно пробормотал начоперотдела. — Он же смотрит! Точно — глаза открыл!

Глаза у Голема были красные, словно в темной бугристой массе вдруг появились отверстия, и стало видно кипящий металл. Кторов попятился. Чувствуя спиной упругое сопротивление человеческого тела. Гнатюк выглянул из-за его спины.

— Вот черт! Вот черт! — бормотал лукоморский чекист.

Голем сел. Доски пола жалобно зашкрипели. С ловкостью, неожиданной для его неуклюжего тела, Голем поднялся на ноги, едва не упираясь головой в потолок подвала.

— Слушаю, хозяин! — хриплым механическим голосом сказал он.

Глава седьмая

Атаман Кумок был недоволен тем, как складывался день.

С утра у него болела голова, и было плохое настроение. И нехорошие предчувствия одолевали атамана. А он своим предчувствиям верил, они не раз уберегали его от серьезных неприятностей и помогали унести ноги из засады.

— Да брось ты! — благодушно сказал Сережа Африка. — Там тоже не самые умные люди сидят. Они там все на мировой революции повернуты. «Мы на горе всем буржуйам...» — он сплюнул. — Они хотят, чтобы богатых не было. А я тебе так скажу: надо делать так, чтобы бедных не было. Взять все и поровну, по справедливости разделить.

— Ну, понес, — вздохнул Медник. — Ты, атаман, на Африку внимания не обращай, любит человек поболтать. Сегодня все и кончится. Возьмем кассу — и в море. А там все поделим... по справедливости.

Хотелось бы Кумку знать, как выглядит эта самая справедливость. В соображениях Медника, она наверняка гляделась совсем иначе, чем ее представлял атаман. «Ладно, — решил для себя Кумок. — Нам бы до моря добраться. А там видно будет».

— Вы как хотите, — встал он. — А я пойду подремлю. Перед боем поспать — самое милое дело. Свежим глазом все видишь, под пули зря не суешься.

— Бабу свою не слишком седлай! — крикнул вслед Сережа Африка. В спальне никого не было.

Кумок, не раздеваясь, в сапогах, рухнул на мягкую постель, закинул руки за голову. Сон не шел. Да какой к черту сон! Что-то подсказывало атаману, что лезть в Лукоморск не стоит. Большую силу там власть набрала, с Черным сотником справиться сумела.

Собаки во дворе вдруг залаяли зло и восторженно, словно увидели лютого врага. Кумок с неохотой пошевелился, отогнул занавеску и выглянул во двор. Ничего особого он не увидел. На кого лаяли собаки? Скорее всего, на огромного черного кота.

Жаль, что кот быстро в деревья ушел — пальнул бы в него атаман из своего пристрелянного верного маузера.

* * *

Если ты занят заботами, день короток и стремителен, как полет стрелы.

Лукоморск медленно погружался во тьму. То там, то здесь гасли лампы и свечи, которыми лукоморские жители освещали свои жилища по случаю разрухи. Люди ложились спать рано, в те времена все старались пораньше лечь и еще раньше встать, и поговорка такая была: кто рано встает, тому Бог дает. А вот атаман Кумок решил получить от Бога все, поэтому спать вообще не ложился.

— С Богом, — прочувствованно сказал Кумок и перекрестился.

Две тачанки и с пяток бойцов, которых атаман в довесок к винтовкам вооружил гранатами, двинулись к гончарному заводу — пальбой и взрывами видимость нападения создать. Основные силы Кумка настороженно и нервно ждали в рощице на городской околице — все нервные, напряженные, даже лошади и те дышали судорожно, понимая, что опять смертельная заварушка затевается.

— Паника, вот что необходимо! — сказал Кумок.

— Будет паника, атаман! — отозвался бородатый и угрюмый сотник Панасенко. — Даже не сомневайся, устроим так, любо-дорого глянуть будет!

И скрылся со своими людьми в скрипучей полутьме.

Славно, что день пасмурным вышел, висели над горами обложные тучи, тугие от скопившегося в них дождя, время от времени роняли мелкую морось на спящую землю.

У трактирщика Сунжикова с вечера сидели двое соглядатаев, следили в оба глаза за ЧК. Ничего не упустил атаман, все спланировал, все учел, кроме одного — Кторов да Гнатюк тоже все знали.

— Этих брать пока не будем, — сказал Гнатюк. — Пусть бегут, атаману доложат, что все по его плану идет. Склонился к уху Кторова: — Видал, как Гервасий Бонифатьевич вырядился? Все старье надел, чтоб, значит, за рядового бойца в случае чего сойти. А того дурак не понимает, что его весь уезд в морду знает.

— Хрен с ним, — сказал Антон. — Главное, чтобы он не облажался.

Ах, как тянется ожидание! Как томительно медленно бежит время! Казалось, день потому и пролетел так стремительно, чтобы ночь выдалась длинная и томительная.

— Ты, товарищ Кторов, на рожон не лезь, — глухо сказал Гнатюк. — Я всем этим волшебствам не особенно верю, только не зря говорят, что береженого бог бережет. Чуть что — отступай, не нервничай, наши люди сделают все, что надо. Ах ты, Господи, курить-то как хочется, уши с того пухнут!

— А ты махорки пожуй, — посоветовал Кторов. — Говорят, помогает!

Гнатюк в темноте зашуршал чем-то, потом гневно плюнул на пол.

— Может, кому-то и помогает, — сказал он раздраженно, — а мне так блевать с такого вкуса охота. Оська? Ты здесь?

— Здесь, Павел Борисович.

— Ты, Оська, — слегка задушливо сказал Гнатюк, — поближе к товарищу Кторову держись. Подмогни, коли что.

— Сделаем, — солидным мальчишеским баском пообещал Остап.

Где-то на окраине грохнул первый выстрел. За ним еще и еще, раскатился длинной очередью пулемет, грянула ручная бомба.

— Ну, слава Богу! — похоже, Гнатюк перекрестился. — Кажись, началось!

За окном послышались голоса, заржали лошади, зацокали копыта — Гервасий Бонифатьевич Добужинский повел свой отряд на жестокий и смертельный бой с бандитами. Топот не успел стихнуть, когда на майдане мелькнули еще две тени. Мелькнули и раскатились торопливым галопом, устремляясь прочь.

— Все, — сказал с облегчением Гнатюк. — И эти подались. Теперь жди атамана с основным отрядом. Ну что, товарищ Кторов, подергаем атамана за усы?

Глава восьмая

В ночных боях нет ничего красочного и быть не может.

Особенно если устроена была засада на одну из сторон.

Атаман Кумок полагал, что он является хозяином положения. Только зря он это полагал. Настоящие хозяева его уже поджидали. Как сказал бы Баюн Полосатович, будь внимательным, лова в подвале мышей, возможно, тебя самого уже кто-то ловит.

Правда, в темноте это сделать весьма и весьма затруднительно.

Тачанки вылетели на майдан и хлестнули по окнам ЧК длинными очередями.

Одновременно с противоположной стороны зазвенели выбитые стекла, и коридоры заполнились тяжелым топотом, словно в темноте их играла в салки рота солдат.

— Дави их! — заорал кто-то, и темноту разорвали вспышки выстрелов. — Вылезайте, красные суки!

— Боятся, — спокойно сказал Гнатюк. — Это хорошо!

— Сейчас, — усмехнулся Кторов. — Сейчас они заберутся в подвал.

В темноте комнаты гулко ударили одиннадцать часов с боем.

— Заглуши, — приказал Кторов. — Громко бьют, за шумом не услышим, что творится в коридоре.

Из подвала послышались вопли — вначале ликующие, они быстро превратились в панические. Здание сотряслось.

Голем увидел врагов.

И атаман Кумок, соскочивший с лошади, чтобы горделиво войти в здание, тоже увидел Голема.

— Мать твою! — воскликнул он. — Кажись, ребята, попали!

Сережа Африка и Леня Медник ожесточенно стреляли в Голема из револьверов. Видно было, как пули высекают из бугристой кожи красноватые искры. Голем медленно разворачивался в их сторону.

— Хорош патроны переводить! — заорал Кумок. — Линять надо!

— А цацки? — растерянно спросил Медник.

И тут, быть может, впервые в жизни Кумок проявил благоразумие.

— Какие цацки? Очнись! Покойникам деньги не нужны! — крикнул он, устремляясь к дверям.

— Врешь, — пробормотал Медник. — Я его, суку, добыю!

И продолжал стрелять, целясь в красноватые глаза.

— Назад! Все назад! — заорал Кумок. — Ходу, ребятки, ходу!

За ним послышался грохот. Голем вышел на свободу, похоронив под обломками стены и щепой сломанной двери незадачливого стрелка.

— Атаман, — крикнул Сережа Африка. — Леньку придавило.

— Тикай, тикай! — крикнул атаман, отбегая к тачанке, с которой по Голему вели пулеметный огонь. — Тикай, тебе говорят, ему уже ничем не поможешь!

— Вот так, — довольно сказал Гнатюк. — Сейчас он им сани поправит! Ну что, пора?

Он взвел наган, сочувственно посмотрел на Кторова.

— Ты бы посидел здесь, товарищ Кторов. Картина-то не та, что в зеркальце была, но все равно...

— Картина другая, потому что мы неучтенный фактор ввели, — сказал Кторов, прислушиваясь к воплям людей и отчаянному ржанию лошадей на улице. — В картинке Голема не было. А теперь все изменилось, понимаешь, Паша, все изменилось.

— И все равно посидел бы ты в стороне, — с сомнением сказал Гнатюк.

В комнату вбежал чекист.

— Ну, ребята, — заорал он восторженно. — Я такого на германской не видел. Пушек не надо, он их так, ручищами своими метров на десять в воздух подкидывает. Силища-то какая! Павел Борисыч, откуда такая хрень?

Столкнулся взглядом с Кторовым и смутился.

— Потери есть? — спросил Гнатюк.

— Любишина осколком бомбы убило, — сказал чекист. — Краснова и Кислюка легко ранило.

— Как по нотам, — заключил начоперотдела. — Как по нотам!

А дальше должна была последовать неизбежная развязка. Пользуясь атакой бандитов, группа чекистов, вооруженных пулеметами гномов, заняла опустевшую Разбойную слободу и ждала своего часа, чтобы покончить с отступающим противником.

— Слушай, Паша, — сказал Кторов. — Не дадим атаману вывернуться. Где его ждет фелюга, знаешь?

* * *

При луне фелюга белела приспущенным, лишенным ветра парусом на темной поверхности воды. Где-то позади еще сухо потрескивали выстрелы, пару раз увесисто и смертельно громыхнули разрывы ручных бомб.

— Сейчас, — сказал Кторов. — Сейчас мы с тобой, Оська, купим пару билетов на лодку. Нам главное — до фелюги добраться. А там мы их подождем.

— Зря вы все это затеяли, Антон Георгиевич, — баском сказал Котик. — Ну, побили бы мы их и без того. А остальные бы все равно в бега подались.

— А атаману ты пролитую кровь готов простить? — спросил Кторов. — Пусть бежит за границу, пусть доживает свои дни в спокойствии и довольстве, так что ли?

— Так шо кровь, товарищ Кторов, — сказал юноша. — Можно подумать, мы ее меньше льем.

— Разница есть, Оська. Мы кровь льем во имя высшей справедливости, а он, бандит этот, чтобы пограбить да пожить в свое удовольствие. — Кторов взглядом выискивал шлюпку, ждущую атамана, среди прибрежных камней. Он никогда бы не сумел ее обнаружить — все сливалось в один сумрачный фон, но на лодке кто-то закурил. Вспыхнувший огонек стал путеводной звездой. — Пошли, — толкнул Кторов юношу. — Пока он курит, мы на огонек и подберемся.

Они стали пробираться среди камней, стараясь шуметь как можно меньше. Перестрелка медленно приближалась — бандиты отступали к морю.

Куривший бандит не успел даже затянуться в последний раз. Метать ножи Кторов умел не хуже цирковых артистов. Второй вскинул винтовку. Но выстрелить не успел. Кторов выстрелил раньше.

— На весла! — приказал он Котику.

До фелюги было метров восемьсот, но юноша греб неумело, поэтому, когда они достигли фелюги, стрельба уже шла на побережье.

Четверо греков подняли руки сразу же, не желая оказывать какого-либо сопротивления.

Кторов загнал их в трюм, приказав юноше стать у штурвала.

И тут раздался выстрел.

Пуля обожгла грудь, и Кторов вдруг подумал, что судьбу не обмануть. Уже падая на деревянную палубу, он сумел обернуться и выстрелить в человека, который его ранил. Уже потом он увидел, что в него стреляла женщина. Смазливенькая бабенка в дорожном платье и маленькой шляпке, которая после ответного выстрела отлетела в сторону, открывая рассыпающиеся черные волосы. Любовница атамана Мария Семенова, по прозвищу Паучиха, закончила свое существование на земле.

Левый бок жгло.

Кторов подполз к мачте и сел, стараясь не смотреть на мертвую женщину, рядом с которой поблескивал небольшой никелированный револьвер. Луна надолго вышла из-за туч. Огромная, жирная, истекающая лучами, она освещала побережье, где метались люди и вспыхивали выстрелы.

— Позови грека, — сказал Антон подбежавшему юноше.

Носатый грек встал, закрывая луну. В таком положении лица его не было видно, но этого и не требовалось.

— Заводи мотор, — приказал Кторов. — Иди к берегу.

С вооруженными людьми не спорят, грек усвоил это очень хорошо.

Метрах в двадцати от берега Кторов приказал греку заглушить мотор и поставить парус.

— Оська, — уже с некоторым усилием сказал он, чувствуя, что немеющие губы перестают повиноваться его воле. — Поди сюда!

— Здесь я, Антон Георгиевич, — белое большеглазое лицо склонилось над Кторовым.

— Достань из кармана на груди, — сказал Кторов.

Мальчишка повозился и выпрямился, держа в руках небольшую тонкую дудочку.

— Играй, — велел Кторов.

— Я не умею, товарищ Кторов, — сказал Котик. — Честное слово, я не умею!

— Тебе и не надо уметь, — Антон пошевелился и застонал от пронизывающей грудь боли. Ладонь попала во что-то липкое, теплое, и Кторов не сразу сообразил, что это его кровь, которая натекла на палубу. — Дуй, словно наигрываешь какую-то мелодию. Играй, Ося, играй!

Юноша растерянно поднес дудочку к губам.

И все изменилось на берегу.

* * *

Все изменилось на берегу.

Прекратилась стрельба. Люди, уже не обращая друг на друга внимания, толпились ближе к воде, вглядываясь в темное водное пространство, на котором белым грубым куском, как незакрашенный на картине участок, белел парус фелюги. Стоял Александр Кумок, а рядом с ним раненый в руку Лень Медник, и уцелевшие бандиты, прорывавшиеся к берегу, чтобы уйти за кордон. Стояли чекисты и местная милиция, составлявшие отряд под командованием Гервасия Бонифатьевича Добужинского, и сам Гервасий Бонифатьевич, равный среди равных, ну, может быть, чуточку равнее других, стоял, задумчиво вглядываясь в ночную морскую гладь.

А дудочка играла странную мелодию, ошеломляя самого музыканта, не подозревавшего до того в себе музыкального дара, которого, собственно, и не было. В руках у Остапа Котика была не простая дудочка, в руках у него был знаменитый инструмент из легенд. В руках у Остапа Котика была дудочка гаммельнского крысолова. Имен-

но она помогала Никите Африкановичу Мохову удерживать свою могущественную власть в преступном мире. Ведь кто по своей сути бандит, как не крыса, жиреющая на чужом несчастье и благоденствующая благодаря отобранному у других? Бандит, подобно крысе, любит жить в полутьме, невидимо для других, и появляется на свет лишь в двух случаях — когда есть возможность пограбить людей или проявить живущий в каждой бандитской душе кураж. Бандит, как и крыса, существо стайное и склонно поиздеваться над слабым, раболепствуя и пресмыкаясь перед сильным. Удивительно ли, что преступный мир подчинился мелодии дудочки, как подчинились этому однажды крысы города Гаммельна?

И Кумок со своей бандой вслушивались в мелодию с вожделием и страхом, потому что они уже были послушны Зову. Один за другим они бросались в море и плыли, плыли к покачивающейся на малых волнах фелюге. Плыли и скрывались по одному в морских глубинах. Дольше других держался на воде атаман. Но в один прекрасный момент он вскинул голову, разглядел приближающуюся фелюгу и увидел, что его на ней никто не ждет. Оттого и дальнейшие усилия показались ему напрасными и нелепыми, как черные звезды на дневном небе, которые он увидел, погружаясь в холодные морские глубины, где его, деловито пощелкивая клешнями, с нетерпением ждали местные привратники ада.

А тут и Гервасий Бонифатьевич вдруг махнул рукой, сел на песок и принялся стягивать непослушные сапоги. Зашел в воду, плеснул ею себе в лицо и поплыл в неизвестность, загребая по-собачьи и глядя перед собой. Вслед за ним последовали и некоторые чекисты с милиционерами из числа его особо доверенных сотрудников.

А следом за ними в слепом раже преследования в воду вошел Голем. Медленный и огромный, он уходил все дальше в море, взметая фонтаны искрящейся в лунном свете воды, море поглотило чудовище, и только всплески показывали его путь — частые вначале, они становились все реже и наконец исчезли вовсе, а морские воды, сомкнувшиеся над ним, не давали сделать однозначного вывода — то ли надпись, сделанная у чудовища на лбу, была смыта морской водой, то ли Голем ушел на такую глубину, что поверхность больше не хранила следов его передвижения.

Павел Борисович Гнатюк, закурив папиросу «Зефир», сел на камень и задумчиво спросил оказавшегося поблизости бойца:

— Бачил, браток, як они бежали? Як крысы с тонущего корабля.

* * *

— Товарищ Кторов! — плачуще сказал Ося Котик. — Ну, товарищ Кторов! Та откройте же глаза, бо мне боязно!

Белое испуганное лицо с большими умоляющими глазами выплыло из тьмы.

— Где мы? — спросил Антон, чувствуя, что не в силах пошевелиться.

— Да в море мы, в море, — нетерпеливо сказал юноша. — Дальше шо робити, товарищ Кторов?

— Все? — спросил Антон.

Юноша его понял.

— Все, товарищ Кторов, — сказал он. — Уж я натерпелся горя, глядя, как они... Прямо сердце зашлось, — и заплакал. Всхлипывая, сообщил: — И михрютка этот каменный тоже утонул.

— Не реви, — сказал Кторов. — Прикажи греку, чтобы поворачивал к берегу.

— Та як я ему прикажу? — сквозь слезы спросил юноша. — Дядько здоровый, разве он меня послушает?

— Послушает, — Кторов попробовал улыбнуться, только улыбка, он чувствовал это, вышла страдальческой. — У тебя же наган, Ося! Вооруженного человека всегда понимают быстрее, чем человека без ружья. Скажи ему, чтобы правил к берегу.

— Будет сделано, товарищ Кторов! — Остап Котик поднялся с колен.

— Погоди, — удержал его Антон. — Дудочка цела?

— А як же, при мне она, — доложил юноша.

— Вот и хорошо. Отдашь ее Павлу Борисовичу. Скажешь ему, что это и есть тот самый предмет, который надо вернуть Мохову. Скажи, что он обещал. И еще... скажи, чтобы про заклинание молчал. Бумаги пусть отправляет, а вот про заклинание не надо... И так крови много. Если так щедро ее лить, никакого человечества не хватит... А дудочку обязательно... Ты понял меня?

— Понял я, понял, — лицо Котика снова стало страдальческим, и губы задрожали. — Вы бы держались, товарищ Кторов. А то ведь как я Павлу Борисычу доложу?

Но Кторов уже не слышал его. Опрокинувшись на спину, он смотрел на звезды, вдруг высыпавшие над морем. Ветер куда-то угнал облака, и яркие звезды щедро усеяли черноту небес, словно торопились показать уходящему человеку свет. И в последние минуты своей жизни авантюрист и разведчик Антон Георгиевич Кторов думал

о том, почему звезд не видно днем, ведь это так здорово — видеть их свет. Последней ему пришла в голову мысль о том, что все происходит правильно: звезды во тьме — это символы света. Но если бы они стали видны днем, то смотрелись бы черными точками, а разве нужны человеку символы вечной тьмы?

Глава девятая

Бокий размышлял.

Он нервно ходил по квартире, заложив руки за спину. Произошедшее в Лукоморске ему не нравилось, вернее, не нравилось ему, как все это изложил чекист, прибывший оттуда во исполнение смертного распоряжения Кторова. Получалось, что никаких бумаг о материалах, необходимых для изготовления Голема, не сохранилось, единственный экземпляр затонул при нападении банды местного атамана, и даже секрет оживления этого странного существа канул в небытие со смертью Кторова.

Бокий искренне сожалел, что все получилось именно так, но еще больше он жалел о потере Антона Кторова. В разведке всегда не хватает толковых умных людей, и найти замену Кторову было сложно, очень сложно. Он вспомнил приехавшего чекиста и на секунду задумался, не попробовать ли в деле его, но тут же отказался от этой мысли — простоват был лукоморский чекист, такому за бандитами гоняться да белобандитов в чистом поле рубить.

А дел много: надо работать с Александром Романовичем Беляевым, имелась у Бокия информация об интересных контактах этого человека с тайными изобретателями и адептами древних знаний. Надо было — кровь из носу! — организовать командировку Барченко на Кольский полуостров для проверки информации о наличии там древних городов проариев, обладавших теперь, быть может, навсегда утраченными знаниями о природе. И «меречение» представлялось Глебу крайне любопытным явлением, которое обязательно надо было тщательно изучить. Да и сообщения поступали последнее время любопытные, на проверку их уже были нацелены Староверов, Тоцкий и Лебедев.

Дел много, вот времени...

В этот раз Бокий долго медитировал, загадав мысль, которой всегда сторонился. Сегодня он спросил себя, а доживет ли сам до победы мировой революции. Напрашивался явный ответ, но сегодня Глеб Бокий решил его проверить. Закончив медитировать, он открыл глаза и посмотрел на сосуд. Нехорошие предчувствия его не обману-

ли. Большой фаллос подлез под указательный, и торчал оттуда бледной дулей. Дряблые фаллосы зловещей пятерни собрались в неуклюжий, но оттого не менее издевательский кукиш.

* * *

Павел Гнатюк сидел в трактире на Хитровом рынке.

Вокруг крутился самый разнообразный люд подозрительного и странного вида, но Павел старался не проявлять любопытства. Место было такое, что за лишний косой взгляд любого могли, не задумываясь, поставить на перо. Доклад Бокию он сделал. Тоший чекист с худощавым лицом и глубоко запавшими глазами не произвел на него особого впечатления. Чересчур серьезен. Человек должен иногда улыбаться, а этот Бокий, наверное, уже забыл, когда улыбался в последний раз. Но Павел его понимал: на серьезном месте сидит человек, порой с чертовщиной дело имеет. На таком месте сидеть трудно, а усидеть еще труднее.

Он закончил есть, вытер и перекрестил рот. Не потому, что верил, просто от привычек, приобретенных в детстве, избавиться трудно. Отодвинул тарелки, посмотрел на половых и выбрал самого нахального, самого жуликоватого на вид. Поманил его к себе:

— Чего изволите? — склонился тот.

— Татарина позови, — сказал Гнатюк. — Скажи, дело у меня есть к самому.

— Не понимаю, — отозвался половой.

— И не надо, сударь, не надо, — сказал Гнатюк. — Есть такие вещи, что понимать их просто опасно. Скажи татарину, что я жду.

— А как изволите отрекомендовать вас?

— Скажешь, человек пришел, долг Никите Африкановичу отдать. Он знает.

За ним пришли.

Долго вели по узким вонючим коридорам, заваленным какой-то рухлядью.

— Входи, мил человек, — сказал провожатый.

За столом небольшой комнаты сидел крепкий кряжистый старик, одетый в дорогой халат.

Старик с интересом разглядывал чекиста.

— Откуда? Кто? — требовательно спросил старик. — Память у меня хорошая, уважаемый, в должниках у меня вы не ходите.

— Не хожу, — согласился Павел.

Скосив глаза, он увидел за своей спиной мускулистого человека

с тщательно выбритой головой. Человек был раздет до пояса, и в руках держал тонкую черную удавку, всю в маленьких узелках. В уголках рта этого странного и опасного человека белела пена.

Павел достал из кармана сверток и протянул хозяину.

— Долг, — просто объяснил он.

Никита Африканович развернул тряпицу, увидел дудочку и тут же торопливо завернул ее обратно. Встал, уже с нескрываемым интересом разглядывая Гнатюка.

— Ах, Тоша, Тоша, — сказал он. — Значит, погиб? Ведь это он вас просил передать? — Никита Африканович взглядом показал на тряпицу.

— Точно так, — коротко сказал Павел. — Больше у меня к вам дел нет. С вашего позволения, я откланяюсь, Никита Африканович?

Старик постоял у стола.

— Премного вам благодарен за то, что выполнили поручение моего друга, — сказал он. — Не смею вас больше задерживать. Большую услугу вы мне этим оказали, Павел Борисович, — добавил старик. — Очень большую. Я у вас в долгу. Обращайтесь, если станет трудно или просто что-то понадобится.

— Непременно, — кивнул Гнатюк. — Непременно обращусь.

В сопровождении татарина, бывшего телохранителем хозяина Хитрова рынка, он вновь прошел узкими коридорами, спотыкаясь о сломанные стулья, поваленные тумбочки, кипы дореволюционных газет, неведомо как оказавшихся в разбойном логове. Выйдя на улицу, он с наслаждением вдохнул свежий сладкий воздух.

Татарин хлопнул его по плечу.

Павел оглянулся.

— Жаль, — сказал татарин. — Хороший был человек. Большой человек. Мой все хорошо видит. Ты тоже большой человек. Только делаешь вид, что маленький.

* * *

Кот Баюн Полосатович сидел в одиночестве, ерзал задом по табурету, готовясь к работе. Настроив себя соответствующим образом, кот Баюн поднялся на задние лапы, потянулся к чернильнице, обмакнул в нее особым образом заточенный коготь, высунул розовый язык и, шурясь, вывел на чистом листе:

«С известным красным разведчиком Антоном Кторовым судьба свела меня в то время, когда все в стране стало постепенно налаживаться. Он приехал в Лукоморск на поиски Голема, еще не подозревая, что судьба уготовила ему иное будущее. Я отдал много времени,

чтобы пробудить в этом молодом человеке природную наблюдательность и внимание к деталям. Иногда мы с ним обсуждали произведения Конан Дойля, и я радовался, отмечая, как растет над собой этот еще неопытный чекист, который, по моим наблюдениям, мог стать в один ряд с Лоуренсом Аравийским. Увы, иная судьба выпала ему...»

Кот сидел еще немного, бумага перед глазами вдруг стала странно расплываться. Похоже, он сильно устал. Очень сильно. Кот Баюн с тоской посмотрел на сундук, где ему было приготовлено уютное лежбище, смахнул с круглых глаз выступившие вдруг слезинки и вновь принялся за работу.

Надо было много работать, чтобы успеть изложить на бумаге все, что происходило с ним в этой жизни. Много вспоминалось ему сейчас, в эти ночные часы.

Звякнула щеколда, дверь открылась, и в комнату вошел немец Эммануил Кант. Снял штиблеты, аккуратно поставил в угол скрипку, сел на табурет и, по-бабьи подперев щеку, с немецкой любознательностью уставился на Баюна.

— Все пишете, — с расстановкой сказал он. — Пишите, Баюн, пишите. Помните, что создаете историю. История всегда бывает такой, какой она описана... э-э-э... скажем, умными существами. Поэтому она постоянно меняется. Это единственная научная дисциплина, содержание которой постоянно меняется в зависимости от личного мнения тех, кто ею занимается.

Снял пиджак, повесил его на гвоздь.

— Сегодня, Баюн, — сказал он, — я открыл в себе моральный закон. Что такое совесть? Вот я посмотрел на звездное небо. Мрак вокруг, в темноте мерцают звезды, светят. Звезды — это совесть небес. Они видны в крошечной тьме, они — источник света. И я подумал: а почему нет символов тьмы на небесах? Днем звезд не бывает. Если бы не было морального закона, которым мы живем, небо каждого дня было бы испещрено черными точками. Но тьма кратковременна, об этом каждый день говорит солнце. Моральный закон — это свет, который живет в тебе и не дает разрастаться тьме.

— Как всегда вы все усложнили, Эммануил, — не отрываясь от занятия, сказал кот. — Суть морального закона в том, чтобы радоваться каждой живой мышце и убивать лишь тогда, когда хочется есть.

* * *

— Значит, Голем все-таки существовал, — сказал Дзержинский, поднимая глаза от бумаг.

В кабинете было сумрачно, горела настольная лампа под зеленым абажуром. Дзержинский почему-то считал, что зеленый цвет успокаивает воспалившиеся глаза.

— Именно так, Феликс Эдмундович, — вздохнул Бокий. — А теперь его нет.

— И человека ты потерял?

— И человека потерял. Хорошего человека, думающего, инициативного.

Дзержинский что-то пометил у себя в бумагах, наклонился к Бокию.

— Готовьте экспедицию в Тибет, Глеб, — сказал он. — Рерих утверждает, что в глубинах гор есть загадочная страна, которой правит Союз девяти. Они намного обогнали весь мир в техническом развитии. Сколько нам потребуется для подготовки экспедиции?

— Думаю, не меньше года, — прикинул Глеб.

Дзержинский встал, подошел к окну.

— Техническое перевооружение — это то, что нам сейчас необходимо, — сказал он твердо. — Я обдумал ваши слова. Необходимо организовать научный и технический шпионаж на Западе. Надо скопировать технологии, патенты, просто воровать хорошие машины и станки, если не удастся их купить за приемлемую цену. И искать свои таланты, разумеется. У меня на днях был один изобретатель, предлагает использовать направленные взрывы для открытой разработки угольных и рудных месторождений. А по ночам изобретает машину, которая будет двигаться под землей. Даже название ей придумал: геолоход. Представляете, Глеб, страна в развалинах, а люди уже замахиваются на недостижимые цели! И нам надо поддерживать таких людей — мечтателей, романтиков, фантазеров.

— А мировая революция?

Дзержинский махнул рукой.

— Революция подождет. Главное — не похоронить нынешний росток будущего. Мировая революция — жупел, пугало, которым время от времени можно будет пугать буржуазию. А для нас наступит новый этап. Дворцы разрушены, пора строить новые, но уже для всех.

— А как же стальной человек с Кавказа? — усмехнулся Бокий.

— Знаете, Глеб, а мне его позиция нравится, — сказал Дзержинский. — Она позволяет держать всех в кулаке. Будет зарываться, мы его поправим. Есть Ильич, есть Бухарин, есть, наконец, я, пусть мне остается не так уж и много времени. А концентрационные лагеря —

необходимое условие для строительства нового мира. Тот, кто не уверовал в догмат, должен хотя бы склониться перед ним. И знать, что если ты не склонишься, то тебя склонят. Идея не терпит массового сомнения, все сомнения должны оставаться теоретикам, остальных должен поддерживать энтузиазм. Главная опасность для пролетарского государства живет не вне, а внутри его. Это сознание масс.

— А не боитесь? — прищурился Бокий.

— Оказаться в жерновах? — вздернул бородку Дзержинский. — Знаете, Глеб, не боюсь. За мной многолетний авторитет, я показал партии, на что способен, и доказал, что не являюсь врагом идеи. А кроме того... Глеб, я могу быть с вами полностью откровенным. Страх нет и еще по одной причине. Вы мне рекомендовали обратить внимание на Фридриха Павловича Гросса. Действительно, очень любопытная личность. Теперь я знаю многое из того, что ожидает нас в ближайшие двадцать лет: смерть вождей, кровавая борьба с оппозицией, индустриализация и коллективизация страны. Нельзя изменить судьбу отдельного человека, можно изменить направление общественного развития. Но методы, методы... Иногда мой разум противится всему этому. Придется пролить много крови. Все во имя будущего, Глеб, все во имя будущего.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Глеб Бокий. — Вопрос в том, поймут ли нас будущие поколения? Оправдают ли они пролитую нами кровь?

— При единственном условии, — сказал Дзержинский. — При одном-единственном условии, Глеб. Если они будут жить хорошо. Значительно лучше, чем жили прежде. В противном случае мы будем прокляты.

Бокий помолчал. На эти слова что-то возразить было очень трудно. Он сам думал об этом ночами. И все же не удержался:

— Феликс Эдмундович, но вы так и не сказали, почему не боитесь заглядывать в будущее...

— Не боюсь, — сказал Дзержинский и отвернулся к окну. — Мне осталось совсем немного. Я умру внезапно от сердечного приступа после доклада, который сделаю как председатель ВСНХ страны в двадцать шестом году.

— Предчувствия? — усмехнулся Бокий.

Дзержинский отрицательно качнул головой.

— Фридрих Павлович Гросс сказал.

Р О Н Г У Л А Р Т

БЕСЕДЫ С МОИМИ

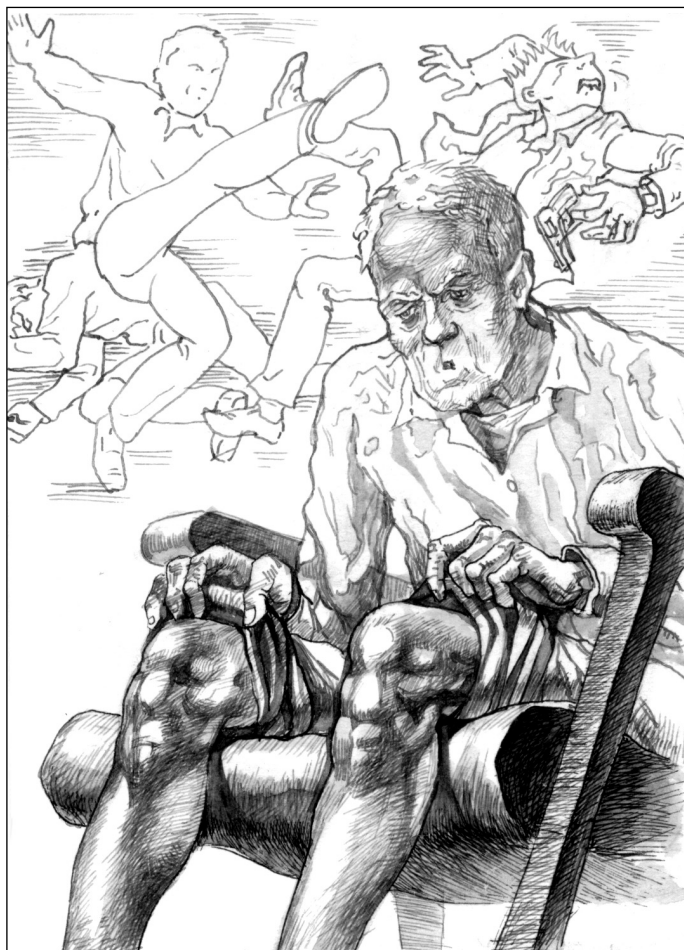

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

КОЛЕНКАМИ

Мои колени завели со мной беседу на следующий день после того, как я вернулся домой из клиники фонда Шлезингера в Сан-Рафаэле. Я сидел в гостиной и наслаждался видом на залив Сан-Франциско. Как обычно, его бороздили многочисленные разноцветные парусные яхты. Моя жена подложила мне под спину две пухлые подушки с шотландским орнаментом и закутала нижнюю часть тела индейским пледом, а сама укатила в Саусалито на репетицию.

Возможно, вы о ней слышали. Мэвис Скэттергуд. Лет этак семь назад она и еще двое парней сколотили команду «Скэттергуд Сингерз», очень успешную фолк-группу, и были чертовски близки к завоеванию премии «Грэмми». Недавно Мэвис подобрала себе двух новых парней и надеялась возродить былую славу. Единственной помехой стал Эдмонд Скалли, их новый исполнитель на банджо, который считал, что группа должна называться «Эдмонд, Фрэд и Мэвис».

Между прочим, меня зовут Фрэнк Уитни, и я сейчас на пенсии, а раньше работал главным художником рекламного агентства.

— Ты остался один дома и чувствуешь себя неуверенно. Не волнуйся, — услышал я голос, полный материнской заботы.

Хотя у меня возникло впечатление, что голос идет откуда-то из области моего левого колена, я обвел взглядом большую, залитую солнцем комнату. И никого не увидел.

— Подумать только, жена бросила тебя одного, а ведь ты выписан из хирургического отделения всего два дня назад.

Наклонившись вперед, я откинул край красно-желтого с золотом пледа и стал рассматривать свои колени.

— Вот о чем тебе действительно стоит беспокоиться, приятель, — сообщило мне правое колено сквозь измятые джинсы, — так это о том, чем твоя дражайшая половина занимается в Саусалито с Эдмондом и Фрэдом. Особенно с Эдмондом. Он, конечно, настоящий жеребец, но, сказать по правде, паршиво играет на банджо.

Участливый голос второй колени произнес:

— Ну, нечего так расстраивать беднягу Фрэнка. Блудная жена не самая главная из проблем, которые ему...

— Извините, — вмешался я и потянулся к светло-кофейному столику, чтобы взять сотовый телефон. — Лучше я позвоню в клинику Шлезингера и доложу об этих галлюцинациях.

— Расслабься, тупица, — посоветовало правое колено. — Тебе по-

везло. Хотя ты об этом и не подозревал, приятель, но они тебе имплантировали самые продвинутые искусственные коленки. Или, правильнее сказать, не «они», а доктор Уоллес Даулинг.

— Даулинг? — нахмурился я и положил трубку. — Это не мой врач.

— А ты во время операции был в сознании, дружище?

— Нет, но...

— Даулинг взял на себя операцию после того, как ты уплыл в страну грез.

— Доктор Даулинг — очень славный человек, — завершила меня левая коленка. — И нас начинает тревожить...

— Придержи язык, сестренка. Мы подойдем к этому в...

— Погодите-ка, — нахмурился я. — Сегодня утром о Даулинге говорили в передаче «Проснись, Марин», не так ли? — Быстро же я привык к своим необыкновенным коленкам. Вот я уже веду с ними беседу.

— Это точно. Док пропал вчера ночью, смылся, сделал ноги.

— Брось, беднягу явно похитили.

Я прочистил горло.

— Мне очень жаль доктора Даулинга, — признался я. — Однако меня больше интересует, почему мои коленные протезы умеют разговаривать. Черт, об этом точно ничего не говорилось в той брошюре, которую они...

— Всему свое время, — ответила мне заботливая коленка. — Впервые, молодой человек, позволь нам рассказать тебе, какой помощи мы от тебя ждем.

— Вовсе он не «молодой человек», — поправила вторая коленка. — Ему шестьдесят один год, и он попадает в категорию старых маразматиков. Стоит только взглянуть на его физиономию, чтобы понять...

— Как вы на меня смотрите? — поинтересовался я. — Колени не наделены зрением.

— Мы смотрим твоими глазами, болван. Пока ты тарашился в зеркало в ванной сегодня утром, мы тебя хорошенько разглядели, — объяснило колено. — И твою хозяйку тоже. Господи, она здорово обрюзгла. А ведь ей только сорок девять. В твоем возрасте ее просто разнесет.

— Да ладно, Мэвис все еще очень привлекательная женщина. И у нее приятный голос.

— Неужели? Почему же тогда эта баба за шесть лет не получила ни одного приглашения выступить?

— Объясните мне, почему мои колени разговаривают, — я постарался сменить тему.

— Все просто. Даулинг использовал тебя в качестве подопытной свинки, дубина. Он хотел устроить нам проверку, — а мы гораздо больше, чем просто колени, между прочим, — перед тем как вмонтировать свои прибабасы какой-нибудь важной персоне.

Я вскочил на ноги и заметался по комнате.

— Нет, прежде чем позвонить в клинику, я собираюсь связаться со своим адвокатом. И, возможно, с Американской медицинской ассоциацией.

Я широкими шагами подошел к одному из больших панорамных окон и выглянул в сверкающий полдень.

— Ты ничего не замечаешь, парень?

— А?

— Ты ходишь совсем неплохо для чувака, которому только что сделали операцию.

Я резко втянул воздух и уставился на свои ноги.

— Да, раз уж вы об этом упомянули, как получилось, что я...

И тут я начал бить чечетку. Я кружил по гостиной, вполне прилично подражая Фрэду Астеру. Затем я исполнил короткую, но сложную ирландскую джигу, прибавил несколько очень убедительных па из фламэнго и опустился на одно из наших якобы старинных кресел.

— Господи, — заметил я, — как, черт возьми, я...

— Первым делом, — перебила правая коленка, — спрашивай не о том, что твои колени могут сделать для тебя, а что ты можешь сделать для нас.

Я подавил желание снова вскочить.

— Что я могу сделать для своих коленей?

Коленка услужливо подсказала:

— Мы всего лишь хотим, чтобы ты нашел для нас доктора Даулинга.

* * *

— Я не очень-то умею готовить, — признался я.

— Уже умеешь, — заверила правая коленка.

За окном сгущались сумерки.

— Тебе нужно заправиться хорошей, горячей едой, мой дорогой мальчик, — сказала левая коленка. — И не думай отделаться сэндвичем с мясом!

— Заметьте, из соевого мяса и хлеба из цельных зерен двенадцати злаков без клейковины, — уточнил я. — Мэвис звонила несколько минут назад и сообщила, что репетиция группы «Нью Скэттергуд Сингерз» затягивается допоздна. Она не успевает домой к ужину, зато оставила для меня основательный сэндвич в холодильнике.

— Репетиция допоздна, — прокомментировала правая коленка. — Клянусь задницей, они там занимаются сексом на старой ферме...

— У тебя нет задницы, — заметил я и обнаружил, что уже бегу трусцой на кухню.

— Я фигурально выражаюсь.

Теперь я стоял у нашей плиты самого модного бирюзового цвета.

— Эти новые колени... то есть вы, ребята... вы можете превратить меня в шеф-повара для гурманов? Что задумал этот доктор Даулинг, черт возьми?

— Его первоначальное задание от Национальной секретной...

— Не стоит слишком много болтать, сестренка.

— Должен же этот бедняга знать, что с ним произошло.

— Ладно, я дам ему краткую наводку. Даулинг — специалист по передовой роботехнике и имплантантам, улучшающим характеристики.

— Зачем человеку такого масштаба работать в клинике Шлезингера? — Я обнаружил, что уже подошел к холодильнику и достаю оттуда упаковку яиц и пакетик замороженных грибов.

— И петрушку, — подсказала заботливая коленка.

Вторая коленка продолжала:

— У дока Даулинга есть маленькая лаборатория, спрятанная в недрах этого притона. Он разработал устройство, которое способно превратить такого заурядного парня, как ты, в мастера боевых искусств. Стоит только вставить...

— Зачем мастеру боевых искусств умение бить степ или стряпать?

— Я смешивал различные ингредиенты омлета в одной из наших мисок, раскрашенных под мексиканскую керамику.

Заботливая коленка объяснила:

— Доктор Даулинг, благослови его Господь, считает, что даже грубый боец должен быть всесторонне образованным. Ты обнаружишь, что теперь, когда по твоим жилам бежит его секретная сыворотка...

— Секретная сыворотка. — Я прекратил процесс взбивания, и обе мои руки покрылись гусиной кожей.

— Ты станешь волшебником в математике, причем в области но-

вейшей вычислительной математики, заговоришь на шести новых языках, в том числе на мандаринском диалекте китайского, и...

— У тебя больше не возникнет проблем с постелью, — прибавила вторая коленка. — Досадная дисфункция эрекции осталась в прошлом.

— Эй, у меня с этим нет никаких проблем.

— Сдается мне, последнее время тебе нечасто выпадал случай проверить свои возможности.

— Нет, но...

— Давай вернемся к нашему ужину. Лучшее дополнение к омлету — хороший салат.

Собирая ингредиенты для салата из зелени, я спросил:

— Почему Даулинг вставил свои приспособления в искусственные колени?

— Он сделал это только для тебя, дружище. Обычно усилитель, размещенный в двух очень компактных блоках, устанавливают в одной из ягодиц.

— А зачем проверять его на мне?

— Даулинг хотел провести несколько опытов на людях именно сейчас, но начальство ему запретило. Они посчитали, что устройство еще не совсем готово. Поэтому док решил опробовать его без их ведома.

— Но почему я? Я слишком стар, чтобы стать бойцом.

— Вот именно, малыш. Если он сумеет превратить старую развалину вроде тебя в первоклассного бойца, значит, усилитель возможностей будет работать в любом организме. Это означает, что в случае грядущей войны молодых хлюпиков можно будет превратить в боеспособных солдат.

Я крошил сыр в заправку для салата.

— Как получилось, что доктор не спросил моего разрешения? И не планировал ли он, в конце концов, поставить меня в известность о своем нелегальном эксперименте?

— Разумеется, собирался, дорогой мальчик. К несчастью, он исчез.

— С утра пораньше, парень, мы начнем за ним охоту. Нельзя доверить задачу его поимки ни ФБР, ни... Ого!

Бутылка оливкового масла едва не выпала из моих рук.

— Что?

— Гости. Позволь мне с этим разобраться.

— Как может колено...
В дверь позвонили.

* * *

Двое высоких мужчин в темных костюмах стояли на нашем пороге в сгущающихся сумерках улицы. У обоих были коротко стриженные светлые волосы, обоим было лет тридцать с небольшим.

Тот, что повыше, вежливо спросил:

— Вы мистер Фрэнк Уитни?

— Да, а кто...

— Я агент Микенз из Национального бюро контрразведки. — Он показал мне пластиковое удостоверение со своим голографическим изображением. Когда он наклонил его в мою сторону, фотография стала трехмерной. — А это агент Табриди, он тоже из нашего бюро.

Когда Табриди, более плотный мужчина, наклонил свое удостоверение, его портрет остался двухмерным.

Я уже собирался предложить им пройти в дом, как вдруг неожиданно для самого себя произнес:

— Неплохая затея, красавчик, но ты прокололся. Это твое удостоверение — такая же фальшивка, как трехдолларовая банкнота. На нем не хватает орла с распростертыми крыльями, а за твоим портретом должны проявляться изображения флагов колоний.

— Сэр, я уверяю вас...

— Сдается мне, приятель, — сообщил я ему, — что ты состоишь на службе у какого-нибудь захудалого государства центральной Европы, питающего иллюзии по поводу своего величия.

— В таком случае, — произнес явно поддельный Микенз, — хватай этого ублюдка, Бруно.

Фальшивый Табриди прыгнул через порог и стиснул меня в своих поистине медвежьих объятиях.

К моему изумлению, я врезал ему коленом в пах, что заставило его отпустить меня. Затем я схватил его за руку, применил какой-то особый прием и швырнул на середину комнаты.

Бруно с грохотом приземлился на старинное кресло-качалку Мэвис.

И это чертово кресло, которое мне никогда особенно не нравилось, развалилось под ним на куски.

Обескураженный, он вскочил, пересек гостиную, открыл широкие стеклянные двери на веранду и нырнул в сгущающуюся темноту.

Я погнался за ним и успел ухватить этого рослого фальшивого агента.

Он упал с глухим стуком, вывернулся из моих рук и схватил цветочный горшок, где Мэвис любовно выращивала кактус.

Я уклонился, когда громила запустил горшком мне в голову, и нанес противнику удар под ложечку. Он взвыл и отлетел к перилам веранды. А затем вместе с кактусом рухнул вниз, на склон холма футами десятью ниже.

Горшок разбился, осыпав оранжевыми черепками только что наступившую ночь, а кактус подлетел вверх на несколько футов и свалился на коротко остриженную голову Бруно. Шатаясь, он встал на ноги и побрел в ночь.

Я резко повернулся, готовый встретиться с фальшивым агентом Микензом.

Входная дверь была открыта нараспашку, в гостиной — ни души.

— Будь все проклято, — прокомментировала правая коленка, — ты позволил этим придуркам удрать.

— Ну-ну. Он очень хорошо справился, учитывая, что парень только начинает привыкать к роли мастера боевых искусств.

— Ты права, сестренка. И, дьявол, скоро к нам явятся другие шпионы и секретные агенты. Наверняка мы сможем допросить их.

— Другие? — переспросил я.

* * *

Было около полуночи, когда я ознакомился еще с одним набором своих новых способностей. С момента возвращения из клиники я ночевал в спальне для гостей. Мэвис жаловалась, когда везла меня домой, что мои новые коленки издают странный скрип, который, возможно, мешает ей уснуть, особенно, если я буду вертеться и метаться по ночам, как обычно.

— Это само по себе мешает спать, — уверяла она, — даже без металлческих звуковых эффектов.

Около десяти часов в ту роковую ночь Мэвис взбивала подушки на моем новом узком ложе.

— Тебе придется пользоваться тростью, которую я для тебя купила, Фрэнк, — сказала она, наклоняясь и целуя меня в щеку. — Мы не можем допустить несчастных случаев, подобных тому, что произошел сегодня. Ты мог серьезно пострадать. Не говоря уже о том, что кресло стоило пятьсот долларов.

Я пока не стал рассказывать жене о новых коленках и о визите фальшивых агентов из американской разведки. Я соврал, что споткнулся и упал на кресло-качалку.

— Этого больше не произойдет, дорогая.

— И, прошу тебя, будь осторожнее, когда вздумаешь хромать по веранде, — продолжала она. — На этот раз только горшок с кактусом упал вниз, и стоит он всего сто двадцать девять долларов, но если бы упал ты...

— Понимаю, я стою, по крайней мере, в три раза дороже.

— Серьезно, Фрэнк. — Мэвис протянула мне кружку. — Выпей горячего шоколада, который я тебе приготовила. Это успокаивает.

Я не верил, что после всего случившегося смогу спокойно уснуть. Однако взял чашку и сделал глоток. Потом скорчил гримасу.

— Не особенно сладко.

— Мы следим за потреблением сахара, ты же помнишь. А теперь выпей всё.

Я выпил и поставил кружку на столик. Удивительно, но я уже чувствовал себя сонным. И когда моя жена на цыпочках вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь спальни, я откинулся на подушку и задремал.

* * *

— Проснись и пой, приятель. Вставай, вставай, носочки надевай. Я рывком сел.

— В чем дело?

— Как чувствуешь себя, милый мальчик?

— Хорошо. Вы разбудили меня только затем...

— Нажми на педали, — предложила правая коленка. — Игра уже началась.

— Какая игра? — Я вскочил с кровати, совершенно не чувствуя сонливости. — Странно, мне совсем не хочется спать, а раньше...

— Это потому что мы нейтрализовали сонное зелье, которым твоя толстая фольклорная женушка зарядила какао, тупица.

— Она немного пухленькая, но не...

— Толстая или тощая, парень, но ты должен поинтересоваться, зачем она тебя опоила.

— Если она действительно это сделала... — Я натягивал темно-синие джинсы.

Левая коленка спросила:

— Кому ты можешь доверять, если не доверяешь собственным коленям, дорогой малыш?

— Носки и туфли, причем побыстрее, — поторопила вторая коленка. — Она уже выезжает на дорогу.

Я продолжал одеваться.

— Кто?

— Твоя хозяйка, сладкая певичка Саусалито, женский вариант Пита Сигера.

Я бросил взгляд на будильник.

— Куда это Мэвис собралась в полночь?

— На свидание с одной третью группы «Скэттергуд Сингерз».

Я уже полностью оделся, и мне не терпелось покинуть спальню для гостей.

— Я думал, вы хотите найти пропавшего доктора Даулинга. Какое отношение к этому имеет Эдмонд Скалли, ведь я полагаю, именно на него вы намекаете?

— Всему свое время, — участливо произнесла коленка. — А теперь надень теплую куртку, ночью слегка похолодало.

Я достал из стенного шкафа куртку на флисовой подкладке.

— Эй, а на чем я поеду вслед за Мэвис? У нас только одна машина, «тойота», и она ее взяла...

— На своих двоих, тупица.

— Тогда, будем надеяться, она недалеко отправилась.

— В Саусалито.

— В Саусалито? Боже, но до него отсюда, по крайней мере, пятнадцать миль.

Когда мы спускались по лестнице, я услышал голос правой коленки:

— Я же тебе говорила, что он все еще дремучий, несмотря на модернизацию, которую мы провели.

— Не дремучий, просто туговато соображает.

— Что вы хотите сказать? Что меня превратили в нечто вроде «Человека на шесть миллионов»*?

— Разве это не очевидно после того, что произошло сегодня, приятель?

— Наверное, но...

* Американский телесериал 1970-х годов о киборге — промышленном шпионе. (Прим. ред.)

— Меньше болтовни, больше дела.

Я вышел в ночь.

* * *

— Сбрось скорость, приятель, — предупредила меня правая коленка, — не то ты ее слишком быстро догонишь.

— Не будь столь критичной, — возразила левая коленка. — В конце концов, это его первый забег.

Я сбавил скорость.

— Здорово! Я бегу уже пятнадцать минут и даже не запыхался. И проделываю не меньше мили в минуту. Я бью все рекорды.

— Кончай бахвалиться, чемпион. Сосредоточься на нашей миссии.

Мэвис ехала в Саусалито окольными путями, избегая главных дорог. Я следовал за нашей красной «тойотой» по извилистым проселкам и по узким дорогам, вдоль которых были посажены деревья.

Мое зрение обострилось. Я видел тормозные огни и номерные знаки на расстоянии четверти мили. Люди в округе Марин не занимают бегом трусцой по ночам, и я снижал темп до нормального при появлении редких машин, поэтому не привлекал лишнего внимания. Хотя один водитель «вольво», поравнявшись со мной, крикнул: «Бери с собой фонарик, задница!» Какая-то немецкая овчарка увязалась было за мной, но я легко оставил ее позади.

— Приближаемся к месту назначения, — объявила правая коленка.

Мы достигли пригородов Саусалито, стоящего на холмах над заливом. У подножья холма Мэвис включила сигнал правого поворота и съехала с дороги на маленькую стоянку рядом с небольшим клубом под названием «Смертельная инъекция».

Я перешел на медленную трусцу, потом остановился в рощице эвкалиптов на краю парковки.

— Как вы узнали, что Мэвис направится сюда? — шепотом спросил я.

— Подслушивали, пока ты храпел, приятель.

— Как вы могли...

— Твой слух усилили, дорогой мальчик.

— Мы можем притаиться здесь и быть в курсе ночного randevу твоей супруги.

— Я не слышу ничего, кроме стрекота цикад.

— Сосредоточься! Мы поможем тебе настроиться на нее и на того парня, который наставляет тебе рога.

— Даже если это правда, в чем я сомневаюсь, какое это имеет отношение к доктору Даулингу и...

— Слушай, дурень!

— ...первая группа гаражного рока, которая объединила хип-хоп, бибоп и ретро-рок, — услышал я голос ведущего. — Последний концерт «Попов-расстриг» в «Смертельной инъекции».

— Ой! — охнул я, когда очень громкие звуки электроинструментов хлынули в мою голову.

— Понадобится еще минута, чтобы найти Мэвис и отфильтровать окружающий шум.

— ...хип-хоп всегда напоминает мне о тебе, — пропел кто-то гнусавым голосом.

— ...но откуда они узнали, что мы с тобой спим, Эдмонд?

— Они же шпионы, цветок, — произнес Эдмонд. — Работа у них такая.

— Этот чудак называет твою жену «цветиком»?

— Кажется, да.

— Очень милое прозвище.

— Тихо, сестренка, а не то мы пропустим их болтовню.

— Это ты начала.

— Заткнись.

— ...поверить не могу, что кто-то может считать Фрэнка важной птицей, — ворковала Мэвис своему банджо-музыканту.

— Они заплатят двадцать тысяч долларов, если мы заманим твоего муженька в их лабораторию.

— Это, конечно, поможет финансировать возвращение на сцену «Скэттергуд Сингерз», но...

— «Эдмонд, Фрэд и Мэвис», — поправил ее Эдмонд.

— Все равно, — продолжала моя жена. — Я не понимаю, как они смогут удалить колени Фрэнка, не причинив ему вреда. Следует признать, как муж он не очень, но мне будет не по себе, если он зальет весь дом кровью.

— Послушай, Мэвис, они держат этого доктора Даулинга в своей секретной лаборатории, — напомнил он. — Этот парень должен уметь сделать простую операцию на коленках.

— Но тогда у Фрэнка не будет никаких коленей.

— Не глупи, детка. Они, конечно же, заставят его вставить Фрэн-

ку новые колени. — В голосе собеседника зазвучало нетерпение. — Эти шпионы показались мне довольно гуманными.

— Ты не сказал, какую страну они представляют.

— Я думаю, Соединенное Королевство.

— Разве ты не знаешь точно?

— Ну, трое из них очень вежливые и воспитанные. Одеты в твид, и произношение у них, как у дикторов Би-Би-Си, — объяснил Эдмонд. — Я бы сказал, что они англичане, хотя они открыто не заявили об этом.

— Великобритания как будто союзник Соединенных Штатов. Так что это совсем не то, что продать колени Фрэнка, скажем, Китаю или Кубе...

— Конечно, нет! И нам очень пригодятся двадцать тысяч.

— Было бы славно, если бы цена была немного...

— Завтра днем я встречу с одним из них, чтобы обсудить подробности доставки Фрэнка. Могу намекнуть, что двадцать пять тысяч устроили бы нас больше.

— Проси тридцать. В конце концов, он мой муж. — Голос Мэвис затих.

Снова вступили «Попы-расстриги».

— Хватит, — сказал я, и все звуки клуба умолкли.

Вступил ансамбль цикад, потом я услышал, как какую-то девицу тошнит на парковке.

* * *

Записка была прикреплена к поверхности холодильника магнитом с изображением Боба Дилана. «Пришлось неожиданно уехать в Сан-Франциско. Встреча с рекламным агентом, дорогой. Так как ты все еще не можешь сесть за руль, то не будешь против, что я взяла машину. Вафли в морозилке. Не увлекайся кленовым сиропом, ведь мы следим за потреблением сахара. Привет, М.»

— Мозги пудрит, — заметила правая коленка. — Поехала поваляться в сене с виртуозом банджо.

— Замороженные вафли, подумать только! — возмутилась вторая коленка. — Давай напечем оладий.

— Я не особенно хочу есть.

— Дорогой мальчик, мудрость гласит, что надо начинать день с основательного завтрака.

— Ладно, ладно. — Я достал из холодильника пакет пахты.

Бразильские секретные агенты явились как раз в тот момент, когда я поставил на стол тарелку с оладушками, щедро политыми кленовым сиропом.

Очевидно, они забросили снизу абордажные крючья и вскарабкались по толстым пластиковым тросам.

— Добрый день, сеньор, — произнес первый, — мы здесь, чтобы спросить о ваших хоэлос.

— О ваших коленях, — перевел второй.

— О, я чувствую себя просто прекрасно, собственно говоря, лучше, чем ожидал. — Я остался стоять и приветливо улыбался. — Очень любезно с вашей стороны взобраться сюда наверх, чтобы спросить о...

— Закати штанину выше колена, — приказала правая коленка.

Я повиновался, не совсем понимая, в чем дело.

— Что придумал этот тип? — спросил один из незваных гостей у своего напарника.

— А теперь, дорогой, прицелься левой коленкой в ближайшего бразильца. Остальное предоставь нам.

— Я вижу, наша легенда о том, будто мы всего лишь заботливые соседи, не имела успеха, сеньор, — произнес один из агентов и сунул руку за пазуху синего блейзера.

Не успел я поднять ступню достаточно высоко над полом веранды из красного дерева, чтобы прицельиться в свою мишень, как штанина спустилась и закрыла колено.

— Недоумок, — заметила вторая коленка. — Ультразвуковой луч не сработает, если колено закрыто.

— Откуда мне знать об этом, черт возьми? — я протянул руку вниз, чтоб снова подпернуть штанину. — Если бы вы были чуть-чуть более откровенными, мы...

— Сеньор, — произнес бразилец, который теперь целился в меня из револьвера тридцать восьмого калибра, — не соблаговолите ли вы отправиться вместе с нами в лабораторию, дабы мы могли извлечь ваши колени и вернуться в Рио вместе с...

— Прицелься своим проклятым коленом, парень!

Второй южноамериканский агент вытащил автоматический пистолет сорок пятого калибра. И тоже направил его на меня.

— Мы бы предпочли провести эту операцию в лабораторных условиях, но готовы сделать работу прямо здесь, пускай и более топорно.

— Бросай оружие! — Голос доносился с остроконечной черепичной крыши моего дома.

Я поднял глаза и увидел стройную рыжеволосую женщину лет тридцати пяти, одетую в накрахмаленный халат медсестры. В каждой руке она держала по револьверу тридцать восьмого калибра.

— Сестра Мансон, — громко произнес я, — что вы делаете на моей крыше?

Джинджер Мансон была моей ночной сиделкой во время недавнего пребывания в клинике Шлезингера.

Как раз в тот момент, когда один из бразильцев прицелился в сестру Мансон, мое колено выстрелило. Тонкая струйка сгустившегося воздуха устремилась к ближнему агенту. Она попала ему в центр грудной клетки, потом исчезла.

— Дьявол! — крикнул он, падая на пол веранды, по пути сокрушая стол и опрокидывая мою тарелку с оладьями.

В это время Джинджер спрыгнула с крыши и сбила с ног второго бразильца.

Теперь он лежал лицом вниз, без сознания, а она надевала наручники на его заломленные за спину руки.

— Эти парни из бразильской «Агенсия Муито Секрета», — сообщила она и встала рядом с распростертым мужчиной. — Вот этот — Антонио Булкао.

— Очевидно, вы больше, чем ночная сиделка.

— Я из Национального бюро контрразведки. Я работала под прикрытием...

— Последний человек, который утверждал, что он из Национального бюро контрразведки, — перебил я, собирая разлетевшиеся оладьи, — оказался самозванцем, и поэтому...

— Ошибаешься, — предупредила меня правая коленка. — Эта детка — настоящая.

— Вы произвели на меня чертовски благоприятное впечатление в клинике, мистер Уитни, — произнесла правительственный агент. — Поэтому, полагаю, вы будете сотрудничать, вернетесь в клинику и, знаете ли, добровольно возвратите эти колени, чтобы...

— Ох, милочка, — сказала моя правая коленка, — что вас так задержало, почему вы чертовски долго добирались сюда? Если бы мы не были начеку, целый выводок шпионов и секретных агентов уволок бы этого бедного олуха в...

— Ну-ну, — перебила сестрицу вторая коленка, — несомненно,

у этой милой молодой дамы есть очень убедительное объяснение. И нет причин называть беднягу Фрэнка олухом теперь, когда его превратили...

— Мне дали задание забрать отсюда мистера Уитни после того, как... ну, нам с напарницей не удалось обнаружить местонахождение доктора Даулинга.

— Ваша напарница тоже работала под прикрытием в клинике Шлезингера? — спросил я.

— Да, это Хейзл Ламонд, но мы действительно должны...

— Ха, медсестра, которая делала мне массаж спины!

— Нам правда пора ехать, — сказала Джинджер. — Надеюсь, вы проявите благоразумие.

— Допустим, вы найдете Даулинга и доставите его обратно, сестра Мансон. В Национальном бюро контрразведки выдают бонусы?

Она отступила на шаг, пристально посмотрела мне в лицо и нахмурилась.

— Вы имеете представление о том, где он может находиться?

— Сестра, — вмешалась моя коленка, — если вы поедете с нами, мы вас доставим прямо к нему. Как вам такой вариант?

* * *

На середине моста «Золотые ворота» вокруг «кросовера» Джинджер сомкнулся туман.

— Теперь будет сложнее следить за ними, — заметил я.

Джинджер, одетая в темные джинсы и черный свитер, вела машину.

— Мы знаем, куда они едут.

— Включи свою тыкву, — прибавила моя правая коленка. — У нас есть возможность выследить твою обманщицу-жену и ее банджо-боя благодаря многочисленным техническим новинкам, встроенным в...

— Наш дорогой мальчик не совсем еще привык к роли супермена, — напомнила вторая коленка.

— Я бы не назвал себя суперменом.

— Не скромничай, дорогой.

Джинджер спросила:

— Они всегда так болтают?

— Довольно часто.

— Молчать, пока не проедем по мосту! — скомандовала рыжеволосая контрразведчица.

Было чуть больше половины четвертого, когда мы добрались до окутанного туманом Сан-Франциско. Перед этим мы следили за домом Эдмонда в Саусалито. Воспользовавшись своими недавно приобретенными способностями подслушивать, я услышал телефонный звонок от одного из английских агентов. Он пригласил Эдмонда на встречу в их убежище на той стороне залива Сан-Франциско, чтобы обсудить, как заманить меня к ним в лапы. Поскольку моя жена была с музыкантом, а не на встрече со своим рекламным агентом, ей позволили приехать вместе с ним.

Британские агенты обосновались в двухэтажном викторианском особняке на Президио-Хайтс. Когда Джинджер подъехала к логову англичан, я заметил свою «тойоту» перед узким лимонно-желтым домом.

Мы поставили наш автомобиль за углом, на Лорел-стрит.

— Давайте настроимся на англичан, — предложило правое колено.

Джинджер поделилась:

— Я привезла оборудование для наблюдения, направленный микрофон и...

— Я буду транслировать через колено, — слышался мой собственный голос. — Мы оба сможем их слышать.

— Перестаньте трепаться, — приказала коленка.

— ...простите, старина, но двадцать пять тысяч — это самое большее, что мы можем предложить. Сейчас в Англии трудные времена, и поэтому...

— Мэвис собирается предать своего мужа, — напомнил Эдмонд. — Это должно стоить, по крайней мере, тридцать тысяч.

— Послушайте, старина, — произнес второй британец, — мы можем просто поехать к дому этой леди, дать тому мужику по башке и притащить сюда, в нашу тайную лабораторию. Однако у нас репутация тонко действующих агентов, и нам нравится заманивать людей в наши сети, не прибегая к откровенному насилию.

Мэвис сказала:

— Ладно, мы возьмем двадцать пять тысяч долларов. Я не хочу, чтобы бедняге Фрэнку нанесли больший физический ущерб, чем необходимо.

Джинджер вздохнула и с сочувствием хлопнула меня по плечу.

Британский агент, тот, который немного гнусавил, сказал:

— Теперь давайте обсудим, как заманить этого малого, Уитни, чтобы он по своей воле явился к нам в западню.

— Ну, мы с цветиком думали, может быть...

— Послушайте, кто, черт возьми...

Трансляция внезапно прекратилась. Я спросил:

— Почему вы...

— Посмотри в окно, парень.

Я повернулся и увидел стройного молодого человека в синем блейзере, нагнувшегося к моему окну с пистолетом тридцать второго калибра. Я открыл окно.

— В чем дело?

— Вот так удача! — обрадовался он и приставил дуло прямо к моей голове. — Ирония судьбы, я бы сказал. Пока вы нас подслушивали, я прятался в тех кустах вместе со своим направленным микрофоном...

— Я агент Национального бюро контрразведки, — сообщила ему Джинджер. — И посоветовала бы вам опустить оружие и отвести нас к доктору Даулингу.

— Как бы не так, — ответил агент. — А произойдет вот что, мэм: вы передадите этого типа, Уитни...

— Посмотри мне в глаза, — услышал я свой голос.

— Старик, едва ли это подходящее место и время...

— Посмотри мне пристально в глаза, — приказал я. — Тебе хочется спать. Скоро, очень скоро ты начнешь отключаться.

— Действительно, теперь, когда ты это сказал, мне страшно захотелось спать. — Его веки затрепетали, рука с пистолетом упала и повисла вдоль туловища.

— Не знал, что умею гипнотизировать людей, — признался я.

Мое правое колено обратилось к загипнотизированному британскому агенту:

— А теперь вот что ты сделаешь, парень...

* * *

— Вот это да, Дэнис, — произнес пухлый светловолосый британский агент, который открыл дверь желтого викторианского особняка, — вот так удача! Ты сам привел к нам Фрэнка Уитни, и теперь нам не придется платить его жене и ее хахалю ни единого цента.

Он отступил назад и позволил своему коллеге впустить всех нас в холл.

— Да-это-очень-здорово-старина-Найджел.

— Ты разговариваешь еще более нечленораздельно, чем обычно, — заметил Найджел. — И кстати, я только что заметил: у него и правда брюки закатаны выше колен?

Я пинком захлопнул за собой дверь и прицелился голым коленом в любопытного британского агента.

— Кажется, это не шутка, — заметил он, когда ультразвуковой луч вонзился ему в середину туловища.

Джинджер подхватила парня раньше, чем он упал, вырубившись начисто.

— Ладно, Дэнни, старик, — приказала моя коленка загипнотизированному агенту, — проводи нас к доктору Даулингу.

— С-удовольствием-сэр.

Пока мы спускались в лабораторию, Джинджер сказала мне:

— Не бойтесь, Фрэнк. Вам не причинят боли. Хотя, скорее всего, ваши коленки заменят менее сложными.

— А это уже не ваша забота, — сказала моя правая коленка. — Этот парень заслужил медаль, черт возьми.

* * *

Доктор Даулинг отказался от операции. Вместо этого он деактивировал мои колени электронным способом, снаружи, превратив их в самые обычные искусственные имплантанты. В его арсенале имелось несколько других усилителей возможностей. Национальное бюро контрразведки решило не устраивать мне искусственную амнезию, этим я обязан Джинджер Мансон, которая убедила своего шефа, что я заслуживаю доверия. И еще мне пришлось подписать несколько обязательств о неразглашении тайны. Мэвис, лишь слегка удрученная тем, что ее интрижка с Эдмондом выплыла наружу, как и ее шпионаж в пользу иностранного государства, решила развестись, уехать от меня и поселиться со своим музыкантом.

Отношения с Джинджер начались примерно неделю спустя после того, как мы спасли Даулинга. К тому времени я уже жил один, вместе со своими совершенно обычными, рядовыми коленками. Любопытно, что мой внезапно проснувшийся интерес к кулинарии не иссяк. В тот вечер я находился на кухне перед раскрытой поваренной книгой. Я пытался соорудить пищу с грибами.

Завонил мобильный телефон. Я стер с руки кляксу томатного соуса и взял трубку.

— Алло?

— Как поживаете, Фрэнк? — спросила Джинджер. — Скучаете по своим прежним коленкам и утраченным возможностям?

— Нет, не слишком. — Это было правдой только отчасти. Я не скучал по их болтовне, но от некоторых дополнительных возможностей не отказался бы. — Как ваши дела?

— Представляете, сегодня вечером я не работаю сиделкой, и других заданий от Национального бюро контрразведки у меня тоже нет, — сказала она. — Можно заскочить к вам, если вы свободны? Мы могли бы поехать куда-нибудь поужинать. Может, мне удастся внести эти расходы в свой отчет.

— Эй, нам не нужно никуда ехать, — остановил я свою новую знакомую. — Я готовлю пищу.

— Тогда по дороге заеду и куплю что-нибудь для салата.

— Салат я тоже приготовлю сам.

— Ну тогда я просто привезу вина. Или его вы тоже приготовите?

— Нет. Часов в восемь?

— Прекрасно.

Я вернулся к своей стряпне. Мне еще предстояло раскатать лепешку.

— Эй, тупица, позволь мне тебе помочь. Если ты испортишь блюдо, то не сможешь произвести впечатление на свою милашку.

Я уронил скалку. Она упала на пол, покатилась и остановилась у ножки стола.

— Вас же деактивировали, — сказал я своей правой коленке.

— Та старая склочница, которая была твоей левой коленкой, давно исчезла, приятель, — объяснила правая. — Но брось, ты же не думаешь, что Даулинг мог прикончить такую умную и хитрую особу, как я?

— Что ты затеваешь?

— Должна признать, мы с тобой — неплохая команда.

— О, и поэтому...

— Мы приготовим пищу, — закончила вернувшаяся коленка. — Ты сразишь наповал эту рыжую девицу, развлечешься немного... А уж после, парень, поговорим о делах.

**Перевела с английского
Назира ИБРАГИМОВА**

Д Ж Е Ф Ф Р И Л Э Н Д И С

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

В ЗЕРКАЛЕ

Россу Роклину.

Линн Рокросс оказался там по воле случая. Или отсутствия удачи.

Впрочем, о какой удаче можно говорить. Человек сам кует свое счастье. И если Линна Рокросса подстерегло невезение, значит, такое-то счастье он и выковал для себя.

«Бродячий остов» летел на постоянной тяге из внутренней части Солнечной системы по длинной межпланетной траектории. После восьми проведенных в пространстве месяцев команда неторопливо приближавшегося к Седне корабля едва не пропустила аномальное образование. То есть идеальный и совершенно черный круг. Экипажу «Бродячего остова» не платили за обнаружение всяких там необычностей, а если говорить откровенно, то этот круг на двадцать два километра в поперечнике особой оригинальностью похвастать не мог. Если приглядеться, так по всей Солнечной системе круговые оспины покрывают поверхность любого небесного тела — крупные и малые круги и их россыпи, цепочки из кругов и каракули из кругов, словом, кратеры любого размера.

Но это был не просто круг, а круг идеальный. И на поверхности далекого ледяного мира — шара, покрытого толстой корой красно-бурого снега, — он казался совершенно черным.

И кто вообще мог ожидать, что на Седне обнаружится созданный инопланетянами артефакт?

Седна, один из крупнейших объектов транснептунового пояса, все-таки уступает в размере Плутону и передвигается по эксцентрической орбите, оставаясь в ледяной дали от Солнца.

Об открытии на «Бродячем остова» судачили с неделю, за партиями в покер, пока корабль тормозил и выходил на орбиту, однако шеф экипажа по фамилии Келлерман (горняк, реалист и бухгалтер в душе) напомнил всем, что инопланетяне и загадки не входят в список работ, ради которых «Бродячий остов» проделал весь путь, и что лично он не собирается тратить драгоценное рабочее время на пустячное любопытство. Они — шахтеры, а не ученые. Седна богата органикой. Груз органики примут в любой из колоний внутренней системы. Вот если им повезет найти аммиак, тогда и будем говорить... Из аммиака получают драгоценный азот, который стоит дороже золота и платины на искусственных мирах, куда приходится завозить каждую летучую молекулу. Поиски полезных ископаемых на Седне, с экономической точки зрения, сулили сомнительные

перспективы; она находилась настолько далеко от Солнца, что лишь чудовищных масштабов забастовка могла оправдать колоссальные транспортные расходы на доставку добытых минералов внутрь системы. Однако искусственные миры представляли собой постоянно расширяющийся рынок, и если экипаж сумеет доказать, что Седна богата ресурсами, планетка сделается для корпорации дешевым рудником, источником пусть не слишком обильного, но постоянного дохода.

Выходя на эллиптическую орбиту вокруг Седны, они во время разведки ресурсов сфотографировали странную круглую аномалию и отослали внутрь системы всю информацию о ее положении и приблизительном размере, которую удалось добыть. И в ответ получили приказ держаться подальше от загадочного пятна. Им сказали, что оно явно не имеет естественного происхождения и, безусловно, не было сооружено людьми. Загадочное сооружение принадлежало чужим. А экипаж «Бродячего остова» не обладает достаточной квалификацией, чтобы исследовать его. Очевидно, там, в недрах системы, кто-то убоится, что артель бездельников-старателей скорее повредит невиданный и невероятно ценный объект, чем сумеет извлечь из него нечто полезное.

Орбитальная разведка позволила обнаружить богатую залежь аммиака — целое замерзшее озеро, побольше многих астероидов. Учитывая замороженные в лед органические толины*, этого было достаточно, чтобы начать разработку.

Горнодобывающий корабль сел на поверхности Седны более чем в пяти сотнях километров от артефакта — у месторождения аммиака. Исследовать загадочный объект будет кто-то другой — бригада специалистов, неторопливых и старательных, располагающих всеми необходимыми для этого инструментами и поддержкой Земли. «Бродячий остов» займется разработкой месторождения.

— Ерунда какая-то, — сказал Рокросс. — Прodelать такой путь — и остановиться в паршивых пяти сотнях километров от единственного туристического аттракциона на планетке?

Притель его, Динки Циммер, бросил на товарища вопросительный взгляд.

— Нас интересуют минералы, — заметил он. — Кому нужен черный круг, если в нем нет аммиака?

Адриан Пенн, третий в группе, добавил:

* Цепочки органических молекул, образующихся при прохождении электрических разрядов через газообразные азот и метан. (Здесь и далее прим. перев.)

— Если мы обнаружили стоящий лед, то на премию сможем посетить все туристические аттракционы... Кто проверит уплотнения моего комбинезона?

Рокросс обследовал комбинезон Динки, потом Адриана и показал обоим большой палец; после чего Динки проверил его скафандр. Костюмчики эти принадлежали к разновидности облегающих, и экипаж называл их нудистскими; естественно, каждый проверял собственную укупку, однако после этого, безопасности ради, они осматривали друг друга: подобное мероприятие было предусмотрено инструкцией. Завершив процедуру, Рокросс убедился в том, что батарея его космического костюма заряжена полностью, а Динки с Адрианом не забыли зарядить свои батареи. Они готовились к первой восьмичасовой смене, чтобы взять пробы льда и установить терморadiаторы, необходимые для разработок. Однажды — если забастовка в азотной промышленности окажется достаточно масштабной — оборудование, которое они установят, станет головным сооружением межпланетного трубопровода, и индукционные двигатели начнут отправлять двухтонные блоки твердого льда по траекториям, которые по прошествии ряда лет приведут их прямоком на расположенные внутри системы рынки. Процесс этот, конечно же, будет автоматизированным. Но сейчас люди должны произвести разведку и установить оборудование.

Однако Линн Рокросс, известный под именем Ли как своим друзьям, так и соперникам, думал не о работе, хотя уделял ей достаточно внимания, чтобы избежать ошибок. Он еще не решил, как поступить с артефактом. У него были собственные идеи.

На корабле Ли исполнял обязанности начальника горняцкой смены и отвечал за жизнь трех человек. Он был аттестован для работы со всей машинерией, используемой при горнорудных работах во взеземных, низкотемпературных и слабogrавитационных условиях. Он занимался изыскательским и горняцким делом с тех самых пор, как оставил свой дом в одном из укрытых куполами городов Весты, что произошло, когда ему исполнилось пятнадцать лет и он достиг принятого в астероидном поясе возраста совершеннолетия. Сначала он отправился на ледяную луну Каллисто* и, потрудившись на плавающей линии (в низкооплачиваемой должности), завербовался на горнодобывающий корабль. Последующие пять лет он провел на четырех изыскательских и добывающих кораблях, получил право вступить в профсоюз и дослужился от чернорабочего до начальника смены. При возможности он любил проводить собственные изыскания: его сбрасывали на

* Спутник Юпитера.

подвернувшееся под руку небесное тело в скафандре усиленной защиты с лазерным буром и масс-спектрометром в руках. После этого он несколько недель проводил в полном одиночестве, исследуя минеральный состав астероида, рассчитывая обнаружить что-нибудь полезное. Лишенный контакта со всей Вселенной, Ли чувствовал себя превосходно в своем скафандре.

Ли считал себя достаточно сметливым — на собственный лад, однако понимал, что при усвоенных им обрывках образования выше начальника смены ему не прыгнуть. И на долгом пути к Седне он записался экстерном в университет, делая тем самым первый шаг к должности инспектора, а там, глядишь, и к собственному кораблю. И теперь его личный архив содержал уйму материала, которым можно было заняться в свободное время: разной литературы, а также пособий по строительной механике и физике. На занятия уходило свободное от смен время — ему необходимо было догонять упущенное, — однако обнаруженный на Седне непонятный черный круг заставил его задуматься о том, что можно и переменить планы.

Переданные по радио из недр системы инструкции, как он прекрасно понимал, представляли собой всего лишь предложение, но никак не приказ. Научные учреждения, находящиеся в данный момент в нескольких миллиардах километров от корабля, просто не могли распоряжаться поступками экипажа «Бродячего остова».

Согласно требованиям профсоюза, при разработке даже богатых залежей аммиака за труд в опасных условиях свыше восьми часов им следовало платить по тройной ставке, но сукин сын и подлец Келлерман тратить на это не собирался. Ли со своей сменой получал шестнадцать часов отдыха за каждые восемь отработанных, и контролер весьма старательно следил за тем, чтобы они не получали никаких заданий в свободное время. Словом, он вполне мог позволить себе эту поездку.

Закончив свою смену, они отправили образцы льда на анализ в криоминералогическую лабораторию, и Динки вместе с Адрианом отправились раздеваться и в душ. Ли только проводил их взглядом.

С его точки зрения, можно было и пропустить восемь часов занятий вместе с обязательным покером после смены. Где-то вдали от корабля притаился во мраке интересный объект, и Ли просто обязан взглянуть на него! Хотя целью экипажа являлась разработка месторождений, а не изыскания, Ли имел сертификат на индивидуальные исследования и не должен был никому докладывать о том, где проводит свободное время. И ничего никому не сказав, он отправился в путь.

Артефакт находился на другом конце света (то есть этого заледенелого мирка) от «Бродячего остова», опустившегося возле месторождения аммиака. Дозарядив батареи своего костюма, Ли выкатил снежок из хранилища оборудования. С технической стороны, действие это квалифицировалось как кража, поскольку в данный момент не его смена, однако разве не собирался он вернуть машину на место?.. Да и можно ли здесь сбить ее с рук? Ли даже не расходовал горючего, поскольку снежок располагал собственным небольшим ядерным генератором, аккуратно производившим 14,3 киловатта энергии, вне зависимости от того, ездил кто-нибудь на нем или нет.

Выехав в одиночку, он совершил свою первую ошибку. И через пару-тройку часов она стала фатальной.

Поездка оказалась увлекательной: чуть менее трех часов, проведенных при средней скорости почти две сотни километров в час. В условиях слабого тяготения сани подсакивали на каждом мелком бугорке. Первый час езды Ли еще старался выбирать самую ровную трассу, хотя непрерывные толчки в буквальном смысле вытряхивали из него всякое соображение... Однако сани были снабжены двигателями ориентации, не позволявшими им перевернуться в здешнем воздухе (впрочем, скорее, в вакууме, поскольку те микробары*, на которые натягивала окружающая Седну разреженная гелиевая дымка, никак не заслуживали звания атмосферы). Немного погодя он сообразил: снег слежался здесь настолько плотно, что превратил поверхность планетки в комплекс трамплинов, — и постепенно осмелел настолько, что стал выбирать те из них, которые подбрасывали вверх на пять, десять, наконец, на тридцать секунд.

Скорее забава, чем работа, подумалось ему.

Раскинувшийся вокруг ландшафт, который он обзирал через светоусиливающие очки, представлял собой плавные холмы густого темно-красного цвета, напоминавшего земную красную глину. Седна казалась прекрасной. Над холмами бриллиантовым блеском сверкали разноцветные звезды: слепающий водяной лед прорывался жилами на поверхность пунцовых толинов. Ли попробовал отключить оптический усилитель. Сперва он увидел одну только тьму; чувство полета в ней на автопилоте, без понятия о том, где может возникнуть препятствие, заставило сердце его заколотиться. Через минуту он начал различать во мраке кое-какие пятна, а по прошествии еще нескольких минут обнаружил, что может видеть, хотя

* *Микробар* — миллионная доля единицы измерения атмосферного давления.

Солнце находилось в миллиардах километров от него. Без оптического усилителя поверхность планеты казалась бесцветной под искрами звездного света, а крохотное Солнце можно было закрыть головкой булавки.

Однако такой обзор показался Ли более правдивым, и потому он не стал заново включать усилитель. Дисплей на стекле скафандра сообщал ему о рельефе местности, а автопилот подыскивал самый ровный путь.

— А вам, ребята, следовало бы помогать мне, — обратился он к окрестностям. — Не такая уж забава этот ваш покер, во всяком случае, до зарплаты.

Ему повезло, что он не въехал прямо в артефакт. Ли так увлекся ездой на снегокате, что расслабился и потерял представление о том, насколько далеко заехал. К счастью, забывчивость не поразила навигационный компьютер, предупредивший о близости артефакта.

Но и получив подобный намек, Ли ничего не увидел: горизонт резко обрывался вдали. Он снова включил усилитель, и все сразу стало на свои места — четкая черная линия перечеркивала красный окоем. Замедлив движение снегоката, Ли постарался приблизиться к черноте осторожно, бочком подкрался к тонкой, как лезвие бритвы, грани между снегом и артефактом и, наконец, соскочил со снегоката, после чего осторожно пополз вперед.

И заглянул вниз.

Чернота оказалась усыпанной звездами.

На мгновение ему показалось, что перед ним открылось жерло проложенного сквозь всю планету отверстия, а потом он подумал, что, должно быть, видит портал, открывающий путь в другую вселенную.

Заякорив снегокат, Ли пристегнул к нему страховочный конец. Все нужное имелось в наборе инструментов, однако наклоняться было слишком неудобно, поэтому он снял ранец и остался в облегающем скафандре. Проверив страховочный шнур, он опустил на колени на самом краю и снова посмотрел вниз.

И увидел обращенное к себе золотистое стекло шлема... его собственного шлема.

Черная поверхность... нет, не черная... гигантское зеркало уходило от него вдаль, отражая в своей глубине черноту космоса. Отсюда он мог видеть под ногами огоньки звезд. Ли находился так близко к зеркалу, что оно казалось совершенно плоским; однако, глядя вдаль, все-таки можно было заметить легкий изгиб.

Он протянул руку, чтобы притронуться к зеркалу, — поднышавшая из черной глубины ладонь прикоснулась к его руке, — и оно оказалось совершенно гладким и скользким. Абсолютно гладким, более скользким, чем масло, словно под пальцами ничего не было, словно рука его скользила, не встречая никакого сопротивления.

Перчатка не позволяла ощутить температуру зеркала. Костюм обладал почти идеальными теплоизолирующими свойствами; здесь, на окраинах Солнечной системы, иначе нельзя, ведь горнякам пришлось работать в криогенных условиях транснептуновых планет и объектов пояса Койпера.

Датчик температуры находился на кончике одного из пальцев перчатки. Ли прижал его к поверхности зеркала, на дисплее появилась цифра «5 кельвинов», оказавшаяся настолько невероятной, что он прижал датчик к другому месту. Однако и там было пять кельвинов, как и в третьем, а потом и в четвертом.

— Это ж надо... — промолвил Ли. — Холоднее, чем в душонке ростовщика.

Впрочем, датчик был ни при чем; приложив палец к полоске жесткого снега за пределами зеркала, он получил точное число — тридцать кельвинов. На поверхности Седны было холоднее, чем в адских кавернах, однако температура черной поверхности была еще ниже, на целых двадцать пять градусов, причем без какого бы то ни было права на это.

Ли задумался. Поверхность не была черной; она отражала свет, и черной казалась лишь потому, что в нее смотрелось звездное небо. И показатели ее явно приближались к свойствам идеального зеркала. Даже на таком расстоянии от Солнца снега Седны все-таки поглощали лучи далекого светила, нагревавшие их на несколько градусов выше абсолютного нуля. Однако находившийся перед ним идеальный отражатель, должно быть, совсем не поглощал света и оставался холодным. Конечно, зеркало немного светило в дальней части инфракрасного спектра, сообразил он, однако на всех частотах, излучавшихся Солнцем, оно не поглощало совсем ничего и потому было холоднее, чем та поверхность, на которой он сидел.

Итак, артефакт представлял собой колоссальное вогнутое зеркало. Гигантский телескоп, диаметром в десяток с лишним миль. Но кто и для какой цели его соорудил?

Ли задумчиво поглядел вдаль. Зеркало не обнаруживало признаков возраста, однако, безусловно, являлось древним. Так кто же сделал его и когда? Седна двигалась по одной из самых вытянутых орбит в поясе Койпера; движение уносило карликовый мирок почти на ты-

сячу астрономических единиц от Солнца, едва не отрывая от светила. Возможно, планетка некогда была межзвездным скитальцем, выхваченным Солнцем из мрака миллионы лет назад. Но откуда тогда она пришла? Какое неведомое племя соорудило этот телескоп Гаргантюа и для какой цели?

Он припал лицевой пластиной скафандра к поверхности зеркала, одной рукой держась за страховочный шнур. Поверхность была идеально гладкой... идеально отражающей.

И вдруг страховочный шнур ослаб.

Поднявшись, Ли заметил, что снежок стронулся с места и из тьмы скользит в его сторону. Он оставил свой транспорт за крохотным ледяным пригорком, однако излучаемое реактором тепло растопило преграду, и теперь машина, покачиваясь, двигалась прямо на него. Без раздумий он сделал шаг в сторону.

Ошибку он осознал моментально. Шипастые ботинки не нашли под собой никакой опоры, ибо поверхность зеркала была более скользкой, чем лед, и ноги поехали куда-то в сторону. Падая, Ли отчаянным движением выставил руку и, поскольку в условиях слабого тяготения все совершается замедленно, ухватился за ранец с инструментами. На какое-то мгновение он замер на животе на самом краю огромной зеркальной чаши, брякнув ногами по ее склону, вцепившись левой рукой в ранец и не выпуская из правой обмякший страховочный шнур.

Снежок скользнул вперед, подпрыгнул на ледяном бугорке, беззвучно повалился на бок и сник, брызнув веером красного снега.

Шевельнувшись напоследок, аппарат застыл, как будто бы оказался в надежной гавани.

Очень медленно, стараясь не шевелиться, Ли выбрал слабинку страховочного шнура и осторожно потянул за него. Снежок остался на месте. Действуя одной рукой, Ли прикрепил шнур к карабину на поясе.

Сила тяжести на Седне минимальна, она не превосходит и двадцатой доли земного притяжения, и он сумеет вытащить себя из ямы даже одной рукой. Опасность вроде бы отступила, и Ли позволил себе расслабиться на мгновение. Левая рука, словно примерзшая к застывшему на кромке зеркала ранцу с инструментами, затекла, и он чуть-чуть изменил позу.

И удерживавший его на якоре инструментарий оторвался от красного снега.

Великолепным плавным движением ранец вместе с Ли скользнул вниз по зеркалу. Судорожным рывком он попытался ухватиться за

край ямы, однако в руке оказалась только горсть снега. В падении он выпустил из руки ранец, и тот заскользил вниз по склону, неторопливо вращаясь и постепенно набирая скорость.

Страховочный шнур оставался пристегнутым к поясу, другой конец его был прикреплен к снегокату. Ли понесло к центру зеркала, и когда слабины уже не хватило, шнур дернулся... чуть натянулся... но выдержал. Там, вверху, на другом конце веревки, снегокат чуть шевельнулся, но не сошел с места, зацепившись за лед. Ли раскачивался на вытянувшемся шнуре. Он протянул руку, однако кромка зеркала оставалась за пределами досягаемости. Он дернулся, попытавшись перехватить шнур...

...и карабин лопнул.

Шнур вырвался из его рук, проскользнув сквозь пальцы, словно на-масленный, и неторопливо, изящно и красиво Ли Рокросс струнулся с места, направляясь вниз по лишенной трения поверхности зеркала.

Сначала он перемещался вверх; край зеркала находился в каких-то дюймах от его рук, однако отчаянное усилие ни к чему не привело, и он плавно поплыл вниз, неторопливо, но уверенно набирая скорость.

Всё! — подумал Ли.

Скользя по поверхности зеркала, он сможет до мелочей вспомнить свою жизнь: все космические гавани, которые успел посетить, все свои грехи — те, которые уже совершил, и те, до которых просто не дошли руки. Все показалось ему пустым и бессмысленным.

На подобные мысли ушло примерно двадцать секунд, пока, съезжая головой вниз, он пытался вцепиться в поверхность бессмысленным, рефлекторным движением.

А потом Ли сдался. Повернувшись на спину, он сумел не без усилия сесть. Скольжение по гладкой поверхности чем-то напоминало свободное падение, а уж с невесомостью-то он был превосходно знаком. И потрудившись немного, он умудрился кое-как овладеть собой. Покрутившись, он развернулся лицом к движению, попытался оценить ситуацию и успокоиться. А потом начал повторять про себя заученные наизусть, как мантры, пункты инструкции по действиям в чрезвычайной ситуации.

Первый пункт инструкции требовал: «Предпринять любые действия, необходимые, чтобы помешать ухудшению ситуации. Определить понесенный ущерб».

Ну, это было просто. Он скользил на самое дно зеркальной ямы и не имел возможности за что-нибудь ухватиться. Ухудшиться эта ситуация уже никак не могла.

Следующий пункт обязывал: «Активировать двухполосный локационный маяк, работающий на частотах 121,5 МГц и 406 МГц».

Его аварийный маяк вместе с остальными приборами дальней связи остался на скрывшемся из виду снеготате. А запасной аварийный маяк находился в ранце с инструментами, спускавшемся вниз где-то впереди него.

Космический костюм Ли был снабжен маломощным ультраширокополосным передатчиком. Он предназначался исключительно для голосового общения горняков и потому был специально спроектирован с малым радиусом действия; иначе сотня горняков забила бы своими разговорами весь радиоэфир. Записав короткий призыв о помощи, он включил голосовой передатчик в режим повторения, посылавший пятисекундные импульсы два раза в минуту. Совершенно бесполезный поступок, который, впрочем, позволил ему успокоиться. Шансов на то, что его призыв услышат, просто не существовало. «Бродячий остов» находился за горизонтом, вне досягаемости радиоволн. Поскольку схема работ не предполагала чьего бы то ни было присутствия на поверхности планеты, ретранслятора на орбите никто не оставлял.

Пункт третий инструкции гласил: «Проанализировать ситуацию; установить собственное положение и скорость относительно возможных источников помощи».

Возможных источников помощи попросту не существовало. Однако его костюм был снабжен внутренним инерциальным навигационным устройством, и Ли мог установить собственное положение и скорость. Проверив, включен ли навигационный блок, он вывел показания на дисплей шлема. Неяркие красноватые цифры засветились на стекле перед его глазами. Оказалось, что он едет вниз по склону, имевшему наклон чуть меньше двадцати градусов со скоростью восемнадцать метров в секунду. Пока Ли осмысливал эти цифры, устройство скорректировало показатели. Восемнадцать и три десятых метра в секунду.

Скорости он не ощущал. Если бы не меняющиеся цифры на дисплее, можно было подумать, что он остается недвижим.

Итак, ничего хорошего. Ли распорядился, чтобы компьютер представил график его перемещения в зависимости от времени. Траектория его движения по поверхности зеркала представляла собой идеальную параболу. Это, по крайней мере, было разумно. Конечно же, зеркало должно быть параболическим; оно просто обязано оказаться рефлектором огромного телескопа. Представив себе траекторию движения, он увидел собственную персону как крошечную перемещающуюся

щуюся точку. С каждой минутой движение набирало темп, однако ускорение уменьшалось по мере того, как он приближался к дну. Судя по форме кривой, он должен был достичь дна примерно через четыре минуты, то есть через целых шесть с хвостиком минут после того, как соскользнул вниз с края. Далее инерция вынесет его на другую сторону зеркала.

Инструкция аварийная, пункт четвертый: «Проверить наличие расходующихся материалов. Принять меры по минимизации использования имеющихся в критическом количестве материалов до получения помощи».

Ли проверил состояние своего костюма. «Расходуемых материалов» он не потреблял. Кислород поставлял ему линейный буферный рекуператор, извлекавший из каждого его выдоха двуокись углерода, разлагавший ее в электролизном цикле и в виде кислорода заново отправлявший в легкие. Устройство питалось от твердотельной батареи, дававшей энергию для нагревателей комбинезона. Итак, критическим для него расходующимся материалом являлся как раз аккумулятор. Ли проверил зарядку: зеленый сигнал, 76% полного заряда. Батареи были рассчитаны на работу в течение двух полных смен с небольшим запасом, что давало ему еще чуть больше двенадцати часов жизни. Есть ли шанс на то, что кто-нибудь сообразит, где он находится, и отправит спасательную экспедицию до того, как батарея иссякнет? Едва ли... Его начнут разыскивать только после начала следующей смены... он проверил часы... то есть через тринадцать часов. Да и то, в каюту его придут ближе к концу смены: выяснять, почему он не вышел на работу.

Пункт пятый требовал: «Оценить имеющиеся ресурсы. Использовать наличные ресурсы самым эффективным образом, чтобы найти выход из положения».

Отлично. Его ресурсы ограничивались космическим костюмом и ничем более. Все прочее осталось или в снежокате, или в потерянной ранце с оборудованием. Если бы на Ли был скафандр для работы в открытом космосе, никаких проблем не возникло бы вообще; маневровые движки унесли бы его с этого склона в любом направлении. Однако костюм для операций на поверхности таковыми не располагал.

Пункт шестой: «Обнаружив выход из чрезвычайной ситуации, обратиться в службу Космического наблюдения и отменить вызов о помощи».

Ли подумал, что вправе пренебречь этим пунктом инструкции.

Итак, обращение к правилам поведения в экстренных ситуациях

не указало ему на способ разрешения проблемы, однако помогло избежать паники. Теперь Ли находился в минуте пути до дна и двигался со скоростью сто шестьдесят метров в секунду. Он пересчитал число на привычные с детства мили. Веста, на которой он вырос, первоначально была заселена американцами, упорно отказывавшимися переходить на метрическую систему, даже после того как сама Америка присоединилась к Европейскому союзу. Ли скользил вниз со скоростью триста пятьдесят миль в час. Он вновь посмотрел на дисплей и отметил, что траектория движения не выводит его на центр зеркала. Он минует центр чуть левее... то есть правее, подумал Ли. Он как раз качнулся, когда лопнул карабин страховочного шнура, и наличие боковой компоненты скорости означало, что на самом деле траектория является эллипсом — точнее, фигурой Лиссажу, — проходящей не через центр, а рядом с ним. В действительности центр зеркала окажется немного справа от него. Ли наклонился, чтобы обозреть окрестности, понимая бессмысленность этого поступка, поскольку смотреть все равно не на что.

Тем не менее оказалось, кое на что взглянуть все-таки можно: мимо безмолвно скользило нечто непонятное. Что именно, Ли сразу не разобрал, однако, вспомнив, что оптический усилитель выключен, снова включил его.

Его несло мимо россыпи темного песка и нескольких скал и чуть менее внушительных глыб рядом с ними. Они казались совсем рядом, однако беглый взгляд, брошенный на измеритель расстояний, поведал Ли, что это иллюзия и каменистый ландшафт находится почти в пятидесяти метрах от него. Дно зеркала не было пустым: его заполнял космический мусор, за миллионы лет свалившийся в кратер и соскользнувший на дно.

Термостат костюма работал отменно, однако Ли невольно пробрал морозец. Врезавшись в один из таких камушков на скорости три сотни миль в час, он мог разом положить конец всем своим проблемам.

Скалы отъехали назад (то есть он промчался мимо них) и исчезли за его спиной. Ли достиг низшей точки своей траектории и теперь поднимался по склону к противоположной кромке.

Он вновь отключил оптический усилитель, чтобы сэкономить ту крошечную толику энергии, которую потребляло устройство. Теперь его несло вверх ногами по склону. Ли проверил показания. В самой нижней точке траектории его максимальная скорость чуть не дотянула до ста семидесяти метров в секунду и теперь уменьшалась по мере подъема. Откинувшись на спину, чтобы подумать, он поглядел в небо.

Оно было великолепным даже без усилителя. Звезды сверкали над ним, и звезды сияли под ним: казалось, что он катит по совершенно прозрачному листу льда, распростершемуся в бесконечном пространстве. Превратившееся в огненную искру Солнце яркими лучами слепило его привыкшие к темноте глаза, однако огненная песчинка эта была настолько мала, что почти не давала света. Отвернувшись, он заметил: Солнце окружено призрачным диском, настолько слабым, что его, скорее, можно было назвать воспоминанием о свете — диском зодиакального свечения. А вокруг были звезды — миллионы крошечных алмазов, рассыпанных по бархату ночи, искрящихся то синевой, то алой кровью.

Глядя на звезды, Ли вновь прокрутил в голове список процедур, рекомендованных инструкцией по выживанию. Остановить «процесс ухудшения положения», послать призыв о помощи, установить собственное местонахождение, экономить «расходуемые материалы», обозреть ресурсы и разрешить проблему, отменить экстренный вызов.

Пятый этап выглядел самым трудным. Однако чтобы обозреть ресурсы, необходимо располагать ими. Его космический комбинезон не был снабжен никакими добавочными приспособлениями, даже запасным баллоном кислорода, который он мог бы использовать в качестве газового реактивного двигателя. Комбинезон защищал его от мороза и вакуума, обеспечивал кислородом — и всё. Система жизнеобеспечения и аккумуляторные батареи были неотъемлемой частью скафандра; Ли не мог извлечь их при всем своем желании. А прочее осталось в ранце с инструментами.

Итак, остановить, позвать, определить место, экономить, исследовать и решить, а потом позвонить матушке и сказать, что все в порядке.

Обозреть ресурсы... Как насчет инструментов? Инструментарий несся той же дорогой, что и он сам, опережая его на несколько секунд. В ранце находилось оборудование, способное разрешить его трудности... радиомаяк, например. В худшем случае ранец можно было использовать просто в качестве источника реактивной силы. Отбросив инструментарий с достаточной скоростью, он может изменить траекторию движения и в итоге перевалить через кромку зеркала. И ранец этот находился на зеркале где-то неподалеку; быть может, в считанных метрах от него.

Изогнувшись, Ли умудрился сесть и включить на полную мощность оптический усилитель. Ранцы с инструментами раскрашивали яркими красками, чтобы никто из горняков случайно не взял чужой;

комплект Ли шеголял яркой зеленью лайма. Чтобы заметить ранец, потребовалось лишь несколько секунд. Инструментарий скользил, чуть вращаясь и опережая Ли метров на двадцать с лишним.

Итак, коль скоро ранец находится впереди, он окажется у противоположной кромки раньше самого Ли... затем остановится... потом начнет двигаться прямо навстречу хозяину.

Согласно набросанной в дисплее схеме до кромки оставалась примерно минута. Ли не отводил взгляда от скользившего впереди ранца, готовясь схватить его, как только тот изменит направление движения. Вот он уже у самой кромки... неужели он перевалит через край и вывалится из чаши?

Чиркнув по кромке, инструментарий повернул влево и заскользил назад, в сторону Ли.

Движение горняка замедлялось по мере приближения к кромке зеркала, а ранец, напротив, ускорил свое движение. Ли потянулся к нему, выгнувшись по зеркалу, однако ранец скользнул мимо растопыренных пальцев...

Впрочем, времени на оплакивание упущенной возможности у него не было. Кромка зеркала оказалась совсем рядом, и он попытался передвинуться вперед по поверхности, как пловец — орудуя всеми четырьмя конечностями. Если только ему удастся таким образом изменить положение хотя бы на метр...

Бесполезно. Край поднялся над Ли — такой близкий... такой недоступный. Все старания не помогли ему продвинуться даже на миллиметр.

Его понесло вниз, и кромка зеркала исчезла где-то за спиной.

Так почему же ранец миновал его? Причина в эллиптическом характере колебаний, решил Ли. Инструментарий, как и сам он, обращался вокруг центра зеркала, но скользил по эллипсу, не пересекавшемуся с его траекторией.

Итак, он снова ехал вниз. Еще шесть минут до дна, двенадцать до противоположной стороны. А потом еще двенадцать минут на обратный путь... и еще двенадцать, и еще... пока не разрядятся батареи и он не замерзнет. И сколько же времени после этого будет колебаться в зеркале его бездыханное тело? Сколько дней? Или все-таки лет? Поверхность зеркала не могла быть полностью лишена трения: во Вселенной нет ничего идеального. Иначе камней в центре зеркала не оказалось бы: они до сих пор ездили бы по его поверхности.

В данный момент Ли исполняет роль головки маятника, а лишенная трения поверхность зеркала заменяет веревку. На мгновение мыс-

ли его вернулись к проведенному на Весте детству. Они с братом час-тенько соревновались на качелях: кто сумеет взлететь повыше. И не меньше сотни раз пытались раскататься изо всех сил и перелететь через перекладину. Однако это ни разу не удалось даже в условиях слабого тяготения Весты; едва они взлетали выше подвеса, веревка ослабевала и доска качелей, вздрогнув, падала вниз.

Однако размышления о прошлом бесполезны, и Ли заставил себя обратиться к нынешнему положению дел. Через несколько минут он вернется к начальной точке. И как там насчет страховочного шнура? Может быть, он по-прежнему висает вниз... хотя едва ли.

Он восстановил в памяти картину своего падения. Когда лопнул карабин, шнур дернулся назад, подобно резиновому жгуту, и исчез за краем зеркала. Если шнур окажется под рукой, можно будет попытаться дотянуться до него... однако рассчитывать на это глупо.

Так и оказалось. Его донесло едва ли не до самой кромки, и на мгновение Ли завис под ней, но тут же заскользил обратно. Инструментарий — как и у противоположного края — пролетел мимо него на почтительном расстоянии, а шнура не было и в помине.

Впрочем, следовало подумать кое-чем... Седна совершала один оборот за десять земных часов. И — Ли проверил время — через два часа Солнце окажется прямо над головой. В холодном захолустье системы, в сотне астрономических единиц от Земли, Солнце светило тускло, но что будет, когда лучи его сфокусирует зеркало, имеющее в поперечнике двадцать километров? Весьма возможно, это и есть истинное назначение зеркала, подумал он. Это не телескоп, а огромная солнечная печь.

Нет, не то... Зеркало сфокусирует солнечные лучи в милях над его головой, в своей фокальной точке. На поверхности же самого зеркала светлее не станет. И Ли следует подумать о том, как не замерзнуть, а не о том, чтобы не зажариться.

Пролетая мимо дна зеркала, Ли вновь включил на полную мощность оптический усилитель, чтобы рассмотреть всю эту каменную труху и попробовать сообразить, можно ли ею воспользоваться. Однако груда камней, как и прежде, осталась в пятидесяти метрах.

Выключив усилитель, он вновь остался во мраке наедине со звездами.

Что ж, не пора ли обратиться к воспоминаниям о прошедшей жизни? Качаться на качелях с братцем было неплохо, несмотря на то, что им так и не удалось перевалить через перекладину. Оставшиеся несколько часов жизни и в самом деле можно посвятить воспоминаниям о старых добрых временах. Если тебя занесло в изыскатели, поду-

мал он, где только не побываешь, но видишь всегда только обратную сторону жизни: изнанку, злачные места, захолустные припортовые кварталы города. И все они выглядят одинаково. У некоторых горняков насчитывалось по девиче на каждом из скалистых мирков, которые они посещали, но связывали людей только деньги. Когда Ли везло с работой, он получал хорошо, денег бывало помногу, однако почему-то ему не удалось ничего скопить. Ну не то чтобы он прожил жизнь попусту, это не так, подумал Ли, однако прежнего существования с него довольно. Пора начинать следующий этап, двигаться дальше. Надо учиться, получить диплом, добиться чего-нибудь.

Что ж, некоторое время для занятий у него есть... Итак, подумаем о ресурсах... Кстати говоря: а ведь у него кое-что имеется, о чем он не вспомнил раньше. Его личный информационный блок лопается от материалов и, в частности, содержит полный курс физики. Что если он найдет решение своей проблемы в одном из разделов учебника? Быстро не разберешься, однако можно попытаться.

Загрузив инфоблок, он ввел в поисковик следующий текст: ПРОБЛЕМА — СКОЛЬЖЕНИЕ ПО ПОВЕРХНОСТИ ОГРОМНОГО ЗЕРКАЛА. На самом деле Ли не рассчитывал на положительный результат, однако поиск все-таки дал один пункт.

Как ни странно, компьютер отослал его к художественной литературе. Старинный рассказ, написанный в двадцатом веке, повествовал о приключениях двух людей на поверхности лишенного трения зеркала. Научную фантастику Ли ненавидел. Он успел начитать ее в школе, прежде чем навсегда забросить. Однако преподаватели обожали этот жанр. Впрочем, у древних авторов все всегда происходило не так. Персонажи совершали нелепые поступки, причем без всякой страховки; то есть проявляли присущую им глупость и права на жизнь, в сущности, не имели...

А как насчет того, чтобы увести снежок и отправиться в путешествие по чужой планете, не сообщив никому о цели своей поездки? Ну, идея-то, положим, не столь уж плоха...

Архив, однако, не содержал полного текста рассказа, ограничиваясь коротким изложением сюжета в обзоре литературы XX века. Ли пробежал текст. Ситуация не совсем как у него, отметил он с нарастающим разочарованием: герои рассказа располагали куда большими ресурсами. Согласно сюжету, они были связаны вместе и воспользовались этим для увеличения скорости вращения настолько, что она позволила им разделиться. Комментарий утверждал, что предложенное в рассказе решение нельзя считать верным, так как автор не учел сохранение вращательного момента.

Бесполезно! Ли готов был с негодованием отбросить книжицу, будь она физической и реальной, а не темными буквами на светлом дисплее шлема.

Если бы только у него оказалась в руках книга, которую можно отбросить! Или хоть что-то еще. Он мог бы использовать ее механический момент. А так — он словно оказался в космосе без двигательного ранца. И не мог изменить характер своего движения.

«См. родственные термины, — выдал ему компьютер. — Простой гармонический осциллятор. Движение без трения».

Он пролистал главу о простом гармоническом осцилляторе, увидел, что текст полон синусов и косинусов, не имеющих явного отношения к его участи, а затем перешел к движению без трения. В этой главе говорилось, что подобное движение может обеспечить только сверхтекучий гелий. Вот это уже интересно. Неужели Чужие сумели найти способ сделать сверхтекучий гелий твердым? Нет, это смешно. И тем не менее поверхность зеркала оказалась безумно холодной! А вдруг оно выполнено из какого-то особенного материала, поверхность которого покрыта тонкой пленкой сверхтекучего гелия? Нельзя ли чем-нибудь нагреть зеркало и уничтожить эффект?

Нет, эта идея ведет в тупик. Даже получив какое-то трение, поверхность останется слишком гладкой, чтобы удалось подняться по склону к кромке. Для этого потребуются ступеньки в наклонной поверхности, а здесь их нечем пробить... Неужели этот материал совершенно неподатлив? Ли пнул его изо всех сил, но с тем же успехом можно было колотить по граниту. Большой палец ноги немедленно взвыл, однако на поверхности не осталось даже вмятины. Из какого бы материала ни состояло черное зеркало, в прочности его не приходилось сомневаться.

Лишенная трения поверхность явно была вещь чрезвычайно ценной, даже если свойства ее проявлялись лишь при температурах, близких к абсолютному нулю. И если бы этот сукин сын и подлец Келлерман узнал о том, что в данный момент один из его работников раскатывает по поверхности материала, который стоит гораздо больше, чем все залежи аммиака на этой планетке, спасательная партия явилась бы тут же.

Однако эта логическая цепь ничуть не приблизила его к спасению.

Кромка оказалась рядом, то есть он был возле края зеркала. Ли скользнул к ней, замедляя движение, завис в прискорбной близости от края — и снова покатился вниз. Он проверил радио: передатчик по-прежнему посылал в пространство бесплодные просьбы о помощи; убедился в том, что ранец благополучно едет впереди, оставаясь недо-

сягаемым, проверил заряд батарей. Помощи, кажется, не предвиделось...

Ли скользил вниз по склону на животе, словно на санках. Изогнувшись, он поднялся, опираясь на руки и колени. Потом, оставаясь на коленях, распрямил корпус, поддерживая равновесие одной рукой, упиравшейся в скользкое зеркало. Покачавшись немного, он понял, что все-таки может сохранять равновесие. Это в общем-то несложно... Ли попытался встать на ноги, и на мгновение ему это удалось; он отчаянно замахал руками, пытаясь удержаться в вертикальном положении, прежде чем ноги уехали из-под него.

Точно таким же образом пытаешься устоять на льду... Ли повторил попытку и в конечном итоге преуспел в своем намерении. Вот точно так же он катался на сноуборде по холмам Каллисто и на лыжах по полярной шапке Марса во время какого-то из коротких отпусков. Снег двуокиси углерода на Марсе тоже не мог похвастать особым трением, однако, расслабившись и сохраняя внимание, на нем можно было устоять в вертикальном положении. Фокус заключался в том, чтобы проекция центра тяжести не выходила за пределы ступней. Нужно было вытянуть руки вперед, согнуть колени и постоянно следить за положением тела. Слабое тяготение помогало, давая время на исправление ошибок.

Ли стоя покатил вниз по склону. Жаль, что брат не видит его!

Новая поза ничем не улучшила его положения, однако то, что он сумел встать и стоять, вселило в него чувство огромного удовлетворения, — как если бы он и в самом деле овладел ситуацией. Он представил себя олимпийским чемпионом по лыжам, катящим по полоске искусственного снега вниз со склона марсианской горы Олимп. Ли посмотрел на дисплей: оказавшись на самом дне перед подъемом, он снова набрал скорость 160 метров в секунду. Это, конечно, рекорд среди всех горнолыжных достижений! Жестом победителя он воздел руки над головой, отвечая на приветственный рев воображаемой толпы, и повалился назад, приземлившись на задницу.

При одной десятой земного тяготения такое падение особенно не огорчает. Повернувшись на живот, Ли попробовал снова подняться и, располагая уже опытом в этом занятии, понял, что может стоять вертикально без особых усилий.

Как будто это сулило ему что-то хорошее...

Однако, если он может стоять, то можно и прыгнуть... При одной десятой силы тяжести это будет значительная высота. Нельзя ли тогда попросту перепрыгнуть то крошечное расстояние, которое отделяет его в верхней точке траектории от кромки?

Немного попрактиковавшись, он понял, что действительно способен на какое-то мгновение оторваться ото льда. Чтобы подпрыгнуть, а не распластаться на льду (не на льду, поправился он, на зеркале, это все же не лед), требовались и концентрация внимания, и координация движений.

Однако восторг, рожденный внезапной надеждой, растаял так же быстро, как и возник. Прыжок не сулил ему ничего путного, поскольку подпрыгнуть он мог только по вертикали. Но не по вертикали к поверхности планеты — при полном отсутствии трения он мог совершить прыжок лишь в направлении, перпендикулярном поверхности зеркала. Он вывел траекторию своего движения по поверхности зеркала на дисплей шлема и принялся рассматривать ее, пытаясь обнаружить изъян в собственных аргументах.

Предположим, что он подпрыгнет в тот самый момент, когда окажется в высшей точке своего подъема... Однако кривизна зеркала будет действовать против него; в этом случае он дернется в обратную сторону... А если прыгнуть чуть раньше?.. И это ничего не даст; он всегда будет возноситься не туда, куда надо.

Набросав небольшую схемку на дисплее, он поместил на нее фигурку человека в скафандре. И, внимательно разглядывая ее, так и не обнаружил способа помочь себе. Обидно до слез... Чтобы выбраться из зеркала, ему нужно добавить чуточку скорости движения, а любой прыжок лишь вычитал ее.

А нет ли здесь ошибки? Прыжки всегда будут направлены перпендикулярно линии его движения. Поэтому они не могут изменить его скорость вдоль зеркала... Или все-таки смогут? Ли пожалел, что не успел разобраться в физике получше. Однако зеркало было вогнутым. И факт этот явно мог чем-то помочь ему. Прыгая, он добавлял к скорости своего движения вектор, и должен был существовать способ заставить этот вектор работать в его пользу.

Однако Ли не мог его обнаружить. Задача оказалась слишком сложной.

«Оценить имеющиеся ресурсы и воспользоваться ими для разрешения собственной проблемы». Его ресурсы ограничивались лишь собой — великовозрастным идиотом, умудрившимся попасть на самые большие в мире качели... И закачанной в блок памяти информацией по физике.

Он вновь включил учебник, страницу за страницей листая описание простого гармонического движения... Ситуация такова: он скользит по стенкам параболической потенциальной ямы. Однако в учебнике ничего не говорилось о переходе через третье измерение. Там

было сказано, что движение его происходит по идеальной синусоиде — что он уже и сам понял — и период колебаний будет оставаться постоянным, каковой факт ничем не мог помочь ему... Следующий параграф повествовал о вынужденных колебаниях, происходящих под действием вынуждающей периодической силы. Даже очень маленькая сила, если прилагать ее в фазе с движением, была способна быстро увеличить амплитуду колебаний. Даже маленькая сила... ему захотелось заорать.

В этом-то вся проблема! У него не было этой самой маленькой силы, и учебник не давал никаких рекомендаций относительно того, откуда ее можно взять. Вместо этого текст обратился к повествованию о кинетической и потенциальной энергии.

Если есть сомнения, читай ВИДЭС, подумал он. Читай воображаемую инструкцию по действиям в экстремальной ситуации. Сотню раз получал он этот совет, хотя прилагательное к слову «инструкция» иногда оказывалось и другим. Но глава, посвященная физике простого гармонического движения, на данный момент являлась единственным доступным ему руководством. И если выход из этой ситуации вообще существует, его следует искать именно в учебнике.

И он приступил к чтению, взявшись за главу о гармоническом движении с самого начала.

Наконец, подняв глаза к дисплею, он с удивлением заметил: прошло более часа, и он совершил три полных колебания, даже не заметив этого. Текст учебника оказался в высшей степени интересным, он стоил потраченного времени. Ли вдруг понял, почему физики с таким пылом относились к собственному делу. Решение должно найтись — оно просто прячется среди тайн кинетической и потенциальной энергий.

Так и произошло.

Он едва не расхохотался, заметив решение. Все было как на качелях.

Снова посмотрев на дисплей, Ли отметил, что потратил на изучение физики больше трех часов. Солнце опустилось за горизонт. Не замечая того, он совершил восемь путешествий туда и обратно по поверхности зеркала. Ли проверил заряд батарей: оставалось около девяти часов. Однако план действий уже созрел.

Он скользил вниз, поэтому первым делом пришлось перевернуться на живот. Вызвав на дисплей график своего положения и скорости, он принялся внимательно следить за собственным передвижением и, приблизившись к дну чаши, приготовился, став на четвереньки. Ког-

да скорость его достигла максимума в нижней точке размаха, он поднялся на ноги.

Так следовало из его плана.

Удержаться на ногах на скользкой поверхности в течение двенадцати минут, пока его несло к кромке, оказалось делом нелегким. Однако, оставаясь в вертикальном положении, он поднимал центр тяжести на семьдесят или восемьдесят сантиметров. А это немало.

Приближалась кромка. Теперь он видел заснеженную равнину за ней, несмотря на то, что тело его отклонялось от края назад. Снегоката нигде не было видно.

И хотя равнина распростерлась перед взглядом Ли, поверхность ее оставалась за пределами его досягаемости. Ничего страшного. И, замерев на мгновение перед самым краем зеркала, он приступил к выполнению следующего этапа: сел или, скорее, позволил себе рухнуть на поверхность зеркала — и попытался прижаться к ней настолько плотно, насколько это было возможно.

Вот так. Небольшое изменение положения центра тяжести при неоднократном повторении могло оказать значительное воздействие на процесс; оно-то и было источником его надежды. Каждый раз, проезжая центр зеркала, Ли вставал и, достигая кромки, опускался. словно бы раскачивая этими движениями качели, он каждый раз прибавлял крошечную толику к энергии своего тела. Пересекая дно зеркала, вставая при этом, он всякий раз немного смещал положение своего центра тяжести к воображаемой точке подвеса невидимых качелей, и скорость его увеличивалась на малую-малую долю. Опускаясь на зеркало у кромки, он как бы оставался на месте и не терял ничего. С каждым циклом энергия его движения чуть возрастала.

Очередной цикл: встать на дне, опуститься у кромки. Повторить. Повторить вновь. Приблизилась ли кромка? Трудно сказать. Повторить. Повторить опять. Он отключился от всего остального, концентрируя все внимание лишь на движениях. Он снова был на Весте, рядом с братом на качелях, пытаясь взлететь выше брата, пытаясь подняться выше точки подвеса. Повторить. Повторить снова.

Кромка определенно приблизилась... Падая на зеркало, он, насколько возможно, вытянул руку, и кончики его пальцев прикоснулись к снегу. Еще не достаточно, чтобы зацепиться, но уже прогресс. Ли попытался подтянуться на кончике одного пальца, но безуспешно.

Вниз. Вверх.

И снова чуточку ближе; на сей раз за кромкой оказались два пальца, и он попытался вцепиться в снег как можно глубже.

Повторить. Повторить еще раз... Теперь за кромку выползла вся его ладонь, и он уцепился ею за снег, всей силой вытягивая себя наверх... Ли даже удалось коснуться кромки локтем, прежде чем его унесло вниз.

На следующем подъеме за кромкой оказались обе его руки, и, подтянувшись, он выставил локти за край зеркала, перекинул через него колено, на мгновение застыв в неловкой позе, — и рухнул на снег.

Он победил.

Ли лежал на поверхности, распластавшись на снегу всем телом. Все оказалось просто.

— Физика, — сказал он себе. — Царица наук! — И пополз прочь: не пытаюсь вставать, стараясь оставить несколько метров между собой и предательским краем.

Он проверил заряд аккумулятора. Оставалось почти на час жизни, однако этого было довольно. Добравшись до снежоката, он подзарядится от батарей машины. И где же она...

Сердце его рухнуло в пятки. Снежоката не видно.

Обратившись к показаниям инерциальной навигационной системы, Ли не поверил своим глазам. Цифры говорили о том, что снежокат находится в двадцати километрах от него!

Положение машины на дисплее было вполне очевидным. Ли выбрался из зеркала не с той стороны.

Опустившись на снег, он снова проверил показания, а потом проделал это еще раз, пытаясь одновременно понять, как всё произошло. Каким же образом он сумел допустить такую элементарную ошибку?

Снежокат находился на противоположной кромке, но не в точности напротив него. За те часы, что он раскатывал по поверхности зеркала, под ним повернулась сама планета. Он выбрался с той стороны зеркала, с какой попал в него, но планета не стояла на месте. Снежокат находился в ста пятидесяти градусах окружности от него. Это было лучше, чем если бы он оказался точно напротив — теперь ему придется пройти только 29 километров по часовой стрелке, а это все-таки меньше, чем полная половина окружности, 35 километров.

Но что двадцать девять километров, что тысяча, что миллион: за оставшиеся пятьдесят две минуты — Ли скосил глаза на дисплей — столько ему не пройти.

Ощувив полное бессилие, человек повалился спиной на снег. Можно просто заснуть...

Впрочем, этот способ никуда не ведет... Ли снова сел и принялся цитировать в уме священные параграфы инструкции. «Пункт первый:

принять немедленные меры, препятствующие ухудшению ситуации...»

Ли посмотрел в сторону черного зеркала, представляя себе, в какой стороне должен находиться снежок, невидимый в здешней кромешной тьме.

«Пункт пятый: оценить свои ресурсы. Использовать все доступные средства оптимальным способом».

Теперь своим ресурсом он мог считать эту громадную чашу — совершенно черную, абсолютно гладкую, полностью лишённую трения.

Делать это ему хотелось меньше всего на свете, однако ожидания и размышления бесполезны; все, на что Ли еще был способен, пошло бы только во вред. Надо решать.

Поднявшись, он отошел от кромки, а потом повернулся к ней, глядя на самый край. Вот так.

Дело было опять-таки в законах физики. Он попал в западню, потому что оказался в зеркале, не имея достаточной энергии, чтобы выйти из него. И сейчас ему предстояло просто пересечь зеркало, взяв чуточку вправо... нет, еще дальше... компенсируя то изменение, которое зеркало внесет в его траекторию. Если он будет обладать достаточной энергией, если он войдет в зеркало с достаточной скоростью, оно не станет ловушкой. Ворвавшись, а не упав в зеркало, он получит достаточно энергии, чтобы выйти из него.

Так говорит физика.

Рассудок твердил, что он идет на самоубийство, однако выбора не оставалось. Совершив короткий разбег, он нырнул в зеркало.

Тело его полетело по плавной пологой кривой... В слабом тяготении Седны он как бы повис в пространстве, чернота под ним отражала бесконечные глубины космоса, и миг невесомости растянулся на вечность.

А потом он скользнул по поверхности зеркала и покатил по ней дальше. Дисплей в шлеме Ли чертил траекторию, следуя его движению через лишённую трения чашу.

Однако он не смотрел на экран. Ли знал, что его несет в точности туда, куда надо. Он чувствовал это.

И когда настало нужное мгновение, легко перешагнул через край зеркала.

**Перевел с английского
Юрий СОКОЛОВ**

ВЕКОВАЯ ТАЙНА

Антон ПЕРВУШИН

Сто лет назад, утром 30 июня 1908 года, над Центральной Сибирью наблюдался пролет ослепительно яркого болида. В районе реки Подкаменная Тунгуска он взорвался. Взрыв был столь силен, что вызванное им землетрясение зарегистрировали сейсмографические станции Европы, а воздушная волна дважды обогнула земной шар. В последующие ночи над огромными территориями светилось небо. Серебристые облака, красочные зори, игра света на сумеречном небосводе и некоторые другие атмосферные аномалии наблюдались от Енисея до берегов Атлантики. В то время никто и представить себе не мог, что падение болида станет одной из самых тревожащих воображение загадок XX века.

Первые исследователи и первые мифы

Информацию о взрыве над тайгой почти сразу опубликовала местная пресса. Уже из этих разрозненных сообщений становилось ясно, что произошло нечто экстраординарное. Так, газета «Сибирь» со слов очевидцев утверждала: на землю падало цилиндрическое блестящее тело, на небольшой высоте оно взорвалось, образовав темное облако, из которого некоторое время вырывались струи пламени.

Первое объяснение произошедшему дали жители близлежащих районов, непосредственно наблюдавшие прохождение Тунгусского болида. Эвенки говорили, что чудовищный взрыв был вызван прилетом огнедышащих железных птиц «огды», которых напустил на людей злобный ша-

ман Маганкана. Нашлись даже очевидцы, заявлявшие, будто бы своими глазами видели этих мифических птиц.

В научном мире широкого резонанса падение Тунгусского тела в то время не вызвало. 1908 год был отмечен повышенной метеоритной активностью, еще один болид не менял картины, а потому ученые отнеслись к сообщениям с мест равнодушно. Правда, говорят, что уже через год в районе Тунгусской катастрофы побывала какая-то загадочная экспедиция с необычным снаряжением, однако документов, подтверждающих этот слух, найти не удалось.

Считается, что первым на месте катастрофы побывал инженер Вячеслав Яковлевич Шишков, ставший впоследствии известным писателем и создавший знамени-

тую «Угрюм-реку». В 1911 году возглавляемая им геодезическая экспедиция обнаружила колоссальные вывалы леса неподалеку от реки Тэтэрэ.

Целенаправленными поисками метеорита занялся Леонид Алексеевич Кулик. Интересно, что информацию о Тунгусском болиде ему «подбросил» Даниил Осипович Святский — известный астроном, историк науки, популяризатор и соавтор фантастического романа «Острова эфирного океана» (1914).

В 1927 году Кулик, задавший целью отыскать «Филимоновский камень» (так тогда называли Тунгусский метеорит), отправился на общую разведку в районы лесоповалов, обнаружил там множество воронок, а через год вернулся с большой экспедицией. В течение лета были проведены топографические съемки окрестностей, киносъемка поваленных деревьев и предпринята попытка откачать воду из воронок самодельным насосом. Но никаких следов «камня» обнаружено не было.

Третья экспедиция Кулика, проходившая в 1929 и 1930 годах, была намного более многочисленной и оснащенной буровым оборудованием. Удалось вскрыть одну из крупных воронок, на дне которой обнаружился... пень. Анализ показал, что пень «старше» Тунгусской катастрофы. Сле-

довательно, воронки имели не метеоритное, а термокарстовое происхождение. Тунгусское космическое тело и его фрагменты бесследно исчезли.

Если изначально Кулик полагал, что Тунгусский метеорит был каменным фрагментом периодической кометы Понса-Виннеке, порождающей регулярный метеорный поток, называемый Боотидами, то в ходе экспедиций он уверился, что метеорит состоял из железа. Исследователь даже не соизволил осмотреть большой метеоритоподобный камень, который обнаружил Константин Дмитриевич Янковский. Попытки найти «камень Янковского», предпринятые спустя тридцать лет, не увенчались успехом.

В 1939 году состоялась последняя экспедиция Кулика, которая вновь не принесла значимых результатов. Еще один поход в район падения Тунгусского метеорита Кулик собирался организовать в 1941 году, но этому помешала Великая Отечественная война.

Атомный корабль с Венеры

Если до войны проблема Тунгусского метеорита интересовала только небольшую группу ученых, то в конце 1940-х годов о ней слышали даже школьники. Дело в том, в что в январском номере массового журнала «Вокруг света» за 1946 год был опубликован

рассказ-гипотеза «Взрыв», написанный участником войны, полковником и писателем-фантастом Александром Петровичем Казанцевым. В этом рассказе утверждалось, что над Подкаменной Тунгуской взорвался корабль инопланетян с атомным двигателем.

«Не исключена возможность, — писал Казанцев, — что взрыв произошел не в урановом метеорите, а в межпланетном корабле, использовавшем атомную энергию. Приземлившиеся в верховьях Подкаменной Тунгуски путешественники могли разойтись для обследования окружающей тайги, когда с их кораблем произошла какая-то авария. Подброшенный на высоту трехсот пятидесяти метров, он взорвался. При этом реакция постепенного выделения атомной энергии перешла в реакцию мгновенного распада урана или другого радиоактивного топлива, имевшегося на корабле в количестве, достаточном для возвращения на неизвестную планету».

Тут следует учесть два момента. Еще в 1920-е годы теоретики космонавтики показали, что межпланетные путешествия станут доступными, только когда человечество овладеет энергией атома. А в 1945 году процесс «овладения» привел к тому, что два японских города, Хиросима и Нагасаки, были уничтожены атом-

ными бомбардировками. Казанцев обратил внимание на следующую аналогию: в Хиросиме из всех зданий уцелели лишь те, которые находились в эпицентре взрыва, где ударная волна шла сверху. Точно так же в бассейне Подкаменной Тунгуски выстоял «мертвый лес» в центре лесоповала. Поразили писателя и совпадения сейсмограмм взрывов. Оставалось соединить это озарение с представлениями теоретиков космонавтики.

В своем рассказе Казанцев не только высказал экзотическую гипотезу об искусственной природе Тунгусского космического тела, но и описал пришельца, члена экипажа инопланетного корабля: чернокожую «шаманку», имевшую сердце с правой стороны и утверждавшую, что она прилетела с «утренней звезды». В то время, надо отметить, считалось, что кроме Земли жизнь возможна на Марсе и Венере, причем Венера казалась предпочтительнее, ибо обладала плотной атмосферой.

Известный специалист по математической оптимизации траекторий межпланетных перелетов Ари Абрамович Штернфельд, заинтересовавшись «задачей Казанцева», выполнил необходимые расчеты и подтвердил гипотезу: если бы на Венере существовали разумные обитатели, они могли бы прилететь на Землю именно в день катастрофы!

Рассказ Казанцева сразу привлек внимание специалистов. Его обсудили на заседании Московского отделения астрономического общества, после чего в Московском планетарии была поставлена лекция-инсценировка «Загадка Тунгусского метеорита».

Выглядела инсценировка следующим образом. Заместитель директора планетария по науке Феликс Юрьевич Зигель (известный популяризатор науки, увлекавшийся еще и уфологией) читал лекцию о Тунгусском метеорите, об экспедициях Кулика и так далее — однако после завершения его доклада из зала поднимался зритель Метт (актер, играющий по сценарию полковника) и говорил: «Вы знаете, мне в голову пришла интересная мысль. А что если это был атомный взрыв?» Затем один за другим поднимались актеры: «студент» Конов, «профессор физики» Кравченко — и затевали оживленную дискуссию, к которой присоединялись настоящие зрители.

Если после публикации в журнале «Вокруг света» пришло всего несколько писем-отзывов, то теперь о тайнах Тунгусского взрыва заговорила вся Москва. На лекции в планетарий ломались, входные билеты стали дефицитом. Игнорировать проблему больше не представлялось возможным, ведь многие зрители

воспринимали инсценировку как серьезное научное обсуждение, а гипотезу о корабле пришельцев — как официальную точку зрения Академии наук. Появились разгромные статьи в центральных газетах, которые, впрочем, еще больше подогрели интерес к тайне.

В 1950 году писатель Борис Валерьянович Ляпунов, известный своими популярными книгами о перспективах развития космонавтики, опубликовал научно-фантастический рассказ «Из глубины Вселенной», в котором обыгрывалась идея Казанцева. Однако если Казанцев полагал, что это был венерианский атомный корабль, то Ляпунов считал Тунгусское космическое тело звездолетом на обычном топливе. Согласно новой версии, корабль инопланетян столкнулся на подлете к Земле с метеоритом и был вынужден совершить аварийную посадку, которая закончилась катастрофой.

В том же 1950 году польский писатель Станислав Лем закончил работу над романом «Астронавты». В романе Лем также обратился к гипотезе Казанцева, которого называет в тексте «молодым ученым». По мнению польского фантаста, на Венере существовала роботизированная цивилизация, давно замыслившая уничтожить землян, расплыв в атмосфере Земли радиоактив-

ное облако. Тунгусское космическое тело было разведывательным кораблем, погибшим из-за потери управления над ядерным распадом в двигателе.

По сюжету романа «Астронавты» был позднее снят фильм «Безмолвная звезда» (1959). Немецкий режиссер Курт Мэтциг практически не отклонился от исходного текста, упомянув при этом и Тунгусский метеорит.

Пришельцы с Марса

Однако изучение спектров Венеры не оставляло надежды обнаружить на ней жизнь: в ее атмосфере не было ни кислорода, ни водяных паров. И тогда Казанцев доработал свою гипотезу в пользу Марса.

Еще в 1951 году писатель выпустил рассказ «Гость из космоса», в котором утверждал, что, скорее всего, корабль создали марсиане, хотя прилетел он с Венеры. Дескать, Марс теряет воду, превращаясь в огромную пустыню, и его обитателям ничего не остается, как пуститься в межпланетный перелет в поисках свободной воды:

«Вполне разумно предположить, что в поисках воды, которую можно будет использовать, марсиане решили обследовать обе соседние планеты — и Венеру, и Землю. Сначала в наиболее выгодный срок они прилетели на Венеру. Кстати, тогда очень удач-

но сочетались противостояния планет, а потом... двадцатого мая тысяча девятьсот восьмого года вылетели с Венеры на Землю... Видимо, путешественники погибли в пути от действия космических лучей, от встречи с метеоритом или еще по какой-нибудь причине. К Земле приближался уже неуправляемый корабль, во всем подобный метеориту. Поэтому-то он и влетел в атмосферу, не уменьшив скорости при торможении. От трения о воздух корабль раскалился, как раскаляется метеорит. Оболочка его расплавилась, и атомное топливо оказалось в условиях, когда стала возможна цепная реакция. В воздухе произошел атомный взрыв. Так и погибли космические гости именно в тот день, когда их ракета, как говорят теперь точные расчеты, должна была опуститься на Землю...»

Специалисты по метеоритам ответили фантасту через «Литературную газету», довольно резко опровергая идею Казанцева. Авторы статьи указывали, что утверждение об атомном взрыве в воздухе нелепо, загадок в Тунгусской катастрофе никаких нет и науке все давно ясно: метеорит упал на Землю и утонул в болоте, поэтому на месте падения нет видимого кратера.

Поскольку со времен экспедиций Кулика никто из ученых на месте катастрофы не побывал, то эти

утверждения выглядели голословными, что подлило масла в огонь.

Казанцев все же понимал, видимо, шаткость своих гипотетических построений, а потому написал еще несколько текстов, в которых так или иначе касался загадок Тунгусского метеорита. Упоминания о марсианском корабле можно встретить в повести «Лунная дорога» (1960), в романе «Планета бурь» (1963) и в новой версии старого романа «Пылающий остров» (1956). В последнем тексте рассказ «Взрыв» послужил в качестве вводной части, но на этот раз чернокожая шаманка призывала лететь на «красную звезду», то есть на Марс.

Казанцев сумел заразить своей идеей молодых ученых. Так, геохимик Алексей Васильевич Золотов не только уверовал в атомный корабль пришельцев, но и попытался отыскать доказательства фантастической гипотезе. Он побывал на месте таежных вывалов двенадцать раз и установил, что радиоактивность почвы в районе Тунгусского взрыва превышает фон. Радиоактивную «метку», датированную 1908 годом, удалось обнаружить и на спилах одного из устоявших деревьев. Другие исследователи не подтвердили открытие Золотова, что не помешало ему защитить кандидатскую диссертацию на основе своих изысканий.

В 1960 году опять же под влиянием идей Казанцева и с благословения главного конструктора Сергея Павловича Королева в тайгу отправилась экспедиция сотрудников космической отрасли. В ней участвовал будущий летчик-космонавт Георгий Михайлович Гречко.

«Королев не только поддерживал нас, — рассказывал Гречко позднее, — но и предложил использовать для поисков вертолет КБ, который как раз был недалеко от тех мест. Дал распоряжение, чтобы нас обеспечили поисковыми рациями... Через несколько недель я докладывал Королеву по телефону о нашей работе в тайге и на болотах.

— А хоть какие-то обломки корабля нашли?

— Нет, ищем. Правда, отпуск уже кончается!

Сергей Павлович решил с ходу:

— Я вам его продляю.

Пришлось признаться, что мы дали слово своим начальникам вернуться вовремя. Королев согласился: дело есть дело. Потом добавил:

— А все-таки жаль, что вы ничего не нашли...»

Популяризацией гипотезы атомного взрыва продолжал заниматься неутомимый Феликс Зигель. После того как в журналах «Техника — молодежи», «Знание — сила» и «Смена» он опубликовал несколько статей по ито-

гам исследований Золотова, а переводы этих статей попали в западную печать, научный мир отреагировал достаточно жестким заявлением. XII метеоритная конференция в своем решении отметила, что «результаты изучения радиоактивности и другие исследования до настоящего времени не дают оснований для предположения о ядерном характере Тунгусского взрыва». При этом конференция признала недопустимой популяризацию фантастических гипотез.

Инопланетный сигнал

Но фантасты не собирались отступить.

В 1964 году Генрих Саулович Альтов (Альтшуллер) и Валентина Николаевна Журавлева выступили со статьей «Путешествие к эпицентру полемики», в которой заявили, что никакое тело в атмосферу Земли утром 30 июня 1908 года вовсе не влетало, а взрыв был вызван лазерным сигналом, присланным на Землю цивилизацией планетной системы 61-й звезды созвездия Лебедя.

Перечислив существующие научные гипотезы, авторы статьи последовательно раскритиковали их, после чего обосновали свою гипотезу. Они указывали, что в будущем межзвездная связь будет, вероятно, осуществляться при помощи мощных лазеров. Но если поблизости от нас имеет-

ся более развитая цивилизация, она может попытаться установить с нами контакт именно таким способом:

«Если у близких к Солнцу звезд есть планеты с «сигнальными цивилизациями», то в сторону Земли не раз посылались световые лучи «вызова». Такой луч может образовать относительно широкий и неяркий конус; тогда Земля будет долго (часами, днями) находиться в пределах этого конуса, и «вызов» надо искать в спектрограммах звезд. Если луч уже и ярче, световое пятно скользнет по поверхности Земли. В этом случае сигнал удастся наблюдать невооруженным глазом, но в течение короткого времени. Наблюдателю покажется, что появилась яркая звезда, причем по небу в это время прошел световой столб (или световое пятно). Наконец, если луч очень узкий и мощный, он «разрядится» в атмосфере. Встреча будет не «осветительной», а «энергетической». Давление в таком луче соизмеримо с давлением в нижних слоях атмосферы. Тут неизбежен взрыв, причем именно в воздухе. Энергия высокотемпературного луча должна передаться соприкасающемуся с лучом воздуху. Это либо непосредственно приведет к взрыву, либо вызовет образование раскаленной плазмы, стягивание этой плазмы в гигантскую шаровую молнию и взрыв мол-

нии. Наблюдатель увидит картину, похожую на ту, что была при взрыве тунгусского тела. Высоко в небе появится «болид», который будет быстро приближаться по касательной к поверхности Земли. Форма «болида» должна быть круглой или овальной. В отличие от обычных такой «лучевой болид» должен иметь более яркий накал, а при взрыве значительная часть общей энергии выделится в виде излучения. В момент взрыва наблюдатель увидит световой столб, уходящий в верхние слои атмосферы».

Развивая свою мысль, фантасты указывали, что такой луч мог быть послан только со звезды, имеющей склонение около 40 градусов. Наиболее подходит для этого именно 61-я Лебеда, находящаяся от нас на расстоянии 11 световых лет. Хотя звезда двойная, авторы статьи напоминали, что еще в 1942 году астрономам удалось выявить наличие в этой системе одной массивной планеты (позднее открытие не подтвердилось). Простейший арифметический расчет позволил авторам прийти к выводу, что инопланетяне могли прислать свой лазерный сигнал в качестве ответа на извержение вулкана Кракатау:

«На планетной системе 61-й Лебеда существует высокоразвитая цивилизация. Эта цивилизация издавна посылает оптические сигналы (лазерного типа)

в сторону Солнца. Один из таких сигналов, видимо, прибыл в 1882 (или 1883) году. Взрыв вулкана Кракатау в 1883 году дал мощный радиоимпульс, который мог быть истолкован на 61-й Лебеда как ответный сигнал. Таким сигналом могла оказаться также и большая сентябрьская комета 1882 года, взорвавшаяся при прохождении близ Солнца. В связи с этим разумными существами из системы 61-й Лебеда была предпринята попытка точнее определить положение «адресата», и следующий луч (он встретился с Землей 30 июня 1908 года) имел значительно большую мощность, достаточную, видимо, для оптической локации».

Статья Альтова и Журавлевой многократно переиздавалась, вызывая общественный резонанс, что заставило ученых снова вступить в дискуссию. Так, астрофизик Дмитрий Яковлевич Мартынов сообщил фантастам, что 61-я Лебеда находилась совсем не в том направлении, откуда летел болид. А профессор Кирилл Петрович Станюкович и Виталий Александрович Бронштэн, известные своими популярными трудами по астрономии, написали большое письмо с объяснением чисто технических ошибок, содержащихся в статье. Прежде всего указывалось, что лазерный луч, присланный из другой планетной системы, в лучшем случае

выглядел бы как кратковременная и не слишком яркая вспышка на небосклоне.

Малая коллекция гипотез

В конечном итоге научный мир принял как основную «кометную» гипотезу.

В 1977 году была опубликована математическая модель, описывающая падение Тунгусского космического тела и доказывающая, что оно вполне могло испариться под воздействием разогрева в атмосфере, но только при условии, если целиком состояло из... снега!

Тогда же были представлены результаты химического анализа торфяников, залегающих в зоне падения Тунгусского метеорита. На определенной глубине в торфе исследователям удалось обнаружить аномально высокое содержание многих химических элементов. Было показано, что основными химическими элементами Тунгусского космического тела являлись: натрий (до 50%), цинк (20%), кальций (более 10%), железо (7,5%) и калий (5%). Именно эти элементы, за исключением цинка, чаще всего наблюдаются в спектрах комет. Результаты проведенных исследований позволяли уже с уверенностью заключить: Тунгусское космическое тело, скорее всего, было ледяным ядром кометы.

Понятно, что фантастов такой

прозаичный ответ не удовлетворил. Тайна Тунгусского метеорита продолжала привлекать внимание, и за последние полвека появились десятки новых экзотических гипотез.

В Советском Союзе ее обыгрывали на разные лады. Так, братья Аркадий и Борис Стругацкие в повести «Понедельник начинается в субботу» (1965) остроумно предположили, что Тунгусское тело — это корабль-контрамот, движущийся обратно во времени, поэтому его следы следует искать не в настоящем, а в прошлом.

Советские фантасты высказывали и другие смелые версии. Например, Тунгусское тело могло быть метеоритом из антивещества. Или космическим кораблем с аннигиляционным двигателем. Взрыв над тайгой увязывали с другими популярными и не до конца изученными феноменами: с НЛО, шаровыми молниями и даже со «снежным человеком».

Благодаря переводам статей Зигеля тема довольно быстро перекочевала в западную фантастику. Но там Тунгусскую катастрофу чаще связывают не с падением инопланетного корабля, а с опытами известного американского инженера Николы Теслы, который в начале XX века пытался построить машину, передающую энергию на расстояние без проводов. Эту, последнюю, версию отстаивали, например, Спайдер Робин-

сон в романе «Ключ Коллахана» (2000), Джон Кейс в романе «Призрак балерины» (2006) и Пол Уилсон в серии повестей «Ремонтник Джек» (1998—2008).

В свою очередь, Дэвид Брин в романе «Земля» (1990) предложил новую гипотезу: взрыв над тайгой был вызван столкновением Земли с микроскопической черной дырой.

А постмодернист Томас Пинчон-младший в романе «На день погребения Моего» (2006) утверждает, что над Тунгуской взорвалось злобное доисторическое существо, случайно разбуженное полярными исследователями.

Фергюс Гвинплайн Макинтайр связал Тунгусский взрыв с легендарной катастрофой НЛО в Розуэлле. В его повести «Реальная работа» (2000) преступник из будущего повреждает машину времени с туристами, прибывшими в 1947 год наблюдать падение «летающей тарелки», из-за чего машина проваливается еще глубже, вызвав чудовищный взрыв над тайгой.

Интересный вариант описал Йен Уотсон в романе «Путешествие Чехова» (1983) — над Тунгуской, оказывается, взорвалась советская машина времени!

Дальше всех по этому пути пошел Билл Десмедт в романе «Сингулярность» (2004). Он предположил, что Тунгусская катастрофа стала результатом необду-

манных действий заговорщиков из КГБ, которые сумели захватить микроскопическую черную дыру и собирались использовать ее как машину времени для того, чтобы изменить историю России в XX веке.

К теме Тунгусского метеорита продолжают обращаться и современные российские прозаики. Например, популярный писатель Александр Бушков сделал Тунгусскую катастрофу одним из ключевых эпизодов приключенческого романа «Дикое золото» (2000), в котором неожиданный взрыв над тайгой спасает жизнь главному герою. А Владимир Сорокин в романах «Лед» (2002) и «Путь Бро» (2004) представляет Тунгусский метеорит куском Небесного Льда, с помощью которого можно пробудить людей Изначального Света.

Прошло сто лет со дня Тунгусской катастрофы, но ее тайна по-прежнему волнует умы, пробуждая воображение. Наверное, мы никогда точно не узнаем, что именно взорвалось над тайгой в июне 1908 года, но, по большому счету, это не имеет значения. Загадочный Тунгусский метеорит стал элементом общечеловеческой культуры, и кто может предсказать, сколько еще изумительных текстов и экзотических версий появится к следующему юбилею еще через столетие.

ВСЕМ ВЫЙТИ ИЗ СУМРАКА!

Волгоградский писатель Сергей Синякин не стал ходить вокруг да около, а предпочел в лоб спросить у читателей о наболевшем (во всяком случае, для нашего журнала): «С чем связано отсутствие свежих научно-технических идей в российской фантастике?»

Лавинообразное развитие науки сделало передовые теории не доступными для осмысления — 10%;

В фантастику пришли авторы, которым все едино: что закон Ома, что закон Кулона — 31%;

«Твердая» НФ серьезно уступает в популярности остальным жанрам, а писатели жаждут массовой аудитории и больших гонораров — 15%;

Из фантастики ушел серьезный читатель — 4%;

Издатели не жалуют произведения с сильной научной составляющей — 9%;

Наука потеряла престиж в общественном сознании — 16%;

Ученые не сумели справиться с бедами человечества, отсюда разочарование в возможностях науки и техники — 5%;

Наука и литература мало совместимы: упор на первую существенно ослабляет художественную часть — 8%;

В опросе приняли участие 468 человек.

Господи! Ну что за времена пошли!

Войдешь по привычке в Страну Фантазии, раскрыв очередную книжку, так тебе голову боевым топором отрубят либо магией долбанут. Бьются друг с другом светлые и темные силы, спасу от них нет. И подумалось: а куда делась старая добрая НФ, коей славны были шестидесятые годы? Не та, где рассказывается о новых видах пластмасс, где сапоги сами надевались на ноги, а другая — с взлетами научных идей, от которых холодели щеки, и хотелось верить в человечество. «Я — робот» Айзека Азимова и «Лунная пыль» Арту-

ра Кларка, «Открытие себя» Владимира Савченко и «Пурпурная мумия» Анатолия Днепрова утверждали могущество человека, опирающегося на науку и технику; мир «Возвращения» братьев Стругацких был идеальным построением будущего, в котором хотелось жить. Давайте же с помощью читателей попробуем разобраться в происходящем, понять, что куда делось и почему...

Почти треть любителей фантастики согласна с тем, что в жанр пришли авторы, которым все едино — что закон Ома, что закон Кулона. Вот они-то и пишут книги «магического реализма», в науку

им углубляться страшновато — не дай бог заплутаешь на научных стезях... Не можешь о научно-технических идеях, не умеешь о человеке — пиши об эльфах, троллях, гулах и вампирах. Никто их не видел и, следовательно, поверит в любую историю. Но ведь авторы совершенно твердо убеждены, что «пипл желает хавать именно это». Кроме того, издатели по той же самой причине не жалуют произведений с сильной научной составляющей. Не верят они Ому и Кулону, и Ньютон со своими четырьмя законами их немножко смущает. Они верят в прибыль, а прибыль дают драконы, тролли и эльфы в многоотном исполнении. В этом убеждено 9% респондентов.

Так кто виноват? Не ставим ли мы лошадь позади телеги? К тому же, как убеждены 4% участников опроса, из фантастики ушел серьезный читатель. А критическое отношение к литературе всегда создается серьезными и думающими людьми.

Что ж, все правильно: лавинообразное развитие науки сделало передовые научные теории не доступными для осмысления массами. К этому выводу склоняются 10% из числа тех, кто принял участие в голосовании.

Некоторые полагают, что наука утратила престиж в современном обществе. Таких среди отвечающих набралось аж 16%. Еще 5% респондентов видят при-

чину в том, что ученые не сумели справиться с бедами человечества, отсюда и разочарование в возможностях науки и техники. Но если эти люди считают, что с бедами общества нам поможет справиться магия или заоблачные божества, то они жестоко ошибаются. Спасет все-таки наука, если, конечно, найдет панцею от этих бед. Криком «Ночной Дозор! Выйти из сумрака!» можно напугать алкаша на вечерней улице, но не террориста из «Аль-Каиды»; мечом и боевым топором не отмахнуться от боеголовки межконтинентальной ракеты, заклинание не поможет от СПИДа или гепатита. Неверующие могут убедиться сами.

А для того чтобы развивалась наука, необходимо с юности закладывать к ней интерес. И эту задачу в прежние времена с успехом решала научная фантастика. В связи с этим вспоминается повесть шестидесятых годов Г.Альтова и В.Журавлевой «Баллада о звездах», в которой астронавт Шевцов искал способ борьбы с пылевым облаком, куда вошел звездолет. И решение находит вполне научное, безо всяких заклинаний и кси-пси-икс лучей. Конечно, разработать подобную тему можно, лишь обладая небольшими научными знаниями. Но вот беда — не отяжелены современные литературные умы в своем подавляющем большинстве подобным грузом. Да и времена те-

перь другие: социальные потрясения взорвали наше общество, и волны от булжника, брошенного в социум, до сих пор не улеглись. И — как следствие — с илистого дна поднимаются темные слои невежества, растекаются по поверхности мистическими рукавами. Укрыться от настоящего в сказочную реальность заманчиво, только вряд ли это поможет в действительности.

Общество потребления окружает нас, мы живем среди хищных вещей века. Господи, как быстро мы перешли от романтических мечтаний к прагматичному потреблению! В мир пришел Потребитель! Он заказывает музыку. Одни считают магическую и сказочную литературу обязательным условием своего существования. Хорошо поваляться на диване, почитывая о приключениях Конана-варвара или бравого майора ВДВ Сварога. Другие желают совершить попытку к бегству в иллюзорное бытие. Не стоит обольщаться, если благодаря искусству автора вы уберетесь от драконов книжных, в реальном мире вас встретят цюрихские гномы и Мироед. Однажды придется сделать выбор между иллюзией и реальностью — принять мир в его данности или бороться с его несовершенством.

Другого не дано.

И еще одно замечание...

Раньше, прочитав НФ-книги и проникнувшись духом поиска

и познания, молодежь рвалась в космос, отправлялась в сибирские просторы делать геологические открытия, стремилась в науку. Дети мечтают стать менеджерами, дилерами, банкирами и гангстерами, что по нашей жизни одно и то же — грабители да и только. Времена научно-технических романтиков закончились, пришло время фантазийных прагматиков, верящих в то, что мир можно изменить верой и заклинаниями. Что поделывать: в вопросах прибыли наука — особенно фундаментальная — ненадежная союзница. Не зря ведь многие предпочитают веру, каковая намного прибыльнее. Впрочем, с верой и магией следует обращаться осторожно — хитрая эта штука, исследованиям не поддается, можно только верить, но с опаской. А то ведь как бывает? Захотел Иван Царевич оборотиться птицей перелетною, грянулся об пол, а поднялся с него полным Иваном Дураком...

По счастью, всего 8% участвовавших в интернет-голосовании уверены, что наука и литература мало совместимы, и упор на науку существенно ослабляет художественную часть. Все равно большинство с ними не согласно. Это радует. Это обещает новых авторов, обладающих незашоренным взглядом на мир и возрождение подлинно научной фантастики.

Сергей СИНЯКИН

РУССКИЙ КОСМОС КАК ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

Елена ХАЕЦКАЯ. ЗВЕЗДНЫЕ ГУСАРЫ.
ИЗ ЗАПИСОК КОРНЕТА ЛИВАНОВА. «Амфора».

В нашей фантастике не так уж мало образцов «русского викторианства». Российские фантасты наших дней последние года три-четыре затаскивают эстетические приметы Российской империи XIX столетия (в сильно облагороженном варианте) на территорию века XXII. Век XIX, спокойный и стабильный по сравнению со следующим столетием, вызывает желание перенести ощущения покоя и изобилия в будущее.

Многое тут делается без какой-либо «идейной программы», на интуитивном уровне. При этом чаще всего фантаст не задается вопросом: «А зачем это нужно?» Действительно, ради чего нужна такая эстетика, насколько подобный идеал годится для современной России в роли «конструктивной утопии»?

Кажется, в большинстве случаев подобным образом пишут либо «потому что сейчас так модно и всем нравится», либо из-за ослепления придворным блеском императорского времени, кирасами, эполетами, плац-парадами...

Работа Елены Хаецкой — редкое и удачное исключение.

Ее новая книга представляет собой сборник, куда вошел роман «Дикий подпоручик», повести «Бу-

ран», «Солдатская шутка», а также несколько рассказов. Цикл объединен двумя признаками. Во-первых, антуражем: действие во всех случаях так или иначе касается службы в N-ском «легкоглайдерном» полку, расквартированном на планете Варусса и отстаивающем интересы Российской империи от посягательств местных диких племен, — примерно так же, как это делали армейские части на Кавказе в XIX веке. Роль «экскурсовода» по разного рода эпизодам из офицерской жизни, составившим сюжетную основу текстов, исполняет молодой корнет N-ского полка Ливанов.

Во-вторых, всем произведениям цикла придано очарование стилистики, принадлежащей Золотому веку русской классики. Прежде

всего, видна близость с «Героем нашего времени» М.Ю.Лермонтова. Лексика, интонации, построение фраз и сюжетные ходы как будто возвращают читателя в мир русской старины. Но лермонтовская эстетика смешана с элементами космического боевика — лучевым оружием, глайдерами, звездолетами, орбитальными базами.

Эти декорации понадобились Елене Хаецкой для решения художественной задачи большой сложности. Она создала мир, который может служить вместилищем идеальной любви. Тут люди живут со спокойной размеренностью, тут уважаем лишь тот, кто исполнен благородства, великодушия, отваги, чувства долга. Тут царят «викторианские» добродетели...

Но высшая власть и высший авторитет даются только тем личностям, которые способны проявить абсолютное, вплоть до полного безрассудства, самопожертвование во имя любви. Таких людей Хаецкая считает возможным освободить от ограничений и условностей любого рода. Устами главного героя в романе «Дикий подпоручик», офицера Штофрегена, она произносит ключевую фразу всей книги: «...я ведь только что объяснял, что обезумел от любви. Я как будто переместился в совершенно другой мир, где действуют законы, для обычной жизни неприемлемые». Таким образом этот мир способен иногда даровать безумцам возможность перехода в более высокий пласт реальности. Попав туда, они воз-

вышаются над прочими персонажами, словно цари, чье правление легитимизировано миссией любви. Ведь они живут по иным законам. Елена Хаецкая делает их власть столь полной и безраздельной, что в рамках традиционной этики она может выглядеть безнравственной. Например, тот же самый герой, офицер, вовлек группу гражданских лиц в войну с вооруженными преступниками, хотя для их спасения существовал и менее рискованный способ. Почему это было ему позволено? Только по одной причине: он получил статус государя-от-любви и, следовательно, не может ошибаться или выбирать тактику робких полумер. Столь же невозможно и его поражение: у него в кармане — «мандат Неба».

Макс Фрай выразил свои впечатления так: «Записки корнета Ливанова» — первая известная мне утопия, которую хочется видеть овеществленной. Хотя создание такой утопии в задачи автора... не входило. Но так даже лучше». Думается, это не совсем правильная оценка, а может быть, и совсем неправильная. Да, Хаецкая воздвигла новую утопию. Но не случайно, а сознательно. Ведь если удастся навеять читателю очарование цельностью страстей и одновременно целомудрием, которым наполнены «Звездные гусары», то в его сознании замерцает не столь уж неосуществимый идеал... нет, не космической империи, а царства любви.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

Рецензии

**ГЕРОИ.
ДРУГАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ:**
Антология
альтернативной
классики.

Сост.
**Н. Резанова,
В. Точников**

*СПб.: Азбука-
классика,
2008. — 480 с.
(Серия «Лучшее»).*
5000 экз.

Соблазну переиначить, представить в другом свете сюжеты и героев классических книг подвержены многие писатели — как маститые, так и новички. Переписывать классику приятно и увлекательно.

Составители «Антологии альтернативной классики» представили на суд читателей девятнадцать рассказов, объединенных ревизионистским подходом к классическим историям и персонажам и разделенных на пять тематических блоков, которые посвящены сказкам, приключениям, детективу, фантастике и, собственно, самим писателям и их нелегкой писательской доле. Среди героев сборника Щелкунчик и пираты, персонажи самой печальной повести и принц подгнившего королевства, секретные агенты и еще не закатившееся солнце русской поэзии, Робинзон Крузо и Гекльберри Финн.

К сожалению, интересная концепция антологии существенно пострадала при реализации: уровень многих рассказов оставляет желать лучшего, и с подзаголовком составители явно ошиблись. Увы, качество исходного материала еще не гарантирует качества результата его переработки.

Среди удачных произведений следует отметить переложение французских сказок, сделанное Марией Галиной, по-своему небрежную пиратскую историю Олега Дивова и рассказ Василия Мидянина «Что делать, Фауст?».

Впрочем, в предлагаемой читателю системе координат рассматривать рассказы нужно не обособленно, а в сочетании с оригинальными произведениями. Действительно, без знания оригиналов их переписки теряют всякий смысл. Верно и обратное: «вариации на тему» придают классике дополнительное измерение и способны порадовать искушенного читателя. Тогда на первый план выходит не художественный уровень представленных рассказов, а оригинальность и «альтернативность» взгляда на известные всем сюжеты. С этой точки зрения, сборник — как результат вольных игр разума авторов — удался.

Сергей Шикарев

Тобиас БАКЕЛЛ

**ХРУСТАЛЬНЫЙ
ДОЖДЬ**

*Москва —
Владимир:
АСТ — ВКТ,
2008. — 413 с.
Пер. с англ.
А.Александровой.
(Серия «Science
Fiction»).*
3000 экз.

Сюжет дебютного романа Бакелла выстраивается вокруг противостояния двух человеческих цивилизаций, колонизировавших далекую планету. Это Нанагада — общество западного типа, заново входящее в индустриальную стадию развития после атомной войны, и цивилизация ацтеков, возродивших практику жертвоприношений. На протяжении столетий залогом мирного сосуществования были Проклятые горы, разделяющие континент на две части, но воинственные ацтеки прорыли туннель под горной грядой, и status quo оказался нарушен.

А вскоре читатель узнает, что за амбициями ацтеков стоят инопланетяне теотли, почитаемые в качестве богов. Однако исход конфликта зависит, разумеется, от человека — загадочного Джона де Брана, страдающего амнезией.

Дальнейшее развитие сюжета исчерпывающе характеризуется известной борхесовской классификацией: наличествует в нем и осада крепости, и поиски, и возвращение героя. Жители Нанагады защищают осажденную столицу, а де Бран возвращает себе память, странствуя в поисках древнего оружия. Роман Бакелла вообще слеплен из набора жанровых штампов: заезженный трюк с амнезией главного героя не использовал только ленивый, а противостояние двух цивилизаций давно стало общим местом НФ. В плюс автору можно было бы записать оригинальность в выборе конфликтующих сторон — ацтеки и жители Карибского бассейна, — но вряд ли случайно то, что на момент выхода книги уже прошла премьера блокбастера «Апокалипто» и уже пару лет как пользовалась популярностью первая часть кинотрилогии про пиратов Карибского моря.

Подобно своим «молодым и талантливым» коллегам Бакелл слепил книгу из подручного материала, большей частью уже использованного. Впрочем, как и положено жанру «трилогии», в котором выступает автор, события только начинают разворачиваться — в опасности уже все человечество.

Сергей Максимов

Ярослав ВЕРОВ,
Игорь МИНАКОВ

**ДЕСАНТ
НА ЕВРОПУ,
ИЛИ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
МАФУСАИЛА**

*СПб.: Азбука-
классика,
2008. — 352 с.
7000 экз.*

Вторая часть цикла «Трикстеры» по сравнению с первой напоминает продолжение сложной компьютерной игры в духе «Цивилизации». Новые задачи, новые персонажи, иные приоритеты развития. Главное связующее звено между двумя книгами, божественный Наладчик Шур, продолжает решать проблемы беззаботных «овощей». Одержав победу над своим давним врагом Аланом, Шур Неверов, однако, не сумел решить основную проблему созданной им «полуденной» утопии — неизбежный застой.

В «Десанте...» соавторы пошли по наиболее простому и давно освоенному фантастами пути: организовали утопии шоковую терапию в виде глобального кризиса — эдакое «Падение Гипериона» с обильным кровопусканием.

Однако проверенный годами, коммерчески выгодный и успешно опробованный в первой части метод принес неожиданные результаты. Баланс акцентов слишком сильно сместился в сторону адреналинового боевика.

Даже детективная составляющая становится второстепенной и малозаметной, когда музыку закачивает его величество экшен. Лишь постмодернистские «шутки для избранных» продолжают цвести буйным цветом.

Такое преображение непременно вызовет замешательство у поклонников первой книги.

Свой вклад в дисбаланс вносит увеличение числа событийных планов и действующих лиц, меняющихся настолько часто, что читатель не успевает привыкнуть к новым героям. Даже образ нового агента Шура, сына сгинувшего без вести Хлодвига Быстрова, выписан как бы «на бегу». Он хорош для «Тайны третьей планеты», но плох для Апокалипсиса и потому не интересен.

Ситуацию по-прежнему спасает Наладчик — хотя бы отчасти. Его тема не только наиболее занимательная, но и самая сильная во второй книге.

Николай Калиниченко

ГОРОДА:
Антология.
Сост. Питер
Краузер

Москва: АСТ,
2008. — 382 с.

Пер. с англ.

А. Георгиева.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

3000 экз.

В тематический сборник, объединенный образом города, вошли четыре новеллы именитых авторов. Первую из них, «Год в Линейном городе», написал изобретательный выдумщик Пол Ди Филиппо. Его новый мир существует в пределах одного города, кажущегося, впрочем, бесконечным. Герой «Года...» — автор рассказов в жанре «космогонического вымысла», которые, однако, основаны на реалиях нашего мира, что позволяет строить различные предположения о природе этого города.

Чайна Мьевилль в повести «Амальгама» обыгрывает мотивы зеркал и отражений в прозе Борхеса, рисуя Лондон, захваченный пришельцами из зазеркалья. Из всех авторов сборника творчество именно Мьевилля в наибольшей степени связано с городом. Именно там разворачивается действие всех его книг, будь то Лондон в современном переложении легенды о гаммельнском Крысолове или Нью-Кробюзон. «Амальгама» же является скорее интеллектуальной конструкцией, нежели яркой фантазией.

Майкл Муркок представлен произведением из цикла о Джерри Корнелиусе — «Поджог собора». Здесь переплетаются различные времена и персонажи, реальность и вымысел; с радикальных левых позиций высмеивается современная политическая арена. Впрочем, оценить по достоинству повесть сложно — сказывается шероховатый перевод, который не справляется с традиционным для Муркока избытком скрытых цитат и аллюзий. Кроме того, повесть явно не соответствует тематике сборника. Хотя понять желание составителя представить в нем автора незаурядного романа «Лондон, любовь моя» не составляет труда.

Отвлечен от темы города и рассказ Джеффа Раймана «ААЖ», описывающий общество будущего, в котором пожилое население старательно изолировано в дорогостоящих резервациях.

Сборник интересен включенными в него произведениями, но не тянет на звание тематической антологии.

Сергей Шикарев

Дмитрий КОЛОДАН

**ДРУГАЯ
СТОРОНА**

*Москва: АСТ,
2008. — 378 с.
(«Черная серия»).*
3000 экз.

Рыцарские романы бывают разные. От средневековой классики жанра в духе Томаса Мэлори до современных трактовок, в которых рыцарский дух частенько таится под такой причудливой оболочкой, что не сразу узнаешь старину Ланселота под броней имперского штурмовика.

Дебютный роман Д. Колодана «Другая сторона» как раз такой. Основным препятствием, мешающим принцессам и драконам ринуться на страницы, служит твердокаменное упрямство главного героя, не желающего верить в чудеса.

Чудаковатый, рассеянный Наткет — типичный добряк-тюфяк, но с глубоко упрямтым внутренним стержнем. На такого надо серьезно нажать, чтобы скрытые качества наконец проявили себя. И недостатка в подобного рода нагрузках не наблюдается. Цепочка загадочных событий выталкивает героя из уютного кокона повседневности.

Большинство читателей наверняка усмотрят в книге параллели с фильмом Тима Бертона «Большая рыба». Действительно, судьбы бертоновского Уильяма Блума и колодановского Наткета Лоу во многом схожи. Тема возвращения к чуду, как возвращения к себе, является центральной для обоих произведений. Однако «Другая сторона» — это не фантазия, но фантастика: мир городка Спектр подчиняется своим законам и ограничениям, вокруг которых и закручивается основная интрига романа. Кроме того, более жесткие, нежели в «Большой рыбе», условия превращают романтическую экзистенцию в мистический детектив.

Но все же, несмотря на серьезную опасность, угрожающую герою, в художественном мире Дмитрия Колодана Кэрролл побеждает Кинга. Слишком плотное покрывало, сотканное из шуток, нелепостей и всеразличных чудачеств, не позволяет воспринимать происходящее достаточно серьезно... Довольно редкий сегодня случай удачного романного дебюта талантливого рассказчика.

Николай Калиниченко

Алан КЕМПБЕЛЛ

НОЧЬ ШРАМОВ

Москва: АСТ —

Хранитель,

2008. — 446 с.

Пер. с англ.

Ю. Попковой.

3000 экз.

В последнее время традицией становится знакомить нашего читателя с новинками заграничной фантастики оперативно. Даже если речь о дебюте. Даже если речь лишь о первой книге серии. Хорошая это традиция или нет, не до конца понятно. С одной стороны, появляется возможность говорить о том же, о чем говорят за рубежом, быть в курсе актуальных тенденций западной НФ и фэнтези. С другой же стороны, показавшееся интересным сначала, далеко не всегда оказывается столь же интересным под занавес. Принцип испытания временем не так уж и плох.

Как бы то ни было, перед нами первый и пока единственный роман Алана Кемпбелла, разработчика компьютерных игр из Шотландии. «Ночь шрамов» открывает цикл о городе Дипгейт (Deergate — точнее всего по смыслу было бы перевести как Врата Бездны). Западная критика успела книгу областать. Да и место в десятке на одном из престижных конкурсов — тоже рекомендация.

Цикл будет, как видно, на любителя. Отягощенные мрачным жребием люди и падшие ангелы, кошмары на ночных улицах, всевластный ад. Мрак, кровь и ужас... Короче, «памятник готической субкультуры начала XXI века», — как скажут, возможно, будущие филологи, буде творение Кемпбелла войдет в историю. К чести издательства, заданное автором настроение оно передает весьма точно — и обложкой, и аннотацией, а главное, качественным переводом. В то же время Кемпбелл не просто отдает дань одной из мод нынешнего века. Его явно заботят серьезные вещи. Чего стоит один центральный образ проклятого города Дипгейт, висящего над бездной — в прямом и переносном смысле — и мечтающего чудовищной ценой завоевать небеса.

Впрочем, судить о том, что «хотел сказать» практически неизвестный пока автор в далеко не законченном цикле — дело неблагоприятное. В дебюте все только начинается. Тем, кого действие захватит, остается насладиться им и ждать продолжения.

Сергей Алексеев

ПЕРВЫЙ УДАР
Сборник
 Ред.-сост.
В.Гончаров

Москва:
Яуза — ЭКСМО,
2008. — 384 с.
(Серия «Военно-
историческая
фантастика»).
8000 экз.

Сборник позиционирован довольно расплывчато. На обложке заявлена принадлежность к серии «Военно-историческая фантастика», а в предисловии речь идет об альтернативной истории. Складывается впечатление, что книга должна объединять тексты, выполненные в формате альтернативной истории с преобладающим элементом военной тематики.

Но в действительности книга неоднородна. Как по качеству, так и по форматной принадлежности. Рассказы Радия Радутного «Глубокая консервация» и Ивана Кошкина «Конец хроноложца» вообще не дотягивают до того уровня стилистики, когда произведение не стыдно предъявить на суд читателей. Размещение текста Кошкина можно объяснить только одним: в нем происходит суд над персонажем, ассоциирующимся с академиком А.Фоменко, творцом шарлатанской «новой хронологии». Но зачем понадобился страшный, нелепый Радутный? И какой военно-исторический элемент в тягучем рассказе Владимира Серебрякова «Невольник чести», где Пушкин и Дантес встречаются в Японии? Альтернативка — есть, а военный элемент отсутствует начисто. Нет его и в скроенной на скорую руку юмореске Игоря Пыхалова «Канонизация».

Зато «альтернативки» нет в заглавной повести сборника — «Простая жизнь старшины Нефедова» Вадима Шарапова. Это повествование о советском Геральте, действующем в условиях второй мировой, ведущейся между магическими цивилизациями... И не найдешь ее у Ники Батхен в очаровательной романтической миниатюре «Сказка про перчатку» о явлении Жанны д'Арк Шарлю де Голлю.

К этим художественным (не тематическим) удачам книги следует добавить рассказ самого В.Гончарова «Дорога к теплому морю», полный светлой ностальгии. А хороши эти произведения тем, что в них действуют живые люди, т.е. полноценные художественные образы, а не картонки, призванные исполнять роль «оживляжика» для интеллектуальной игры в солдатики.

Дмитрий Володихин

ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ

Нынешнее вручение приза «Сигма-Ф» — юбилейное. Эта литературная награда, учрежденная десять лет назад журналом «Если и», по мысли устроителей, лишенная любых групповых пристрастий и возможностей лоббирования, стала для писателей, критиков, публицистов неким ориентиром в понимании того, а что, собственно говоря, желает услышать от них аудитория... В этом году представителями фантастической аудитории выступили 320 членов Большого читательского жюри.

Начнем, как водится, с романа, ибо в нашей премии не он, а рассказ является венцом всему.

И кажется, читательское восприятие фиксирует то же самое. Во всяком случае, в «романной эстафете» конкуренции не наблюдается третий год подряд. Одни и те же участники стремительно уходят в отрыв и удерживают лидирующие позиции на протяжении всего пути. И на этот раз мастера подтвердили свой класс: в первой тройке оказались С. Лукьяненко («Чистовик»), М. и С. Дяченко («Vita Nostra»), Г. Л. Олди («Ойкумена-3»). Следующая тройка, в которую вошли А. Громов («Русский аркан»), В. Рыбаков («Звезда Полярный»), Д. Быков («ЖД»), не слишком тревожила лидеров, а остальные 14 названных романов набрали незначительное количество баллов.

Победителями стала супружеская чета **Марины и Сергея Дяченко**, адресовавшая читателям роман «Vita Nostra».

В номинации «Повесть» игра стала существенно интереснее. Число участников, правда, уменьшилось до 18, зато прибавилось серьезности. Сразу пять повестей оспаривали награду: «Медная луна» С. Синякина, «Красный гигант» А. Бачило и И. Ткаченко, «Бытие наше дырчатое» Е. Лукина, «Соль» М. и С. Дяченко, «Чистая планета» Б. Руденко. И «преследователи» ощутили наступали на пятки: «Возвращение» А. Калугина, «Небо должно быть нашим!» А. Первушина, «Натурщик» Д. Трускиновской, «Простые числа» П. Амнуэля.

В итоге победу одержала повесть **Евгения Лукина** «Бытие наше дырчатое».

Ну а в голосовании по рассказу лидеры обозначились только к середине дистанции. До этого восемь из двадцати пяти «спринтеров» бежали плотной группой. Это О. Овчинников («Гуашь с кро-

вью»), М.Галина («Поводырь»), Д.Колодан («Скрепки»), С.Логинов («Одиночка»), С.Синякин («Вулканолог Званцев и его техноморфы»), А.Зорич («Королева Кубков, Королева Жезлов»), Д.Трускиновская («Сочтемся славой!»), К.Шаинян («Зеленый палец»).

По результатам голосования Большого жюри премию читательских симпатий «Сигма-Ф» получает **Дмитрий Колодан** за рассказ «Скрепки».

На очереди — дипломы «Сигмы». В этом году в номинации «Лучшее произведение зарубежного автора» мы предложили две категории — «Роман» и «Повесть/рассказ». В первой — ситуация практически идентична голосованию по произведениям отечественных авторов: 21 книга, лидирующая тройка, тройка отстающих и зыбкое марево догоняющих в середине. В призовую тройку вошли Дж.Роулинг («Гарри Поттер и Дары Смерти»), Т.Пратчетт («Пятый элефант»), Д.Симмонс («Олимп»). Их догоняли Ч.Мьевиль («Вокзал потерянных снов»), Н.Стивенсон («Ртуть»), Г.Кей («Сарантийская мозаика»).

Диплом «Сигма-Ф» получают книга **Терри Пратчетта** «Пятый элефант» и издательство **ЭКСМО**, предложившее эту работу английского мастера российскому читателю. Отдельная награда ждет **Александра Жикаренцева**, редактора серии «Плоский мир», который на протяжении многих лет выдерживает единый стиль и высокий уровень переводов романов Терри Пратчетта.

Совместное состязание по повести и рассказу привлекло сразу 28 участников — в основном из журнала «Если», но также из альманахов и сборников. Однако в «золотую десятку» вошли произведения, опубликованные в нашем журнале, что статистически вполне объяснимо. Перечислим лидеров: Р.Рид («Ева раз, Ева два...»), П.Мелкоу («Стены Вселенной»), А.Рейнолдс («Зима. Голубой период»), Т.Чан («Купец и волшебные Врата»), К.Бекетт («Периметр»), М.Пейн («Речной человек»), Р.Ловетт («Пески Титана»), П.Бигл («Дар»), Б.Стерлинг («Киоск»), Р.Ваджра («Изумрудные реки, жемчужные небеса»). Лучшим произведением «малой формы» 2007 года была признана повесть **Пола Мелкоу** «Стены Вселенной» в переводе Зои Вотяковой.

Последний диплом «Сигма-Ф» вручается за «Лучший фантастический фильм». К сожалению, после «Ночного Дозора», в свое время завоевавшего первое место, российский кинематограф не будоражит умы и души зрителей. Из тридцати названных лучших картин в списке оказались всего три наши: «Первые на Луне», «Параграф 78» и «Любовь-морковь».

Да и те очутились в третьем десятке... Ну а лидеры понятны: «Пираты Карибского моря-3», «Гарри Поттер и Орден Феникса», «Шрек-3» и неожиданно — «Звездная пыль». И еще более неожиданно, что именно эта картина по повести Нила Геймана, поставленная режиссером **Мэтью Воном** без особых спецэффектов, набрала наибольшее количество баллов.

Таким образом диплом уходит в компанию **United International Pictures**, обеспечившую прокат фильма в России.

А вот в разделе «Видеодром» особых неожиданностей не было. Победу одержал наш постоянный автор (с некоторых пор выступающий не только как критик, но и как писатель) **Антон Первушин**. Его статья «Другое небо» получила наибольшее количество уже не баллов, а упоминаний — так по Положению о Дипломе «Если» является победитель, — и ее автор второй раз подряд становится дипломантом нашего журнала. В список номинантов вошли: зарисовка О.Дивова «Боб и Боб стартуют в историю», заметка А.Шушпанова «Мюзик-movie», статья Д.Караваева «Грандиозные эксперименты местного значения», заметки Д.Байкалова «В гостях у страшной сказки».

Раздел «Публицистика» также не преподнес сюрпризов. Наблюдая за острой дискуссией в «Живом Журнале» (к сожалению, не на форуме «Если») по поводу полемики **В.Нестерова** и **О.Дивова** о МТА, можно было с высокой вероятностью предположить, что именно это «выяснение отношений» и станет лидером в данной номинации. Но стоит отметить, что буквально на полшага от победителей отстала остро публицистическая статья В.Мясникова «Почём баварское пиво?».

Читатели также оценили работы А.Громова «Пони бежит по кругу», Д.Володихина «Ёрш мохито инкорпорейтед», Е.Лукина «Языку — видней, или Нужна ли борьба с борцами?», П.Амнуэля «Миры, в которых мы живем».

В разделе «Критика» до сей поры традиционно первенствовали обзоры. И по итогам прошлого года они в умах читателей удерживают лидирующие позиции — однако на этот раз начиная со второго места. На первое с достаточно ощутимым перевесом вышло эссе Александра Ройфе «Искусство собирать цветы», посвященное утерянному и возвращенному жанру рассказа. Далее расположились обзоры С.Шикарева «Обитатели потерянных ковчегов», Г.Елисеева «На суше и на море», А.Первушина «Космические ушельцы», заметка Е.Харитоновна «Джаз в стиле космо», а также «все статьи Вл.Гако-

ва» (так отметило большинство голосующих). Насколько мы поняли, имеется в виду рубрика «Вехи», колумнистом которой является названный автор.

Мы еще раз настоятельно, убедительно и проникновенно призываем членов Большого жюри отмечать конкретные материалы, а не авторов.

В результате победителем становится **Александр Ройфе** за статью «Искусство собирать цветы». А **Вл.Гакову** мы предлагаем отдельный диплом как лучшему колумнисту журнала.

Та же проблема — с иллюстраторами «Если». Мы впервые ввели эту номинацию, рассчитывая, что читатели будут оценивать конкретную иллюстрацию, а не стиль художника в целом. К сожалению, большинство ответивших на вопросы анкеты пошло по второму пути, и в результате превратило голосование по конкретным работам в номинацию «Лучший художник-график журнала». Таковыми, по мнению членов Большого жюри, являются Сергей Шехов, Людмила Одинцова и Евгений Капустянский. Ну а те немногие судьи, которые все-таки взяли на себя труд выделить отдельные иллюстрации, в большинстве своем проголосовали за иллюстрацию **Сергея Шехова** к рассказу С.Логинова «**Одиночка**».

Зато голосование по обложке редакцию полностью устроило, особенно — результат. Поклонники нашлись практически у всех работ **Игоря Тарачкова**, кроме 11 и 9 номеров (последний был отмечен, но минимальным количеством респондентов). А на первое место вышла работа отнюдь не брутальная и даже не явно фантастическая — обложка второго номера к повести К.Бекетта «**Периметр**» (февральский номер журнала). Учítывая, что само произведение заняло лишь пятое место в номинации «Повесть/рассказ зарубежного автора», это исключительно заслуга художника, а не поддержавшего его текста. Назовем еще две обложки, завоевавшие наибольшее количество голосов: к повести Далии Трускиновской «**Натурщик**» (мартовский номер) и к повести Евгения Лукина «**Бытие наше дырчатое**» (майский номер).

Редакция «Если» благодарит всех наших читателей, принявших участие в голосовании. Ваши премии и ваши дипломы будут вручены лауреатам на «Евроконе», который впервые проводится в России.

Спасибо!

Редакция «Если»

Курсор

Премии «Небьюла»

вручались на специальном «Небьюла»-банкете, состоявшемся 26 апреля в Остине, штат Техас. Лауреатами стали: роман Майкла Чэбона «Союз еврейских полицейских», повесть Нэнси Кресс «Фонтан века», короткая повесть Теда Чана «Купец и Волшебные врата», уже известная читателям «Если», и рассказ «Всегда» Карен Джой Фуллер. Лучшим сценарием назван «Лабиринт Фавна» Гильермо Дель Торо, а специальную премию им. Андроэ Нортона получил роман Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти».

«Мика и Альфред»

— так будет называться новый фильм режиссера и сценариста Владимира Фатьянова. Главный герой этой мистической картины Мика получил дар убийства на расстоянии. В разном возрасте роль Мики исполняют Костя Дзямко, Степан Шибуняев, Даниил Страхов и знаменитый голливудский ветеран Майкл Йорк («Код Омега»). Съемки проходили в Санкт-Петербурге, Германии и Узбекистане.

«Странник»,

12-й по счету конгресс российских писателей-фантастов, состоявшийся в Санкт-Петербурге, вопреки сложившейся традиции, прошел не осенью, а весной — 24–26 апреля. Изменился и формат вручения наград: вместо привычных «лучшего романа, повести, рассказа» были предложены жанровые номинации. Так, в «Космической фантастике» победителем стал Александр Зорич с эпопеей «Завтра война», в «Технологической фантастике» лидировала сага «Одиссей покидает Итаку» Василия Звягинцева, в «Научной фэнтези» победили «Отраженные» Игоря Пронина, а в «Юмористической фантастике» приз получила повесть Евгения Лукина «Бытие наше дырчатое».

Строительная компания,

производящая застройку квартала Роттерман, одного из центральных кварталов Таллина, предложила дать название «Сталкер» участку пока безымянной дороги — дабы в дальнейшем в городе появилась улица, увековечивающая тот факт, что знаменитый фильм «Сталкер» Андрея Тарковского снимался именно в Эстонии. Остается надеяться, что будущая улица не будет столь же непроходима, как Зона Стругацких.

Инопланетяне

смогут теперь читать и земные фантастические журналы. Первым стал британский SFX — цветное иллюстрированное издание, посвященное фантастическому кино. Журнал заключил договор с компанией SentForever, которая специализируется на передаче текстов в космическое пространство в радиодиапазоне. Передача осуществляется из Корнуолла со знаменитой станции спутниковой связи Гунхилли. Теперь каждый месяц свежий номер SFX будет уноситься в космос со скоростью 300 000 километров в секунду, и через несколько лет обитатели планетных систем соседних с нами звезд смогут узнать новости земного кинематографа.

Предположения

о кандидатуре режиссера экранизации «Хоббита» закончились без сенсаций — постановщиком назначен Дель Торо. Сенсационной оказалась другая информация: Дель Торо проведет в Новой Зеландии четыре года и снимет не только это произведение, но и безымянный пока сиквел, в котором будет рассказано о событиях, произошедших в Средиземье за те 60 лет, что разделяют «Хоббита» и «Властелина Колец».

В Харькове

появился первый номер альманаха «Очевидное и невероятное» (приложение к журналу «Наука и техника»). Издание будет выходить раз в два месяца, а по формату напоминать «Знание — сила», но с большим уклоном в фантастику, включая и тематику статей. Тираж первого номера — 3000 экземпляров. Журнал русскоязычный и российско-украинский, ибо зарегистрирован одновременно в Харькове и в соседнем Белгороде. Возглавил издание журналист и фантаст Григорий Панченко.

Первый в истории

бунт военных роботов против своих хозяев наконец произошел. Это событие стало реальностью в Ираке, где американские войска получили новейшие боевые роботы TALON SWORDS (интеллектуальная машина на гусеницах, управляемая дистанционно и вооруженная пулеметом). Было поставлено несколько сотен робо-пулеметов, ожидалось увеличение поставок до нескольких тысяч... Но теперь командование вынуждено отозвать всю партию «в связи с имевшими место случаями неподчинения приказам человека и сбоями в программе». После того как один из роботов безо всякой команды повернул башню и направил ору-

жие на «своих», американские солдаты, возвращенные на голливудском фантастическом кино, вполне ожидаемо отказались иметь дело с суперновинкой.

«Гравицапа»

— так называется водка для украинских любителей фантастики. Компания же, выпускающая ее, получила название ООО «Кин-дза-дза». Бутылка внешне напоминает ракету, подарочная упаковка имеет форму гравицапы из фильма Георгия Данелия. Все это затеял украинский бизнесмен, меценат и большой любитель фантастики Евгений Куча, который в настоящий момент финансирует экранизацию романа Сергея Лукьяненко «Рыцари сорока островов».

В советские времена

ходили слухи, что сценарий фильма «Жертвоприношение», снятого опальным Андреем Тарковским в Швеции, написан Аркадием Стругацким, а в титрах имя писателя не упоминается по вполне понятным причинам. Недавно сценарий нашелся! Это только первый вариант, от фильма он отличается существенно, но связь видна. Сценарий обнаружил писатель Ант Скаландис, когда собирал материалы для своей книги о Стругацких. Под названием «Ведьма» работа опубликована в апрельском номере журнала «Искусство кино».

Премия имени Джеймса Титри-мл.,

вручаемая литературным произведениям, наиболее полно раскрывающим и расширяющим гендерные взаимоотношения, досталась в этом году роману Сары Холл «Армия Карулана», повествующему о жестоком постапокалиптическом будущем, в котором доминируют мужчины, а женщины организуют вооруженное сопротивление тиранам.

In memoriam

На 97-м году жизни в США от воспаления легких умер физик-теоретик Джон Уилер. В мировой физике он известен как один из «отцов» атомной бомбы, однако не все поклонники фантастики и писатели-фантасты, весьма часто использующие еще одно «детище» Уилера, знают, кому они обязаны этим. Ведь именно Уилер в 1957 году на одной из научных конференций впервые предложил термин «черная дыра» для описания космического объекта, возникающего в результате релятивистского гравитационного коллапса массивных тел.

Агентство F-пресс

БРИН Дэвид (BRIN, David)

Один из ведущих американских фантастов последних двух десятилетий Глен Дэвид Брин родился в 1950 году в Глендейле (штат Калифорния) и закончил Калифорнийский технологический институт с дипломом астронома, а затем защитил диссертацию по астрофизике в Университете штата Калифорния в Сан-Диего.

Дебют Брина в научной фантастике — роман «Нырнувший в Солнце» (1980) — стал началом многоплановой и сюжетно богатой трилогии «Восхождение», два романа которой, «Поднимается звездный прилив» (1983) и «Война цивилизаторов» (1987), принесли автору две премии «Хьюго» и «Небьюлу». Впоследствии Брин выпустил еще одну трилогию об эволюционном «восхождении» звездных цивилизаций, стимулированном мудрыми космическими «прогрессорами», состоящую из романов «Блистающий риф» (1995), «Берег бесконечности» (1996), «Достижение небес» (1998). Кроме того, он опубликовал десяток внесерийных романов и около полусотни рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Река времени» (1986) и «Иное» (1994). Среди других литературных трофеев Брина — еще одна премия «Хьюго» за рассказ «Хрустальные сферы» (1985) и Мемориальная премия имени Джона Кэмпбелла за роман «Почтальон» (1985).

ГЛАСС Джеймс (GLASS, James C.)

Американский писатель-фантаст, в прошлом ученый-физик Джеймс Гласс начал читать и писать научную фантастику еще в раннем детстве, в школе выпускал фэнзин, а затем на долгие годы забыл о своем увлечении, занявшись наукой. Он работал над различными системами двигателей в известной фирме Rocketdyne, затем на протяжении трех с половиной десятилетий преподавал физику, заведовал кафедрой и был деканом в Университете штата Северная Дакота и Восточном университете (штат Вашингтон). Результат деятельности профессора Гласса — более 70 научных работ, в том числе в областях молекулярной биофизики и сверхпроводимости.

В 1990 году ученый-физик опубликовал первый рассказ «Реактивный танцовщик» и стал лауреатом ежегодного конкурса молодых фантастов «Писатели будущего». А спустя девять лет, выйдя на пенсию, выпустил первый роман «Шанжи» (1999). К настоящему времени Гласс опубликовал роман-продолжение «Императрица света» (2001) и 11 рассказов и повестей.

ГУЛАРТ Рон (GOULART, Ron)

(Биобиблиографическую справку об авторе см. в № 4 за этот год)

В обстоятельном справочно-библиографическом сборнике «Писатели-фантасты XX века» (1986) критик Рэндольф Кокс охарактеризовал творчество

Рона Гуларта так: «Это прирожденный юморист и мудрый рассказчик, в его подчас необузданных комических фантазиях непременно просвечивает знакомая нам реальность... Его взбесившаяся техника есть не что иное, как развитие наших собственных страхов и фобий перед сломавшимся пылесосом или неисправными автомобильными тормозами».

ЛЭНДИС Джеффри (LANDIS, Geoffrey A.)

Американский ученый-астрофизик и писатель-фантаст Джеффри Лэндис родился в Детройте в 1955 году и закончил знаменитый Массачусетский технологический институт (MIT) с дипломом физика, а позже защитил диссертацию в Университете Брауна. Лэндис продолжает работать по специальности и по сей день — в частности, он занимается Марсом и использованием солнечной энергии, а также перспективными разработками межзвездных двигателей. Является автором семи патентов и более 300 научных работ.

В научной фантастике Лэндис дебютировал в 1985 году повестью «Элементали», номинированной на премию «Небьюла». В том же году выпускник знаменитого семинара Clarion был номинирован на Премию имени Джона Кэмпбелла, присуждаемую самому перспективному молодому фантасту. После этого вышло более 80 рассказов Лэндиса, а в 2000 году — первый роман «Пересекая Марс». Два рассказа, «Прогулка на Солнце» (1991) и «Падая на Марс» (2002), принесли автору высшие премии «Хьюго», а третий, «Зыбь на Море Дирака» (1988) — «Небьюлу». На обе премии номинировались и другие произведения писателя. Список литературных трофеев Лэндиса в 2000 году пополнила также премия Райслинга за лучшее произведение в жанре научно-фантастической поэзии. Избранные рассказы составили сборник «Параметры взаимодействия и другие квантовые реалии» (2001).

Лэндис известен также большим количеством научно-популярных статей на тему пересечения современных естественных наук и научной фантастики, он вел специальную научную колонку в журнале «Science Fiction Age».

МАКИНТОШ Уилл (McINTOSH, Will)

Молодой американский писатель и преподаватель психологии в Южном университете штата Джорджия в Саванне Уилл Макинтош посещал семинар молодых фантастов Clarion в 2003 году и дебютировал в жанре в 2005-м рассказами «Тотемы» и «Мягкий Апокалипсис» (последний был номинирован на Британскую премию по научной фантастике). С тех пор опубликовал еще пять рассказов. Помимо преподавания в университете и литературного творчества Макинтош, по его собственным словам, увлекается «фильмами об Индиане Джонсе, коллекционированием комиксов, замороженной пищей и кофейнями в центре Саванны».

СИНЯКИН Сергей Николаевич

Волгоградский фантаст Сергей Синякин родился в 1953 году в семье военнослужащего в поселке Пролетарий Новгородской области.

В 1965-м семья переехала в Волгоград. Вернувшись из армии, Сергей поступил на работу в органы внутренних дел, где прослужил до 1999 года, пройдя путь от рядового милиционера до подполковника, начальника отдела по расследованию убийств.

Первая повесть автора «Шагни навстречу» была опубликована в 1988-м в городской газете. Двамя годами позже увидела свет дебютная книга — сборник «Трансгалактический экспресс». Еще через год вышел новый сборник «Лебеди Кассиды», но после этого Сергей Синякин на десятилетие исчез из жанра.

Возвращение в фантастику стало весьма заметным — первая же повесть «Монах на краю Земли» («Если», 2000) получила сразу три престижные награды: «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку» и АБС-Премия.

Перу Сергея Синякина принадлежат книги: «Владычица морей» (2000), «Вокруг света с киллерами за спиной» (2001), «Злая ласка звездной руки» (2001), «Люди Солнечной системы» (2002), «Операция прикрытия» (2003), «Пространство для человечества» (2004), «Заплыв через реку Янцзы» (2004) и другие.

ФОРД Джеффри (FORD, Jeffrey)

Американский писатель Джеффри Форд родился в 1955 году в Вест-Иллипе (штат Нью-Йорк) и окончил Университет штата Нью-Йорк в Бингхэмптоне с дипломом писателя (буквально — «писательское мастерство»). Первый свой рассказ «Гроб» Форд опубликовал в 1981 году, а в жанре впервые выступил в 1988-м, выпустив роман «Vanitas». С тех пор пробовал себя во многих направлениях литературы, включая фэнтези, научную фантастику, хоррор и детектив.

Если говорить о фантастике (в широком смысле), то на сегодняшний день Форд является автором одной трилогии, которую составляют романы «Физиогномика» (1997), «Меморандумы» (1999) и «За пределами» (2001), четырех романов и полсотни рассказов и повестей. Писатель четыре раза завоевывал Всемирную премию фэнтези — за роман «Физиогномика», сборник «Ассистент для автора фэнтези» (2000), рассказ «Творение» (2002) и короткую повесть «Город в заплатках» (2007). Кроме того, короткая повесть Форда «Империя мороженого» (2004) принесла ему премию «Небьюла», а рассказ «Город экзоскелетов» (2001) — французскую премию Grand Prix de l'Imaginaire.

В настоящее время Джеффри Форд проживает в Брукдейле (штат Нью-Джерси), преподает литературу и ведет курсы писательского мастерства в местном колледже.

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по самой выгодной цене — 65 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.**

Цена действительна только на номера 2008 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 390 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 390 руб. _____ 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Новая форма издательской подписки: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 127015, г. Москва, Большая Новодмитровская ул., д. 36/4.
000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел./факс: (495) 642-97-55

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

**Генри Лайона ОЛДИ
и Андрея ВАЛЕНТИНОВА
«ОШЕЙНИК ДЛЯ МСТИТЕЛЯ»
Грега ИГАНА
«ТЕМНЫЕ ЦЕЛЫЕ»**

РАССКАЗЫ

**Андрея СТОЛЯРОВА,
Гвинплейна МАКИНТАЙРА,
Теда КОСМАТКИ,
Эрика Джеймса СТОУНА**

ОЧЕРК

**жизни и творчества
Кордвайнера Смита**

СТАТЬЯ

**Спецназ, попавший в прошлое,
в объективе кинематографа**

ЧИТАЙТЕ ИЮЛЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

Текущую подписку на «Если»
вы можете оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».
Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
57 рублей. Индекс — 73118.

Существо выглядело непривычно. Представьте себе серую массу небольших шариков, которая волею странного случая или неведомого создателя вдруг сформировалась в некое подобие человеческой фигуры, слепленной карикатурным и вместе с тем смеха никак не вызывающим образом. Ростом существо было повыше любого из бойцов. Вместо головы у него имелось нечто вроде пивного бочонка, на котором красно и выразительно горели жадные до смерти глаза.

— Это что еще за явление Христа народу? — с нарочитой наглостью поинтересовался красный командир, предусмотрительно перебираясь поближе к английскому пулемету «гочкис», под прикрытием которого он чувствовал себя не в пример увереннее. Встал и для наглядности покачал на широкой ладони ребристую бомбу.

ISSN 1080-645X
9 771680 645003

08006

>